

ISSN: 2312-3184

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
Восточно-Сибирский институт

Вестник

Восточно-Сибирского института МВД России

№1 (92)

2020

ВЕСТНИК ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

№ 1 (92) 2020

Учредитель: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования

«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-64854 от 10.02.2016.

Издание входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук,
рекомендованных ВАК Минобрнауки Российской Федерации
Подписной индекс по объединённому каталогу «Пресса России» 38836
Издаётся с июня 1997 г.
Выходит четыре раза в год

Адрес редакции, издателя: ул. Лермонтова, 110, Иркутск, 664074

Адрес типографии: ул. Гончарова, 30, Иркутск, 664017

тел.(3952) 410-989, 410-215, факс (3952) 411-953

Телетайп: 231-333 «Дельта»

e-mail ИМТС: esiirk@mvd.ru

e-mail Интернет: esiirk-vestnik@mvd.gov.ru

© Восточно-Сибирский институт МВД России, 2020

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала:

П. А. Капустюк, канд. экон. наук, начальник Восточно-Сибирского института МВД России

Заместитель главного редактора журнала:

О. П. Грибунов, д-р юрид. наук, профессор, заместитель начальника Восточно-Сибирского института МВД России (по научной работе)

Члены редакционной коллегии:

О. А. Авдеева, д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России

А. В. Варданян, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, профессор, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России

Б. Я. Гаврилов, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России

А. Ю. Головин, д-р юрид. наук, уполномоченный по защите прав предпринимателей в Тульской области

А. Г. Елагин, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений Академии управления МВД России

В. С. Ишигеев, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета

Д. А. Липинский, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права института права Тольяттинского государственного университета

И. В. Минникес, д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права РПА Минюста России

И. А. Минникес, д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права РПА Минюста России

В. В. Николюк, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, профессор, главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия

С. Л. Нудель, д-р юрид. наук, доцент, главный научный сотрудник отдела уголовного, уголовно-процессуального законодательства; судопроизводства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

С. В. Пархоменко, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

А. Л. Репецкая, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России

Е. В. Рогова, д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

И. В. Смолькова, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России

Д. А. Степаненко, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России

З. С. Токубаев, д-р юрид. наук, профессор, проректор по научной работе и инновациям Центрально-Казахстанской академии

Н. Н. Цуканов, д-р юрид. наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе)

В. В. Чуксина, д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности Байкальского государственного университета

А. В. Шахматов, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России

В. А. Юсупов, д-р юрид. наук, профессор, ректор Волгоградского института экономики, социологии и права

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии. Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается. Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 27 марта 2020 г. Дата выхода в свет 28 марта 2020 г.

Цена свободная

Формат 60 × 84/8.

Тираж 1000 экз.

Первый завод 60 экз.

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел

VESTNIK OF EAST SIBERIAN INSTITUTE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

No. 1 (92) 2020

The founder of the journal is Federal State Budgetary Educational Institute of Higher Education "East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation".
SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Registration: The Federal service for supervision in the sphere
of mass communications

PI No. FS 77-64854 dated 10 February, 2016

The publication is included in the list of peer-reviewed scientific publications, in which the main results of the thesis for the degree of candidate of sciences should be published, for the degree of doctor of science recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

Since June 1997

The journal is issued four times a year

664074, Irkutsk, Lermontov St. 110
Tel. (3952) 410-989, 410-215,
факс: (3952) 411-953,
Teletype: 231-333 «Дельта»
e-mail ИМТС: esiirk@mvd.ru
e-mail Интернет: esiirk-vestnik@mvd.gov.ru

© East Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2020

Editors

Chief Editor

P. A. Kapustuk, Candidate of Economics, Chief of East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia for Science

Deputy Chief Editor

O. P. Gribunov, Doctor of Law, Professor, Deputy Chief of East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia for Science

Editorial team

O. A. Avdeeva, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

A. V. Vardanyan, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Criminalistics Department of the Rostov Law Institute of the MIA of the Russian Federation

B. Y. Gavrilov, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Department of the Management of Crime Investigation Units, Academy of Management of the MIA of the Russian Federation

A. Yu. Golovin, Doctor of Law, the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Tula Region

A. G. Elagin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Management of the Activities of the Units of Ensuring the Public Order of the Center for Command and Staff Exercises of the Academy of Management of the MIA of the Russian Federation

V. S. Ishigeev, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Baikal State University

D. A. Lipinsky, Doctor of Law, Professor, Professor of the Constitutional and Administrative Law Department of the Law Institute of the Togliatti State University

I. V. Minikes, Doctor of Law, Associate Professor, head of the Department of theory and history of state and law RPA Ministry of justice of Russia

I. A. Minikes, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of theory and history of state and law RPA Ministry of justice of Russia

V. V. Nikolyuk, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Criminal Justice Department of the Russian State University of Justice

Authors are responsible for publications contents and facts reliability.

Citation of reference sources is obligatory in case of reprint or reproduction by any means. Copyright violation is prosecuted.

The republication is allowed after the Editorial board permission only.

Publication is for free. Manuscripts are not returned.

S. L. Nudel, Dr. Ju. Sci., Associate Professor, Chief Researcher of the Department of Criminal, Criminal Procedure Law; Judicial Proceedings of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

S. V. Parkhomenko, Doctor of Law, Professor, Professor of the Criminal Law Disciplines Department of the Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

A. L. Repetskaya, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

E. V. Rogova, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Criminal Law Disciplines Department of the Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

I. V. Smolkova, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Criminal Proceedings Department of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

D. A. Stepanenko, Doctor of Law, Professor, Professor of the Criminalistics Department of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

Z. S. Tokubaev, Doctor of Law, Professor, Vice Rector for Research and Innovation of The Central Kazakhstan Academy

N. N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head for scientific affairs of the Law Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

V. V. Chuksina, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of National Security Legal Support of the Baikal State University

A. V. Shakhmatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Operative-Investigative Activity of Internal Affairs of the St. Petersburg University of the MIA of the Russian Federation

V. A. Yusupov, Doctor of Law, Professor, Rector of the Volgograd Institute of Economics, Sociology and Law

Passed for printing on March 27 2020. Publication date March 28 2020.

Price: free

Format 60 × 84/8

Issue 1000 copies

First issue 60 copies.

Research and Editorial-Publishing Department

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Саламов Н. М. К вопросу о смертной казни в Закавказье после присоединения к Российской империи: историко-правовой анализ.....	9
Степанова Е. Е. Формально-юридический анализ трактата «О торговле и мореплавании», заключенного между Российским государством и Соединенными Штатами Америки 6 (18) декабря 1832 года.....	20
Сысоев А. А. Преступные объединения как вид соучастия в противоправной деятельности на территории Восточной Сибири в начале XX столетия	29

Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

Шаламова А. Н. Правовое регулирование социальной сферы как путь утверждения социальной государственности (на примере Республики Казахстан).....	39
--	----

Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Андрюшенков В. А. Современная российская политика в сфере противодействия незаконной миграции.....	48
Дицевич Я. Б. Анализ правовых аспектов противодействия экологическим преступлениям и иным нарушениям природоохранного законодательства в период действия Уголовного кодекса Российской Федерации.....	59
Калашникова Е. С. Совершенствование уголовной ответственности за контрабанду предметов по статье 226.1 УК РФ	70
Козаев Н. Ш., Бархатова Е. Н. Основные нарушения, допускаемые в ходе процедуры банкротства, и их отличие от уголовно наказуемых деяний	79
Малыхина Т. А. Об особенностях предупреждения экстремизма в современной молодежной среде	89
Можина О. Ю. Особенности личности мелкого взяточника в социальной сфере	100
Салыкова А. К. Основания назначения более мягкого наказания при досудебном соглашении о сотрудничестве (соглашении о сотрудничестве) в уголовных законодательствах Российской Федерации и Республики Казахстан	109
Федотова Е. Н. Совокупность наказаний, установленных статьей 88 Уголовного кодекса Российской Федерации, как система наказаний.....	122

Уголовный процесс

Кузнецов А. Н. О соотношении процессуальных полномочий начальника органа дознания и начальника подразделения дознания на стадии расследования уголовного дела в форме дознания	131
---	-----

Попова И. П. Процессуальное значение обвинительного заключения	137
Супрун С. В. Прекращение уголовного дела в досудебном производстве России и Монголии, правовые проблемы прекращения уголовного преследования обвиняемого в Монголии	150

**Криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность**

Айвазова О. В. Криминалистические аспекты защиты прав и законных интересов юридических лиц в уголовном судопроизводстве	163
Варданян А. В., Варданян Г. А. Криминалистически значимые особенности незаконного производства лекарственных средств и медицинских изделий	173
Корнаухова Н. Г., Катков С. В. Получение компьютерной информации: проблемы теории и практики	182
Тимофеев С. В. Особенности предупреждения сбыта наркотиков, осуществляемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	192
Шаматульский И. А. О едином подходе к целям и задачам уголовного права и оперативно-розыскной деятельности.....	200
Яцкина И. А. Роль судебных экспертиз в доказывании экстремистских побуждений при расследовании преступлений в сфере пропаганды экстремизма	210

Административное право; административный процесс

Кохан Р. Ю. О содержании понятия медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения	220
Новичкова Е. Е. Об эффективности административно-правовых мер в области незаконного оборота наркотических средств	232

**Судебная деятельность; прокурорская деятельность;
правозащитная и правоохранительная деятельность**

Сазин С. Т. Вопросы совершенствования деятельности подразделений ГИМС МСЧ России при аттестации судоводителей как профилактика защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина.....	241
Зайцева О. А. Изучение материалов уголовного дела как основа подготовки прокурора к поддержанию государственного обвинения.....	250
Информация для авторов	258

CONTENTS

Theory and history of law and state; history of law and state doctrines

Salamov N. M. To the issue of the death penalty in the Transcaucasus after joining the Russian Empire: a historical and legal analysis.....	9
Stepanova E. E. Formal-legal analysis of the treaty on commerce and navigation, concluded between Russia and the United States of America 6 (18) december 1832.....	20
Sysoev A. A. Criminal associations as a type of complicity in illegal activities in Eastern Siberia at the beginning of the XX century	29

Constitutional law; constitutional judicial process; municipal law

Shalamova A. N. Legal regulation of the social sphere as a way of establishing social statehood (on the example of the Republic of Kazakhstan)	39
---	----

Criminal law and criminology; criminal executive law

Andryushenkov V. A. Modern Russian policy in the field of countering illegal migration	48
Ditsevich Ya. B. Analysis of legal aspects to counter environmental crimes and other violations of environmental legislation during the Criminal Code of the Russian Federation.....	59
Kalashnikova E. S. Improvement of criminal responsibility for the contrabandation of subjects under art. 226.1 of the criminal code	70
Kozayev N. Sh., Barkhatova E. N. Major violations admitted in the course of the bankruptcy procedure, and their difference From criminally punished acts	79
Malykhina T. A. On the peculiarities of prevention of extremism in the modern youth environment	89
Mozhina O. Yu. Personality features of the petty bribe-taker in the social sphere	100
Salykova A. K. Bases of purpose more mild punishment at pre-judicial cooperation agreement (cooperation agreement) in criminal legislations of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan	109
Fedotova E. N. Set of punishments established by article 88 of the Criminal Code of the Russian Federation as system of punishments.....	122

Criminal proceeding

Kuznetsov A.N. About the relationship between the procedural authorities of the chief of the inquiry body and the chief of the department of the inquiry at the stage of the criminal investigation in the form of inquest.....	131
Popova I.P. Procedural significance of the indictment	137

Suprun S. V. Termination of criminal proceedings in pre-trial proceedings in Russia and Mongolia, legal challenges to ending criminal Prosecution of the accused in Mongolia	150
---	-----

Criminalistics; forensic expertise; operatively-search activity

Ayvazova O. V. Forensic aspects of protecting the rights and legitimate interests of legal entities in criminal proceedings	163
Vardanyan A. V., Vardanyan G. A. Criminally significant features of illegal production of medicines and medical devices	173
Kornaukhova N. G., Katkov S. V. Obtaining computer information: problems of theory and practice	182
Timofeev S. V. Features of preventing the sale of drugs using information and telecommunication technologies	192
Shamatulski I. A. On a unified approach to the purposes and tasks of criminal law and operational-search activity	200
Yatskina I. A. Role of forensic examinations in proving extremist motives in the investigation of crimes in the field of extremist propaganda	210

Administrative law; administrative process

Kokhan R. Yu. On the concept of the enforcement medical examination of drug intoxication	220
Novichkova E. E. On the efficiency of administrative legal measures in the field of illegal trafficking of drugs	232

**Judicial activity; prosecutorial activities;
human rights and law enforcement**

Sazin S. T. The issues of improving the activities of department GIMS Emercom of Russia for certification of skippers of prevention for the protection of constitutional rights and freedoms of citizen and man	241
Zayceva O. A. The study of the materials of the criminal case as the basis for the preparation of the prosecutor to support the public prosecution	250
Information for autors	258

УДК 34.096

DOI 10.24411/2312-3184-2020-10001

Саламов Нати́г Мухта́р оглы
юрист Государственного комитета
по вопросам имущества Республики
Азербайджан
Email: natiksalamov@mail.ru

Salamov Natig Mukhtar oglu
the lawyer of the State Committee
of Property of the Azerbaijan
Republic
Email: natiksalamov@mail.ru

К ВОПРОСУ О СМЕРТНОЙ КАЗНИ В ЗАКАВКАЗЬЕ ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Введение: в статье исследуется институт смертной казни в Закавказье после присоединения к Российскому государству. Проводится краткий исторический экскурс, эксплицируются и анализируются официальные документы, касающиеся смертной казни. Особое внимание уделяется правовым актам, регулирующим правоотношения, связанные с установлением исключительной меры наказания, а также документам, раскрывающим идеологические основы применения этой меры государственного принуждения. Приводятся историко-правовые факты о применении в исследуемом регионе общих начал назначения наказания, существующих в Российской империи, а также о сужении сферы применения смертной казни.

Материалы и методы: нормативную базу исследования составили правовые акты Российской империи. Документальную базу расширили повеления; рапорты, доклады, отношения, предписания и предложения имперских должностных лиц. Теоретической основой послужили труды ученых-правоведов. Методологической основой исследования является общий диалектический метод научного познания, методы эмпирического и теоретического характера (описания, формализации, сравнения, анализа, обобщения, дедукции и индукции, гипотезы), а также специально-юридические методы (формально-юридический, сравнительно-правовой).

Результаты исследования: позволили предложить авторскую позицию о распространении в Закавказье общероссийского уголовного законодательства, его правовых основаниях и положительных последствиях, а также о видах деяний, за которые устанавливалась смертная казнь, как высшая мера государственного принуждения.

Выводы и заключения: на основании анализа содержания исторических юридических актов можно сделать вывод о распространении имперского уголовного законодательства на окраину после присоединения к России, в том числе и общих началах назначения наказания. Сфера применения смертной казни была сужена, и как исключительная мера наказания она могла быть установлена только за преступления против жизни, общественной безопасности, безопасности государства, а также мира и безопасности человечества.

Ключевые слова: Российская империя, Закавказье, ханства северного Азербайджана, уголовное деяние, правовое регулирование, наказание, смертная казнь.

TO THE ISSUE OF THE DEATH PENALTY IN THE TRANSCAUCASUS AFTER JOINING THE RUSSIAN EMPIRE: A HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

Introduction: The author's intention is aimed at researching the institute of the estimated penalty in Transcaucasia after joining the Russian State. A brief historical excursion is held, official documents concerning the death penalty are explicated and analyzed. Special attention is paid to legal acts regulating legal relations related to the establishment of an exceptional measure of punishment, as well as to documents revealing the ideological basis for the application of this measure of state coercion. Historical and legal facts are given on the application in the study region of the general principles of sentencing that exist in the Russian Empire, as well as on the narrowing of the scope of the death penalty.

Materials and methods: The regulatory framework of the study was constituted by the regulatory legal acts of the Russian Empire. The documentary base of the study was expanded by command; reports, reports, relations, orders and proposals of imperial officials. The theoretical basis was the work of legal scholars. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, methods of empirical and theoretical nature (description, formalization, comparison, analysis, generalization, deduction and induction, hypothesis), as well as special legal methods (formal-legal, comparative-legal).

Results of studies: On the basis of official acts, the author's position was proposed on the dissemination of the all-Russian criminal legislation in Transcaucasia, its legal grounds and positive consequences, as well as the types of acts for which the death penalty was established as the highest measure of state coercion.

Summary and Conclusion: Based on the analysis of the content of historical legal acts, it can be concluded that the imperial criminal law spread to this outskirts after joining Russia, including the general beginning of sentencing. The scope of the death penalty was narrowed, and as an exceptional measure of punishment, it could be established only for crimes against life, public safety, security of the state, as well as peace and security of mankind.

Keywords: Russian Empire, Transcaucasia, Khanate of Northern Azerbaijan, criminal act, legal regulation, punishment, the death penalty.

Более 200 лет тому назад к Российской империи было присоединено Закавказье (Грузия и ханства северного Азербайджана). Взаимосвязь Закавказья с Российской империей неоднократно становилась предметом исследований историков и правоведов. Представляется, что рассуждая о государственной монаде Закавказья с Российским государством, стоит поговорить и об уголовно-правовом пространстве.

Одним из важных явлений уголовно-правовой сферы является институт смертной казни. Смертная казнь всегда являлась дианоей для всего человечества. Феномен смертной казни имеет множество аспектов правового, политического, социального и морального характера. Мы обратимся к состоянию смертной казни в Закавказье в начале XIX в., после присоединения этой окраины к Российскому государству. Научное исследование проблемы позволит увидеть те положительные культурно-правовые пласты, которые были заложены в начале XIX в.

К началу XIX в. в Закавказье и в ханствах северного Азербайджана существовало несколько видов мер государственного принуждения, в том числе исключительная мера наказания – смертная казнь. В частности, за вытравление беременной женщиной своего ребенка или убийство при самом рождении законы грузинского царя Вахтанга VI предусматривали применение смертной казни [1, с. 285–287]. Среди ханств северного Азербайджана только в Шекинском ханстве действовал свод законов под названием «Дастур-уль-эмель», изданный Мамед-Хасан ханом [2]. Однако текст этого документа был утерян. Отсутствие писанного права в ханствах не дает нам возможности точно определить общие начала назначения наказания и виды наказаний за уголовные деяния.

В. Н. Левиатов сообщает, что султаны и мелики (управляющие административными делениями в ханствах северного Азербайджана. – *Н.С.*) имели почти полную судебную и административную власть над населением принадлежавших им магалов. Лишь о главнейших преступлениях, вероятно, политического характера, султаны и мелики докладывали хану и принимали по согласованию с ним решение о наказании, которое в подобных случаях большей частью состояло в смертной казни [3, с. 32].

Политические события, связанные с присоединением, обуславливали изменения и в уголовно-правовой сфере, в том числе уменьшение составов преступления, за которые могла быть назначена смертная казнь.

К исследуемому периоду российское законодательство целиком, в том числе уголовное, на Закавказье еще не было распространено. На то требовалась высочайшая воля. Российское законодательство распространялось локальными решениями и по отдельным отраслям права. Например, в Тифлисе имелась таможня с подчиненными ей заставами, которая функционировала на основе российских законоположений [4].

Высочайшими решениями российского императора смертная казнь в Закавказье была сохранена [5]. Манифестом от 1801 г. в Грузии было учреждено Верховное грузинское правительство в составе четырех экспедиций. Уголовная экспедиция дела, «кои подвергают князя или дворянина лишению жизни и чести», обязана была представить главнокомандующему Грузией, а последний, приложив свое мнение, должен был внести на рассмотрение российского императора [6]. Долгом главнокомандующего было облегчить участь преступников «благостью законов Российских и истребить пытки и смертную казнь». Вышеуказанный манифест гласил: «Уголовные дела производить по общим законам Российского государства ...» [6].

О состоянии практики применения общеимперского уголовного законодательства в Грузии мы можем узнать из доклада исполняющего обязанности начальника экспедиции суда и расправы Верховного грузинского правительства от 1809 г. [7].

Применение общеимперских законов мы находим и в рассуждениях А. П. Торماسова: «...Законы, коими Грузия прежде управлялась и кои утвердить сему народу обещано. Теперь законы там смешиваются, недостаток грузинских пополняется законами русскими, законы царя Вахтанга весьма недостаточны...» [8].

Смертная казнь в данный период часто применялась в порядке внесудебной расправы. Предписание А.П. Тормасова Ф.И. Ахвердову от 1810 г. гласило: «Осетина, взятого в плен, разрешаю повесить без суда, с его 6 товарищами также поступить, произведя казнь в разных пограничных к Осетии местах. Это будет убедительным примером для бунтовщиков» [9].

Касательно мусульманских провинций Закавказья князь П.Д. Цицианов в донесении от 29 октября 1805 г. предлагал создать на азербайджанском языке выписку из уголовных законов Российской империи и высочайшим решением и сопроводительным письмом Министерства внутренних дел разослать закавказским ханам, находящимся в российском подданстве [10]. Но предложение это не было воплощено в жизнь.

Высочайшим указом, данным наместнику А.П. Тормасову от 21 января 1811 г., было велено, чтобы грузин, имеретин и татар (азербайджанцев Закавказья. – *Н.С.*) и горских народов, обличенных в явной измене государству, в побеге за границу и вредных сношениях с неприятелями России, судить по военным артикулам, а не по формам гражданского уголовного суда [11].

С 1811 по 1822 г. в административных центрах мусульманских провинций (Баку, Кубе, Шеки, Шемахе, Шуше) были учреждены городские суды [12–16]. Начало было заложено принятием в 1812 г. «Постановления о городском суде для крепости Баку с округою» [12]. Кроме городского постановление предусматривало учреждение и военного суда. Преступления были разделены на важные и маловажные.

Бакинский городской суд в пределах своей компетенции рассматривал гражданские, торговые маловажные уголовные дела.

«Важные» преступления (измена, нарушение верноподданнической присяги, убийство, разбой, казнокрадство, вывоз за границу российских денег и фальшивомонетничество) рассматривались военным судом. Суд разрешал указанные дела на основании «Устава воинского о должности генерал-фельдмаршалов и всего генералитета и прочих чинов, которые при войске надлежать быть, и оных воинских делах и повелениях, что каждому чинить должно» [17] и других российских узаконениях.

Итак, смертная казнь продолжала существовать. «Система комендантского управления, просуществовавшая во всех бывших ханствах до 1841 г., почти ничем не отличалась от системы ханского управления. Комендант пользовался всеми теми правами, которыми в свое время располагал и хан, кроме права выносить смертные приговоры», – отмечает И.П. Петрушевский [18, с. 12, 13].

Указом Сената от 29 февраля 1820 г. главнокомандующему Грузией было предписано, чтобы производство по уголовным делам гражданских лиц в Грузии, Мингрелии и Имеретии велось по правилам Высочайше подтвержденного 30 апреля 1819 г. мнения Государственного совета. А.П. Ермолов доносил, что вышеуказанный порядок давно уже введен в Грузии, а в Имеретии, где нет экспедиции или палаты

уголовного суда, дела сего рода предоставлено разбирать военному суду [11]. Главнокомандующий был вынужден до определенного времени сохранить в Имеретии, Мингрелии, Гурии и Абхазии прежний порядок в производстве уголовных дел. Сенат с А.П. Ермоловым согласился, о чем и последовал указ от 28 мая 1823 г. [11].

Таким образом, данные решения по существу означали санкционирование распространения общеимперских уголовных законов на Закавказье. Эти же решения изменили количество деяний, за которые предполагалась смертная казнь.

В своем послании грузинскому народу А.П. Тормасов писал: «Г.И. высочайше повелеть соизволил всех нарушителей присяги на верность Е.В.И. в Грузии, особенно поднявших оружие против войск Е.И.В., отныне предавать смертной казни, не исключая никакого лица и состояния... Отвратит каждого иметь даже и в помышлении что-либо вредное против присяги на верность Высочайшему Всероссийскому престолу или даже входить в малейшие сношения с неприятелями России...» [19].

В 1811 г. за измену и применение оружия против российских войск были прощены жители Имеретии. Прокламация ген.-м. Ф.Ф. Симоновича обитателям Имеретии гласила: «...Отныне высочайше дарует (российской император. – *Н.С.*) всем условиям Имеретинским прощение за учиненные преступления против Государя, предоставление прежних прав и преимуществ, сопряженных с обладанием имуществом, землями и крестьянами... если пребудете навсегда верны Е.И.В., сохраните свято ваши обязанности и присягу... также соблюдайте ненарушимо среди вас спокойствие, как мирные граждане, и отклонитесь не только деянием, но словами и помышлением от всякого и малейшего согласия или сношения с беглым царем Соломоном, а также с бежавшими с ним его сообщниками и прочими неприятелями Российской империи» [20]. Правда, далее предупредили: «...Буде они (сбежавшие за границу. – *Н.С.*) к определенному времени не явятся, то они уже после сего признаны будут за государственных изменников и имущества их будут изъяты в казну... Если кто-либо из родственников сих беглецов будет иметь намерение свестись с ними о вредных предприятиях, таковой неминуемо будет предан достойной казни» [20].

Генерал А.А. Вельяминов в 1821 г. потребовал от талышского хана подвластных, какого бы звания и состояния они не были, изобличенных во вредных для правительства тайных сношениях с Персией, в укрывательстве персидских шпионов и содействии им, также в ложных каких-либо разглашениях, распространяемых единственно для нарушения спокойствия жителей ханства или возмущения оных, лиц совершивших проступки против интересов России, выдать по требованию начальства для осуждения по российским законам; кроме этого, А.А. Вельяминов запрещал хану «отнюдь и ни под каким видом не позволять себе производить смертную казнь или увечье, какого бы роду оно ни было» [21].

Продемонстрированные выше рассуждения указывают на то, что сфера применения смертной казни была сужена, как исключительная мера наказания она могла быть установлена только за:

- а) убийство;

б) организацию массовых беспорядков, сопровождавшихся насилием и применением оружия, а равно подготовку для организации таких массовых беспорядков или участия в них;

в) государственную измену, т. е. совершенные подданным империи шпионаж, либо оказание финансовой, консультационной или иной помощи иностранному государству в деятельности, направленной против безопасности Российской империи; за действия, направленные на насильственный захват власти; организацию вооруженного мятежа либо активное участие в нем в целях свержения или насильственного изменения государственного строя либо нарушения территориальной целостности Российского государства; действия направленные на возбуждение ненависти либо вражды;

г) планирование, подготовку или развязывание войны и ее ведение; публичные призывы к развязыванию войны.

Однако были и исключения. В Имеретии на основании 21 главы 191 артикула Воинского устава за воровство дворянин был приговорен к вешанию. Но на основании новоизданных узаконений об освобождении дворян от телесного наказания казнь была заменена на ссылку в Сибирь [22].

Уголовно-правовая политика империи в исследуемый период несколько отличалась от основ, заложенных Воинскими артикулами Петра I.

Воинский артикул Петра I предусматривал около 123 составов преступлений, за которые применялась смертная казнь. В 1753 и 1754 гг. были приняты два акта по поводу смертной казни [23, 24]. По мнению некоторых ученых, они отменяли смертную казнь как меру государственного принуждения [25, с. 105].

В 1754 г. смертная казнь была заменена «комплексным» наказанием – ссылкой на каторжные работы с предварительным наказанием кнутом, вырыванием ноздрей и постановлением клейма. Предварительное наказание кнутом, вырыванием ноздрей и постановлением клейма выступали дополнительным видом наказания, государство могло и ограничиться ссылкой в каторжные работы [25, с. 105].

Однако отказ от высшей меры наказания не исключал ее применения в качестве меры государственного принуждения за преступления против государства. История знает казнь на основании положений Уложения 1649 г. и Устава Петра I участников Пугачевского восстания.

В августе 1799 г. был принят императорский указ, устанавливающий правило, чтобы лиц, совершивших убийство, на месте преступления наказали кнутом, с вырезанием ноздрей, постановлением на лбу и на щеках повеленных знаков, сослали в каторжные работы...» [26]. Указ нашел свое применение в конкретном прецеденте, поэтому это дает основание считать более приемлемой позицию ученых, считающих решения 1753 и 1754 гг. мораторием с применением института помилования [27].

Как указывает источник, смертные приговоры в начале XIX в. выносились относительно редко [28, с. 507]. В актах 1753 и 1754 гг. причины отмены смертной казни за определенные преступления прямым текстом не указывались [23, 24]. Однако их смысловое содержание указывало на то, что решение диктовалось жестокостью и несправедливостью наказаний. Фактически они устанавливали принцип, обя-

зывающий правоприменителя учитывать характер и степень общественной опасности деяний.

Причины уменьшения составов преступления, за которые могла быть назначена смертная казнь, в Закавказье несколько отличались от тех, которые послужили основанием в центральных губерниях.

Принятие документов по регулированию применения смертной казни в Закавказье А.К. Сорокин связывал с поручением российского императора. Он пишет, что при рассмотрении уголовных дел главнокомандующему было поручено истребить практиковавшиеся в Грузии пытки и смертную казнь, давно отмененные в империи [29].

Содержание нижеприведенных посылов дает нам основание предположить, что мотивация в Закавказье была несколько иная. В данной конкретно-исторической ситуации правительство актуализировало специфические основания и формы манифестации своих решений. Одной из причин было ослабление власти местных владельцев путем секуляризации у них полномочия на вынесение решения о смертной казни [30]. Это соответствовало и общеимперским узаконениям. На тот момент все дела, по которым полагалась смертная казнь, подлежали передаче в Сенат и рассматривались императором. Указанные документы имели определенные неявные, подразумевающиеся последствия. Решения характеризовались эстетичностью и были релевантны интересам общества. Сохранение этой меры наказания не дает права утверждать, что государство признавало жизнь человека высшей ценностью. Однако, не фетишизируя их значение, можно сказать, что это было неким осознанием ее сути и значения. Был установлен режим, в рамках которого начался необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни, как исключительной меры наказания.

Де-факто данные решения определяли, какие опасные для личности и государства деяния признаются особо тяжкими преступлениями и устанавливали вид наказания за их совершение.

По свидетельству А.П. Ермолова, убийства в Закавказье не почитались преступлением, и всякий бек может убить подвластного, не только не подвергаясь какому-либо наказанию, и не опасаясь отмщения, ибо особа бека неприкосновенна [31]. В отличие от существующего порядка устанавливался один из принципов уголовной ответственности – принцип равенства перед законом. К лицам, совершившим соответствующие преступления, могли быть применены наказания в виде смертной казни независимо от национальности, происхождения, имущественного и социального положения, убеждений и отношения к религии.

Немаловажное значение имело отношение к этим решениям представителей мусульманского духовенства и православной церкви. В указанный период большую часть Закавказья составляли мусульманские провинции [32]. Отношение ислама к смертной казни отражено в Коране: «Не убивайте душу, которую Аллах запретил убивать, иначе как по праву...» (6:151); «... Кто убил душу не за (убийство) души или распространение нечестия на земле, словно убил всех людей ...» (5:32). Отсюда вытекает, что ислам ограничивается несколькими составами преступлений, за которые

может быть назначено наказание в виде смертной казни. Следовательно, указанные решения соответствовали позициям представителей мусульманского духовенства.

Православная церковь, ссылаясь на слова Иисуса «Вы слышали, что сказано древним: не убивай; кто же убьет, подлежит суду ...» (от Матфея 5:21), также отрицала и осуждала всякого рода и всевозможные убийства.

Таким образом, утилитаристская воля государства соответствовала духовным и религиозно-нравственным принципам, составляла с ними консенсус. Верифицированные умозаключения о смертной казни в Закавказье можно свести к следующему важному положению: присоединение Закавказья к Российскому государству предполагало распространение российского уголовного законодательства на эту окраину. Общие начала назначения наказания были унифицированы с общероссийскими, тем самым установлены новые, отличающиеся от существующих принципы уголовного законодательства. После присоединения к Российской империи этого региона смертная казнь, как мера государственного принуждения, была сохранена, но сфера ее применения сужена. Смертная казнь как исключительная мера наказания могла быть установлена только за преступления против жизни (убийство), общественной безопасности, безопасности государства, а также мира и безопасности человечества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Сборник законов грузинского царя Вахтанга VI / под ред. Д.З. Бакрадзе. – Тифлис, 1887. – 423 с.
2. Письмо ген. Ермолова гр. Гурьеву от 22 янв. 1822 г. // Акты кавказской археографической комиссии (далее – АКАК). – Т. 6. – Ч. 1. – № 1144.
3. Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII в. – Баку, 1948. – 190 с.
4. Отношение А.П. Торماسова министру финансов Д.А. Гурьеву от 2 авг. 1810 г. // АКАК. – Т. 4. – № 37.
5. Высочайшее повеление П.Д. Цицианова от 23 мая 1803 г. // АКАК. – Т. 2. – № 1502.
6. Указ «Об учреждении внутреннего в Грузии управления. С приложением Манифеста к Грузинскому народу, постановления внутреннего управления Грузии и штата» // Полное собрание законодательства Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 1. – СПб., 1830. – Т. 26. – № 20007.
7. Доклад отправляющего должность начальника Экспедиции суда и расправы Верховного Грузинского правительства советника Евдокима Панова генералу Торماسову от 23 мая 1809 г. // АКАК. – Т. 4. – № 3.
8. Отношение графа И.В. Гудовича министру внутренних дел А. Б. Куракину от 30 янв. 1809 г. // АКАК. – Т. 4. – № 1.
9. Предписание А.П. Торماسова Ф. И. Ахвердову от 5 авг. 1810 г. // АКАК. – Т. 4. – № 640.
10. Отношение кн. Адама Чарторийского И.В. Гудовичу от 14 июня 1806 г. // АКАК. – Т. 3. – № 2.

11. Рапорт А.П. Ермолова в Правительствующий сенат от 25 мая 1820 г. // АКАК. – Т. 6. – Ч. 1. – № 43.
12. Предписание маркиза Паулуччи ген.-л. Репину от февр. 1812 г. // АКАК. – Т. 5. – № 204.
13. Отношение Филиппа Паулуччи министру полиции от 10 марта 1812 г. // АКАК. – Т. 5. – № 33.
14. Письмо Могилевского ген.-л. Вельяминову от 22 авг. 1819 г. // АКАК. – Т. 6. – Ч. 1. – № 1105.
15. Рапорт кн. Мадатова и Могилевского ген. Ермолову от 21 сент. 1820 г. // АКАК. – Т. 6. – Ч. 1. – № 1225.
16. Отношение графа Гурьева генералу Ермолову от 24 февр. 1822 г. // АКАК. – Т. 6. – Ч. 1. – № 1059.
17. Устав воинский о должности генерал-фельдмаршалов и всего генералитета и прочих чинов, которые при войске надлежать быть, и оных воинских делах и повелениях, что каждому чинить должно. – СПб., 1776. – 120 с.
18. Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20–60-х гг. XIX в. – Баку, 2014. – Ч. 1. – 388 с.
19. Отношение А.П. Торماسова по Грузии от 16 сент. 1809 г. // АКАК. – Т. 4. – № 631.
20. Прокламация ген.-м. Ф.Ф. Симоновича обитателям Имерети от 26 февр. 1811 г. // АКАК. – Т. 4. – № 473.
21. Письмо ген.-л. А.А. Вельяминова Мир-Хасан хану Талышинскому от 3 авг. 1821 г. // АКАК. – Т. 6. – Ч. 1. – № 1341.
22. Рапорт ген.-л. Вельяминова в Правительствующий сенат от 29 июля 1822 г. // АКАК. – Т. 6. – Ч. 1. – № 842.
23. О посылке в Регервик для работы колодников, осужденных к натуральной и политической смерти и к вечной ссылке, по-прежнему и о представлении экстрактов по таковым делам в Сенат на рассмотрение // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб., 1830. – Т. 13. – № 10113.
24. О рассылке Юстиц-Коллегии одиноких знаков для клеймения преступников, и о распределении их в каторжные работы по степени преступления // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб., 1830. – Т. 14. – № 10305.
25. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. – М., 1994. – Т. 2. – 380 с.
26. О поступании с преступниками, изблеченными в смертоубийстве // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб., 1830. – Т. 25. – № 19082.
27. Курс уголовного права. Т. 2: Общая часть. Учение о наказании / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: Зерцало, 2002. – 464 с.
28. Уголовное право. Общая часть. – М.: Норма, 2008. – 720 с.
29. Сорокин А.К. Правовое положение инородцев в Российской империи. URL: <http://monarhist.info/Archives/monarhist-43.htm#3> (дата обращения 22.11.2019).
30. Всеподданнейший рапорт Ермолова от февр. 1817 г. // АКАК. – Т. 6. – Ч. 1. – № 1264.

31. Отношение генерала Ермолова ген.-адъютанту Закревскому от 9 апр. 1820 г. // АКАК. – Т. 6. – Ч. 1. – № 42.

32. Всеподданнейший рапорт ген. Ртищева от 5 апр. 1814 г. // АКАК. – Т. 5. – № 296.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Collection of laws of the Georgian king Vakhtang VI / Ed. D.Z. Bakradze. – Tiflis, 1887. – 442 s.

2. A letter to the gene. Ermolova gr. Guriev, January 22, 1822 // Acts of the Caucasian Archaeographic Commission (hereinafter – АКАК). – Т. 6. – Part 1. – № 1144.

3. Leviatov V.N. Essays from the history of Azerbaijan in the 18th century. – Baku, 1948. – 190 s.

4. The attitude of A.P. Tormasov Minister of Finance D.A. Guriev, August 2, 1810 // АКАК. – Т. 4. – № 37.

5. The highest command of PD Tsitsianova, dated May 23, 1803 // АКАК. – Т. 2. – № 1502.

6. Decree “On the Establishment of Internal Administration in Georgia. With the appendix of the Manifesto to the Georgian people, decrees of the internal administration of Georgia and the state” // Complete collection of legislation of the Russian Empire (hereinafter referred to as PSZRI). Collection 1. – St. Petersburg., 1830. – Т. 26. – № 20007.

7. Report of the Advisor Evdokim Panov, General of Tormasov, Counselor of the Expedition of Court and Reprisal of the Supreme Georgian Government, dated May 23, 1809 // АКАК. – Т. 4. – № 3.

8. The ratio of Count IV. Gudovich, Minister of the Interior A. B. Kurakin, January 30, 1809 // АКАК. – Т. 4. – № 1.

9. The order of A.P. Tormasova F.I. Akhverdov, dated August 5, 1810 // АКАК. – Т. 4. – № 640.

10. The attitude of Prince. Adam Chartorysky I.V. Gudovich, June 14, 1806 // АКАК. – Т. 3. – № 2.

11. Report A.P. Ermolova in the Governing Senate, dated May 25, 1820 // АКАК. – Т. 6. – Part 1. – № 43.

12. The order of the Marquis Paulucci Repin, dated February 1812 // АКАК. – Т. 5. – № 204.

13. The attitude of Philippe Paulucci to the Minister of Police, dated March 10, 1812 // АКАК. – Т. 5. – № 33.

14. Letter from Mogilevsky Velyaminov, dated August 22, 1819 // АКАК. – Т. 6. – Part 1. – № 1105.

15. Report book. Madatov and Mogilev gene. Ermolov, dated September 21, 1820 // АКАК. – Т. 6. – Part 1. – № 1225.

16. The relationship of Count Guryev to General Ermolov, dated February 24, 1822 // АКАК. – Т. 6. – Part 1. – № 1059.

17. The military charter on the post of field marshals and the entire generals and other ranks that should be in the army, and certain military affairs and orders that everyone should repair. – SPb., 1776. – 120 p.
18. The colonial policy of Russian tsarism in Azerbaijan. In the 20–60 s. XIX century – Part 1. – Baku, 2014. – 388 p.
19. Education A.P. Tormasov in Georgia, dated September 16, 1809 // АКАК. – Т. 4. – № 631.
20. Proclamation of Gen.- M.F.F. Simonovich to the inhabitants of Imereti, dated February 26, 1811 // АКАК. – Т. 4. – № 473.
21. Letter to the general director A.A. Velyaminova Mir-Hassan Khan Talyshinsky, dated August 3, 1821 // АКАК. – Т. 6. – Part 1. – № 1341.
22. Report of the general. Velyaminova in the Governing Senate, July 29, 1822 // АКАК. – Т. 6. – Part 1. – № 842.
23. “About sending to Regervik, for work, well workers condemned to natural and political death and to eternal exile, as before, and about submitting extracts on such cases to the Senate for consideration” // PSZRI. Collection 1. St. Petersburg., 1830. – Т. 13. – № 10113.
24. “On the dispatch of the Justits College of lonely marks for stigmatizing criminals, and on their distribution in hard labor by the degree of crime” // PSZRI. Collection 1. – St. Petersburg, 1830. – Т. 14. – № 10305.
25. Tagantsev N.S. Russian criminal law. – Т. 2. – М., 1994. – 380 s.
26. “On admitting to criminals convicted of homicide” // PSZRI. Collection 1. – St. Petersburg, 1830. – Т. 25. – № 19082.
27. Criminal law course. Volume 2. The general part. The doctrine of punishment / Ed. N.F. Kuznetsova, I.M. Heavy. – М.: Mirror, 2002. – 446 p.
28. Criminal law. A common part. – М.: Norma, 2008. – 720 p.
29. Sorokin A.K. The legal status of foreigners in the Russian Empire. URL: Access Mode: [http://monarhist.info/Archives/monarhist-43.htm#3\(date of the application 22.11.2019\)](http://monarhist.info/Archives/monarhist-43.htm#3(date%20of%20the%20application%2022.11.2019)).
30. The most comprehensive report of Yermolov, from February 1817 // АКАК. – Т. 6. – Part 1. – № 1264.
31. The attitude of General Ermolov to the General Adjutant Zakrevsky, dated April 9, 1820 // АКАК. – Т. 6. – Part 1. – № 42.
32. The most authentic report gene. Rtishcheva, dated April 5, 1814 // АКАК. – Т. 5. – № 296.

УДК 340:342.15.

DOI 10.24411/2312-3184-2020-10002

Степанова Елена Евгеньевна
адъюнкт Восточно-Сибирского
института МВД России
E-mail: kanuzelelena@inbox.ru

Stepanova Elena Evgenievna
postgraduate student of the East-Siberian Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: kanuzelelena@inbox.ru

**ФОРМАЛЬНО-ЮРИДИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТРАКТАТА
«О ТОРГОВЛЕ И МОРЕПЛАВАНИИ»,
ЗАКЛЮЧЕННОГО МЕЖДУ РОССИЙСКИМ ГОСУДАРСТВОМ
И СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ АМЕРИКИ 6 (18 ДЕКАБРЯ) 1832 ГОДА**

Введение: национальные интересы Российского государства сохраняются и в современные дни. Это предопределяет нашу геополитическую роль на международной арене, в том числе в разрешении международных региональных конфликтов, в связи с чем вызывает интерес правовой акт, являющийся значимым не только для Российского государства, но и для США, составляющий правовую торгово-экономическую базу и способствующий расширению российско-американских торговых связей.

Материалы и методы: материалами исследования явились правовые акты, содержащиеся в Полном Собрании законов Российской империи, а также в Собрании важнейших трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, научные труды ученых, изучающих российские колонии в Северной Америке. При подготовке статьи использовались методы исследования: формально-юридический, системно-структурный, историко-правовой, толкования права.

Результаты исследования: позволили проанализировать, изучить и дать представление о важном юридическом документе, который отражал экономическое развитие двух держав.

Выводы и заключения: автором обосновывается вывод о том, что данный правовой акт является важнейшим памятником права, находящегося на стыке историко-правовой и международно-правовой науки, представляющего научный интерес формально-юридического характера.

Ключевые слова: Русская Америка, Российско-американская компания, Аляска, Северная Америка, трактат, торговля, мореплавание.

**FORMAL-LEGAL ANALYSIS OF THE TREATY ON COMMERCE
AND NAVIGATION, CONCLUDED BETWEEN RUSSIA AND THE UNITED STATES
OF AMERICA 6 (18 DECEMBER) 1832**

Introduction: The national interests of the Russian state are preserved in modern days. This determines our geopolitical role in the international arena, including in resolving international regional conflicts. The article provides a formal legal analysis of a significant legal act not only for the Russian state, but also for the United States, which constitutes the legal trade and economic base and contributes to the expansion of Russian-American trade relations.

Materials and methods: The research materials were legal acts contained in the Complete Collection of Laws of the Russian Empire, as well as in the Collection of the most important treatises and conventions concluded by Russia with foreign powers, and scientific works of scientists studying the Russian colonies in North America. In the preparation of the article the following research methods were used: formal-legal, system-structural, historical-legal, interpretation of law.

Results of the study: allowed to analyze, study and give an idea of an important legal document that reflected the economic development of the two powers.

Summary and Conclusion: the author substantiates the conclusion that this legal act is the most important monument of law, located at the junction of historical, legal and international legal science, which is of scientific interest of formal legal nature.

Keywords: Russian America, Russian-American company, Alaska, North America, treaty, trade, navigation.

Российское государство осуществляло первооткрывательскую деятельность, направленную на выявление и закрепление за Российской империей никому не принадлежащих владений, расширяя свои территориальные границы [1, с. 16]. Тем же самым занимались и другие иностранные державы, имеющие выход к мировому океану и собственный флот.

На территории Северной Америки русские первопроходцы оказались раньше европейцев. Официально Русская Америка была открыта в 1741 г. экспедицией В. Беринга и А. Чирикова. Русские имели все права на данные территории по праву первооткрытия, первозаселения и первоосвоения. Русский купец Г.И. Шелехов основал там постоянные русские поселения. Самое крупное было основано на острове Ситха в 1799 г.

Правительство Российской империи уполномочило Российско-американскую компанию (РАК) в 1799 г. на монопольное использование природных ресурсов, ведение торговой и промысловой деятельности, на основании постоянных русских поселений, присоединение новых территорий при условии, что они «никакими другими народами не заняты».

Перемещение на остров Ситха административного центра российских колоний в Северной Америке создавало условия для дальнейшего распространения. Весной 1812 г. была основана самая южная американская колония форт Росс в Калифорнии. Власть РАК не охватывала всю территорию, юридически находившуюся в составе Русской Америки, и не распространялась на материковые территории индейцев.

В связи с нехваткой российских подданных на поддержание порядка, процветала незаконная торговля и браконьерство. Однако российское правительство лояльно относилось к американцам, несмотря на незаконное истребление морских животных, скупку по ничтожной цене пушнины у индейцев.

В именном указе от 1821 г. «О возобновлении привилегий Российско-американской компании и об утверждении составленных для оной новых правил» вводился запрет иностранцам торговать и осуществлять промысловую деятельность от Берингова пролива до 51° с. ш. [6, с. 842]. Запрещалось приближаться к данным границам ближе ста итальянских миль, что приводило к конфликтным ситуациям с соседними государствами.

В апреле 1824 г. была заключена конвенция между императором Всероссийским и правительством Американских Соединенных Штатов «О непоколебимом сохранении состоящей между ними дружественной связи» [6, с. 251]. Юридический документ разграничивал территории Российской империи и США. В нем было отражено стремление держав к сохранению договоренностей [1, с. 17].

Правовой акт устанавливал границы американских владений Российской империи, а также свободу мореплавания, морского промысла, рыболовства для двух государств сроком на десять лет [1, с. 19]. Русские и американцы получили право торговать с местными жителями на территориях обеих государств на протяжении десяти лет (ст. 4). Запрещалось торговать спиртными напитками, оружием, порохом. Под запретом был досмотр и арест товаров и судов как Российской империи, так и США при нарушении правил торговли настоящей Конвенции (ст. 5). Каждое государство должно было на основании своих законов определять меру наказания.

В 1825 г. была заключена конвенция между императором Всероссийским и королем Великобритании «О взаимных выгодах, относящихся до торговли, мореплавания и рыбных промыслов на Тихом океане и до границ обоюдных владений их на северо-западном берегу Америки» [6, с. 72]. Согласно правовому акту были разграничены территории Российского государства и Великобритании, он устанавливал правила торговли, судоходства, промысловой деятельности между русскими и англичанами. По соглашению остров Принца Уэльского принадлежал Российскому государству, линия границы должна была отходить от берега дальше, чем на десять морских миль (ст. 4).

Англичане получали право плавания по всем рекам, которые, впадая в Тихий океан, пересекали русскую границу (ст. 6). На протяжении десяти лет имели право производить рыбную ловлю и вести торговлю с местным населением (ст. 7). Запрещалось торговать спиртными напитками, оружием, порохом и другими военными снарядами (ст. 9). При плохих погодных условиях во время плавания русским и английским судам разрешалось искать убежище в гаванях обоюдных сторон, запастись

необходимыми потребностями, выходить обратно в море без уплаты пошлин и других платежей, при необходимости продавать свои товары по правилам того места, где находятся (ст. 10). При несоблюдении настоящего соглашения стороны были обязаны разрешить спор мирно и по справедливости.

Установление суверенитета – важная веха в истории отечественного государства и права, которая имеет непосредственное отношение к становлению и развитию международного права [2, с. 10].

Одним из правовых актов, направленных на отражение интересов Российской империи в северной части Тихого океана, стал трактат «О торговле и мореплавании». Он был заключен между Российским государством и США 6 (18) декабря 1832 г. [3, с. 155]. Срок его действия был установлен до 1 (13) января 1839 г. с последующим продлением и имел силу до 1913 г. Акт был подписан в г. Санкт-Петербурге К.В. Несельроде и Д. Бьюкененом. Трактат ратифицирован Николаем I в 1833 г.

США стремились заключить с Российским государством соглашение, основанное на принципе благоприятствования, в связи с перспективой развития торговли у побережья Черного моря России, преследуя цель посреднической торговли между Черноморскими владениями Российского государства и государствами Южной Европы, Азии, Средиземноморья. Посол США в России Д. Бьюкенен убеждал в выгоде заключения данного договора для русских. И ему удалось добиться положительного результата, в текст договора был включен принцип наибольшего благоприятствования. Данный правовой документ стал основой для дальнейшего развития торговых отношений между двумя крупными державами – США и Российской империей.

В нем провозглашалась свобода, основанная на взаимности, в торговле и мореплавании между двумя странами, предоставление преимуществ в области торговли и навигации. Юридический документ состоит из 13 статей, регулирующих права и обязанности каждой из сторон.

Согласно ст. 1 свобода и мореплавание двух государств признавались основанными на взаимности. Жителям Российской империи и США взаимно предоставлялось право входить во все гавани, реки, где иностранная торговля была дозволена, а также право останавливаться там и проживать везде, «где по делам их будет надобность», пользоваться покровительством страны пребывания и подчиняться ее законам.

В соответствии со ст. 2 российские суда, приходящие с грузом в гавани США, равно как и американские суда, приходящие в гавани Российской империи, при входе их и во время пребывания, а также при обратном отплытии «состоят будут относительно ластовых пошлин» наравне с туземными судами, «приходящими из того же места». Что касается других пошлин («маячных, лоцманских, портовых») и сборов для должностных чиновников, стороны должны были поступать «на основании совершенного взаимства».

Статья 3 устанавливала, что товары и предметы торговли, привозимые в гавани Российской империи на российских судах, можно было привозить и на судах США с платежом пошлин или сборов, которые взимались в пользу правительства, местных начальств, каких-либо частных заведений, с таких же товаров и предметов торговли, привезенных на российских судах. Также товары и предметы, законно привозимые в

гавани США на американских судах, было разрешено привозить и на российских судах США с платежом пошлин или сборов.

В ст. 4 говорилось о том, что содержащиеся в двух предыдущих статьях «постановления» должны были относиться к судам Российского государства и их грузам, приходящих в гавани США. И «взаимно к судам сих Штатов».

С привозимых в США товаров Российской империи так же, как и с привозимых американских товаров в Российское государство, взимались пошлины, «как со всякого иного государства».

Статья 7 предусматривала, что статьи 2–6 не имели отношения к прибрежному или каботажному плаванию каждой из держав, которые та и другая стороны «исключительно себе предоставляют».

В соответствии со ст. 8 сторонам предоставлялось право иметь в обоюдных портах консулов, вице-консулов, агентов и комиссаров. Предоставлялось право пользоваться такими же правами и преимуществами, какими пользовались «определенные в сих званиях от наиболее благоприятствуемых правительств» [3, с. 156]. В случае если консулы будут вести торговлю, то они будут обязаны соблюдать те законы и обычаи, «коим подлежат в месте их пребывания частные люди их нации».

Консулам, вице-консулам и торговым агентам предоставлено право быть судьями и посредниками при разрешении споров между шкиперами и экипажами судов своего государства без вмешательства иностранных держав. Исключение составляли случаи, когда нарушался общественный порядок, а также случаи, когда консулы, вице-консулы и торговые агенты требовали содействия для соблюдения решения. Данные судебные разбирательства не должны нарушать права «тяжущихся».

В ст. 9 говорилось о том, что консулы, вице-консулы и торговые агенты были вправе требовать от местного начальства помощи для отыскания, взятия под стражу, задержания и заключения в тюрьму дезертиров, сбежавших с военных и купеческих судов, принадлежащих государству. Выдача дезертиров производилась путем обращения в надлежащие места к судьям и чиновникам с письменным заявлением.

После задержания дезертиров их заключали в общественные тюрьмы по требованию и «на счет» тех лиц, которые «домогались» заключить их в тюрьму до отдачи на корабль, к которым они принадлежали или до обратного отправления их. Для дезертиров срок тюремного заключения составлял 4 месяца со дня взятия под стражу. После истечения указанного срока дезертиров освобождали из-под стражи. За одно и то же нарушение дважды наказывать было запрещено. Если же дезертир совершил уголовное преступление, то выдача его должна была быть отложена до того времени пока суд не вынесет приговор.

Согласно ст. 10 трактата граждане и подданные Российского государства и США могли во владениях другой страны свободно распоряжаться личным своим имуществом посредством духовного завещания, дарственных записей. К наследникам одной из двух договаривающихся сторон будет переходить имущество так, что они могут вступить во владение им лично или посредством других лиц, распоряжаться этим имуществом по своему усмотрению. При отсутствии наследников принимались те же меры, какие были бы приняты в таком же случае «по имениям жителей то-

го же государства» пока законный владелец имущества не распорядится наследством. Спор между наследниками разрешался в судебном порядке того государства, в котором находится предмет спора. Если после умершего обнаруживается имущество на территории одной из договаривающихся сторон, то оно по законам того государства будет передано гражданину или подданному другого государства.

В ст. 11 говорится о том, что при предоставлении Российским государством или США иным иностранным державам каких-либо преимуществ, данное преимущество будет аналогично предоставлено и второй стороне. Статья 12 устанавливала срок действия заключенного трактата – до 01.01.1839 г. И если за год до истечения этого срока одна из договаривающихся сторон не объявит другой стороне о своем намерении прекратить действие данного договора, то он считается продолженным еще на один год.

В ст. 13 говорилось о том, что трактат «будет утвержден» и ратифицирован Российским императором и президентом США (с согласия Сената). Ратификация должна была состояться в Вашингтоне.

В 1908–1909 гг. американское правительство поднимало вопрос о заключении нового договора, однако Российское государство данные предложения отклоняло, так как пересмотр трактата не принес бы русским больших выгод, размер вывоза российских товаров в США был незначительным. Согласно статистическим данным вывоз из Российского государства в Соединенные Штаты в 1907–1909 гг. достигал в среднем ежегодной цифры 7 911 тыс. рублей. Из России вывозились шкуры животных, солодовый корень, древесная бумажная масса, шерсть, мягкая рухлядь, металлы, каучуковые отбросы. Из США в Российскую империю вывозились товары на более крупную сумму 64 219 тыс. рублей. В основном вывозился каучук в сыром виде, медь в порошке, разные «машинки», в том числе сельскохозяйственные, хлопок, чугунные, железные, стальные изделия. Ценность американского привоза превышала в восемь раз ценность нашего вывоза в США. Столь незначительные размеры экспорта товаров через океан объяснялись тем, что Российская империя – страна преимущественно земледельческая и могла поставлять только сельскохозяйственную продукцию, в чем США не нуждались. Принимая во внимание неравенство в товарообмене между двумя державами, российское правительство полагало, что заключение нового торгового договора с США на базе взаимных конвенционных понижений в таможенных тарифах будет выгодным для американцев в значительной степени.

В течение годичного срока, предусмотренного договором, стороны могли вести переговоры по заключению нового соглашения. Если бы в течение указанного срока стороны не договорились, то могли быть приняты репрессивные меры одним из государств. По отношению к Российской империи США могли бы увеличить таможенные пошлины на русские товары, применить к русским подданным общие постановления внутреннего американского законодательства.

Репрессивные меры Российского государства были более ощутимыми для США. Согласно мнению Государственного совета к государствам, не предоставляющим русской торговле и судоходству льготных условий для ввоза и транзита товаров, применялись следующие меры: с товаров, составляющих «произведения почвы и

промышленности» взимались пошлины по общему таможенному тарифу с надбавкой до 100 % от их размера, а беспошлинные облагались ставками до 100 % от их стоимости. Также с товаров, вывозимых и привозимых на морских судах под флагом «означенных государств», взимался «попудный сбор» в размере удвоенном против установленного в 1901 г.¹ Право содержания странствующих приказчиков предоставлялось тем подданным «означенных государств», которые платили промысловый налог не менее 500 рублей в год [4].

В Особом журнале Совета министров в записи от 15.12.1911 г. по вопросу о прекращении действия заключенного 6/18 декабря 1832 г. договора «О торговле и мореплавании» между Российской империей и США было сказано, что торговые отношения между двумя державами определялись заключенным трактатом [7]. Применение этого соглашения «за почти восьмидесятилетний срок действия не вызывало никаких существенных недоразумений». Тем не менее американское правительство в 1908–1909 гг. неоднократно возбуждало вопрос о заключении нового договора «на основе взаимных конвенционных понижений в таможенных тарифах».

В 1911 г. посол США сообщил министру иностранных дел Российской империи о решении правительства США прекратить действие заключенного в 1832 г. трактата «О торговле и мореплавании» [5]. Соединенные Штаты хотели бы приступить к переговорам для заключения нового торгового соглашения, который бы предусмотрел более современные и выгодные интересы обоих государств [4].

Министр торговли и промышленности полагал, что ценность американского привоза в Российское государство превышает «таковую же нашего привоза в Америку». Это побуждало уклоняться от предложений США о заключении нового договора на новых условиях, не выгодных для Российской империи.

Совет министров России считал, что следовало «выждать», чтобы взявшая на себя инициативу сторона сделала второй необходимый для возобновления договорных отношений шаг. И только тогда высказаться о приемлемости заявленных условий.

В Особом журнале Совета министров указывалась причина, побудившая американское правительство сделать обозначенные предложения. Это «домогательства пользующихся исключительным в Америке влиянием евреев, стремящихся занять в России привилегированное сравнительно с другими иностранными евреями положение», на что правительство Российской империи пойти не могло. Совет министров уполномочил министра торговли и промышленности «озаботиться образованием» при вверенном ему ведомстве совещания из представителей министерств о возможных основаниях дальнейшего торгового договора и выяснения тех последствий, которые могло бы повлечь не заключение такого соглашения.

Распространение на американских евреев ограничений свободы передвижения при въезде в Российскую империю послужило возникновению в США движения за прекращение соглашения. Палата представителей Конгресса приняла резолюцию о прекращении соглашения по причине нарушения его Российской империей. Президент США У. Тафт уведомил МИД России о расторжении с 19 декабря 1912 г. (1 ян-

¹ Полное Собрание законов Российской империи. Собр. 3 (1881–1913). Т. 21. № 20335.

варя 1913 г.) соглашения. Он был намерен приступить к переговорам о заключении нового договора. Сенат и Палата представителей сообщили, что расторжение соглашения стало возможным по причине «различного толкования» его норм, несоответствия политическим принципам и коммерческим потребностям сторон. Правые партии Российского государства и «Союз 17 октября» потребовали повысить таможенные тарифы на товары США, но правительством поддержаны не были. Денонсация соглашения была первым политическим конфликтом между двумя сильнейшими державами.

В XIX в. закладывались предпосылки к коренному изменению экономической системы Российского государства. Именно в данный период произошли изменения практически во всех сферах жизни. Начался кризис феодально-крепостнической системы, произошел промышленный переворот, вызвавший значительное разделение труда, развитие ряда буржуазных элементов в экономике.

Параллельно с этими процессами получили соответствующее развитие и международные отношения. Внешняя торговля играла важную роль в экономическом развитии. Российское государство вступило в финальную стадию интеграции европейских держав, в том числе и интеграции экономической в плане освоения новых территорий в Северной Америке, в Западной Европе, а также адаптации в условиях жесткой капиталистической конкуренции.

Трактат «О торговле и мореплавании» послужил правовой базой для развития торгово-экономических отношений двух держав. Он является важнейшим памятником права, находящегося на стыке историко-правовой и международно-правовой науки, представляющего научный интерес формально-юридического характера.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Кряжева Е.Е. Установление в Северной Америке суверенитета Российского государства // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2018. – № 2. – С. 16–20.
2. Небрятенко Г.Г. Государственно-правовое развитие Русской Америки // История государства и права. – 2016. – № 21. – С. 10–14.
3. Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами (1774–1906) / с введением и примеч. проф. В.Н. Александренко. – Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1906. – 586 с.
4. Дело Совета министров по представлению Министерства торговли и промышленности о прекращении действия трактата о торговле и мореплавании, заключенного между Россией и США 19 декабря 1832 г., и заключении нового торгового соглашения // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. URL: <https://www.prlib.ru/item/330851?mode=archive> (дата обращения 14.05.2019).
5. Известия Министерства иностранных дел 1912 года (кн. 2) // Электронная библиотека «Наука права». URL: <https://naukaprava.ru/catalog/159/287/33259?view=1> (дата обращения 16.05.2019).
6. Полное Собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 37. № 28756; Т. 39. № 29861а; Т. 40. № 30233а.

7. Особый журнал Совета министров. 15 дек. 1911 г. // Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/1-glavnaya> (дата обращения 14.08.2019).

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Kryazheva E. E. Establishment of sovereignty of the Russian state in North America // Bulletin of the far Eastern legal Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. – 2018. – № 2. – P. 16–20.

2. Nebratenko G. G. State-legal development of Russian America // History of state and law. – 2016. – № 21. – P. 10–14.

3. Nebratenko G. G., Popov N. In. The formal-legal study of the Russian North American possessions (XVIII century) // History of state and law. – 2017. – № 22. – P. 55–59.

4. Collection of the most important treaties and conventions concluded by Russia with foreign powers (1774-1906) / With the introduction and notes of prof. Alexandrenko. – Warsaw: Printing House Of The Warsaw School District, 1906. – 586 p.

5. The case of the Council of Ministers on the proposal of the Ministry of trade and industry on the termination of the treatise on trade and navigation, concluded between Russia and the United States on December 19, 1832, and the conclusion of a new trade agreement // Presidential library. Yeltsin. URL: <https://www.prlib.ru/item/330851?mode=archive> (date of the application 14.05.2019).

6. News of the Ministry of foreign Affairs of 1912 (book II) // Electronic library "Science of law". URL: <https://naukaprava.ru/catalog/159/287/33259?view=1> (date of the application 16.05.2019).

7. The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. T. 37. No. 28756; T. 39. № 29861a; T. 40. №. 30233a.

8. Series "Special Journals of the Council of Ministers of the Russian Empire." 1909-1911. Special Journal of the Council of Ministers. December 15, 1911. Electronic library of historical documents. URL: <http://docs.historyrussia.org/en/nodes/1-glavnaya> (date of the application 14.08.2019).

УДК 343(571)

DOI 10.24411/2312-3184-2020-10003

Сысоев Алексей Александрович
доцент кафедры тактико-специальной
и огневой подготовки Восточно-
Сибирского института МВД России
кандидат исторических наук
E-mail: daosss1972@yandex.ru

Sysoyev Aleksey Aleksandrovich
associate Professor of Tactics-Special
and fire training Department
East -Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
candidate of History
E-mail: daosss1972@yandex.ru

ПРЕСТУПНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ КАК ВИД СОУЧАСТИЯ В ПРОТИВОПРАВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ

Введение: в статье отражена специфика проявления и распространения различных видов преступного соучастия в противоправной деятельности на территории Восточной Сибири. Определены основные признаки самых опасных форм сговора, практиковавшихся представителями криминального сообщества дореволюционного времени. Выявлены типовые способы противодействия этим проявлениям преступности и проанализирована их эффективность.

Материалы и методы: методология научной работы обусловлена ее целью и задачами, основу составляют метод диалектического материализма, принципы историзма и научности, обеспечившие комплексный характер исследования.

Результаты исследования: выявлено явное несоответствие криминологической теории и правоохранительной практики, имевшее место в начале XX столетия на территории Восточной Сибири.

Выводы и заключения: одной из особенностей развития отечественного уголовного законодательства в дореволюционный период являлось его явное несоответствие сибирским реалиям, где к началу XX столетия преступность отличалась высокой степенью организованности и крайней жестокостью. Специфика преступности состояла в устойчивости преступных объединений, вооруженности, наличии разветвлённых сетей пособников, разделении функций, использовании строжайших правил конспирации и жесточайшем пресечении попыток внедрения извне. Именно в Прибайкалье криминологи столкнулись с новыми для российской юридической науки видами преступного соучастия. В специфических условиях Восточной Сибири уголовная среда сделала в своем развитии качественный скачок и многократно превзошла возможности полицейских сил.

Ключевые слова: форма соучастия, особый признак, шайка, банда, преступность, уголовное право, противоправная деятельность, устойчивость, вооруженность, организованная группа.

CRIMINAL ASSOCIATIONS AS A TYPE OF COMPLICITY IN ILLEGAL ACTIVITIES IN EASTERN SIBERIA AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Introduction: the article considers the process of development of a special part of the domestic criminal law. The specificity of manifestation and distribution of various types of criminal complicity in illegal activities in the territory of Eastern Siberia are reflected. The main features of the most dangerous forms of collusion practiced by representatives of the criminal community of pre-revolutionary time are determined. Typical ways of counteraction to these manifestations of crime are revealed and their efficiency is analyzed.

Materials and Methods: the methodology of scientific work was determined by its purpose and objectives, its basis is the method of dialectical materialism, the principles of historicism and science, which provided a comprehensive nature of the study.

Results: revealed some obvious discrepancy between the criminological theory and law enforcement practice, which took place in the early XX century in Eastern Siberia.

Summary and Conclusion: one of the features of the development of domestic criminal legislation in the pre-revolutionary period was its apparent inconsistency with the Siberian realities, where by the beginning of the XX century there was the most highly developed criminal environment. Illegal acts here were characterized not only by extreme cruelty, but also by a high degree of organization of their perpetrators. Their specific features were the stability of criminal associations and weapons, the presence of extensive networks of accomplices and mandatory separation of functions, the use of strict rules of conspiracy and the most severe suppression of attempts to introduce from the outside. It was in the Baikal region that criminologists encountered new types of criminal complicity for the Russian legal science. In the specific conditions of Eastern Siberia, the criminal environment has made a qualitative leap in its development and has repeatedly surpassed the capabilities of the local police forces.

Keywords: form of complicity; special feature; gang; crime; criminal law; illegal activity; stability, armament, organized group.

Общепринятой нормой дореволюционного уголовного права являлось ужесточение санкций за предварительность соглашения субъектов в совершении преступных деяний. Особое значение этой стороны преступности подчеркивалось тем фактом, что по смыслу существовавших установлений «наличность его должна была быть прямо или косвенно установлена только присяжными заседателями» [10, с. 407].

По мнению российского криминолога Н. С. Таганцева, неизвестные прежде отечественному праву различия видов соучастия появились только в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» в 1845 г. по примеру немецких кодексов. Именно тогда в особенную часть Уложения, помимо сговора и скопа, была введена еще и третья форма соучастия в преступлении – шайка [9, с. 334]. Однако учитывая

шайку как обстоятельство, усиливающее ответственность, закон не определял ее понятие, типы и признаки.

Совершенствование уголовного права привело к включению в юридическое поле и определенного понятийного аппарата, описывавшего основные признаки шайки, как самой опасной формы сговора. Так, «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» от 1866 г. устанавливало, что «под шайкой разумеется преступное сообщество, составившееся из нескольких лиц, по уговору между ними, на совершение преступлений определенного рода» [10, с. 406].

Составители Уложения разделили шайки на два типа. К первому были отнесены «сообщества, составленные для нескольких преступлений, определенных только в роде их». Ко второму – «сообщества, составленные на одно или несколько данных преступлений» [4, с. 310].

Отличительным признаком первых являлось наличие уговора на несколько преступлений. Вторых – организация сообщества, назначение начальника, распределение ролей между сообщниками и раздел добычи по известным правилам [10, с. 407]. В связи с этим при определении наказания для членов преступных объединений их деятельность дифференцировали уже по определенным признакам. Соответствующие санкции предусматривались в отношении зачинщиков – составителей или начальников шайек, сообщников – людей вступивших в шайку со знанием её цели, пособников – доставляющих шайке оружие или иные средства для преступления и укрывателей, занимающихся «пристанодержательством».

Таким образом, в результате продолжительной и целенаправленной законотворческой деятельности к началу XX столетия российским юристам удалось выработать и закрепить основной понятийный аппарат, описывавший существовавшие формы преступного соучастия в форме шайки. Законодателями были определены ее виды и такие особые признаки, как «продолжительная преступная деятельность, опытность, знание лиц и мест». Эти признаки, по мнению криминологов, «с одной стороны, облегчали само совершение преступных деяний, а с другой – давали наибольшую возможность скрыть следы преступной деятельности и скрыться от кары закона» [9, с. 334].

Между тем теоретические изыскания отечественных криминологов отставали от сибирских реалий, где к концу XIX столетия сложилась высокоразвитая преступная среда. Благодаря особенностям пенитенциарной политики самодержавия, позволившей переместить массу профессиональных преступников к восточным окраинам империи, противоправные деяния здесь отличались не только крайней жестокостью, но и высокой степенью организованности. Именно в Прибайкалье правоохранители столкнулись с новыми для российской юридической науки формами преступного соучастия. В специфических условиях Восточной Сибири уголовная среда сделала в своем развитии качественный скачок и многократно превзошла возможности полицейских сил.

Уже в начале XX столетия криминальные проявления на восточных окраинах отличались доминированием организованных групп над одиночками, их устойчивостью и вооруженностью, наличием разветвлённых сетей пособников и обязательным

разделением функций внутри преступных объединений. В уголовной среде действовали специфические правила конспирации, заключающиеся в искусной подделке документов, использовании системы «смены имен», употреблении «воровского языка» и в жесточайшем пресечении попыток внедрения извне [6, с. 178].

Повсеместное распространение вооруженных и хорошо сплоченных преступных объединений, дерзкий характер противоправных деяний существенно повышали их общественную опасность и снижали уровень личной и имущественной безопасности жителей сибирской глубинки до катастрофического уровня. В 1906 г. крестьянин Федор Селиванов сообщал об этом Петру Аркадьевичу Столыпину: «Занимаясь торговлей в течение уже нескольких лет, я езжу по селениям Иркутской губернии, проникаю в самые отдаленные и труднодоступные уголки и прихожу в ужас от совершающихся кругом в селениях злодеяний со стороны лиц со злою волею, которыми переполнен этот край, как бывшее место ссылки каторжников: разбои, убийства с целью ограбления, грабежи, поджигательства, конокрадство в ужасных размерах, мирные жители страдают, делаются нищими, голодают, идут просить по миру, картины ужасны»¹.

Криминальная активность преступных объединений фактически парализовала экономическую жизнь региона. Только в редких случаях и под усиленной охраной частным лицам и государственным учреждениям удавалось переправлять крупные денежные суммы и драгоценные металлы.

В связи с этим начальник Иркутского губернского жандармского управления полковник А. В. Васильев сообщал срочной телеграммой директору Департамента полиции о том, что «в последнее время в пределах района учащаются грабежи и вооруженные грабительские нападения на почтовые вагоны в поездах, почтовые отделения, волостные правления, а также на частных капиталистов»².

За три неполных месяца 1913 г. в местностях Восточной Сибири было совершено семь выдающихся по своей организации, масштабам и дерзости преступлений. Отраженная в полицейских сводках хроника нападений и убийств с целью наживы выглядела следующим образом: «27 августа в поселке Зима при ограблении почтовой конторы было похищено 6 тыс. руб. 10 сентября близ Карымской Забайкальской дороги ограблен артельщик Амурской дороги и убит охранный сторож, взято около 100 тыс. руб. 13 сентября в станции Верхне-Ульхунской с целью похищения золота, сдаваемого с промыслов, убит казак Куклин. 21 сентября в г. Верхнеудинске при розыске грабителей артельщика чиновникам полиции было оказано вооруженное сопротивление, убито трое городских, получили ранения полицейский надзиратель и двое городских. 10 ноября близ Черемхово ограблена контора каменноугольных копий Мильнера, преступление сопровождалось убийством урядника. 16 ноября совершены разбойные нападения на Куйтунское почтовое отделение и на почту в Тункинской долине»³.

Высокие темпы развития обуславливали стремительную динамику интеграции криминальных объединений в сибирское общество. Участие определенной части

¹ Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО). Ф. 25. Оп. 3. Д. 1737. Л. 38.

² ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 757. Л. 2.

³ Государственный архив Забайкальского края (далее – ГАЗК). Ф. 26. Оп. 2. Д. 23. Л. 538.

местного населения в противоправных деяниях вело не только к повышению уровня преступной деятельности, но и к ее качественной трансформации. Отдельные преступные группы объединялись в мощные хорошо организованные сообщества с разветвленными сетями пособников и информаторов.

По информации правоохранительных органов преступления на территории края «совершались организованными шайками, имеющими прочные связи с Верхнеудинском, Сретенском, Хабаровском, Манжурией, Благовещенском и другими пунктами». «Усилившаяся в последнее время деятельность грабительских организаций в Иркутской губернии и Забайкальской области, – предупреждали полицейские аналитики, – должна в ближайшее время распространиться на Приморскую область» [8, с. 81].

Преступные объединения не только поддерживали устойчивые связи между собой, но и выходили за рамки сибирских территорий, распространяя своё влияние на территории Дальнего Востока. В ряде случаев были зафиксированы и международные операции¹.

Наряду с объединениями профессиональных преступников все чаще появлялись банды, состоящие из политических ссыльнопоселенцев. Принадлежность последних к определенному политическому течению нивелировалась корыстным характером совершенных преступлений, переводивших их из разряда оппонентов действующей власти в положение нарушителей общеуголовного права. Обладая немалыми организаторскими способностями, отличными навыками конспирации и обращения с оружием, политические экстремисты создавали устойчивые преступные объединения, не уступавшие по степени общественной опасности бандам, состоявшим из уголовных рецидивистов. Идеологическая основа, имевшаяся у политических ссыльных, еще больше сплачивала соучастников преступлений и увеличивала количество пособников противоправных деяний. Показательными в этом отношении являлись события, связанные с деятельностью боевого комитета ссыльных анархистов – «Туруханских грабителей». По сообщениям местных властей, «жителями Туруханского края овладел панический страх... от станка Осиновского до города Туруханска всё было разграблено»².

Трагические события произошли в конце 1908 г. Первое нападение было совершено 7 декабря на д. Осиновую. Банда из 10 человек, вооруженная винтовками системы Бердана, напала на 8-х стражников и урядников Кожевникова и Волкова, остановившихся в деревне на ночлег. В результате дерзких действий два стражника Попов и Мельников были убиты, несколько местных жителей ранены. Забрав лошадей и вещи, преступники под угрозой смерти запретили жителям деревни выходить из домов и направились в Подкаменную Тунгуску, где пытались убить надзирателя Петра Швецова.

9 декабря банда въехала в д. Сумароково, в которой ограбила торговцев Калущких и убила надзирателя Нешумаева. 12 декабря в 9 часов утра в д. Чулково было со-

¹ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 757. Л. 82; Д. 884. Л. 6.

² Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. 595. Оп. 63. Д. 5770. Л. 102.

вершено нападение на почту из Туруханска. Последовательно проезжая с. Верхне-Инбатское, д. Алепскую, д. Ново-Черноостровскую, д. Мироедиху и с. Монастырское, преступники грабили и убивали.

20 декабря 1908 г. банда, под руководством Н. Дронова захватила Туруханск. В самом городе подверглись нападению касса специального сборщика министерства внутренних дел и почтовое отделение. Злоумышленники убили нескольких казаков, купца и помощника отдельного туруханского пристава Воденникова. После Туруханска банда ограбила с. Дудинское и станок Потаповский [11, с. 44].

4 января 1909 г. в Туруханском крае ввели военное положение¹. Для пресечения дальнейших действий особо опасных преступников спешно сформировали ополчение из местных жителей и зверопромышленников, были привлечены и войска. По указанию енисейского уездного исправника Константинова всем участвующим в операции по ликвидации банды следовало «действовать решительно и быстро, не упуская времени... подъезжая к местам действия, опасаться засад и высылать вперед разведчиков... употреблять в дело оружие, бесцельно вверх не стрелять»².

Как впоследствии докладывал поручик 31-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Н. Д. Нагурный, «шайку разбойников 18 человек нагнали в селе Хатангском... в перестрелке 5 разбойников: Дронов, Самойлов, Троицкий, Касперский и Асатула были убиты... трое: Дмитриев, Кравченко и Аксельруд ранены... десять сдались». У преступников было «найденно и отобрано: 12 нарезных и 13 гладкоствольных центрального боя ружей, 25 револьверов различных систем, 6 шашек, патронов к нарезному оружию 811, к гладкоствольному 842, револьверных 401 шт., 2 пуда пороха и около 13 тыс. рублей».

Находившиеся под конвоем злоумышленники предприняли отчаянную попытку избежать наказания. В ночь с 13 на 14 февраля около станка Доманского четверых бандитов – Сударикова, Никулина, Вейса и Мойса застрелили при попытке побега³. Остальные члены преступного объединения были осуждены и понесли заслуженное наказание.

Не менее драматичные события произошли тремя годами позже в Верхоленском уезде, где политическими ссыльными социалистами Е. Комаровым и М. Булычевым была организована «Боевая дружина» [7, с. 283]. Созданная для борьбы с «кровавым режимом самодержавия» дружина тем не менее решала сугубо криминальные задачи, сопряженные с грабежами и убийствами. Сформированная к началу 1912 г. из эсеров, анархистов и социалистов преступная группа располагала четырьмя тайниками с продовольствием и боеприпасами. Там же преступники укрывались после налетов. У злоумышленников имелся свой устав, определявший их количество, распределение ролей и вооружение.

¹ Об объявлении Туруханского края Енисейской губернии на военном положении, а Енисейского уезда, той же губернии, в состоянии усиленной охраны: Именной Высочайший указ, данный Сенату от 4 янв. 1909 г. № 31345 // ПСЗ РИ. 1909. Т. XXIX.

² ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 5770. Л. 44.

³ Там же. Л. 287.

Вот как описывала один из эпизодов преступной деятельности экстремистов местная пресса: «В ночь на 31 марта на следовавшую из Иркутска в Якутск по якутскому тракту почту, между селениями Манзуркой и Хорбатово, при спуске с горы, было совершено нападение десятью злоумышленниками, вооруженными винтовками и револьверами. Грабители выскочили из засады (из кустарника вблизи тракта) и открыли по ехавшим непрерывную стрельбу из оружия. Прежде всего была убита одна лошадь и другая ранена, а потому сопровождавшим почту нельзя было ускакать от нападавших. Грабители окружили почтовую повозку со всех сторон и, наставив дула оружия к груди сопровождавшего почтальона и ямщика, приказали под угрозой смерти не двигаться с места» [12, с. 3]. Похитив деньги и ценности на общую сумму около 11000 руб., злоумышленники скрылись.

Для борьбы с грабителями были организованы отряды местных крестьян и уездной полиции, снаряжена охотничья команда из 66 человек 13-го стрелкового полка во главе с жандармским ротмистром Соловьевичем.

Первое столкновение с членами банды привело к потерям среди правоохранителей. В перестрелке около села Боганты получили тяжелые ранения становой пристав Голяминский и урядник Панкратов [3, с. 351]. Однако поиски принесли и некоторые результаты. В пещере около д. Косая Степь был обнаружен тайник с оружием и ценными вещами, ограбленными на якутском тракте [1, с. 3]. Там же удалось задержать одного из главарей преступной группы М. Булычева. Второго предводителя боевой дружины Комарова уничтожили в нескольких километрах от с. Пономарево при попытке нападения на почтовый караван, перевозивший 62 пуда золота [2, с. 4].

Очевидно, что действия подобных объединений имели большой общественный резонанс, а их члены политические экстремисты являлись особо опасными преступниками, совершавшими тяжкие уголовные преступления с применением огнестрельного оружия. Таким образом, в Восточной Сибири зачастую стиралась грань между противоправной деятельностью профессиональных преступников и актами экспроприации политических оппонентов действующей власти.

В совокупности и те, и другие создавали устойчивые преступные объединения, отличавшиеся жесткой дисциплиной, согласованностью действий всех участников в выполнении воли организатора, предварительной договоренностью о совершении нападений, длительным временем существования и организованностью.

Обращает на себя внимание и схожая тактика преступных действий, включавших в себя тщательную предварительную подготовку, использование широкой сети пособников и осведомителей, применение огнестрельного оружия, наличие жертв и явно корыстные цели.

В результате появления значительного количества таких объединений и их высокой криминальной активности именно на территории Восточной Сибири уголовная преступность заявила о себе на качественно новом уровне – она стала угрожать основам государственной безопасности.

Все это побуждало власти к чрезвычайным мерам. В одних случаях вводилось военное положение, в других – формировалось ополчение из крестьян и привлекались

войска. При обнаружении злоумышленников либо уничтожали на месте, либо предавали военным судам с последующей казнью.

Однако введение особых правовых режимов и применение решительных и жестких мер по устранению наиболее активных преступных объединений, действовавших на территории края, не решало проблему даже частично. Преодолевая противодействие правоохранителей, преступная среда сплотилась и выработала еще более эффективные способы действий. Это продемонстрировали последующие события, произошедшие на территории Верхоленского уезда.

Утром 19 июня 1915 г. группа из одиннадцати вооруженных преступников совершила нападение на г. Верхоленск. Целью налета являлись уездное казначейство и уездное полицейское управление. Действуя по заранее разработанному плану, злоумышленники разделились на две группы и практически одновременно напали на чиновников казначейства и полицейских служащих. В результате были убиты присяжный И. Толмачев, городовой И. Черкашинов и У. Толмачев, а казначей М. Золотарев, бухгалтер Васильев, присяжный Гореванов и городской Сокольников тяжело ранены¹. Бандиты завладели 140 тыс. руб., 1 114 паспортами, 4 револьверами «Наган», 6 винтовками и беспрепятственно покинули город [5, с. 53].

Местные полицейские силы оказались парализованы страхом и бездействовали. Для уничтожения банды потребовались совместные усилия чиновников Иркутского сыскного отделения, уездной полиции, офицеров Иркутского губернского жандармского управления и Забайкальского железнодорожного жандармского управления.

Через некоторое время правоохранителям удалось выйти на след злоумышленников, остановившихся для отдыха в деревянном балагане на берегу реки Идочер. После непродолжительных переговоров, окончившихся перестрелкой, полицейские и жандармы ликвидировали большую часть банды. На месте проведения операции правоохранители обнаружили крупную сумму денег в 144 714 руб., 24 паспорта и внушительный арсенал оружия, состоявший из 16 пистолетов, 18 винтовок и мешка с патронами².

Дерзкие и жестокие способы достижения преступных целей «верхоленских грабителей» продемонстрировали тот уровень противоправной деятельности, которого достигли криминальные объединения, создаваемые на территории Восточной Сибири в начале XX столетия.

Характерно, что для пресечения деятельности банды потребовались совместные усилия всех силовых структур региона, включая политическую полицию, офицерам которой циркулярным распоряжением министра внутренних дел №106765 от 28 февраля 1910 г. категорически запрещалось производство дел общеуголовного характера³.

Такие экстраординарные меры свидетельствовали о том, что проблема борьбы с преступными объединениями на территории Восточной Сибири приобретала статус

¹ ГАИО. Ф. 242. Оп. 1. Д. 246. Л. 381.

² Там же. Л. 18.

³ Там же. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1151. Л. 12.

первоочередной и наиболее важной для сохранения политической власти российского самодержавия.

Очевидно и то, что недостаточная изученность криминальных сообществ, обладавших высокой степенью сплоченности, отличной вооруженностью, большой численностью, мобильностью и наличием широкой сети пособников, исключала соответствующее правоприменение в правоохранительной деятельности общей и сыскной полиции.

В отечественном уголовном законодательстве отсутствовали правовые нормы, регламентирующие способы противодействия этим опасным проявлениям преступности. В одних случаях их замещали введением особых правовых режимов, в других – предельной концентрацией усилий с привлечением ополчения, военных и политической полиции.

Такое явное несоответствие криминологической теории и правоохранительной практики, сложившееся на территории Восточной Сибири в начале XX столетия, сужало возможности местных правоохранительных структур и представляло определенную свободу действий преступникам. Все вместе взятое вело к существенному снижению личной и имущественной безопасности сибирского населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Корреспонденции // Сибирский край. – 1912. – № 50. – С. 3.
2. Корреспонденции // Сибирский край. – 1912. – № 44. – С. 4.
3. Криминальные хроники Иркутска: хронологический перечень. – Иркутск, 2013. – 351 с.
4. Российское законодательство X–XX веков: тексты и комментарии: в 9 т. / под ред. О.И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1988. – Т. 6. – 432 с.
5. Рубцов С.Н., Сысоев А.А. Верхоленская полиция в начале XX века // Иркутская губерния. – 2002. – № 1. – С. 51–55.
6. Рубцов С.Н., Сысоев А.А. Уголовный сыск российской полиции Восточной Сибири: монография / 2-е изд., испр., доп.; С.Н. Рубцов, А.А. Сысоев. – Красноярск: Институт естественных и гуманитарных наук Сибирского федерального университета, 2007. – 215 с.
7. Серебреников И.П. Роль и место ссыльных в террористической деятельности революционеров в Восточной Сибири в конце XIX–начале XX в. // Политическая ссылка XVII–начала XX в. и сибирское общество. – 2017. – № 8 (20). – С. 283–285.
8. Сысоев А.А. Иркутское губернское жандармское полицейское управление и «ликвидация» грабительских организаций в Восточной Сибири // Земля Иркутская. – 2005. – № 2. – С. 80–83.
9. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая: В 2 т. / сост. и отв. ред. Загородников. – М.: Наука, 1994. – Т. 1. – 380 с.
10. Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года. С дополнениями на 1-е января 1876 г. Издание второе переработанное и дополненное. – Санкт-Петербург: Тип. Стасюлевича, 1876. – 726 с.
11. Туруханский «Бунт» // Сибирские вопросы. – 1910. – № 34–35. – С. 43–45.
12. Хроника // Сибирь. – 1912. – № 76. – С. 3.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Correspondence // Siberian region. – 1912. – № 50. – С. 3.
2. Correspondence // Siberian region. – 1912. – № 44. – С. 4.
3. Criminal Chronicles of Irkutsk: chronological list. – Irkutsk, 2013. – 351 p.
4. Russian legislation of the X–XX centuries: texts and comments: in 9 vols. / ed. – Moscow: Legal literature, 1988. – Т. 6. – 432 p.
5. Rubtsov S. N., Sysoev A. A. Verkholenskaya police in the early XX century. – Irkutsk province. – 2002. – № 1. – P. 51–55.
6. Rubtsov S. N., Sysoev A. A. criminal investigation of the Russian police of Eastern Siberia: monograph. 2nd ed., ISPR., additional / S. N. Rubtsov, A. A. Sysoev. – Krasnoyarsk: Institute of natural and humanitarian Sciences of Siberian Federal University, 2007. – 215 p.
7. Serebrennikov I. p. the Role and place of exiles in the terrorist activities of revolutionaries in Eastern Siberia in the late XIX-early XX century. // Political exile XVII-early XX century and Siberian society. – 2017. – № 8 (20). – P. 283–285.
8. Sysoev A. A. Irkutsk provincial gendarme police Department and "liquidation" of predatory organizations in Eastern Siberia. – 2005. – № 2. – P. 80–83.
9. Tagantsev N. S. Russian criminal law: Lectures. Part 1: In 2 t. / Comp. and Rel. ed. Zagorodnikov N. I.; RAS. Institute of state and law. – M.: Nauka, 1994. – Т. 1. – 380 p.
10. Tagantsev N. S. the Statute on criminal and correctional punishments of 1866. With additions on January 1, 1876 the Second edition revised and supplemented. – St. Petersburg: Type. Stasyulevich, 1876. – 726 p.
11. Turukhansky "Revolt" // Siberian questions. – 1910. – № 34-35. – P. 43–45.
12. Chronicle // Siberia. – 1912. – № 76. – P. 3.

УДК 342.415

DOI 10.24411/2312-3184-2020-10004

Шаламова Алиса Наильевна
начальник кафедры государственно-
правовых дисциплин Восточно-
Сибирского института МВД России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: alisa.shalamova@yandex.ru

Shalamova Alisa Nailevna
head of the Department of State Law Dis-
ciplines of the East Siberian Institute of the
Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor
E-mail: alisa.shalamova@yandex.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ КАК ПУТЬ УТВЕРЖДЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)

Введение: в статье рассмотрены новые оценки и характеристики социального государства в юридической науке.

Материалы и методы: основу исследования составляет законодательство Республики Казахстан, научные исследования в области конституционного права, сравнительного правоведения по изучаемой проблематике. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, а также методы логической дедукции, индукции, познавательные, статистические методы, приемы сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: показаны изменения в законодательстве Республики Казахстан, направленные не только на реализацию социальной политики в узком смысле, т. е. на социальное обеспечение нуждающихся из социальных фондов, на социальную защиту, но и на развитие предпринимательства, как полезную творческую деятельность экономически активного населения. Предприниматели осуществляют самообеспечение достойного жизненного уровня для себя и членов своей семьи, и в то же время выполняют общезначимую задачу развития экономики, т. е. уровень развития предпринимательства напрямую связан с характеристикой государственности как социальной.

Выводы и заключения: в последние годы в Республике Казахстан предприняты активные меры по развитию законодательства, направленного на создание малого и среднего предпринимательства, благоприятных условий для эффективного, безопасного и комфортного ведения бизнеса. Этот опыт представляет интерес для российского законодателя и органов, обеспечивающих развитие предпринимательства, реализации гражданами своего конституционного права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, предусмотренной ст. 34 Конституции РФ.

Ключевые слова: социальное государство, правовое регулирование, законодательство Республики Казахстан, экономика, правовая политика.

LEGAL REGULATION OF THE SOCIAL SPHERE AS A WAY OF ESTABLISHING SOCIAL STATEHOOD

Introduction: the article discusses new assessments and characteristics of the social state in legal science.

Materials and methods: the basis of the study is the legislation of the Republic of Kazakhstan, scientific research in the field of constitutional law, comparative law on the studied issues. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive, statistical methods, methods of comparison, analysis, generalization and description.

Research results: The changes in the legislation of the Republic of Kazakhstan are shown, aimed not only at the implementation of social policy in the narrow sense, that is, at the social security of those in need from social funds, at social protection, but also in the development of entrepreneurship as a kind of useful creative activity of the economically active population. Entrepreneurs carry out self-sufficiency of a decent standard of living for themselves and their family members, and at the same time fulfill the generally significant task of developing the economy. That is, the level of development of entrepreneurship is directly related to the characterization of statehood as social.

Summary and Conclusion: in recent years, the Republic of Kazakhstan has taken active measures to develop legislation aimed at creating favorable conditions for entrepreneurs, primarily those belonging to small and medium-sized enterprises, for effective, safe and comfortable business. This Kazakhstani experience is subject to careful reflection. to the Russian legislator and bodies providing for the development of entrepreneurship, the exercise by citizens of their constitutional right to freely use their abilities and property for entrepreneurial and other economic activities not prohibited by law, provided for by Art. 34 of the Constitution of the Russian Federation

Keywords: social state, legal regulation, legislation of the Republic of Kazakhstan, economics, legal policy.

В ст. 1 Конституции Республики Казахстан установлено: «Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы»¹. Такая характеристика, как «социальное государство», ко многому обязывает. Органы публичной власти в государстве во взаимодействии с гражданским обществом должны через документы стратегического планирования, законодательство и правоприменительную практику успешно проводить соответствующую правовую по-

¹ Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 авг. 1995 г.) (с изм. и доп. по сост. на 23.03.2019 г.) // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения 13.11.2019).

литику. Как представляется, современному казахстанскому руководству во главе с президентом страны К.-Ж. Токаевым, получившему основные векторы экономической и социальной политики от первого президента Казахстана Н. А. Назарбаева, поступательное движение к этой цели вполне удастся. Коррективы, которые вносит новое правительство в неизменный общий курс на социальную государственность, соответствуют текущим задачам и современной обстановке, выработаны в результате социально-экономической верификации положений действующих законов и социальных практик.

В последние годы в юридической литературе наблюдается оправданная, на наш взгляд, тенденция в характеристиках государственности как социальной.

Ранее для раскрытия сущности социального государства использовались преимущественно такие категории, как «социальная защита», «социальные услуги», «социальное признание», «попечение», т. е. существо социального государства рассматривалось через призму социальной функции государства, понимаемой в самом узком смысле как деятельности по материальному обеспечению за счет социальных фондов и заботе о представителях тех общественных групп, которые лишены возможности сами себя содержать и обеспечивать – пожилые люди, инвалиды, одинокие матери малолетних детей, дети-сироты и т. п. Безусловно, данное направление деятельности является в условиях социальной государственности чрезвычайно важным, и мы ранее уже подробно рассматривали его под углом обеспечения и защиты правового статуса личности [1].

Ныне акценты в характеристиках социального государства несколько меняются. Социальной следует признать такую государственность, при которой публичная власть создает достойные условия существования, возможности для удовлетворения своих материальных и духовных потребностей, исходя из принципов равенства и социальной справедливости для всех граждан государства. При этом имеется в виду не только и даже не столько социальная защита в узком смысле, сколько создание подготавливающих условий для саморазвития личности, для реализации ею своего потенциала и через эту реализацию – для самообеспечения материальных и духовных потребностей своих и членов семьи.

Г. Е. Канафина и Э. С. Орозалиев, исследовав и обобщив разные подходы к пониманию сущности социального государства, констатируют, что «социальное государство является наиболее высокоразвитым типом государства, который обеспечивает всем своим гражданам высокий уровень социальной защищенности через деятельность государства, регулирующего социальную, экономическую и другие сферы жизнедеятельности общества и утверждающего социальную солидарность и справедливость... Равные для всех возможности и исключает какие-либо привилегии и не допускает такое регулирование экономики, которое наносит ущерб развитию рыночных отношений» [2, с. 69].

Можно согласиться с М. А. Мушинским, который отмечает тренд к сближению доктрин «правового государства» и «социального государства»: «в последнее время постепенно наблюдается диффузия двух конституционных доктрин – правового государства и социального государства. Правовое государство все больше воспринимает-

ся не как форма политической власти, обеспечивающая каждому участие в политической жизни, а как политический механизм, обеспечивающий каждому достойное существование. Ведь не случайно во Всеобщей декларации прав человека такая безусловная гуманитарная ценность, как достоинство личности, увязана прежде всего не с какими-то политическими аспектами, а с полноценными условиями для приложения своего труда, социальным обеспечением, с должным жизненным уровнем. И патернализм (в разумных, само собой, пределах) в данном случае не порок, а нормальная социальная практика, обеспечивающая реализацию общественного договора с государством» [3, с. 68].

Ж. Д. Даулетханова точно подметила, что «наиболее оптимальной моделью социальной политики является синтез двух тенденций, предполагающий, с одной стороны, акцент на социальное государство и социальную экономику, а, с другой стороны, использование рыночных механизмов разработки и реализации социальной политики. При этом возвращение государства в социальную сферу не должно рассматриваться как закрепление тенденций патернализма, когда государство полностью берет на себя все обязательства по социальному благополучию населения. Государство в таком случае выступает одним из ведущих субъектов социально-экономических отношений», беря на себя функцию стимулирования экономической активности населения [4, с. 111].

Среди законных способов самообеспечения («заработка») можно выделить два основных, характерных для социальной государственности: 1) осуществление предпринимательской деятельности, открытие гражданином собственного бизнеса в качестве индивидуального предпринимателя без образования юридического лица, либо вхождение в число совладельцев юридического лица; 2) трудовая деятельность по найму. И лишь по отношению к тем гражданам, кто в силу каких-либо причин субъективного или объективного характера не способен к труду, к самообеспечению, либо временно лишен такой возможности, государство «включает» инструменты социальной поддержки и защиты в узком смысле – пособия, пенсии, иные социальные выплаты, бесплатное или льготное предоставление медикаментов, медицинской техники и т. п. При этом социальная политика и в данном случае включает в себя усилия по возвращению «временно выбывшего» из экономически активной среды гражданина путем профессионального обучения и переподготовки, в том числе обучения «посильным» для пожилых или людей с ограниченными возможностями, и при этом востребованным на рынке профессиям; путем создания рабочих мест в сфере надомного труда, утверждения соответствующих лимитов для работодателей и поощрения тех из них, кто обеспечивает трудоустройство инвалидов; путем обеспечения трудовой мобильности населения, в том числе в контексте перемещений по территории государства; путем создания комфортной («безбарьерной») городской среды, позволяющей инвалиду добраться до рабочего места, и другими различными способами.

Мы уже отмечали, что социальная сфера как объект правовой политики государства представляет собой совокупность общественных отношений, общее содержание которых (при всем видовом многообразии) образуют следующие генеральные направления реализации социальной политики: 1) социальное обслуживание граждан,

т. е. предоставление социальных услуг; 2) социальная поддержка и защита тех категорий граждан, для которых самообеспечение и самозащита невозможны либо затруднительны по объективным причинам; 3) государственная поддержка не приносящих доход видов деятельности, жизненно важных для нормального существования и развития личности, достойной жизни граждан (здравоохранение, образование, культура, физкультура и спорт) [5, с. 22]. Согласно закону РК «О специальных социальных услугах» «специальные социальные услуги – комплекс услуг, обеспечивающих лицу (семье), находящемуся в трудной жизненной ситуации, условия для преодоления возникших социальных проблем и направленных на создание им равных с другими гражданами возможностей участия в жизни общества»¹. Помимо данного акта, социальное законодательство включает также закон РК «О государственных социальных пособиях по инвалидности и по случаю потери кормильца в Республике Казахстан»², закон РК «О государственной адресной социальной помощи»³, закон РК «О минимальных социальных стандартах и их гарантиях»⁴ и ряд других актов законодательства. Таким образом, в стране на сегодня создан надежный правовой фундамент для реализации в жизненных практиках концепции социального государства в ее «пассивной» части – в сфере социальной поддержки и защиты.

Имеется необходимая законодательная база и для развития социальной государственности в «активной» части – в области труда и предпринимательства. Причем акцент мы сделаем именно на предпринимательской деятельности как сфере (и средстве) максимальной социально-экономической активности населения, основанной на частной собственности, рыночной экономике и гражданском обществе правового и социального государства.

В ч. 4 ст. 26 Конституции РК провозглашено: «Каждый имеет право на свободу предпринимательской деятельности, свободное использование своего имущества для любой законной предпринимательской деятельности. Монополистическая деятельность регулируется и ограничивается законом. Недобросовестная конкуренция запрещается». Отметим при этом, что в основном законе республики есть положение, устанавливающее конституционную основу социальной ответственности бизнеса. Аналогичная норма есть в конституциях далеко не каждого государства. Не включили ее и в Конституцию РФ. А нужно было бы включить, как показывает новейшая история российского предпринимательства. Норма эта звучит следующим образом: «Соб-

¹ О специальных социальных услугах: закон Республики Казахстан от 29 дек. 2008 г. № 114-IV ЗРК (ред. от 01.04.2019) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан "Әділет". URL: <http://adilet.zan.kz> (дата обращения 13.11.2019).

² О государственных социальных пособиях по инвалидности и по случаю потери кормильца в Республике Казахстан: закон Республики Казахстан от 16 июня 1997 г. № 126 (ред. от 26.12.2018) // Там же.

³ О государственной адресной социальной помощи: закон Республики Казахстан от 17 июля 2001 г. № 246 (ред. от 03.04.2019) // Там же.

⁴ О минимальных социальных стандартах и их гарантиях: закон Республики Казахстан от 19 мая 2015 г. № 314-V // Там же.

ственность обязывает, пользование ею должно одновременно служить общественному благу» (ч. 2 ст. 6 Конституции РК).

В течение нескольких последних лет Правительство РК предпринимает последовательные шаги, направленные на развитие предпринимательской активности населения, создание комфортных и безопасных условий для ведения бизнеса, прежде всего в его малых и средних формах. Ведь именно малое и среднее предпринимательство в современных государствах признается драйвером экономики. В основу реформ последних 5 лет легла программа главы государства Н. А. Назарбаева от 20 мая 2015 г. «План нации – 100 конкретных шагов по реализации пяти институциональных реформ»¹. В частности, данной программой предусматривается создание некоммерческого акционерного общества (НАО) Государственная корпорация «Правительство для граждан», которая должна интегрировать все центры обслуживания населения в единую систему с целью получения гражданами всех государственных услуг в одном месте.

Далее, в 2015 г. был принят Закон РК², в соответствии с которым внесены изменения и дополнения в ряд законодательных актов в части осуществления деятельности в сфере оказания государственных услуг предпринимателям – физическим и юридическим лицам – по принципу «одного окна»: по регистрации залогов движимого имущества, технического обследования зданий и сооружений, ведения государственного земельного кадастра и др. В начале 2016 г. названная Госкорпорация со стопроцентным участием государства в ее уставном капитале была создана путем реорганизации целого ряда республиканских государственных предприятий и центров, ранее оказывавших соответствующие услуги предпринимателям от имени государства³. Это организационно-правовое решение значительно облегчило для предпринимателей процесс получения связанных с открытием и ведением бизнеса государственных услуг. В регионах республики создано 70 филиалов и одно представительство Госкорпорации⁴.

Одно из последних нововведений, связанных с работой Госкорпорации заключается в том, что с 1 июля 2019 г. предусмотрена передача функции государственной регистрации коммерческих юридических лиц от органов Министерства юстиции РК в Государственную корпорацию «Правительство для граждан» (в то время как НКО продолжают регистрироваться в Минюсте). При этом субъекты малого бизнеса могут пройти регистрацию даже онлайн.

¹ План нации – 100 конкретных шагов по реализации пяти институциональных реформ главы государства Нурсултана Назарбаева (май 2015 г.) // ИС «Юрист». URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения 13.11.2019).

² О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты по вопросам оказания государственных услуг: закон Республики Казахстан от 17 нояб. 2005 г. № 408-V // Там же.

³ О создании некоммерческого акционерного общества «Государственная корпорация «Правительство для граждан»»: постановление Правительства Республики Казахстан от 29 янв. 2016 г. № 39 // Там же.

⁴ Некоммерческое акционерное общество «Государственная корпорация «Правительство для граждан»». URL: <https://gov4c.kz/ru/> (дата обращения 13.11.2019).

Названная новелла введена в апреле 2019 г. законом РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам развития бизнес-среды и регулирования торговой деятельности»¹. Этим очень значительным по объему законодательным актом внесены существенные изменения в гражданское и гражданско-процессуальное законодательство, в правовые механизмы стабилизации цен на социально значимые продовольственные товары, в правовое регулирование торговой деятельности, работы специальных экономических зон, в налоговое законодательство и многие другие. Лейтмотив всех этих изменений и дополнений – совершенствование правового регулирования предпринимательской деятельности, активизация гражданской активности в данной сфере, диверсификация экономики и повышение благосостояния граждан, членов семей предпринимателей путем обеспечения благоприятных условий для самого предпринимательства как рода предметной и творческой человеческой деятельности. Иными словами, это продолжение реализации курса на построение социальной государственности.

Помимо названных мер, в июле 2019 г. Президентом Казахстана введен мораторий на создание субъектов квазигосударственного сектора: это мера, направленная на сокращение участия государства в предпринимательской деятельности и создание условий для дальнейшего развития частного сектора².

Тогда же, в июле 2019 г. объявлена налоговая амнистия³, в соответствии с которой предпринимателям – гражданам Казахстана, уплатившим основную сумму задолженности, списывают пени и штрафы. По предварительным подсчетам под амнистию попадают более 90 тыс. субъектов малого и среднего бизнеса. Для списания штрафов и пени должникам нужно просто уплатить в бюджет сумму основного долга по налогам. В то же время амнистия не распространяется на подакцизные группы компаний, на предпринимателей, ведущих бизнес в нефтяном секторе и, конечно же, лжепредпринимателей.

И, наконец, в декабре 2019 г. Президентом Казахстана в целях улучшения условий для развития малого предпринимательства, в том числе микропредпринимательства, введен мораторий на часть контрольно-надзорной деятельности государства в отношении соответствующих субъектов: центральным государственным и местным исполнительным органам указано прекратить с 1 января 2020 г. до 1 января 2023 г. проверки и профилактический контроль и надзор с посещением субъектов малого предпринимательства, в том числе субъектов микропредпринимательства, за исклю-

¹ О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам развития бизнес-среды и регулирования торговой деятельности: закон Республики Казахстан от 2 апр. 2019 г. № 241-VI // ИС «Юрист». URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения 13.11.2019).

² О введении моратория на создание субъектов квазигосударственного сектора: указ Президента Республики Казахстан от 3 июля 2019 г. № 51 // ИС «Юрист». URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения 13.11.2019).

³ О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования и развития финансового рынка, микрофинансовой деятельности и налогообложения: закон Республики Казахстан от 3 июля 2019 г. № 262-VI // Там же.

чением проверок, направленных на предотвращение или устранение нарушений, которые потенциально несут массовую угрозу жизни и здоровью населения, окружающей среде, законности и общественному порядку; прямую или непосредственную угрозу конституционному строю и национальной безопасности, а также ряда других «неотложных» случаев, когда от проверок просто невозможно отказаться без рисков для важнейших социально-правовых ценностей¹.

Таким образом, как представляется, российскому законодателю и органам, обеспечивающим развитие предпринимательства, реализацию гражданами своего конституционного права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, предусмотренной ст. 34 Конституции РФ, необходимо тщательно изучить и использовать соответствующий казахстанский опыт. Причем не только в содержательной, но и в процедурно-обеспечительной части, в контексте обеспечения эффективности принимаемых законов на стадии их реализации. Так, например, обращает на себя внимание тщательная организация подзаконного нормативно-правового сопровождения реализации положений законов, оформляемая правовым актом руководителя Правительства Республики Казахстан².

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Шаламова А. Н. Механизм обеспечения и защиты правового статуса лиц, самостоятельная реализация и самозащита для которых затруднены из-за особых обстоятельств / А. Н. Шаламова // Сибирский юридический вестник. – 2017. – № 1 (76). – С. 42–49.

2. Канафина Г. Е. Особенности формирования социального государства в Кыргызстане и Казахстане / Г. Е. Канафина, Э. С. Орозалиев // Известия вузов Кыргызстана. – 2015. – № 11. – С. 69–71.

3. Мушинский М. А. О соотношении доктрин правового и социального государства и их реализации в российской политико-правовой практике в контексте современных социальных и политических перемен / М. А. Мушинский // Теория государства и права. – 2019. – № 1 (13). – С. 60–70.

4. Даулетханова Ж. Д. Исследование механизма государственного регулирования социальной сферы Республики Казахстан / Ж. Д. Даулетханова // Экономический анализ: теория и практика. – 2016. – № 3. – С. 111–120.

5. Шаламова А. Н. Правовая политика в социальной сфере / А. Н. Шаламова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 3 (90). – С. 20–31.

¹ О введении моратория на проведение проверок и профилактического контроля и надзора с посещением в Республике Казахстан: указ Президента Республики Казахстан от 26 дек. 2019 г. № 229 // ИС «Юрист». URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения 13.11.2019).

² См., напр.: О мерах по реализации закона Республики Казахстан от 2 апреля 2019 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам развития бизнес-среды и регулирования торговой деятельности»: распоряжение премьер-министра Республики Казахстан от 30 мая 2019 г. № 98-р // Там же.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Shalamova A. N. The mechanism for ensuring and protecting the legal status of persons whose independent implementation and self-defense are difficult for them due to special circumstances / A. N. Shalamova // *Siberian Law Journal*. – 2017. – № 1 (76). – P. 42–49.
2. Kanafina G. E. Features of the formation of a social state in Kyrgyzstan and Kazakhstan / G. E. Kanafina, E. S. Orozaliev // *News of the Universities of Kyrgyzstan*. – 2015. – № 11. – P. 69–71.
3. Mushinsky M. A. On the correlation of the doctrines of the legal and social state and their implementation in Russian political and legal practice in the context of modern social and political changes / M. A. Mushinsky // *Theory of state and law*. – 2019. – № 1 (13). – P. 60–70.
4. Dauletkanova Zh. D. Study of the mechanism of state regulation of the social sphere of the Republic of Kazakhstan / J. D. Dauletkanova // *Economic analysis: theory and practice*. – 2016. – № 3. – P. 111–120.
5. Shalamova A. N. Legal policy in the social sphere / A. N. Shalamova // *Bulletin of the East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2019. – № 3 (90). – P. 20–31.

УДК 34.343.3

DOI 10.24411/2312-3184-2020-10005

Андрюшенков Владимир Александрович
доцент факультета очного обучения
Автономной некоммерческой
образовательной организации высшего
образования «Сибирский институт
бизнеса и информационных технологий»
кандидат юридических наук
E-mail: andryushenkov_va@mail.ru

Andryushenkov Vladimir Aleksandrovich
the Assistant Professor of the Department of
Full-time Education of Autonomous Non-
profit Educational Organization of Higher
Education «Siberian Institute of Business and
Information Technologies»
Candidate of Law
E-mail: andryushenkov_va@mail.ru

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

Введение: в статье рассмотрены проблемные аспекты правового регулирования сферы незаконной миграции от преступных посягательств. Предложен ряд концептуальных решений вопросов противодействия незаконной миграции с учетом последних изменений и дополнений норм действующего законодательства в данной сфере. Изучены различные аспекты незаконной миграции через призму анализа угроз национальной безопасности Российской Федерации. Приводится и детально анализируется нормативно-правовая база в сфере противодействия незаконной миграции. Указывается на необходимость совершенствования норм действующих уголовного и административного законодательств.

Материалы и методы: нормативную базу исследования составили уголовное законодательство Российской Федерации, а также национальное законодательство в области законных перемещений иностранных граждан и лиц без гражданства. Методологической основой исследования явился общий диалектический метод научного познания. В процессе исследования автором применялись методы дедукции, индукции, сравнения, анализа, синтеза, описания, обобщения, позволяющие всесторонне и объективно подойти к исследованию вопроса противодействия незаконной миграции.

Результаты исследования: позволили уточнить и охарактеризовать отдельные положения, касающиеся незаконной миграции, раскрыть их существенные особенности с учетом специфики законодательной и правоприменительной практики. Автор пришел к выводам относительно уточнения законодательной регламентации норм в области противодействия незаконной миграции.

Выводы и заключения: проанализированные законодательные положения, различные точки зрения ученых-правоведов позволили прийти к выводу о том, что основные положения существующей государственной политики в области противодействия незаконной миграции нуждаются в совершенствовании и дополнении норм действующего уголовного законодательства. Автором обоснован и аргументирован вывод об уточнении и дополнении нормы ст. 322.1. УК РФ, что позволит более детально регулировать процесс противодействия незаконной миграции уголовно-правовыми мерами на законодательном уровне. Существующие тенденции формирования основных положений государственной политики в области противодействия незаконной миграции позволили сформировать вывод о необходимости дальнейшего совершенствования норм действующего законодательства в рассматриваемой области с учетом социальных, политических и экономических факторов, происходящих в государстве.

Ключевые слова: противодействие, незаконная миграция, экстремизм, национальная безопасность, эпидемиологическая безопасность, уголовная ответственность, совершенствование законодательных норм.

MODERN RUSSIAN POLICY IN THE FIELD OF COUNTERING ILLEGAL MIGRATION

Introduction: the article considers the problematic aspects of the legal regulation of the sphere of illegal migration from criminal offenses. A number of conceptual solutions to the issues of combating illegal migration are proposed, taking into account the latest changes and additions to the current legislation in this area. Various aspects of illegal migration through the prism of the analysis of threats to the national security of the Russian Federation are studied. The legal framework in the field of combating illegal migration is given and analyzed in detail. The necessity of improving the norms of existing criminal and administrative laws is indicated.

Materials and methods: The regulatory framework of the study was constituted by the criminal legislation of the Russian Federation, as well as national legislation in the field of legal movements of foreign citizens and stateless persons. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge. In the process of research, the author applied methods of deduction, induction, comparison, analysis, synthesis, description, generalization, allowing a comprehensive and objective approach to the study of the issue of combating illegal migration.

Results of the study: The results of the study made it possible to clarify and characterize certain provisions related to illegal migration, to reveal their essential features, taking into account the specifics of legislative and law enforcement practice. The author came to conclusions regarding the clarification of the legislative regulation of the norms in the field of combating illegal migration.

Summary and Conclusion: the analyzed legislative provisions, the different points of view of legal scholars led to the conclusion that the main provisions of the existing state policy in the field of combating illegal migration need to be improved by means of amending and supplementing the norms of the current criminal law in the field in question. The author substantiated and reasoned the conclusion about the clarification of the norm of Art. 322.1. The Criminal Code of the Russian Federation through amendments and additions to this norm, which, in turn, will allow more detailed regulation of the process of counteracting illegal migration by criminal law measures at the legislative level. The existing trends in the formation of the main provisions of state policy in the field of combating illegal migration have led to the conclusion that it is necessary to further improve the current legislation in this area, taking into account social, political and economic factors occurring in the state.

Keywords: counteraction, illegal migration, extremism, national security, epidemiological security, criminal liability, improvement of legislative norms.

В настоящее время проходящие в Российской Федерации миграционные процессы стали одной из глобальных проблем современной действительности. Это связано с тем, что незаконное перемещение через государственную границу Российской Федерации показывает стабильный рост при тенденции уменьшения общего количества совершаемых преступлений на территории России. Так, согласно статистическим данным Главного управления правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры РФ с января по декабрь 2018 г. в России было зарегистрировано 1 991 532 преступления, что на 66 944 меньше аналогичного периода прошлого года¹.

В концепции государственной миграционной политики на 2019–2025 гг. отмечается, что «в 2012–2017 гг. интенсивность внутренней миграции в Российской Федерации увеличилась на 10 %. При этом сохранилась общая тенденция к оттоку населения в Центральный, Северо-Западный, Юго-Западный регионы страны, что является постоянным фактором роста диспропорции в размещении населения»².

Незаконной миграцией является не только незаконный въезд или выезд с территории Российской Федерации, но и незаконное пребывание в тех случаях, когда иностранный гражданин или лицо без гражданства въехало на территорию России на законных основаниях, но после окончания срока пребывания выезд не последовал, а также осуществление нелегальной трудовой деятельности на территории Российской Федерации.

Общеизвестно, что незаконная миграция является побочным следствием процесса глобализации и представляет угрозу национальной безопасности России. Во-первых, нелегальная миграция всегда связана с транснациональными преступными организациями, которые осуществляют не только экстремистскую, террористическую деятельность, но и иную запрещенную законом. Так, в августе 2019 г. сотрудни-

¹ Состояние преступности в России за январь–декабрь 2018 г. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/be9/sbornik_12_2018.pdf (дата обращения 22.12.2019).

² О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы: указ Президента РФ от 31.10.2018 г. № 622 // СЗ РФ. 2018. № 45. Ст. 6917.

ками ФСБ РФ была пресечена преступная деятельность религиозно-экстремистской ячейки в Калужской области, участниками которой стали шесть уроженцев государств Центральной Азии. Данная организация систематически и регулярно отправляла денежные средства запрещенной в России организации террористов «Исламское государство» [16]. Важно отметить не единичный характер действий такого характера иностранными гражданами [8], они стали приобретать всеобъемлющий преступный характер. Общеизвестно, что данные организации нуждаются в постоянном поиске новых членов преступных группировок, их вербовке и обучении. Как показывает практика, идеальными кандидатами становятся лица, незаконно выезжающие либо находящиеся на территории Российской Федерации.

Во-вторых, нелегальные мигранты, стремящиеся заработать, оказываются вовлеченными в теневую экономику, становятся заложниками рабского труда. Трудясь в теневом секторе экономики, они уклоняются от уплаты налогов и сборов в бюджеты соответствующих уровней. Как результат, наблюдается колоссальный отток денежных средств. Российское государство является исключительно местом получения заработка, а не постоянного законного места жительства с вытекающими из этого правовыми последствиями. Не случайно в научной литературе активно используется термин «миграндоллар» [13], который означает денежные переводы мигрантов из стран пребывания, где они находятся на заработках, в страну-родину. Е. Тюрюканова представила следующие данные: «средний гражданин Молдавии ежемесячно посылает домой \$110, Азербайджана – \$133, Украины – \$130, Армении – \$130, Узбекистана – \$52, Грузии \$86, Таджикистана – \$51. А за весь срок пребывания в России каждый гражданин Азербайджана послал домой всего \$5852, Армении – \$4810, Грузии – \$4042, Молдавии – \$2750, Украины – \$2210, Казахстана – \$1121, Белоруссии – \$2140, Таджикистана – \$765, Киргизии – \$711, Узбекистана – \$676» [13]. Как видим, речь идет об огромных суммах, которые российское государство теряет и не облагает соответствующими налогами.

Среди угроз национальной безопасности России вследствие незаконной миграции важно отметить и эпидемиологическую безопасность Российской Федерации. Неконтролируемые потоки мигрантов во многом являются причиной появления и разрастания инфекционных, эпидемиологических заболеваний на территории нашего государства.

Существенные негативные факторы свидетельствуют о необходимости более глубокого и всестороннего исследования незаконной миграции, а также выработки мер по предупреждению и профилактике данного явления, которые должны реализовываться в рамках государственной политики.

Согласно п. 6 Концепции государственной миграционной политики на 2019 – 2025 гг. «за последние два десятилетия миграционный прирост в значительной степени компенсировал более половины естественной убыли населения. Согласно расчету Федеральной службы государственной статистики о перспективной численности населения до 2030 года (высокий и средний варианты), учитывающему результаты Всероссийской переписи населения и динамику демографических процессов послед-

них лет, численность населения страны на начало 2025 г. составит 142,8–145,6 миллиона человек»¹.

Вопрос незаконной миграции в настоящее время является насущным, особенно с учетом событий, происходящих как на территории Российской Федерации, так и Украины, а также на территории других иностранных государств – Ливии, Йемена, Сирии, Ирака, Афганистана, Сомали и др.

Незаконная миграция, несомненно, глобальная проблема человечества. На этот счет верно указывают А.В. Елисеев и О.М. Дорошенко, что «ужесточение миграционной политики – официальная позиция не только США. Нелегальная миграция, особенно после последних катаклизмов на Ближнем Востоке (война в Ираке, Сирии, Ливии) – проблема многих высокоразвитых стран, в первую очередь Европейского союза» [5].

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года отмечается, что неконтролируемая и незаконная миграция стала формой транснациональной организованной преступности наряду с незаконным распространением наркотических средств и торговлей людьми². Такая миграция лишь способствует усилению межнациональных настроений, различного рода экстремистским проявлениям, создает благоприятные условия для конфликтов на этнической почве. Не случайно исследователи отмечают прямую связь незаконной миграции с преступностью экстремистской направленности, которая проявляется в антимиграционных настроениях коренного населения того или иного государства [3].

В условиях социально-экономических и политических факторов развития Российского государства появилась задача всесторонней охраны миграционных процессов, поскольку растет тенденция к увеличению незаконных перемещений через государственную границу. Незаконные перемещения мигрантов на территорию страны приводят не только к дестабилизации экономико-социальной составляющей, но и представляют собой угрозу для целостности государства в целом: «...незаконная миграция стала неотъемлемой частью структуры преступного бизнеса, оказывая влияние на состояние всей системы экономических отношений, криминализируя национальную экономику» [9, с.16]. Справедливости ради необходимо отметить и тот факт, что «неконтролируемая миграция способствует усилению национализма, политического и религиозного экстремизма, этносепаратизма и создает условия для возникновения конфликтов» [7, с. 22].

Незаконная миграция опасна и тем, что на территорию страны проникают экстремисты, которые участвуют в незаконных вооруженных формированиях, различного рода террористических актах, в незаконном обороте наркотиков, торговле людьми. Е.Н. Сасина отмечает, что незаконная миграция создает угрозу распространения организованных преступных группировок, экстремистских и террористических органи-

¹ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. // КонсультантПлюс (дата обращения 20.12.2019); О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг.: указ Президента РФ от 31.10.2018 г. № 622 // СЗ РФ. 2018. № 45. Ст. 6917.

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ от 12.05.2009 г. № 537 // Там же. 2009. № 20. Ст. 2444.

заций [10, с. 149]. Ученые отмечают, что экстремистские настроения порождают в первую очередь конфликты в области равноправия этнических общностей в социокультурной и социально-политической сферах [15, с. 57–59]. Все это лишь малая часть, так называемая верхушка айсберга. Мигрантами совершаются также изнасилования, кражи, грабежи, разбои, дачи взятки, «незаконные действия в отношении официальных документов» [1].

Стремление законодателя усовершенствовать нормативно-правовую базу в сфере противодействия незаконной миграции отчасти можно определить как положительное. Примером такой работы является разработка концепции государственной миграционной политики в нескольких вариантах на протяжении последнего десятилетия¹, наблюдается постоянное изменение и дополнение норм действующего законодательства. Однако незаконная миграция способна обходить данные нормы, поскольку вектор ее развития намного стремительнее, нежели вектор развития норм, устанавливающих ответственность за незаконную миграцию. Исследователи в области миграционного права отмечают, что несмотря на изменения и дополнения, вносимые в законодательство в области незаконной миграции, по-прежнему существуют спорные и проблемные моменты, возникающие при возбуждении уголовных дел данной категории [11].

Медленными шагами идет совершенствование сферы административно-правового регулирования в отношении защиты государственной границы РФ и обеспечения режима пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства на территории РФ (глава 18 КоАП РФ)². На этом факте акцентируют внимания многие ученые [4]. Не случайно в проекте Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях³ большое внимание уделяется вопросам законности миграционных процессов.

В вопросах противодействия незаконной миграции важную роль играет не только нормативно-правовая база, но и роль сотрудников правоохранительных органов. С одной стороны, их усилия оказываются недостаточно эффективными в силу того, что незаконные пересечения через государственную границу Российской Федерации постоянно видоизменяются, меняются методы и способы незаконного въезда

¹ О Федеральной миграционной программе на 1998–2000 годы: постановление Правительства РФ от 10.11.1997 г. № 1414 // СЗ РФ. 1997. № 47. Ст. 5406; Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. // КонсультантПлюс (дата обращения 20.12.2019); О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы: указ Президента РФ от 31.10.2018 г. № 622 // СЗ РФ. 2018. № 45. Ст. 6917.

² О внесении изменения в статью 18.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон Российской Федерации от 31.12.2017 № 499-ФЗ // Там же. 2018. № 1. Ст. 83; О внесении изменения в статью 18.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 19.07.2018 № 215-ФЗ // Там же. № 30. Ст. 4550.

³ Проект Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. URL: <http://static.government.ru/media/files> (дата обращения 20.12.2019).

иностранцев граждан и лиц без гражданства на территорию Российской Федерации под различными предложениями, мотивами [2, с. 24–26]. С другой стороны, незаконная миграция не всегда осуществляется только физическими лицами – мигрантами. Все чаще в данный процесс вовлекаются должностные лица, сотрудники правоохранительных органов, руководители и служащие коммерческих и некоммерческих организаций [12]. Все это не только усложняет процесс поиска виновных лиц, незаконно пересекших государственную границу, но и делает процесс практически невозможным. В судебной практике подобного рода примеров достаточно много¹. В последнее время наблюдаются многочисленные факты совершения незаконной миграции с корыстной заинтересованностью со стороны лиц, имеющих служебное положение.

В науке уголовного права существует много точек зрения по вопросу семантики терминов «использование служебного положения» и «должностное лицо» [14]. Не вдаваясь в подробный анализ существующих мнений ученых, отметим, что совершение преступления «лицом с использованием своего служебного положения» следует трактовать расширительно, нежели совершение преступного деяния должностным лицом. Следует согласиться с точкой зрения А.В. Бриллиантова и Е.Ю. Четвертаковой, что «под использованием своего служебного положения для совершения преступления необходимо понимать не только умышленное использование лицом своих служебных полномочий, но и оказание влияния, которое проявляется в значимости и авторитете занимаемой им должности» [6]. Не случайно ученые ведут речь о закреплении в ч. 2 ст. 322.1 УК РФотягчающего обстоятельства – «лицом с использованием своего служебного положения» [2]. Схема совершения подобного рода деяний проста: лица, используя свое служебное положение, из корыстных побуждений осуществляют незаконную регистрацию иностранных граждан или организацию незаконного пребывания таких граждан на территории Российской Федерации.

Другим вектором законодательной деятельности противодействия незаконной миграции является неоднократное дополнение и изменение норм УК РФ, устанавливающих ответственность за преступления против порядка управления миграционной деятельностью. В связи с криминализацией ряда таких составов законодатель ставит перед собой задачу и решения вопросов пенализации наказания за общественно опасные деяния путем расширения действия их санкций. Федеральным законом от 06.07.2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»² в аб. 2 ч. 1 ст. 322.1 УК РФ законодатель видоизменил свое отношение к вопросу наказания за организацию незаконной миграции, установив ответственность в виде лишения свободы на срок до 5 лет с ограничением свободы на срок до 2 лет или без такового. А п. 1 ч. 2 данной статьи дополнил «группой лиц по предварительному сговору или организованной группой». Такие действия со стороны за-

¹ Уголовное дело № 1-1035/11 // Архив Железнодорожного районного суда г. Хабаровска за 2011 г. URL: <http://www.gcourts.ru/case/7827343> (дата обращения 26.12.2019).

² СЗ РФ. 2016. № 28. Ст. 4559.

конодателя, безусловно, заслуживают положительной оценки по эффективному противодействию незаконной миграции уголовно-правовыми мерами.

Однако политика государства в сфере миграционного законодательства нуждается в более детальном подходе, поскольку существующая государственная политика не совсем способна противодействовать незаконной миграции. Таким образом, эффективность уголовно-правового воздействия в сфере миграции от преступных посягательств зависит от детальности, точности, ясности и конкретности нормы ст. 322.1 УК РФ, учитывающей всю специфику и разнообразие способов совершения незаконной миграции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. 12 % изнасилований совершают иностранцы // Проект благотворительного фонда «Нужна помощь». 2018. URL: <https://takiedela.ru/> 2017/05/takaya-rossiya-iznasilovaniy (дата обращения 22.12.2019).

2. Андрюшенков В.А. Уголовная ответственность за организацию незаконной миграции: дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2016. – 209 с.

3. Богданов А.В., Хазов Е.Н. Актуальные вопросы незаконной миграции как одного из видов организованной преступности в современной России // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 2. – С. 98–101; Капинус О.С. Законность: состояние и тенденции в 2010–2014 гг. Деятельность прокуратуры по ее обеспечению. – М.: Акад. Ген. прокуратуры РФ, 2015. – 406 с.; Ульянов М.В. Миграционные процессы в системе детерминации преступлений экстремистской направленности: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2017. – 218 с.; Смыслова В.Н. Влияние миграционных процессов на состояние преступности экстремистской направленности в условиях радикализации и роста протестной активности в России и зарубежных странах // *Matters of Russian and International Law*. – 2017. – Vol. 7. Is. 4 A. – P. 287–302; Урда М.Н. Противодействие незаконной миграции как направление российской уголовной политики // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 4 (89). – С. 150–157 и др.

4. Егоров Е.Ю. Административно-правовой механизм противодействия незаконной миграции в России // Вестник Евразийской академии административных наук. – 2016. – № 1 (34). – С. 12–18; Степенко В.Е., Степенко О.В. Содержание административно-правовых средств противодействия незаконной миграции // Актуальные проблемы современного права: материалы междунар. научн.-практич. конф. – Хабаровск, 2016. – С. 75–86.

5. Елисеев А.В., Дорошенко О.М. Актуальные проблемы применения административно-правовых мер противодействия незаконной миграции в зарубежных странах // КонсультантПлюс (дата обращения 20.12.2019).

6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: (постатейный): В 2 т. Т. 1 / под ред. А.В. Бриллиантова, Г. Д. Долженкова, Э. Н. Жевлаков [и др.]. – М., 2016. – 792 с.; Бриллиантов А.В., Четвертакова Е.Ю. Должностное лицо в уголовном законодательстве России и зарубежных стран: монография. – М.: Проспект, 2019. – 192 с.
7. Лукьянов А.С. Консолидация национального законодательства в сфере противодействия незаконной миграции // Миграционное право. – 2015. – № 3. – С. 22.
8. Меньше террористов: кого ловили в Карачаево-Черкесии и Москве. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2019/06/21/> (дата обращения 22.12.2019); Теракты на праздники: в Москве задержали пятерых боевиков ИГ. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2019/12/13/> (дата обращения 22.12.2019).
9. Неупокоева И.А. Тактика допроса по делам об организации незаконной миграции // Законодательство и практика. – 2015. – № 2. – С. 16–20.
10. Сасина Е.Н. К вопросу об уголовно-правовых аспектах организации незаконной миграции // Научные ведомости. Серия «Философия. Социология. Право». – 2010. – № 20. – Вып. 14. – С. 148–154.
11. Сухарникова А.В. О некоторых вопросах, возникающих при возбуждении уголовных дел по ст. 322.1 УК РФ (Организация незаконной миграции) // Право и государство: теория и практика. – 2009. – № 3 (51). – С. 125–127; Савина Л.А. Проблемы возбуждения уголовного дела по преступлениям, связанным с организацией незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ) // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2016. – № 3–2. – С. 405–410; Власов Ю.А. Квалификация действий, связанных с организацией незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ) // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2018. – № 4 (47). – С. 44–50 и др.
12. Трех сотрудников ГУ МВД по Москве задержали за организацию незаконной миграции. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/6667634> (дата обращения 26.12.2019).
13. Тюрюканова Е. Денежные переводы мигрантов: беда или благо? // Демоскоп. – 2006. – № 98. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/archives.php> (дата обращения 22.12.2019).
14. Уголовное право: (Особенная часть): учебник / под ред. А.И. Рарога. – М., 1996. – 822 с.; Уголовное право России: (Особенная часть): учебник / отв. ред. Б.В. Здравомыслов. – М., 1996. – С. 90–93; Уголовное право России: (Особенная часть): учебник / под ред. А.И. Рарога. – М., 2010. – 794 с.; Уголовное право Российской Федерации: (Общая часть): учебник / под ред. В.В. Векленко. – Омск, 2016. – 447 с.; Уголовное право Российской Федерации: (Общая часть): учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – М., 2007. – 559 с. и др.
15. Филин И.В. Урегулирование межэтнических конфликтов в современной России: дис. ... канд. полит. наук. – М., 2007. – 199 с.
16. ФСБ задержала группу финансировавших ИГ экстремистов. URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/08/2019/> (дата обращения 22.12.2019).

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. 12% of rapes are committed by foreigners // Charity Fund Project «Need Help». – 2018. URL: <https://takiedela.ru/2017/05/takaya-rossiya-iznasilovaniy> (date of the application 22.12.2019).
2. Andryushenkov V.A. Criminal liability for organizing illegal migration / Andryushenkov Vladimir Alexandrovich. – Omsk, 2016. – 209 p.
3. Bogdanov A.V., Khazov E.N. Actual issues of illegal migration as a type of organized crime in modern Russia // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2014. – № 2. – P. 98–101; Kapinus O.S. Legality: state and trends in 2010-2014 The activities of the prosecutor's office to ensure it. – M.: Acad. Gene. prosecutors Ros. Federation, 2015. – 406 p.; Ulyanov M.V. Migration processes in the system of determination of crimes of an extremist orientation / Ulyanov Mikhail Vladimirovich. – M., 2017. – 218 p.; Smyslova V.N. The influence of migration processes on the state of extremist crime in the context of radicalization and growth of protest activity in foreign countries in Russia // Matters of Russian and International Law. – 2017. Vol. 7. Is. 4 A. – P. 287–302; Urda M.N. Countering illegal migration as a direction of Russian criminal policy // Actual problems of Russian law. – 2018. – № 4 (89). – P. 150–157 and etc.
4. Egorov E.Yu. Administrative and legal mechanism to combat illegal migration in Russia // Bulletin of the Eurasian Academy of Administrative Sciences. – 2016. – № 1 (34). – S. 12–18; Stepenko V.E., Stepenko O.V. The content of administrative and legal means of combating illegal migration // Actual problems of modern law. – 2016. – P. 75–86.
5. Eliseev A.V., Doroshenko O.M. Actual problems of applying administrative and legal measures to combat illegal migration in foreign countries // SPS «Konsul'tantPlyus» (date of the application 22.12.2019).
6. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation: (itemized). In 2 t. T. 1 / ed. A.V. Brilliantova., G. D. Dolzhenkova, E. N. Zhevnikov [et al.]; under the editorship of A. V. Brilliantova. – M., 2016. – 792 p.; Brilliantova A.V., Chetvertakova E.Yu. An official in the criminal legislation of Russia and foreign countries: a monograph. – M.: Prospect, 2019. – 192 p.
7. Lukyanov A.S. Consolidation of national legislation in the field of combating illegal migration // Migration Law. – 2015. – № 3. – P. 22.
8. Fewer terrorists: who were caught in Karachay-Cherkessia and Moscow. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2019/06/21/> (date of the application 22.12.2019); Terrorist attacks: five ISIS fighters were detained in Moscow. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2019/12/13/> (date of the application 22.12.2019).
9. Neupokoeva I.A. Tactics of interrogation in cases of the organization of illegal migration // Legislation and practice. – 2015. – № 2. – 16–20 p.
10. Sasina E.N. To the question of the criminal law aspects of the organization of illegal migration // Scientific reports. Series «Philosophy. Sociology. Right». 2010. – № 20. – Issue. 14. – P. 148–154.
11. Sukharnikova A.V. On some issues arising from the initiation of criminal cases under Art. 322.1 of the Criminal Code (Organization of illegal migration) // Law and state: theory and practice. – 2009. – № 3 (51). – P. 125–127; Savina L.A. Problems of initiating criminal proceedings for crimes related to the organization of illegal migration (Article 322.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of Tula State University.

Economic and legal sciences. – 2016. – № 3–2. – P. 405–410; Vlasov Yu.A. Qualification of actions related to the organization of illegal migration (Article 322.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – № 4 (47). – P. 44–50 and etc.

12. Three employees of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs in Moscow were detained for organizing illegal migration. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/6667634> (date of the application 22.12.2019).

13. Tyuryukanova E. Remittances of migrants: trouble or benefit? // Demoscope. – 2006. – № 98. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/archives.php> (date of the application 22.12.2019).

14. Criminal law: (Special part): textbook / ed. A.I. Raroga. – M., 1996. – P. 125–127; Criminal law of Russia: (Special part): textbook / ed. ed. B.V. Common sense. – M., 1996. – 822 p; Criminal law of Russia: (Special part): textbook / ed. A.I. Raroga. – M., 2010. – 794 p; Criminal law of the Russian Federation: (General part): textbook / ed. V.V. Veklenko. – Omsk, 2016. – 447 p.; Criminal law of the Russian Federation: (General part): textbook / ed. L.V. Inogamova-Khegai, A.I. Raroga, A.I. Chuchaeva. – M., 2007. – 559 p and etc.

15. Filin I.V. Settlement of interethnic conflicts in modern Russia / Filin Ivan Viktorovich. – M., 2007. – 199 p.

16. The FSB detained a group of extremist-funded ISIS. URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/08/2019/> (date of the application 22.12.2019).

УДК 343.8:343.9:349.6
DOI 10.24411/2312-3184-2020-10006

Дицевич Ярослава Борисовна
доцент кафедры прокурорского
надзора и участия прокурора
в рассмотрении гражданских
и арбитражных дел
Иркутского юридического института
(филиала) Академии Генеральной
прокуратуры Российской Федерации
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: yaroslavadi@mail.ru

Ditsevich Yaroslava Borisovna
associate Professor of Public Prosecutions and
the participation of the prosecutor in the exami-
nation civil and arbitration cases,
Irkutsk Law Institute (branch) of the Federal
State Establishment of Higher Education Acad-
emy of the Prosecutor General's Office of the
Russian Federation
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
E-mail: yaroslavadi@mail.ru

АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ АСПЕКТОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ И ИНЫМ НАРУШЕНИЯМ ПРИРОДООХРАННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПЕРИОД ДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Введение: в статье рассмотрены современные тенденции российского законодательства, направленного на борьбу с преступлениями и иными нарушениями законодательства в сфере охраны окружающей среды, дается характеристика основных изменений правового регулирования и практики природоохранной деятельности за последние 20 лет.

Материалы и методы: нормативно-правовую основу исследования образует Конституция Российской Федерации и основанное на ней законодательство, нормы которого направлены на обеспечение законности в сфере охраны окружающей среды. Методология работы включает в себя применение общенаучных методов (в частности, анализ, наблюдение, обобщение, сопоставление, описание). Кроме того, применялись специальные методы юридической науки, в том числе сравнительно-правовой и формально-юридический.

Результаты исследования: охарактеризованы отдельные меры противодействия нарушениям экологического законодательства специально-криминологического характера (в том числе совершенствование правового регулирования уголовной ответственности за совершение экологических преступлений, образование и развитие деятельности специализированных природоохранных подразделений в правоохранительных органах), а также общесоциального характера (в частности, введение новых эколо-

го-правовых инструментов охраны окружающей среды и регулирования хозяйственной деятельности, оказывающей негативное воздействие на окружающую среду).

Выводы и заключения: на основе анализа изменений экологического и иного законодательства определены отдельные перспективные направления применения мер профилактики в правоприменительной практике борьбы с экологическими правонарушениями и преступлениями. Подчеркивается необходимость уделения большего внимания планированию процессов разработки и применения мер организационно-правового и иного характера, направленных на предупреждение экологической преступности.

Ключевые слова: экологические преступления, нарушения экологического законодательства, уголовная ответственность за экологические преступления, противодействие экологической преступности, экологическая преступность, загрязнение окружающей среды, незаконная рубка лесных насаждений, незаконная добыча водных биоресурсов.

ANALYSIS OF LEGAL ASPECTS TO COUNTER ENVIRONMENTAL CRIMES AND OTHER VIOLATIONS OF ENVIRONMENTAL LEGISLATION DURING THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Introduction: the article examines the current trends in Russian legislation aimed at combating crimes and other violations of legislation in the field of environmental protection, describes the main changes in legal regulation and practice of environmental protection over the past 20 years.

Materials and methods: the legal framework of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation and the legislation based on it, the rules of which are aimed at ensuring the rule of law in the field of environmental protection. The methodology of the work includes the use of General scientific methods (in particular, analysis, observation, generalization, comparison, description). In addition, special methods of legal science, including comparative law and formal law, were used in the implementation of the work.

Results of the study: the author describes some measures to counteract violations of environmental legislation of a special criminological nature (including improving the legal regulation of criminal liability for environmental crimes, education and development of specialized environmental units in law enforcement agencies), as well as General social nature (in particular, the introduction of new environmental and legal instruments for environmental protection and regulation of economic activity, that has a negative impact on the environment).

Summary and Conclusion: based on the analysis of changes in environmental and other legislation, certain promising areas of application of prevention measures in law enforcement practice in the fight against environmental offenses and crimes have been identified. The need to pay more attention to planning processes for the development and applica-

tion of organizational, legal and other measures aimed at preventing environmental crime is emphasized.

Keywords: environmental crimes, violations of environmental legislation, criminal liability for environmental crimes, combating environmental crime, environmental crime, pollution, illegal logging, illegal extraction of aquatic biological resources.

На современном этапе развития российского общества все более распространенным становится осознание необходимости коренного изменения отношения к вопросам охраны окружающей среды. На государственном уровне ежегодно претворяются в жизнь новые предложения по совершенствованию организационно-правового механизма охраны природы в целях создания условий для осуществления государственными органами деятельности по противодействию экологической преступности на более качественном уровне.

Анализ изменений законодательства и правоприменительной практики в сфере противодействия тем или иным видам преступности является неотъемлемым элементом процесса разработки мероприятий, направленных на борьбу с указанным явлением. В этой связи видится оправданным рассмотрение основных изменений, произошедших в период действия Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) как в правовом регулировании природоохранной деятельности, так и в деятельности природоохранных и правоохранительных ведомств, направленной на борьбу с экологической преступностью.

В настоящее время в научной литературе появляется больше работ, связанных с вопросами повышения эффективности деятельности по противодействию экологическим преступлениям и экологическим административным правонарушениям. Например, в диссертационных исследованиях Э. Н. Жевлакова, А. С. Курманова, А. Л. Сулейманова, Н. Л. Романовой, Ю. А. Страунинг, И. В. Лавыгиной, Е. Г. Клетневой, В. Н. Шутовой, Я. Б. Дицевич, Р. А. Забавко, С. В. Унжаковой, С. П. Грибунова и многих иных исследователей рассматривались уголовно-правовые, криминологические, криминалистические и иные аспекты данной значимой для целей обеспечения экологической безопасности деятельности.

Вместе с тем видится очевидной потребность в дальнейшем комплексном изучении эффективности и проблем осуществления мероприятий правового характера, являющихся составляющими системы общесоциальных и специально-криминологических мер противодействия экологической преступности за более чем 20-летний период действия Уголовного закона России с целью определения актуальных направлений совершенствования рассматриваемой деятельности, направленной на обеспечение реализации конституционных экологических прав российского общества.

За период действия норм УК РФ об ответственности за совершение экологических преступлений, впервые за историю развития российского уголовного законодательства выделенных в отдельную главу Кодекса, состояние экологической преступности претерпело определенные изменения. Если с 1997 по 2007 г. отмечался неуклонный рост числа регистрируемых экологических преступлений (приблизитель-

но с 7 тыс. до 42 тыс. преступлений), то в дальнейшем наблюдалось двукратное снижение, достигшее в 2018 г. наименьшей за анализируемый период отметки в 24,4 тыс. преступных деяний.

В то же время в анализируемый период ощутимых изменений в структуре регистрируемой экологической преступности по сравнению со временем действия Уголовного кодекса РСФСР не отмечено. Как и двадцать лет назад, на сегодняшний день основную массу (более 90 %) в общем количестве зарегистрированных экологических преступлений в России составляют преступления, связанные с незаконным завладением природными ресурсами (незаконная рубка лесных насаждений, незаконная добыча водных биоресурсов, незаконная охота, ответственность за совершение которых предусмотрена, соответственно, ст. ст. 260, 256, 258 Уголовного кодекса Российской Федерации). Количество же преступлений, связанных с загрязнением окружающей среды (в том числе предусмотренных ст. ст. 250, 251 УК РФ – «загрязнение вод», «загрязнение атмосферы»), ежегодно регистрируемых правоохранительными органами, традиционно составляет менее 5 % в структуре российской экологической преступности.

Анализ показателей с учетом высокого уровня латентности экологических преступлений позволяет прийти к выводу о том, что, несмотря на законодательные изменения в подходе к оценке общественной опасности деяний, причиняющих вред окружающей среде, общая направленность природоохранной деятельности правоохранительных структур не претерпела особых изменений.

В то же время за период действия УК РФ в области правового регулирования ответственности за совершение экологических преступлений произошло немало трансформаций. Нормы практически всех статей, содержащихся в главе 26 УК РФ, за последние 20 лет в той или иной степени претерпели определенные изменения (при этом не меньшее количество содержащихся в научной литературе предложений по совершенствованию уголовно-правовых норм об ответственности за экологические преступления до настоящего времени не реализовано [1, с. 19; 2, с. 104; 3, с. 21]). Большое внимание законодателем традиционно уделялось составам преступлений, связанным с завладением природными ресурсами. Например, увеличена уголовная ответственность за незаконную рубку лесных насаждений, за незаконную охоту¹; введены в действие нормы, предусматривающие уголовную ответственность за незаконную добычу особо ценных объектов животного мира², а также определяющие крупный размер ущерба, причиненного водным биоресурсам³.

Серьезным превентивным потенциалом в области борьбы с преступными деяниями, связанными с негативным воздействием на окружающую среду, обладают правовые меры, предпринятые законодателем в рамках общесоциального предупреждения экологической преступности. Так, с 2007 по 2019 г. внесены ощутимые изме-

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ // Справочно-информационная система «Консультант плюс».

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 02.07.2013 № 150-ФЗ // Там же.

³ О внесении изменений в статью 256 Уголовного кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 03.07.2016 № 330-ФЗ // Там же.

нения в экологическое законодательство (в сфере регулирования оборота отходов, в области совершенствования организационно-правового механизма охраны природы, информационного обеспечения природоохранной деятельности и многие другие).

В частности, в 2014 г. в федеральный закон «Об охране окружающей среды» № 7-ФЗ от 10.01.2002 г. (далее – закон «Об охране окружающей среды») введено понятие наилучших доступных технологий; все объекты, оказывающие негативное воздействие на окружающую среду, подразделены на четыре категории по критерию объема вредного воздействия; объекты, оказывающие значительное, умеренное, незначительное и минимальное негативное воздействие¹. При этом для разных категорий указанных объектов установлен различный объем обязанностей в природоохранной сфере.

Природоохранной деятельности государственных контролирующих и правоохранительных органов призвана способствовать информация, содержащаяся в формируемом с 2016 г. государственном реестре объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду (далее – ГРООНВОС), обязанность по ведению которого возложена на федеральные и региональные органы экологического надзора. Обширные сведения ГРООНВОС являются общедоступными, размещаются на сайтах указанных природоохранных органов, что расширяет возможности использования данной информации в борьбе с нарушениями экологического законодательства.

Поскольку весомым условием, способствующим совершению правонарушений, связанных с загрязнением природной среды, является недостоверность данных производственного экологического контроля, законодателем также предприняты определенные меры, направленные на решение данной проблемы. В частности, введены в действие нормы об обязанности с 2019 г. по установке на каждом объекте, оказывающем значительное негативное воздействие на окружающую среду и входящем в определенный Правительством Российской Федерации перечень, датчиков непрерывного экологического контроля (автоматизированных средств измерения и технических средств фиксации и передачи информации об объемах выбросов, сбросов и о концентрации загрязняющих веществ), действующих на основании программы создания системы автоматического контроля².

В отношении отдельных компонентов природной среды российским законодателем за рассматриваемый период также осуществлялась планомерная работа, направленная на их защиту от противоправных посягательств. Особенно наглядно итоги данной деятельности представлены в области правовой охраны лесных ресурсов России.

Наряду со значимыми изменениями в порядке документирования оборота древесины, внесенными в 2014 г.³, в тот же период времени на федеральном уровне при-

¹ О внесении изменений в федеральный закон "Об охране окружающей среды" и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 21.07.2014 N 219-ФЗ // Справочно-информационная система «Консультант плюс».

² Статья 67 федерального закона "Об охране окружающей среды" от 10.01.2002 № 7-ФЗ.

³ С 1 января 2014 г. вступили в силу нормы федерального закона от 28 дек. № 415-ФЗ "О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" (подробнее см., напр.: Гаевская Е.Ю. Обзор изменений законодательства в сфере борьбы с незаконной заготовкой древесины // Судья. 2015. № 9. С. 16–20).

няты правовые меры, направленные на минимизацию коррупционных рисков в области назначения лесных насаждений в санитарную рубку (количество которых во многих регионах России сохраняется на высоком уровне). Так, в 2015–2017 гг. соответствующими приказами Минприроды Российской Федерации¹ в целях ликвидации коррупциогенных факторов уточнен порядок проведения лесопатологического обследования лесов, перечислены признаки, являющиеся основанием для принятия лесопатолами решений о необходимости осуществления санитарно-оздоровительных мероприятий на определенной территории.

В 2016 г. Лесной кодекс Российской Федерации дополнен главой 3.1, содержащей нормы, конкретизирующие порядок санитарной защиты лесов от вредоносных организмов с требованием о размещении акта лесопатологического обследования на официальном сайте органа государственной власти или органа местного самоуправления в телекоммуникационной сети «Интернет». Кроме того, нормами указанной главы расширен перечень подлежащих использованию методов проведения лесопатологических обследований, положительно зарекомендовавших себя в практике борьбы с рассматриваемыми преступными деяниями [4].

В 2019 г. в соответствии с поручением Президента России в Кодекс об административных правонарушениях внесены нормы, устанавливающие административную ответственность за сокрытие или искажение сведений о санитарном и лесопатологическом состоянии лесов².

Кроме того, задачам сохранения лесных массивов также способствуют принятые в 2017 г. дополнения в федеральный закон «Об охране окружающей среды» о возможности создания вокруг урбанизированных территорий лесопарковых зеленых поясов, где устанавливается ограниченный режим природопользования и иной хозяйственной деятельности³, а также в Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации об административной ответственности за нарушение правил использования лесов в лесопарковом зеленом поясе⁴.

Анализ изменений в правоприменительной практике противодействия экологическим преступлениям за период действия Уголовного кодекса РФ свидетельствует о

¹ Об утверждении Порядка осуществления государственного лесопатологического мониторинга: приказ Минприроды России от 05.04.2017 № 156 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>; Об утверждении Порядка организации и осуществления государственного лесопатологического мониторинга: приказ Минприроды России от 04.08.2015 № 340 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (в настоящее время утратил силу).

² См.: О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 06.06.2019 № 135-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (о дополнении норм КоАП РФ ст. 8.5.2).

³ См.: О внесении изменений в федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части создания лесопарковых зеленых поясов: федеральный закон от 03.07.2016 № 353-ФЗ // Там же.

⁴ Статья 8.45.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации // Там же.

наличии весьма противоречивых тенденций. С одной стороны, в настоящее время отмечается расширение сети природоохранных прокуратур (количество которых в конце 1990-х гг. подверглось заметному сокращению, а к настоящему времени вновь увеличилось более чем в 2 раза). На сегодняшний день практически в каждом регионе действует одна либо несколько природоохранных межрайонных прокуратур. Результаты деятельности данных специализированных органов свидетельствуют об их эффективности в выявлении эконарушений и привлечении к ответственности лиц, совершивших нарушения природоохранного законодательства.

При этом отдельно следует отметить появление в 2017 г. в системе органов прокуратуры, наряду с действующей с 1989 г. Волжской межрегиональной природоохранной прокуратурой, иных межрегиональных природоохранных прокуратур (Амурской бассейновой, Байкальской), необходимость создания которых неоднократно отмечалась в научной литературе [5, с. 251; 6, с. 133].

Данные специализированные подразделения в системе органов прокуратуры отнесены к разряду так называемых базовых прокуратур, реализующих функции организационно-методического сопровождения деятельности межрайонных природоохранных и территориальных прокуратур в сфере охраны окружающей среды и осуществляющих обучающие мероприятия (в том числе в виде научно-практических семинаров, круглых столов, посвященных проблемам прокурорского надзора за исполнением экологического законодательства и пр.).

В число основных задач указанных структур входит, помимо прочего, широкое освещение деятельности природоохранных прокуратур в средствах массовой информации (в первую очередь, в телекоммуникационной сети «Интернет»), а также надзор за исполнением законов при осуществлении органами исполнительной власти регионов функций по обеспечению экологической безопасности. Необходимость концентрации органов прокуратуры на данном направлении природоохранной деятельности, наряду с указанием о недопустимости подмены органами прокуратуры при осуществлении своей деятельности иных государственных органов, прямо зафиксированная в п. 2 ст. 21 федерального закона «О прокуратуре в Российской Федерации», также отмечалась в научной литературе [7, с. 177].

В связи с реформированием в 2010–2012 гг. подразделений в рамках Министерства внутренних дел России, переименованием данных структур и принятием новой законодательной базы, регулирующей их деятельность, в большинстве субъектов Российской Федерации произошло упразднение региональных подразделений органов милиции (ныне – полиции), специализировавшихся на борьбе с экологическими правонарушениями и преступлениями в целом либо с отдельными их видами. Вместе с тем, в отдельных российских регионах (в том числе в регионах Восточной Сибири) подобные специализированные подразделения достаточно успешно осуществляют свою деятельность.

Отсутствие стабильности в структуре, количественном составе и полномочиях природоохранных государственных органов (в частности, органов Рослесхоза, Росрыболовства, Росприроднадзора, региональных природоохранных органов) также не могло не отразиться отрицательно на состоянии законности в природоохранной сфере.

Вместе с тем в последнее десятилетие расширился спектр применяемых организационно-правовых способов снижения экологической преступности и отдельных ее видов. Например, к мерам, обладающим весомым упреждающим эффектом в борьбе с лесонарушениями, можно отнести правовое урегулирование (правда, пока на уровне отдельных регионов) деятельности пунктов приема и отгрузки древесины. В целях обеспечения большей прозрачности лесных правоотношений и повышения эффективности борьбы с незаконным оборотом древесины в 2008–2012 гг. в субъектах Федерации с особо сложной обстановкой в сфере предупреждения лесной преступности (в частности, в Приморском, Забайкальском и Красноярском краях, а также республике Бурятия, Иркутской области) приняты соответствующие региональные законы¹ и иные нормативно-правовые акты.

Данными правовыми документами в отдельно взятых регионах установлен единый порядок деятельности указанных организаций и поставлена под контроль государственных органов вся цепочка движения лесных ресурсов от заготовки древесины до отгрузки конечному потребителю. Кроме того, требованиями законов указанных субъектов Российской Федерации установлена обязанность осуществления регистрации всех пунктов приема и отгрузки древесины в региональных государственных структурах и ежемесячного декларирования объемов поставляемой и отгружаемой древесины. При этом в целях реализации новых принципов регулирования лесных отношений установлена ощутимая административная ответственность за неисполнение вышеуказанных требований. Так, в качестве санкций за рассматриваемые нарушения законодательства соответствующими региональными законами предусмотрены наказания в виде штрафа в сумме до 700 тыс. руб.²

Как показывает практика, чаще всего в деятельности пунктов приема и отгрузки древесины выявляются следующие нарушения: самовольное занятие земельных участков под размещение пунктов приема и отгрузки древесины; предоставление недостоверных сведений о количестве принятой и отгруженной древесины [8, с. 182], а также нарушения правил пожарной безопасности, трудового, санитарно-эпидемиологического законодательства.

Позитивное влияние рассмотренных и иных нововведений организационно-правового характера, осуществленных на уровне отдельных регионов, на состояние законности в области оборота лесных ресурсов отмечается в научной литературе [9, с. 34] с предложением о распространении данного опыта в иных субъектах Российской Федерации.

Важным направлением в сфере охраны окружающей среды также является совершенствование информационного обеспечения природоохранной деятельности, непосредственно связанное с развитием процессов цифровизации деятельности орга-

¹ См., напр.: Об организации деятельности пунктов приема, переработки и отгрузки древесины на территории Иркутской области: закон Иркутской области от 30 нояб. 2016 г. № 100-ОЗ // Справочно-информационная система «Консультант плюс».

² Об административной ответственности за неисполнение требований к организации деятельности пунктов приема, переработки и отгрузки древесины на территории Иркутской области: закон Иркутской области от 27.12.2016 № 133-ОЗ // Там же.

нов государственного экологического управления, а также правоохранительных органов в рамках реализации стратегии перехода России к цифровой экономике.

Ускоренная цифровизация государственного управления является одной из основных задач развития экономики нового технологического поколения. Ожидаемым итогом цифровизации в рассматриваемой сфере является повышение оперативности и эффективности реагирования уполномоченных государственных органов на нарушения законов в сфере охраны окружающей среды. Кроме того, цифровая экономика – это тотальный "контроль за всем и вся", следовательно, действенный фактор снижения коррупции [10, с. 65].

В рамках осуществления государственной политики по созданию необходимых условий для развития цифровой экономики Российской Федерации в 2016 г. Президентом России утверждена Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, а в 2017 г. – Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации¹, во исполнение которых принят ряд иных соответствующих программных документов.

К основным задачам в рамках развития процессов цифровизации государственного управления в целом (включая сферу экологии) следует отнести усиление контроля за расходованием бюджетных средств на цели цифровизирования деятельности органов власти, а также за своевременностью и качеством реализации необходимых для достижения указанных целей мероприятий и их достаточностью. На решение этих задач направлено отмечаемое ранее создание и внедрение новых автоматизированных информационных систем, информационных баз и банков данных – новых реестров, регистров² природоресурсной направленности, а также модернизация существующих.

К проблемам цифровизации государственного экологического управления следует отнести, в частности: отсутствие у некоторых государственных природоохранительных органов информационных систем (информационных баз), аккумулирующих подготавливаемую данными ведомствами документацию; сложности цифровизации процессов сбора, обработки и хранения экологически значимой информации.

Итоги проведенного исследования позволяют прийти к выводу о том, что за время действия Уголовного кодекса Российской Федерации как на федеральном, так и на региональном уровнях реализовано значительное количество многоаспектных мероприятий правового и организационного характера, направленных на снижение высокого уровня экологической правонарушаемости в стране.

¹ Об утверждении стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 // Справочно-информационная система «Консультант плюс»; Об утверждении стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642 // Там же.

² Например: государственный реестр объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду; государственный реестр объектов накопленного экологического вреда и иные своды экологически значимой информации.

Вместе с тем для повышения эффективности противодействия нарушениям законодательства в сфере экологии видится необходимым тщательное планирование процессов разработки и применения мер организационно-правового и иного характера, направленных на предупреждение экологической преступности, с обязательным учетом результатов предварительной аналитической деятельности в отношении итогов правоприменительной практики в сфере противодействия нарушениям экологического законодательства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Басаев Д.В. Охрана лесов: уголовно-правовые и криминологические аспекты: по материалам Республики Бурятия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2004. – 26 с.
2. Забавко Р.А. Уголовная ответственность за преступления против окружающей среды и природных ресурсов: монография / под науч. ред. Е.В. Роговой. – Иркутск, 2016. – 122 с.
3. Кузнецова Н.И. Незаконная добыча полезных ископаемых: проблемы квалификации // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – № 1 (39). – С. 19–22.
4. Комаров И. Роскосмос поможет ОНФ в борьбе с незаконными вырубками леса // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/space/20151109/1317130054> (дата обращения 03.02.2020).
5. Винокуров А.Ю. Проблемы совершенствования природоохранной деятельности прокуратуры Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2006. – 484 с.
6. Агеев А.А. Природоохранная деятельность органов прокуратуры Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1998. – 170 с.
7. Чернышов В.В. Пути повышения эффективности правоохранительной деятельности органов природоохранной прокуратуры // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 6. – С. 176–177.
8. Жбанков С.Н. Надзор за исполнением лесного законодательства // Прокурорский надзор за исполнением экологического законодательства: пособие / под общ. ред. А.В. Паламарчука. – М., 2014. – С.152–190.
9. Хромов Е.В. Противодействие незаконным рубкам лесных насаждений // Законность. – 2015. – № 4. – С. 33–36.
10. Соловых Н.Н. Цифровая экономика диктует необходимость квалифицированных кадров с новыми компетенциями // Рос. следователь. – 2018. – № 5. – С. 64–68.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Basaev D. V. Forest Protection: criminal law and criminological aspects: based on the materials of the Republic of Buryatia: abstract of Candidate of Legal Sciences. – SPb., 2004. – 26 p.
2. Zabavko R. A. Criminal liability for crimes against the environment and natural resources: monograph / under scientific.edited by E. V. Rogova. – Irkutsk, 2016. – 122 p.

3. Kuznetsova N. And. Illegal mining: problems of qualification // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia. – 2015. – № 1 (39). – P. 19–22.
4. Komarov I. Roscosmos will help of the popular front in the fight against illegal deforestation // RIA Novosti. URL: <http://ria.ru/space/20151109/1317130054> (date of the application 03.02.2020).
5. Vinokurov A.I. Problems of improvement of environmental activity of the Prosecutor's office of the Russian Federation: thesis of Doctor of Law. – M., 2006. – 484 p.
6. Ageev A.A. Environmental activities of the Prosecutor's office of the Russian Federation: Sciences. thesis of Candidate of Law. – M., 1998. – 170 p.
7. Chernyshov V.V. Ways to improve the efficiency of law enforcement activities of the environmental Prosecutor's office // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia. – 2014. – № 6. – P. 176–177.
8. Zhbakov S. N. Oversight of the enforcement of forest law // Procuratorial supervision over environmental law enforcement: the manual / under the General editorship of A.V. Palamarchuk. – M., 2014. – P. 152–190.
9. Khromov E. V. Counteraction to illegal logging of forest plantations // Legality. – 2015. – № 4. – P. 33–36.
10. Solovykh N. N. The digital economy dictates the need for qualified personnel with new competencies // Russian investigator. – 2018. – № 5. – P. 64–68.

УДК 343.359

DOI 10.24411/2312-3184-2020-10007

Калашникова Елена Сергеевна
старший помощник Благовещенского
транспортного прокурора
E-mail: Kalashnikova_es@mail.ru

Kalashnikova Elena Sergeevna
Senior Assistant of the Blagoveshchensk
transport Prosecutor
E-mail: Kalashnikova_es@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОНТРАБАНДУ ПРЕДМЕТОВ ПО СТАТЬЕ 226.1 УК РФ

Введение: контрабанда остается наиболее распространенным и наиболее опасным из таможенных преступлений. Преступления, предусмотренные ст. 226.1 УК РФ, относятся к категории тяжких и особо тяжких, за их совершение может быть назначено только наказание в виде лишения свободы, в связи с чем в статье рассматриваются основные направления правовой регламентации уголовной ответственности за контрабанду предметов, перечисленных в ст. 226.1 УК РФ, обращено внимание на соответствие наказаний, назначаемых за совершение контрабанды, характеру и степени общественной опасности преступления.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Постановление Правительства РФ от 13 сентября 2012 г. № 923, иные положения российского законодательства, регламентирующие порядок ввоза и вывоза предметов через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС. Методологической основой послужил метод диалектического познания, посредством которого автором предпринято научное осмысление проблемного поля исследования в динамическом и статическом аспекте, а также методы сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: состоят в том, что автором раскрыто содержание уголовной ответственности за контрабанду предметов, перечисленных в ст. 226.1 УК РФ, проанализировано назначаемое лицам наказание по каждой из частей ст. 226.1 УК РФ, предпринята попытка разработки научно обоснованных рекомендаций, оптимизирующих особенности уголовно-правового запрета совершения контрабанды предметов, перечисленных в ст. 226.1 УК РФ.

Выводы и заключения: виды назначаемого наказания по ст. 226.1 УК РФ по характеру и степени общественной опасности позволили рассмотреть возможные направления законодательной регламентации уголовно-правового запрета, закрепленного в ст. 226.1 УК РФ.

Ключевые слова: контрабанда, ст. 226.1 УК РФ, уголовная ответственность, наказание, незаконное перемещение товаров через таможенную границу.

IMPROVEMENT OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR THE SMUGGLING SUBJECTS UNDER ART. 226.1 OF THE CRIMINAL CODE

Introduction: Criminal liability is a logical and socially justified process resulting from the criminalization of socially dangerous acts. Smuggling remains the most common and most dangerous of customs crimes. Under Art. 226.1 of the Criminal Code crimes are classified as serious and especially serious; only a punishment in the form of imprisonment can be imposed for their commission, in connection with which, the article discusses the main areas of legal regulation of criminal liability for smuggling items listed in Art. 226.1 of the Criminal Code, attention is drawn to the compliance with the penalties imposed for smuggling, qualified under Art. 226.1 of the Criminal Code, the nature and degree of public danger of the crime.

Materials and methods: the regulatory framework of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, the Criminal Code of the Russian Federation, Decree of the Government of the Russian Federation of September 13, 2012 No. 923, other provisions of Russian legislation governing the import and export of items through the customs border of the Customs Union within the framework of the EurAsEC. The methodological basis was the method of dialectical cognition, through which the author undertook a scientific understanding of the problem field of research in a dynamic and static aspect, as well as methods of comparison, analysis, generalization and description.

Results of the research: they consist in the fact that the author disclosed the content of criminal liability for smuggling items listed in Art. 226.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, the punishment imposed on persons for each part of Art. 226.1 of the Criminal Code, an attempt has been made to consider the development of scientifically based recommendations that optimize the specifics of the criminal law prohibiting the smuggling of items listed in Art. 226.1 of the Criminal Code.

Summary and Conclusion: analyzed types of sentencing under Art. 226.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, by the nature and degree of public danger, allowed to consider possible areas of legislative regulation of the criminal law prohibition, enshrined in Art. 226.1 of the Criminal Code.

Key words: smuggling, art. 226.1 of the Criminal Code, criminal liability, punishment, illegal movement of goods across the customs border.

В современный период процесс модернизации уголовного законодательства приобрел определенную актуальность, но, к сожалению, основной ее вектор так и не был намечен. На сегодняшний день имеется несколько научно обоснованных концепций, которые могли бы быть пригодны для его совершенствования [4], но отсутствуют систематизированные нормотворческие усилия для их воплощения. Вследствие этого ученые отмечают «разбалансированный вид» уголовного закона [8], хаотичный

характер его корректировок [3, с. 129], отсутствие социальной необходимости в реализованных или планируемых инициативах [11, с. 236].

Особое значение в рассматриваемом контексте приобретает научное осмысление дальнейшего развития уголовной ответственности за совершение контрабанды. Во-первых, опыт масштабного преобразования общей нормы уже состоялся и получил как положительную [16, с. 140], так и отрицательную оценку [9, с. 168]. Во-вторых, дальнейшая евразийская интеграция пока не подразумевает унификации уголовно-правовых запретов, поэтому требуется гармонизация наднационального и национального законодательства. В-третьих, характер и степень общественной опасности различных видов контрабанды требует дифференцированного отношения к структуре соответствующего уголовно-правового запрета.

Поскольку преступления трансграничного характера, к которым относятся и контрабанда, включены в систему угроз национальной безопасности государства¹, имеется необходимость рассмотреть возможные направления совершенствования законодательной регламентации уголовно-правового запрета, закрепленного в ст. 226.1 УК РФ.

С учетом формально доминирующего в уголовной политике государства вектора гуманизации нужно обратить внимание на соответствие наказаний, назначаемых за совершение контрабанды, квалифицируемой по ст. 226.1 УК РФ, характеру и степени общественной опасности преступления. Данное преступление относится к категориям тяжких (ч. 1, ч. 2 ст. 226.1 УК РФ) или особо тяжких (ч. 3 ст. 226.1 УК РФ), в качестве основного наказания за его совершение применяется только лишение свободы. Безальтернативность наказания может быть подвергнута сомнению с учетом широкого перечня предметов контрабанды. Кроме того, она порождает избыточно широкое применение условного осуждения (до 76 % изученных уголовных дел), либо гипотетически суровое отношение к лицам, переместившим запрещенные, но лишённые опасных свойств предметы.

Безусловно, незаконное перемещение через таможенную границу оружия массового поражения представляет повышенную общественную опасность и требует максимально строгого реагирования со стороны правоприменителя. В то же время контрабанда часов, браслетов и ремешков (пп. 2.3, 2.5 в Перечне стратегически важных товаров, утвержденном постановлением Правительства РФ от 13 сентября 2012 г. № 923) имеет выраженный экономический характер, не угрожает общественной безопасности и не может наказываться строго. Качественное содержание названного перечня признается недостаточным для обеспечения общественной безопасности [14, с. 62]. Однако данная позиция представляется спорной, в том числе потому, что товары бытового назначения, даже изготовленные из драгоценных металлов, не являются полностью эквивалентными относительно крупного размера (100 тыс. руб.), установленного в ст. 226.1 УК РФ. Например, крупный размер полностью поглощается в

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // Рос. газ. 2015. 31 дек.

данном случае стоимостью двух пар наручных часов¹ (при этом необходимо отметить, что перемещение наличных денежных средств на данную сумму ненаказуемо). Кроме того, виды «экономической» контрабанды (ст. ст. 200.1, 200.2 УК РФ) предусматривают основное наказание в виде штрафа, его размер оценивается исследователями как сверхкрупный и чрезмерно отражающийся на материальном положении осужденного [10, с. 126].

В контексте того, что по статистическим данным Судебного департамента при Верховном суде РФ преступления, предусмотренные ст. 226.1 УК РФ, совершаются в разы чаще одним лицом, нежели в соучастии, и с учетом относительно небольшого во многих случаях количества незаконно перемещаемых предметов, представляется справедливым изменить категорию преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 226.1 УК РФ, отнеся данное деяние к преступлениям средней тяжести. Такой шаг открыл бы возможность применения к виновным иной меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа; кроме того, в качестве основных наказаний в ч. 1 ст. 226.1 УК РФ стало возможным бы добавить ограничение свободы и принудительные работы. Эти наказания справедливо признаются «довольно суровыми», поэтому они могли бы стать адекватной альтернативой лишению свободы в случаях совершения контрабанды по ст. 226.1 УК РФ без отягчающих обстоятельств.

Для сравнения основной состав контрабанды по ныне исключенной из кодекса ст. 188 УК РФ предусматривал альтернативную санкцию (штраф или лишение свободы), что признавалось учеными справедливым [13, с. 4]. В ч. 2 ст. 188 УК РФ, регламентировавшей ответственность за специальные виды контрабанды, санкция в полном объеме соответствовала современной ч. 1 ст. 226.1 УК РФ. В условиях фиксируемого многократного снижения (по сравнению с периодом действия ст. 188 УК РФ) фактов зарегистрированной контрабанды сохранение статичной санкции не выглядит целесообразным [17, с. 182].

На основании изложенного, полагаем необходимым снизить верхний предел санкции по ч. 1 ст. 226.1 УК РФ до пяти лет лишения свободы с включением в нее альтернативно основных наказаний в виде ограничения свободы сроком до четырех лет и принудительных работ сроком до пяти лет. В целом такое предложение поддержали опрошенные правоприменители (63 %), полагающие действующую редакцию ч. 1 ст. 226.1 УК РФ излишне жесткой.

Далее, рассматривая санкцию ч. 2 ст. 226.1 УК РФ, отметим, что за 2012–2018 гг. по ней не осуждался ни один человек², а значит ее эффективность находится в определенной степени под вопросом. С учетом частичной конкуренции п. «б» ч. 2 ст. 226.1 с ч. 1 ст. 318 УК РФ можно заключить, что в последнем случае наказание является гораздо более мягким (пять лет лишения свободы – его максимальный предел, а не минимальный; в качестве основного наказания установлен штраф в пять раз меньший, нежели размер дополнительного наказания по ч. 2 ст. 226.1 УК РФ). Пола-

¹ Золотые часы: каталог // Амурский завод ювелирных изделий. URL: <https://auz-shop.ru/> (дата обращения 25.09.2019).

² Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения 25.09.2019).

гаем, что в таком случае уголовно-правовая охрана потерпевших, осуществляющих пограничный или таможенный контроль, является более жесткой, нежели иных представителей власти. В этой связи представляется необходимым идентифицировать санкции ч. 2 ст. 226.1 и ст. 318 УК РФ, используя последнюю как типовую, а также разграничить наказуемость деяния в зависимости от того, является ли применяемое насилие опасным для жизни и здоровья. Сохранение различной наказуемости этих действий представляется целесообразным, поскольку п. «б» ч. 2 ст. 226.1 УК РФ характеризует действия, совершаемые с прямым умыслом и непосредственно направленные на воспрепятствование законной деятельности указанных лиц, тогда как исходя из правоприменительной практики по ст. 318 УК РФ, можно заключить, что зачастую насилие применяется ситуационно, спонтанно.

Сегодня п. «б» ч. 2 ст. 226.1 УК РФ охватывает как опасное для жизни и здоровья насилие, так и не опасное. Из этого следует, что действия, существенно различные по характеру и степени общественной опасности, влекут идентичное наказание. В действующих правовых позициях Пленума Верховного суда РФ данный квалифицирующий признак не получил своего отражения (не в последнюю очередь потому, что соответствующая правоприменительная практика отсутствует). Однако в постановлении от 27 мая 2008 г. № 6 Пленум Верховного суда РФ указал, что контрабанда может включать любое физическое воздействие в отношении потерпевшего, осуществляющего таможенный контроль, и если примененное насилие выразилось в его убийстве или причинении тяжкого вреда здоровью, содеянное требуется квалифицировать дополнительно по ч. 2 ст. 105 или ст. 111 УК РФ (п. 18)¹. В остальных же случаях признак применения насилия дополнительной квалификации не требует.

Применительно к структуре насилия, являющегося компонентом объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ, необходимо отметить следующее. В структуре ст. 318 УК РФ ясно определены различные по строгости уголовно-правовые последствия применения насилия, не опасного и опасного для жизни и здоровья. Пленум Верховного суда РФ четко определил правила применения некоторых уголовно-правовых норм, содержащих признаки «насилие, не опасное для жизни и здоровья» и «насилие, опасное для жизни и здоровья»². В правовой доктрине одни авторы под насилием понимают любое физическое воздействие на личность, сопряженное с причинением ей физических страданий [2, с. 4]. Другие исследователи связывают насилие с понятием нападения, поскольку в большинстве случаев насильственные действия совершаются внезапно для потерпевшего [15, с. 157]. Некоторые ученые разграничивают физическое и психическое насилие [7, с. 35].

Исходя из этого, сопоставительный анализ п. «б» ч. 2 ст. 226.1 и ст. 318 УК РФ дает основания заключить, что в уголовном законе используются различные приемы установления ответственности за преступления, связанные с насилием. В целях их унификации уместным представляется разграничение уголовно-правовых последствий

¹ О судебной практике по делам о контрабанде: постановление Пленума Верховного суда РФ от 27.05.2008 № 6 (утратило силу) // Рос. газ. 2008. 7 июня.

² О судебной практике по делам о краже, грабеже, разбое: постановление Пленума Верховного суда РФ от 27.12.2002 № 29 (по сост. на 16.05.2017) // Там же. 2003. 18 янв.

в зависимости от опасности или отсутствия опасности для жизни и здоровья потерпевшего. Данное предложение одобрили опрошенные респонденты (64 %).

В отношении п. «а» ч. 2 ст. 226.1 УК РФ можно заключить, что должностные лица, использующие служебное положение, действуют из корыстной заинтересованности, и в этой части содеянное ими представляет собой специальный вид злоупотребления должностными полномочиями или их превышения. В связи с длительным отсутствием практики привлечения к уголовной ответственности за такие действия, полагаем необходимым этот признак из ч. 2 ст. 226.1 УК РФ исключить. Опрошенные респонденты в целом обратили внимание на трудности в разграничении п. «а» ч. 2 ст. 226.1 и ч. 1 ст. 285, ч. 1 ст. 286 УК РФ (72 %).

Опыт установления уголовной ответственности должностных лиц определенных категорий в специальных нормах признается в целом не совсем удачным [1, с. 13]. Поэтому, хотя в условиях конкуренции общей и специальной нормы надлежит применять последнюю [5, с. 72], наличие самостоятельного квалифицирующего признака в п. «а» ч. 2 ст. 226.1 УК РФ представляется чрезмерным.

В связи с изложенным, полагаем необходимым п. «а» ч. 2 ст. 226.1 УК РФ исключить, а совершенные должностным лицом с использованием служебного положения действия, выражающиеся в незаконном перемещении через таможенную границу предметов контрабанды, квалифицировать по соответствующей части ст. 285 или ст. 286 УК РФ. Одним из признаков, разграничивающих данные преступления, является наличие корыстной или иной личной заинтересованности. В тех случаях, когда лицо руководствуется такими побуждениями, а также когда оно пытается искусственно придать своим действиям внешне законный вид, они образуют состав должностного злоупотребления. В иных ситуациях, когда виновный грубо игнорирует установленный порядок исполнения своих должностных обязанностей, имеются признаки должностного превышения.

Часть 3 ст. 226.1 УК РФ представляется адекватно отражающей характер и степень общественной опасности специальной контрабанды и, на наш взгляд, корректировки не требует. С учетом сохранения основных детерминант, определяющих динамику данного преступления [12, с. 93], необходимо оставить ее в неизменном виде.

При совершенствовании положений ст. 226.1 УК РФ необходимо обратить внимание и на так называемую почтовую контрабанду. Пленум Верховного суда РФ в п. 15 постановления от 27 апреля 2017 г. № 12 указал, что получатель международного почтового отправления, приискавший и осуществивший заказ, оплативший его и предоставивший свои персональные данные, а также предусмотревший способы получения и сокрытия товара, подлежит ответственности как исполнитель контрабанды. В данном случае следует учитывать, что в стране-изготовителе заказанной продукции может отсутствовать специальный правовой режим для ее оборота. В современный период имеется немало негативных примеров, когда под угрозой привлечения к уголовной ответственности оказываются лица, заказывающие из-за границы препараты, рекомендованные врачами, но не реализующиеся через российские аптечные сети. В этой ситуации лекарственные препараты, содержащие сильнодействующие или психотропные компоненты, признаются предметом контрабанды,

приобретатель может подлежать уголовной ответственности, но только в том случае, если в его действиях будут усмотрены признаки объективной стороны контрабанды¹. Возможно более правильным в подобных обстоятельствах является недопущение выпуска почтового отправления на таможенную территорию. Иными словами, если при проверке содержимого бандероли или посылки будет выявлено наличие предметов, оборот которых в России ограничен или прямо запрещен, то ее доставка отправителю не будет производиться. Если источник происхождения почтового отправления является легальным (интернет-магазин, производитель товаров), то, очевидно, что получатель действовал в отсутствие умысла на совершение контрабанды и не собирался скрывать факт приобретения товара (об этом, например, можно заключить и из того, что при оплате товаров, приобретаемых дистанционным способом, используется безналичный расчет или наложенный платеж, подразумевающие раскрытие персональных данных покупателя).

В связи с изложенным представляется необходимым дополнить п. 15 постановления Пленума Верховного суда РФ от 27 апреля 2017 г. № 12 абзацем следующего содержания:

«При этом подлежит правовой оценке совокупность обстоятельств, характеризующих правовой режим оборота предметов, находящихся в почтовом отправлении, в месте их приобретения, легальность источника его приобретения, потребность получателя в наличии такого товара (например, медицинские показания), использование получателем для расчета с отправителем собственных банковских реквизитов».

Предлагаемое дополнение позволило бы не осуществлять уголовное преследование лиц, заказавших предметы, ограниченные в обороте на территории России, но находящиеся в свободном обороте в стране их происхождения. Поскольку в отношении лекарственных средств, например, Минздрав РФ реализует долгосрочную (расчитанную до 2030 г.) программу унификации и установления идентичного режима обращения², такая инициатива позволила бы избежать правоприменительных коллизий, связанных с уголовным преследованием граждан, не имевших умысла на совершение контрабанды.

Таким образом, положения ст. 226.1 УК РФ обладают рядом существенных недостатков, обуславливающих ее относительно редкое применение, кроме того, отсутствие альтернативных лишению свободы санкций порождает назначение чрезмерно сурового наказания или избыточное применение условного осуждения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бавсун М.В., Борков В.Н. Неисполнение сотрудником органа внутренних дел приказа или распоряжения // Уголовное право. – 2010. – № 6. – С. 11–16.

¹ Прокуратура отменила постановление о возбуждении уголовного дела по факту ввоза из-за рубежа лекарства // Генеральная прокуратура РФ. URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1678638/> (дата обращения 25.09.2019).

² Сообщение пресс-службы Минздрава России // Минздрав России. URL: <https://www.rosminzdrav.ru/news/2018/08/20/8833-soobschenie-press-sluzhby-minzdrava-rossii> (дата обращения 25.09.2019).

2. Гаухман Л.Д. Борьба с насильственными посягательствами. – М.: Юрид. лит., 1969. – 120 с.
3. Густова Э.В. Новеллы уголовного законодательства: проблемы конструирования и применения // Журнал российского права. – 2018. – № 11. – С. 129–137.
4. Есаков Г.А., Долотов Р.О., Филатова М.А. [и др.]. Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025). – М.: Центр стратегических разработок, 2017 – 76 с.; Лопашенко Н.А., Кобзева Е.В., Хутов К.М., Долотов Р.О. Уголовный кодекс Российской Федерации. Общая часть: проект // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2016. – № 6. – С. 17–25; Наумов А.В. Проблемы кодификации уголовного законодательства: новый Уголовный кодекс или новая редакция кодекса? // Общество и право. – 2010. – № 5. – С. 13–18.
5. Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации преступлений. – М.: Норма, 2002. – 169 с.
6. Капитонова Е.А. Принудительные работы как новый вид уголовного наказания // Законность. – 2013. – № 2. – С. 20–23.
7. Клоченко Л.Н. Психическое насилие: вопросы уголовно-правовой регламентации и квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2019. – 206 с.
8. Коробеев А.И. «Лоскутное одеяло» Уголовного кодекса // Новая газета. – 2013. – 5 февр.
9. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ: В 2 ч. – М.: Юрлитинформ, 2015. – Ч. 2. – 168 с.
10. Марковский М.С. Уголовно-правовые средства противодействия контрабанде наличных денежных средств и (или) денежных инструментов: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2018. – 193 с.
11. Полубинская С.В. Изменения и дополнения Уголовного кодекса Российской Федерации в оценках уголовно-правовой науки // Труды Института государства и права РАН. – 2011. – № 4. – С. 234–250.
12. Робак В.А. Детерминанты контрабанды оружия и меры борьбы с ней // Юристъ-Правоведъ. – 2019. – № 2. – С. 91–94.
13. Рогатых Л.Ф. Уголовно наказуемая контрабанда. – СПб.: СПб ЮИ Генеральной прокуратуры РФ, 2005. – 140 с.
14. Скачко А.В. Регламентация режима оборота оружия – важнейшая предпосылка предупреждения его контрабандного перемещения через таможенную границу в условиях Таможенного союза // Теория и практика общественного развития. – 2016. – № 1. – С. 60–64.
15. Уголовное право России. Особенная часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М.: Норма, 2005. – 543 с.
16. Урда М.Н. О проблемах применения норм об ответственности за контрабанду денежных средств и (или) денежных инструментов // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 385. – С. 139–143.
17. Черепков Д.С. Контрабанда по Уголовному кодексу РФ: статистика совершенных преступлений и эволюция уголовной ответственности по российскому законодательству // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 5. – С. 180–183.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Bavsun M.V., Borkov V.N. Failure by an employee of the internal affairs body of an order or instruction // Criminal Law. – 2010. – № 6. – P. 11–16.

2. Gaukhman L.D. Fight against violent attacks. – М.: Yurid. lit., 1969. – P.120.
3. Gustova E.V. Novels of the criminal law: problems of design and application // Journal of Russian Law. – 2018. – № 11. – P. 129–137.
4. Esakov G.A., Dolotov R.O., Filatova M.A., Redchits M.A., Stepanov P.P., Tsai K.A. Criminal policy: roadmap (2017–2025). – М.: Center for Strategic Research, 2017. – P. 76; Lopashenko N.A., Kobzeva E.V., Khutov K.M., Dolotov R.O. The Criminal Code of the Russian Federation. A common part. Project // Library of Criminal Law and Criminology. – 2016. – № 6. – P. 17–25; Naumov A.V. Problems of codification of criminal law: a new Criminal Code or a new version of the code? // Society and law. – 2010. – № 5. – P. 13–18.
5. Inogamova-Khegai L.V. Competition of criminal law in the classification of crimes. – М.: Norma, 2002. – P. 169.
6. Kapitonova EA Forced labor as a new type of criminal punishment // Legality. – 2013. – № 2. – P. 20–23.
7. Klochenko L.N. Mental violence: issues of criminal law regulation and qualifications: thesis of Candidate of Law. – М., 2019. – P. 206.
8. Korobeev A.I. “Patchwork” of the Criminal Code // New newspaper. – 2013. – Feb 5.
9. Lopashenko N.A. Crimes in the field of economic activity: theoretical and applied analysis: in 2 parts. – М.: Yurlitinform, 2015. – Part II. – P. 168.
10. Markovsky M.S. Criminal legal means of counteracting smuggling of cash and (or) monetary instruments: thesis of Candidate of Law. – St. Petersburg, 2018. – P. 193.
11. Polubinskaya S.V. Changes and additions to the Criminal Code of the Russian Federation in assessments of criminal law science // Transactions of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2011. – № 4. – P. 234–250.
12. Robak V.A. The determinants of arms smuggling and measures to combat it // Lawyer–Jurisprudence. – 2019. № 2. – P. 91–94.
13. Horned L.F. Criminally smuggled. – St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute of the General Prosecutor of the Russian Federation, 2005. – P. 140.
14. Skachko A.V. Regulation of the regime of circulation of weapons is the most important prerequisite for preventing its smuggling across the customs border in the conditions of the Customs Union // Theory and Practice of Social Development. – 2016. – № 1. – P. 60–64.
15. The criminal law of Russia. Special Part / Ed. V.N. Kudryavtseva, A.V. Naumova. – М.: Norma, 2005. – P. 543.
16. Urda M.N. On the problems of applying the rules on liability for smuggling funds and (or) monetary instruments // Tomsk State University Bulletin. – 2014. – № 385. – P. 139–143.
17. Cherepkov D.S. Smuggling under the Criminal Code of the Russian Federation: statistics of crimes committed and the evolution of criminal liability under Russian law // Gaps in Russian legislation. – 2014. – № 5. – P. 180–183.

УДК 343.3/.7

DOI 10.24411/2312-3184-2020-10008

Козаев Нодар Шотаевич

профессор кафедры уголовного права
и криминологии Краснодарского
университета МВД России
доктор юридических наук, доцент
E-mail: nkosaev@mail.ru

Kozayev Nodar Shotaevich

Professor of the Department of Criminal Law
and Criminology of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Doctor of Law, associate professor
E-mail: nkosaev@mail.ru

Бархатова Екатерина Николаевна

доцент кафедры уголовного права
и криминологии Восточно-Сибирского
института МВД России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: Solncevelvet@rambler.ru

Barkhatova Ekaterina Nikolaevna

associate Professor of the Department of
Criminal Law and Criminology of the East-
Siberian Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia Candidate of Law,
associate professor
E-mail: Solncevelvet@rambler.ru

**ОСНОВНЫЕ НАРУШЕНИЯ,
ДОПУСКАЕМЫЕ В ХОДЕ ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА,
И ИХ ОТЛИЧИЕ ОТ УГОЛОВНО НАКАЗУЕМЫХ ДЕЯНИЙ**

Введение: в статье во взаимосвязи с нормами гражданского законодательства, а также с нормами федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» рассматриваются наиболее часто допускаемые лицами, задействованными в процедуре банкротства, нарушения. По объективным и субъективным признакам составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 195–197 УК РФ об ответственности за нарушения, связанные с процедурой банкротства, проводится отграничение нарушений гражданско-правового характера от уголовно наказуемых деяний; особое внимание обращается на наличие и сумму ущерба, а также отграничение преступления от административного правонарушения по данному признаку; по аналогии с налоговыми преступлениями обосновывается необходимость увеличения сроков проверки по материалам о преступлениях, связанных с процедурой банкротства.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составили положения Конституции РФ, уголовного и гражданского законодательства, федеральных законов и подзаконных актов, регламентирующих процедуру банкротства, раскрывающие содержание основных понятий; методологическую основу составил диалектический метод познания основных закономерностей и тенденций, методы анализа и синтеза, позволившие выявить проблемные вопросы и предложить возможные пути решения.

Результаты исследования: позволили отразить основные нарушения, допускаемые в ходе процедуры банкротства, на которые правоприменителю следует обратить внимание при проверке сообщения о преступлении, а также в рамках расследования по возбужденному уголовному делу, выявить основные отличия преступлений, связанных с процедурой банкротства, от гражданско-правовых деликтов, злоупотребления гражданским правом, а также от административных правонарушений, сформулировать предложения по совершенствованию правоприменительной практики в данной сфере.

Выводы и заключения: в результате анализа норм федерального законодательства удалось сформулировать рекомендации по совершенствованию правоприменительной практики за счет знаний о возможных нарушениях, допускаемых в ходе процедуры банкротства, а также сформулировать предложение об увеличении сроков рассмотрения материала по признакам преступления, связанного с процедурой банкротства.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, имущественные права, имущественные обязанности, кредитор, должник.

MAJOR VIOLATIONS ADMITTED IN THE COURSE OF THE BANKRUPTCY PROCEDURE, AND THEIR DIFFERENCE FROM CRIMINALLY PUNISHED ACTS

Introduction: in the article, in conjunction with the norms of civil law, as well as with the norms of the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)”, the violations most frequently committed by persons involved in the bankruptcy procedure are considered. According to the objective and subjective characteristics of the offenses under Art. Art. 195-197 of the Criminal Code on liability for violations related to bankruptcy proceedings, the delimitation of civil law violations from criminal offenses is carried out.

Materials and Methods: the normative basis of the study was constituted by the provisions of the Constitution of the Russian Federation, criminal and civil legislation, federal laws and regulations governing the procedure for the circulation of precious metals and precious stones, revealing the content of the basic concepts. The methodological basis was formed by the dialectical method of cognition, which made it possible to identify the main laws and trends, methods of analysis and synthesis, which made it possible to identify problematic issues and suggest possible solutions.

Results: allowed to reflect the main violations committed during the bankruptcy procedure, which the law enforcer should pay attention to when checking the report of a crime, as well as in the framework of the investigation of the criminal case, to identify the main differences between bankruptcy crimes and civil tort, abuse civil law, as well as from administrative offenses, to formulate proposals for improving law enforcement practice in this area.

Summary and Conclusion: as a result of the analysis of the practice of implementing the norms of federal legislation, it was possible to formulate recommendations for improving law enforcement practice based on knowledge of possible violations committed

during the bankruptcy procedure, as well as formulate a proposal to increase the time for consideration of material on the grounds of a crime related to the bankruptcy procedure.

Key words: bankruptcy, insolvency, property rights, property obligations, creditor, debtor.

Банкротство – институт гражданского права, появление которого связано с необходимостью регулирования имущественного оборота. Благодаря предусмотренной законом процедуре банкротства неплатежеспособный гражданин получает возможность реабилитироваться, а его кредиторы – вернуть свои денежные средства.

Поскольку институт банкротства – понятие, присущее рыночной экономике, упоминания о нем отсутствуют в советском законодательстве. Поэтому для современной России относительно небольшой период существования положений о банкротстве в гражданском и уголовном праве характеризуется поиском подходов к наиболее точному описанию данной процедуры в законе, исключая двусмысленное толкование нормы и многочисленные нарушения указанной процедуры [3, с. 35].

В уголовном законе нарушениям, связанным с банкротством, посвящены три нормы: ст. 195 УК РФ «Неправомерные действия при банкротстве», ст. 196 УК РФ «Преднамеренное банкротство» и ст. 197 УК РФ «Фиктивное банкротство». Перечисленные нормы не теряют своей актуальности. Так, согласно данным уголовной статистики с 2014 по 2018 г. отмечается нестабильная ситуация относительно преступлений, связанных с банкротством: с 2014 по 2017 г. отмечается снижение числа преступлений, предусмотренных ст. 195 УК РФ, однако в 2018 г. наблюдается незначительный рост. Волнообразно выглядит график, демонстрирующий число преступлений, предусмотренных ст. 196 УК РФ, что также свидетельствует об отсутствии стабильности в регулировании данной сферы деятельности. Относительно благоприятная ситуация отмечается лишь по ст. 197 УК РФ, объясняется это малым количеством подобных фактов – по официальным данным ежегодно регистрируется одно или два преступления (см. рис. 1).

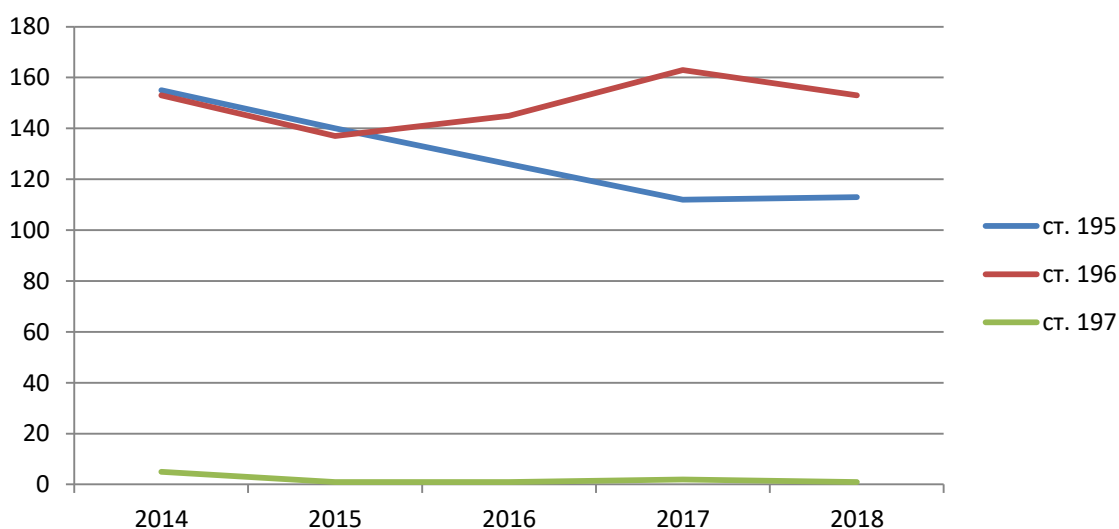

Рис. 1. Количество зарегистрированных преступлений, связанных с нарушением процедуры банкротства на территории Российской Федерации в 2014–2018 гг.

В структуре преступлений в сфере экономической деятельности преступления, связанные с процедурой банкротства, занимают всего 0,7 %¹. Объясняется этот факт не только тем, что такие преступления фактически совершаются редко, но и тем, что в отдельных случаях неправомерным действиям придается вполне правомерный вид.

Нередко процедура банкротства используется предпринимателями для ухода от погашения кредиторской задолженности, что значительно повышает предпринимательские риски и отрицательно влияет на нормальное развитие экономических отношений как внутри государства, так и на мировой арене.

Судебно-следственная практика по делам о преступлениях, связанных с процедурой банкротства, свидетельствует об ошибках, допускаемых при квалификации подобных деяний, связанных с умелой маскировкой неправомерных отношений под гражданские правоотношения, протекающие в установленном законом порядке (например, феномен управляемых банкротств).

Процедура банкротства проводится в соответствии с федеральным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»². Необходимо отметить, что несостоятельность, как правило, ожидаемый факт, а потому указанным законом предусмотрены предупредительные мероприятия, направленные на возможное восстановление платежеспособности должника. Только после принятия указанных мер должна быть запущена процедура признания физического или юридического лица банкротом.

Неправомерные действия при банкротстве могут заключаться в следующем. Лицо умышленно скрывает свое личное имущество или имущество организации, руководителем которой он является, для того, чтобы избежать его отчуждения с целью уплаты долга, имеющегося у гражданина или организации. Кроме того, неправомерным и уголовно наказуемым будет признаваться также факт сокрытия отчетной документации [1, с. 96]. Документация скрывается также с целью не затрачивать оставшиеся свободные ресурсы на оплату долга, а воспользоваться ими по своему усмотрению. Уголовно наказуемыми такие действия будут являться только в случае причинения крупного ущерба (свыше 2 млн 250 тыс. руб.). Объективная сторона преднамеренного банкротства заключается в совершении действий, намеренно ухудшающих финансовое состояние физического или юридического лица с целью последующего признания его банкротом и во избежание уплаты более крупных долгов. Фиктивное банкротство состоит в сообщении заведомо ложных сведений о собственной несостоятельности при наличии достаточных для уплаты долга средств.

Все перечисленные действия будут являться уголовно наказуемыми только при наличии крупного ущерба, при отсутствии указанных последствий возможно привле-

¹ См.: Статистические данные ЦСИ ГИАЦ МВД России.

² О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ (в ред. от 3 июля 2019 г.) // Рос. газ. 2002. № 209–210. 2 нояб.

чение только к административной ответственности по ст. 14.12 КоАП РФ «Фиктивное или преднамеренное банкротство» или ст. 14.13 КоАП РФ «Неправомерные действия при банкротстве».

Таким образом, следует отграничивать нарушения гражданско-правового характера, связанные с процедурой банкротства, от административных правонарушений и преступлений в данной сфере.

Исходя из разъяснений Пленума Верховного суда Российской Федерации от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» наиболее типичными нарушениями гражданско-правового характера являются следующие¹.

Граждане, являющиеся индивидуальными предпринимателями, ошибочно полагают, что если они фактически являются неплатежеспособными, то это влечет необходимость признания их банкротами как в качестве индивидуальных предпринимателей, так и в качестве физических лиц, т. е. необходимость инициации процедуры банкротства по двум фактам. Данная ситуация должна быть разрешена следующим образом. Если гражданин, находясь в статусе индивидуального предпринимателя, фактически является неплатежеспособным и подача им заявления о признании банкротом его как индивидуального предпринимателя и как гражданина осуществляется в силу неправильного толкования норм закона, то имеет место лишь процедурное нарушение. Если же такие действия совершались умышленно с целью сокрытия имущества, за счет которого могла быть осуществлена уплата долга, тогда (в случае отсутствия крупного ущерба) будет иметь место административное правонарушение, предусмотренное ст. 14.13 КоАП РФ, при наличии соответствующего ущерба – преступление, предусмотренное ст. 195 УК РФ.

В ряде случаев должники воспринимают обращение в арбитражный суд с заявлением о признании банкротом как право, а не обязанность, ошибочно истолковывая норму. Однако же обязанность возникает у должника не сразу, а лишь при наличии таких условий, как задолженность не менее 500 тыс. руб., которую должник не смог погасить в течение трех месяцев, а также при наличии того факта, что удовлетворение требования одного или нескольких кредиторов приведет к невозможности уплаты иных долгов. Это положение касается также случаев, когда требования всех кредиторов возмещаются в части, а оставшаяся часть остается непогашенной. Задолженность в размере 500 тыс. руб. может быть связана с предпринимательской деятельностью и не связана с ней. Значение имеет факт неплатежеспособности лица.

Намеренное затягивание производства по делу о банкротстве также относится к одному из наиболее распространенных нарушений. Так, должник, признавая наличие задолженности и установленный законом период просрочки, возражает относительно возбуждения в отношении него дела о признании его банкротом. В данном случае должнику не грозит административная или уголовная ответственность, однако имеет место факт злоупотребления правом, а потому суд без применения каких-либо мер дисциплинарного воздействия может отклонить возражения должника, если устано-

¹ Рос. газ. 2015. № 235. 19 окт.

вит, что они безосновательны.

Предоставление заведомо недостоверных сведений. Сведения могут относиться к различным фактам: отсутствию денежных средств или имущества, за счет которого может быть погашен долг; сумма задолженности может быть искусственно завышена, либо трехмесячный срок добровольного погашения задолженности не соблюден. Статьей 213.6 федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» предусмотрено – гражданин не может быть признан неплатежеспособным, если будет установлено, что у него все же имеются средства, за счет которых он может погасить данную задолженность, но указанный абзац статьи не подлежит применению в случае предоставления заведомо недостоверных сведений или подложных документов, к гражданину должны быть применены соответствующие меры, поскольку его действия связаны с намеренным уклонением от уплаты долга и присвоением денежных средств, по факту ему не принадлежащих. Отказ арбитражного суда в признании должника банкротом основывается на положениях ст. 10 ГК РФ, гласящих, что осуществление гражданских прав с намерением причинить вред другому лицу не допускается. Предоставление заведомо недостоверных сведений квалифицируется как фальсификация бухгалтерских и иных учетных документов, отражающих экономическую деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя, а потому при наличии крупного ущерба может образовать состав преступления, предусмотренного ст. 195 УК РФ. Кроме того, если крупный ущерб отсутствует, то сам факт фальсификации бухгалтерских и иных учетных документов, совершенный с целью сокрытия признаков банкротства, может быть квалифицирован по ст. 172¹ УК РФ «Фальсификация финансовых документов учета и отчетности финансовой организации».

Одно из нарушений гражданско-правового характера заключается в том, что в соответствии с п. 1 ст. 57 федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» после введения процедуры банкротства приостанавливается исполнение документов по имущественным взысканиям с должника за исключением исполнения судебных решений о взыскании задолженности по заработной плате, выплате авторского вознаграждения, о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью, и морального вреда, вступивших в законную силу до момента принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом. Однако должник, игнорируя положения данной статьи, приостанавливает выплату заработной платы необоснованно. И если работодателем не просто нарушаются сроки выплаты заработной платы, а выплата прекращается вовсе, то такое нарушение выходит за рамки гражданско-правового и может быть квалифицировано как уголовно наказуемое деяние, предусмотренное ст. 145¹ УК РФ «Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат».

Следующее нарушение связано со злоупотреблением отдельными должностными лицами, участвующими в проведении процедуры банкротства, своими должностными полномочиями. Пункт 5 ст. 58 федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» гласит, что с момента введения наблюдения аресты имущества должника и иные ограничения должника по распоряжению его имуществом могут быть наложены исключительно в рамках процесса о банкротстве. Это означает, что кроме арбитражного суда, ведущего дело о банкротстве, арест на имущество должника не может быть

наложен никаким другим судом, ни судебным приставом-исполнителем [10, с. 153]. Однако это правило нередко нарушается в силу недобросовестного исполнения обязанностей (невыяснения обстоятельств в полном объеме, ошибочного толкования закона) либо умышленного игнорирования данного факта в силу, к примеру, корыстной заинтересованности соответствующего должностного лица. Так, известны случаи ареста, изъятия и реализации имущества должника судебными приставами-исполнителями, а также последующего за реализацией нарушения установленной ст. 64 ГК РФ очередности возмещения ущерба, причиненного фактом банкротства¹.

Кроме того, возможны нарушения, касающиеся кандидатуры финансового управляющего. Так, в соответствии с законом должник не наделяется правом выбирать кандидатуру финансового управляющего, а указывает в заявлении о признании банкротом лишь саморегулируемую организацию, из числа членом которой и выбирается финансовый управляющий [4, с. 186; 5, с. 100; 9, с. 132]. Выбор финансового управляющего осуществляется не арбитражным судом, а непосредственно саморегулируемой организацией, в которую суд направляет запрос о предоставлении кандидатуры. Однако, полагаем, что и указание организации в заявлении излишне, поскольку создает коррупционные риски. Так, должник, имея связи в соответствующей организации, заранее (до подачи заявления в арбитражный суд) договорившись о желательной кандидатуре финансового управляющего, посвященного во все планируемые должником нарушения, может способствовать нарушениям как гражданско-правового, так и уголовно-правового характера.

Пунктом 6 ст. 213.9 федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» предусмотрено, что финансовый управляющий для обеспечения своей деятельности вправе привлекать других лиц. Такие лица привлекаются на основании определения арбитражного суда и в случае обоснования необходимости их привлечения. Однако если финансовый управляющий состоит в преступном сговоре с должником (как было описано ранее), то привлечение таких лиц может стать одной из схем вывода активов должника именно через них, в частности, через оплату их услуг. Разумеется, в данном случае не следует вести речь о больших суммах, однако часть активов таким способом может быть выведена.

Нарушения, касающиеся умышленного указания недостоверных сведений, допускаются при предоставлении в суд плана о реструктуризации долгов. Недостоверные сведения могут указываться в данном документе с целью скорейшего завершения процедуры банкротства, если должник осведомлен о последующем крупном доходе, за счет которого не желает возмещать имеющиеся долги. В случае выяснения такого обстоятельства суд отменяет утвержденный план реструктуризации долга ввиду злоупотребления должником своим правом [6, с. 78]. В зависимости от характера недосто-

¹ Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 13 июля 2004 г. № КГ-А40/5060-04. С момента принятия судом решения о признании банка несостоятельным (банкротом) кредитная организация не вправе осуществлять какие-либо денежные операции, в том числе исполнять инкассовые поручения по исполнению судебных актов. URL: <https://resheniya-sudov.ru/2004/28587/> (дата обращения 03.09.2019).

верных сведений и размера ущерба злоупотребление может быть квалифицировано по ч. 1 ст. 195 УК РФ.

В ряде случаев в ходе процедуры банкротства должником допускается нарушение очередности выплаты долгов. Статья 134 федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» указывает, что в первую очередь удовлетворяются требования по текущим платежам, связанным с судебными расходами по делу о банкротстве, по выплате вознаграждения арбитражному управляющему, взысканию задолженности по выплате вознаграждения лицам, исполнявшим обязанности арбитражного управляющего в деле о банкротстве, по текущим платежам, связанным с оплатой деятельности лиц, привлечение которых арбитражным управляющим для исполнения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве является обязательным. Возвращаясь к вопросу о предварительной договоренности должника и финансового управляющего, а также лиц, которых финансовый управляющий вправе привлекать к процедуре банкротства, отметим, что оплата их труда в первую очередь способствует коррупционным рискам и нарушению прав иных кредиторов, чьи требования могут быть не удовлетворены. В данном случае уголовно наказуемым деяние будет являться только при наличии крупного ущерба [2, с. 41]. Напомним, сумма такого ущерба в соответствии с примечанием к ст. 170² УК РФ должна превышать 2 млн 250 тыс. руб. Резонно предположить, что когда долг перед каждым последующим в очереди кредитором составляет менее данной суммы, речь может идти только об административном правонарушении, предусмотренном ч. 2 ст. 14.13 КоАП РФ. Наказание за такое правонарушение для должностных лиц составляет от 50 до 100 тыс. рублей или дисквалификация на срок от шести месяцев до трех лет. В случае, если речь идет о больших суммах, подлежащих выплате в первую очередь (с учетом возможности завышения оплаты услуг перечисленных в ст. 134 федерального закона лиц, при наличии договоренности с ними о последующем возврате части суммы), полагаем, что должник, стремясь сохранить часть денежных средств для последующего личного пользования, может пренебречь нормами административного законодательства, оказавшись при этом в выгодном положении.

Интересно указание в ч. 2 ст. 134 федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» на необходимость учета календарной очередности при удовлетворении требований кредиторов. Так, в случае если с несколькими кредиторами договоры заключены одновременно, у должника появляется возможность апеллировать к указанной норме при выплате долга одному кредитору в ущерб другим и настаивать на соблюдении очередности [7, с. 102; 8, с. 99].

Перечисленные нарушения прямо или косвенно нашли отражение в постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан». Предложенные разъяснения Пленума не всегда устраняют спорные вопросы в разграничении нарушений, относящихся к уголовно наказуемым деяниям и гражданско-правовым деликтам. Полагаем, что при решении вопроса о возбуждении уголовного дела по факту непреднамеренных действий при банкротстве, особое внимание следует уделять личности долж-

ника (руководителя юридического лица), его связям. Необходимо проанализировать произведенные должником финансовые операции с привлечением специалиста, а также установить возможность ожидаемого получения должником крупного дохода, за счет которого он мог бы удовлетворить требования кредиторов. Объем работы велик, однако сроки рассмотрения сообщения о преступлении, связанном с процедурой банкротства, специально не предусмотрены, т. е. решение органом дознания должно быть принято в течение трех суток с последующим возможным продлением до десяти суток (в соответствии с ч. 1 и 3 ст. 144 УПК РФ). Вместе с тем сроки проверки по налоговым преступлениям достигают 30 суток (ч. 7–9 ст. 144 УПК РФ). На наш взгляд, объем работы при проверке сообщения по делу о банкротстве требует увеличения предусмотренных УПК сроков.

Подводя итог, следует отметить, что правоприменитель, несмотря на определенную нормативную разработанность процедуры банкротства, сталкивается с проблемами, связанными с вопросами привлечения к тому или иному виду ответственности, в частности к уголовной, это связано как с бланкетным характером данных норм, так и с определенными трудностями самого правоприменителя при квалификации деяний и их отграничении от смежных преступлений и правонарушений. В этой связи обозначенные положения должны положительно отразиться на эффективности раскрытия и расследования уголовных дел данной категории и процедуре назначения судами справедливого и законного наказания виновным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Барабина М. П. Особенности правового регулирования отношений банкротства строительных организаций / М. П. Барабина // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 4. – С. 95–99.
2. Бронфман Б. Е. К вопросу о расследовании преступлений, связанных с неправомерными действиями при банкротстве / Б. Е. Бронфман // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2017. – № 1. – С. 41–44.
3. Вакутин А. А. Уголовно-правовая оценка неправомерных действий при банкротстве: дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2013. – 220 с.
4. Глухова О. Ю., Шевяков А. Ю. Конкурсное производство в процедуре несостоятельности (банкротства) / О. Ю. Глухова, А. Ю. Шевяков // Социально-экономические явления и процессы. – 2017. – № 2. – С. 184–189.
5. Дранцова К. В. Проценты по вознаграждению арбитражного управляющего / К. В. Дранцова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. – 2016. – Вып. 1. – С. 97–103.
6. Ефремова М. А., Борзиков А. А. Умышленное банкротство физического лица: злоупотребление гражданским правом или состав преступления / М. А. Ефремова, А. А. Борзиков // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2016. – № 2. – С. 77–86.
7. Квициния Н. В., Абдурахманов С. Х. Ответственность солидарных должников перед кредитором (коллизия норм федерального закона «О несостоятельности

(банкротстве)» и положений Гражданского кодекса РФ) / Н. В. Квициния, С. Х. Абдурахманов // *Legal Concept*. – 2018. – № 2. – С. 99–105.

8. Новаковская А. В., Селивановская Ю. И. Некоторые вопросы защиты прав кредиторов в процедурах банкротства: гражданско-правовые и уголовно-правовые аспекты / А. В. Новаковская, Ю. И. Селивановская // *Вестник экономики, права и социологии*. – 2017. – № 2. – С. 97–100.

9. Пархоменко И. К. О концепции правового положения арбитражного управляющего и его роли на стадии конкурсного производства при банкротстве юридического лица / И. К. Пархоменко // *Ленинградский юридический журнал*. – 2017. – № 2. С. 130–135.

10. Трунцевский Ю. В. Судебная защита прав потерпевшего (банка-кредитора) после заключения им договора уступки права (требований) в условиях преднамеренного банкротства должника / Ю. В. Трунцевский // *Правоприменение*. – 2017. – № 3. – Т. 1. – С. 150–159.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Barabina M. P. Features of legal regulation of bankruptcy relations of construction organizations / M.P. Barabina // *Actual problems of Russian law*. – 2018. – № 4. – P. 95–99.

2. Bronfman B. E. On the investigation of crimes related to unlawful actions in bankruptcy / B. E. Bronfman // *Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2017. – № 1. – P. 41–44.

3. Vakutin A. A. Criminal assessment of unlawful actions in bankruptcy: thesis of Candidate of Law. – Omsk, 2013. – 220 p.

4. Glukhova O. Yu., Shevyakov A. Yu. Bankruptcy proceedings in the insolvency (bankruptcy) procedure / O. Yu. Glukhova, A. Yu. Shevyakov // *Socio-economic phenomena and processes*. – 2017. – № 2. – P. 184–189.

5. Drantzova K. V. Interest on remuneration of the arbitration manager / K.V. Drantzova // *Bulletin of St. Petersburg University. Series 14. Right*. – 2016. – Issue. 1. – P. 97–103.

6. Efremova M. A., Borzikov A. A. Intentional bankruptcy of an individual: abuse of civil law or corpus delicti / M. A. Efremova, A. A. Borzikov // *Bulletin of the East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2016. – № 2. – P. 77–86.

7. Kvitsinia N. V., Abdurakhmanov S. Kh. Responsibility of joint debtors to a creditor (conflict of norms of the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)» and the provisions of the Civil Code of the Russian Federation) / N.V. Kvitsiniya, S. Kh. Abdurakhmanov // *Legal Concept*. – 2018. – № 2. – P. 99–105.

8. Novakovskaya A. V., Selivanovskaya Yu. I. Some issues of protecting creditors' rights in bankruptcy proceedings: civil law and criminal law aspects / A.V. Novakovskaya, Yu. I. Selivanovskaya // *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. – 2017. – № 2. – P. 97–100.

9. Parkhomenko I. K.. On the concept of the legal status of an arbitration manager and its role at the stage of bankruptcy proceedings in the event of bankruptcy of a legal entity / I. K. Parkhomenko // *Leningrad Law Journal*. – 2017. – № 2. – P. 130–135.

10. Truntsevsky Yu. V. Judicial protection of the rights of the victim (creditor bank) after the conclusion of the contract for the assignment of rights (claims) in the context of deliberate bankruptcy of the debtor / Yu. V. Truntsevsky // Law enforcement. – 2017. – № 3. – Т. 1. – Р. 150–159.

УДК 343.9

DOI 10.24411/2312-3184-2020-10009

Малыхина Татьяна Анатольевна
доцент кафедры
уголовного права и криминологии
Восточно-Сибирского института
МВД России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: malykhina_t@mail.ru

Malykhina Tatyana Anatolyevna
Associate Professor of the Department
of Criminal Law and Criminology
East-Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Candidate of Law
E-mail: malykhina_t@mail.ru

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Введение: в статье рассматриваются вопросы предупреждения современного экстремизма в молодежной среде на общем, специальном и индивидуальном уровнях профилактики. Важность и актуальность разработки и реализации мер профилактики всех уровней, начиная с ранней, требует обязательного привлечения для своего осуществления государственного участия. Рассмотренные в статье меры предупреждения предложены на основе анализа криминогенных детерминант, а также с учётом особенностей такой специфической социальной категории, как молодежь.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Уголовный кодекс Российской Федерации, Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 (в ред. от 20.09.2018) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», иные нормативные акты, регламентирующие предупредительную деятельность органов внутренних дел. В качестве методологической базы исследования выступили общенаучный метод всеобщего познания, системно-правовой, формально-правовой, криминологический анализ. Материалами исследования послужили разработки зарубежных и отечественных ученых-юристов, психологов, социологов и политологов, касающиеся проблем молодежного экстремизма.

Результаты исследования: позволили раскрыть содержание системного подхода к профилактике экстремизма в современной молодежной среде, основанного на возможностях всех рассмотренных предупредительных уровней.

Выводы и заключения: анализ детерминантов современного молодежного экстремизма позволил определить круг основных специфических мер, направленных на его предупреждение с учетом особенностей различных категорий профилируемых лиц.

Ключевые слова: экстремизм, молодежь, экстремизм в молодежной среде, профилактика экстремизма в молодежной среде, предупреждение преступлений, детерминанты экстремизма.

ON THE PECULIARITIES OF PREVENTION OF EXTREMISM IN THE MODERN YOUTH ENVIRONMENT

Introduction: the article discusses the prevention of modern extremism in the youth environment at the general, special and individual levels of prevention. The importance and relevance of the development and implementation of preventive measures at all levels, from the earliest, requires mandatory involvement of state participation in its implementation. The measures to prevent this phenomenon considered in the article are proposed based on the analysis of criminogenic determinants, as well as taking into account the characteristics of such a specific social category as youth.

Materials and Methods: the normative basis of the study is the Criminal Code of the Russian Federation, the Strategy for Combating Extremism in the Russian Federation until 2025, Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2011 № 11 (as amended by 20.09.2018) “On judicial practice in criminal cases of extremist crimes”, other regulations governing the preventive activities of internal affairs bodies. The general scientific method of general knowledge, system-legal, formal-legal, criminological analysis was used as the methodological base of this study. The research materials were developed by foreign and domestic legal scholars, psychologists, sociologists and political scientists regarding the problems of youth extremism.

Results: allowed to reveal the content of a systematic approach to the prevention of such negative social, criminal in nature, phenomena such as extremism in the modern youth environment, based on the capabilities of all the considered warning levels.

Summary and Conclusion: an analysis of the determinants of modern youth extremism made it possible to determine the range of basic specific measures aimed at preventing it, taking into account the characteristics of various categories of preventable people with a set of personal qualities that make them the most vulnerable to the criminal phenomenon under consideration.

Keywords: extremism, youth, extremism among youth, prevention of extremism among youth, crime prevention, determinants of extremism.

Основой эффективного предупреждения молодежного экстремизма должен служить системный подход к исследуемой проблеме. Все многообразие деятельности субъектов предупреждения, дифференцированной по уровню, функциям, масштабу, может быть упорядочено с помощью различных критериев классификации. В криминологической литературе существует множество подходов к классификации предупредительных мер того или иного криминального явления, большая часть из которых все же сводится к схожим основаниям, в качестве которых выделяются такие как объем и содержание предупредительной деятельности, ее механизм и масштабы действия. Принимая во внимание специфику и сложность такого явления, как современ-

ный молодежный экстремизм, представляется необходимым подойти к анализу мер по его профилактике через поэтапную ступенчатую систему, основанную на всем многообразии факторов, его детерминирующих, включающих предупредительные меры на трех основных уровнях: общесоциальном, специально-криминологическом и индивидуальном.

Итак, на основании причин и условий экстремизма вообще, и молодежного в частности, в первую очередь следует остановиться на общесоциальном предупреждении, являющемся основой для специально-криминологической профилактики. Общесоциальные предупредительные меры призваны воздействовать на существующие в обществе противоречия и недостатки, способствующие зарождению криминогенных факторов различного характера, которые способны создавать в конечном итоге предпосылки зарождения разнообразных форм экстремистских проявлений.

Как показало исследование, экстремизм зарождается в социально «нездоровой» среде, формирующей у молодых людей проблемы социальной неопределенности и нестабильность мировоззренческих взглядов на происходящие в обществе изменения. Рассматриваемое явление с большей вероятностью проявляется в сообществах и группах с достаточно невысоким культурным уровнем молодых людей, в которых игнорируются права личности, отсутствует самоуважение, господствует идеология насилия и безнравственности. Все это является результатом наличия в современном обществе целого ряда проблем социально-политического, экономического, идеологического и иного характера. Из этого следует, что общесоциальные меры профилактики молодежного экстремизма в первую очередь должны быть направлены на «оздоровление» указанных сфер с целью минимизации криминогенных факторов.

Общепрофилактические меры минимизации и устранения основных факторов, детерминирующих проявления молодежного экстремизма, представляют собой правовые, организационные, информационно-аналитические, экономические и социально-культурные направления профилактики, косвенно и непосредственно воздействующие на криминогенные факторы.

В борьбе с рассматриваемым явлением важнейшую роль играют превентивные меры социально-экономического характера, направленные на развитие и совершенствование общественных, трудовых и экономических отношений.

Так, среди основных общепредупредительных мер борьбы с молодежным экстремизмом следует отметить обеспечение молодых людей возможностью бесплатного профессионального и высшего образования, повышение доходов большей части населения, снижение уровня безработицы и т. д. Кроме этого, представляется необходимой разработка и принятие целевой антикризисной программы, включающей в себя специальные меры по обеспечению трудовой занятости молодежи, направленные на эффективное формирование и использование трудовых ресурсов страны. Ситуация в указанных сферах регулярно обостряется за счет систематических экономических и политических кризисов, господствующих в стране на протяжении длительного времени. В этой связи крайне необходимыми представляются меры, направленные на стабилизацию материального положения российских граждан путем нейтрализации негативных социальных последствий таких факторов, как вынужденная миграция населения, безработица и т. д.

Также важна разработка мер по обеспечению досуга детей, подростков и молодежи за счет создания бесплатных спортивных секций, учреждений культуры и отдыха. Положение в обществе, при котором значительная часть населения имеет уровень дохода ниже прожиточного минимума, безусловно, обостряет проблему социального неравенства, способствует зарождению радикально экстремистских идей в умах современной молодежи. Поэтому так важна целенаправленная политика государства по обеспечению трудовой занятости молодежи, сохранению и развитию отечественного производства, поддержке малого и среднего бизнеса.

Указанные меры направлены, в первую очередь, на сглаживание существующего резкого социально-экономического расслоения населения с целью снижения риска формирования у молодежи психологических установок на насильственные способы получения материальных и социальных благ.

При решении рассматриваемых проблем первостепенны задачи, направленные на возрождение правового воспитания молодежи, имеющего своей целью развитие у молодого поколения позитивной правовой активности, искоренение деформаций нравственного сознания. Так, элементами правового воспитания должны служить меры по изучению законов своей страны, в первую очередь, ознакомление с Конституцией РФ и охраняемыми ею правами и свободами. Такие меры могут быть реализованы посредством обучающих программ в организациях, учреждениях, также СМИ и интернет-ресурсов.

Коррекция сферы правосознания общества путем искоренения правового нигилизма призвана противодействовать многим криминогенным факторам, способствующим криминализации молодых людей. В этой связи повышение раскрываемости как преступности в целом, так и преступлений экстремистского характера поможет возродить в обществе доверие к государству, системе правоохранительных и судебных органов.

При решении задач специальной профилактики также важно обратить внимание на профессиональное обучение сотрудников правоохранительных органов основам психологии, в том числе психологии экстремизма и терроризма, а также компьютерным навыкам для осуществления мер профилактики при распространении экстремизма в социальных сетях, создание специальных служб и подразделений.

Меры специальной профилактики молодежного экстремизма с учетом специфики рассматриваемого явления требуют особого подхода. К сожалению, как показывает анализ практики борьбы с экстремизмом в молодежной среде, у государства нет четкой концепции. Научой регулярно разрабатываются и предлагаются комплексные программы по наиболее эффективному осуществлению государственных и иных мер реагирования на данное явление. Однако отсутствие правового механизма, позволяющего внедрять результаты научных исследований в практику, препятствует решению данной проблемы.

В современной науке активно исследуется проблема методического наполнения деятельности по профилактике экстремизма, терроризма и других негативных проявлений в молодежной среде. В качестве примера подобного осмысления необходимо привести материалы портала «Национального центра информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет», ма-

териалы портала «Наука и образование против террора»¹, «Вестник Национального антитеррористического комитета», труд М.Н. Мироновой «Интернет и субкультура смерти: война против подростков» [3], статью Т. Григорьянц «Разговор “про это”: с какого возраста рассказывать детям про терроризм?»².

Анализ практической деятельности по профилактике экстремизма в молодежной среде показывает, что основной ее формой являются профилактические лекции и беседы. Однако на сегодняшний день вызывает сомнение степень их разработанности и некоторые содержательные аспекты. Так, например, одной из задач существующего в Белгородской области «Центра религиозических исследований и профилактики экстремизма» социально-теологического факультета им. митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова) Института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ» является осуществление деятельности по профилактике экстремизма и терроризма в молодежной среде. Специалистами центра в 2017–2018 учебном году было проведено около 30 профилактических мероприятий в образовательных учреждениях города. Опыт практической профилактической деятельности данного центра говорит о том, что основным инструментом при проведении тематических бесед и лекций на региональном уровне является профилактическая презентация. В этой связи при реализации таких мер крайне важно акцентировать внимание на целевой аудитории профилактического воздействия. При этом важно, чтобы беседы проводились с обязательным присутствием лиц, достигших 18-летнего возраста (в школах и учреждениях среднеспециального образования). Что касается высших учебных заведений, то там основу целевой аудитории составляют студенты и преподаватели, что, безусловно, обуславливает содержание и форму подачи материала, который должен нести актуальную информацию о современных формах и факторах экстремизма. Молодежи следует разъяснять основные понятия и признаки экстремистской деятельности, способы вербовки экстремистов, знакомить с положениями законов Российской Федерации «О противодействии экстремистской деятельности» и «О противодействии терроризму», с символикой экстремистских объединений (включая региональные особенности), с особенностями административной или уголовной ответственности за правонарушения экстремистского характера, с деструктивным воздействием сети Интернет и т. д.

Для борьбы с рассматриваемым явлением было бы целесообразным создание специальной программы, включающей в себя комплекс мер, направленных на профилактику молодежного экстремизма, начиная с разъяснения сущности самого понятия и антиэкстремистской пропаганды, и заканчивая анализом негативных последствий данного явления. Конечно из-за сильной загруженности работников правоохранительных органов, эффективное осуществление профилактических мероприятий подобного рода бывает затруднительно. Поэтому профилактика рассматриваемого явления должна начинаться педагогами и преподавателями в школах и иных учебных

¹ Портал «Наука и образование против террора». URL: <http://scienceport.ru/> (дата обращения 02.09.2019).

² Григорьянц Т. Разговор «про это»: с какого возраста рассказывать детям про терроризм? URL: <https://radiovesti.ru/brand/61178/episode/1427522/> (дата обращения 02.09.2019).

заведениях, а также организациях, чья деятельность связана с молодежью, на лекционных занятиях объяснять опасность экстремизма, его истоки и формы проявления, а также основные способы вербовки в организации и движения подобного рода.

Возможности научно-технического прогресса позволяют современной молодежи иметь доступ к огромному количеству информационных ресурсов, с одной стороны, и становиться объектом их неблагоприятного воздействия – с другой. Социальные сети и Интернет в целом не только оказывают информационное влияние на сознание подрастающего поколения, но и способствуют быстрому и масштабному распространению экстремистских идей и вовлечению в них все большего количества людей.

Сегодня идеи радикально-экстремистского толка локализируются в масштабах страны и русскоязычного сегмента Интернета. Организаторы, лидеры и участники экстремистских сообществ имеют возможность проводить дискуссии, отстаивать свои позиции и убеждения в интернет-пространстве вне зависимости от того, где они проживают¹.

Таким образом, важна системная профилактическая работа, проводимая правоохранительными органами совместно со специалистами, способными оказать помощь в предотвращении вовлечения молодых людей в радикально настроенные экстремистские группировки. Это могут быть психологи, криминологи, педагоги, специалисты в информационно-технической сфере. Загруженность правоохранительных органов в сочетании с невысоким уровнем их материально-технических возможностей зачастую негативно влияет на эффективность предупредительных мер, направленных на выявление и устранение проявлений экстремизма, в том числе в социальных сетях. Поэтому улучшение условий работы сотрудников правоохранительной системы в материальном, техническом, организационном, информационном, квалификационном плане позволило бы повысить эффективность предупреждения экстремизма в молодежной среде.

Наряду с этим осуществление сотрудниками ОВД профилактической работы в форме проведения бесед и лекций в различных организациях, учреждениях, предприятиях, в которых задействована молодежь, регулярное взаимодействие с общественностью и средствами массовой информации – немаловажный элемент профилактики молодежного экстремизма.

Учитывая специфичность профилируемой категории граждан, следует отметить, что соответствующие меры главным образом следует направлять на лиц наиболее склонных к вовлечению в экстремистскую деятельность. Речь идет о круге лиц, обладающих ярко выраженной аморальной и асоциальной направленностью, склонных к проявлениям агрессии и насилия. Это члены различных экстремистских группировок нацистского характера, маргинальных групп, групп по интересам, в которых изучается нацистская идеология, происходит обучение обращению с оружием и приемам борьбы и т.п.

Эксперты, изучающие причины и условия, детерминирующие проявления экстремизма, указывают на то, что основным фактором его распространения в обществе

¹ URL: https://znanio.ru/media/ekstremizm_v_molodezhnoj_srede_suschnost_spetsifika_proyavleniya_profilaktika (дата обращения 05.09.2019).

выступает маргинализация и криминализация молодежной среды, а также развитие криминальной субкультуры среди несовершеннолетних [2, с. 43; 1; 5]. На фоне появления новых форм организации молодежных криминальных субкультур повышается актуальность проблем противодействия им как одному из элементов организованной преступности в России.

В подобные группы вовлекается все большее количество несовершеннолетних и молодежи, при этом они нередко носят характер криминальных. Так, молодежная субкультура «АУЕ» в последние годы широко распространилась на всей территории страны. В 2016 г. ее популярность достигла пика, о ней начали говорить на федеральном уровне. Тогда банда подростков – приверженцев «АУЕ» напала на полицейский участок в Забайкалье¹.

Активному распространению маргинального движения «АУЕ» способствует общедоступность ресурсов Интернет, в частности социальных сетей. На просторах Интернета существует множество сообществ, на которые подписано огромное количество подростков и молодежи. Это способствует развитию популярности данной субкультуры и, как следствие, росту преступности среди молодежи. При этом особую опасность и тревогу вызывает не только факт криминализации молодежной среды, но подмена моральных и социально значимых принципов. Так, в среде группировок «АУЕ» не приветствуется стремление к новым знаниям, труду, образованию. Положительным признается лишь криминальный опыт и опыт, полученный в местах лишения свободы.

В качестве основных мер противодействия распространению криминальной субкультуры среди несовершеннолетних и молодежи можно выделить следующие. Во-первых, важно на нормативно-правовом уровне обозначить круг полномочий субъектов такой профилактики (в сфере образования, культуры, органов внутренних дел, региональных и муниципальных органов власти, а также иных субъектов, участвующих в решении вопросов минимизации влияния криминальной субкультуры на несовершеннолетних и молодежь).

Во-вторых, необходим контроль на законодательном уровне за информацией, транслируемой СМИ, особенно в Интернете, включая выявление и привлечение к ответственности лиц, занимающихся распространением элементов криминальной субкультуры.

В-третьих, одним из элементов профилактики распространения криминальной субкультуры среди молодежи, относящейся к группе риска, является ее переориентация путем вовлечения в общественно полезные группы, например, волонтерские движения, спортивные, литературные сообщества, создание социально активной среды на базе центров дополнительного образования и др. Кроме этого, важное значение имеет профилактическая роль сотрудников образовательных учреждений, центров социальной и психологической поддержки и реабилитации, комиссий по делам несовершеннолетних [2, с. 43].

Помимо указанных мер, следует отметить, что сегодня наша страна, как никогда, нуждается в обновлении молодежной политики, а именно – в ее социальной ори-

¹ АУЕ: в чем главная опасность нового детского увлечения. URL: <https://news.rambler.ru/other/41645962> (дата обращения 05.09.2019).

ентированности, направленности на решение проблем современной молодежи. Роль участия государства в регулировании процессов, протекающих в молодежной среде, огромна и тесно взаимосвязана с явлениями, происходящими в обществе в целом. Поэтому решение проблемы существования в обществе такого негативного социального явления, как молодежный экстремизм, невозможно без реализации ряда комплексных программ, направленных на социокультурное развитие молодёжи, основанных на взаимодействии государственных, региональных и муниципальных органов власти. Планирование таких мероприятий должно базироваться на эффективном кадровом обеспечении субъектов профилактики, а также грамотном и рациональном использовании их профессионального и интеллектуального потенциала, стимулировании талантливых молодых специалистов.

Государственная молодёжная политика является одним из основных направлений деятельности Российской Федерации. Она включает совокупность организационно-управленческих, финансово-экономических, информационно-аналитических, научных мер, а также мер кадрового характера, реализация которых основана на взаимодействии с институтами гражданского общества и гражданами, а также на расширении возможностей самореализации молодых людей за счет повышения уровня их потенциала в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности страны, а также укрепление её авторитета на мировой арене. Основным средством развития потенциала молодёжи является её информирование о возможностях развития, а также вовлечение в социально-экономическую, общественно-политическую и социокультурную жизнь российского общества¹.

В России отсутствует четкая идеологическая программа, нацеленная на работу непосредственно с молодежью, которая реализовывала бы превентивные меры, учитывая психологические и социально-культурные особенности асоциальных молодёжных группировок экстремистской направленности. Учитывая особенности молодёжной среды, стратегия государственной молодёжной политики должна быть направлена не только на стимулирование общественной активности, но и на сферы образования, науки, культуры, спорта, здравоохранения, предполагать разработку механизмов координации деятельности всех государственных структур, сотрудничества с социальными, политическими и общественными организациями.

Потенциал возможностей молодого поколения напрямую влияет на будущее нашего государства, поэтому так важно раскрыть его и направить в «нужное русло», пресекая при этом в зачатке проявления экстремистского толка в молодёжной среде.

Меры специально-криминологической профилактики экстремизма в молодёжной среде должны быть спроецированы с учетом особенностей личностных качеств профилактируемых лиц, их социального и материального статуса, уровня правового сознания и, конечно, степени деформации сознания на различных уровнях. Кроме того, грамотное взаимодействие правоохранительных органов и социальных служб позволит обеспечить максимальную своевременность реагирования на экстремистские проявления в молодёжной среде.

¹ Основы государственной молодёжной политики в Российской Федерации до 2025 года, утверждённые постановлением Правительства РФ от 29 нояб. 2014 г. № 2403-р.

Меры индивидуальной профилактики должны быть направлены на потенциальных и реальных участников экстремистских движений – лиц, входящих в состав радикальных групп. В отношении лиц, обладающих криминогенной деформацией личности, в зависимости от стадий ее развития индивидуальное предупреждение делится на раннюю профилактику, непосредственное предупреждение, пенитенциарное и постпенитенциарное предупреждение.

Применительно к исследуемому феномену следует выделить «группы риска», в отношении которых в дальнейшем необходимо реализовывать меры индивидуальной профилактики:

- лица из неблагополучных, социально дезориентированных семей, или детских домов, имеющие низкий социально-экономический статус;
- лица с низким интеллектуальным уровнем;
- так называемая «золотая молодежь», которой свойственны чувство безнаказанности и вседозволенности, склонность к экстриму и «экстремальному досугу»;
- подростки и молодежь, имеющие склонность к агрессивному поведению и проявлениям насилия;
- приверженцы и носители молодежных субкультур различного происхождения, члены неформальных объединений с девиантным асоциальным поведением;
- отдельные лица, имеющие склонность к различным социальным девиациям: алкоголизму, наркомании, токсикомании, проявлениям физического и нравственного насилия, интолерантности к иным нациям, народам и т. д.;
- участники радикальных сообществ, групп, движений, сект, имеющих экстремистскую направленность.

Кроме того, важна роль мер пенитенциарного предупреждения экстремизма в молодежной среде, которые в первую очередь должны быть направлены на лиц, уже реализовавших свои криминальные намерения экстремистского характера, выразившиеся в конкретном акте экстремизма. Такие меры необходимо реализовывать в рамках деятельности учреждений, исполняющих уголовное наказание. Они могут включать в себя меры воспитательного характера, направленные на ресоциализацию лиц, осужденных за насильственные преступления в том числе экстремистского характера.

Что касается постпенитенциарного предупреждения молодежного экстремизма, то главной его задачей являются меры, направленные на собственно ресоциализацию лиц, вышедших из мест отбывания наказания, связанного с лишением свободы, на нейтрализацию и устранение негативных социальных факторов и их социальную адаптацию. В данном случае необходим комплекс мер, включающих в себя профилактические мероприятия разъяснительного и воспитательного характера, а также оказание необходимой социально-экономической помощи лицам, имеющим различные трудности материально-бытового, социального, трудового и иного характера.

В целом системный подход к профилактике такого сложного и многоаспектного криминального явления, как экстремизм в молодежной среде, включает в себя возможности всех рассмотренных предупредительных уровней и направлен на устранение самой необходимости перехода к последующим ее этапам. При этом очень важно учитывать особенности различных категорий профилактируемых лиц, обладающих

набором личностных качеств, делающих их наиболее уязвимыми к рассматриваемому криминальному явлению.

Специфика индивидуального профилактического воздействия заключается в необходимости специфического подхода к каждой конкретной личности, способной стать, либо уже ставшей экстремистски направленной, а также в учете всех ее индивидуальных особенностей, способа ее взаимодействия с криминогенной ситуацией и иных обстоятельств такой деятельности. Необходимо также проводить работу с «потенциальными экстремистами» из числа лиц, входящих в состав сообществ экстремистской направленности, демонстрирующих готовность к проявлению насилия или иных действий, связанных с экстремизмом.

Подводя итоги, можно сделать выводы о том, что особенности такой специфической социальной категории, как молодежь, несомненно, должны учитываться при разработке и осуществлении основных направлений профилактики экстремизма. Весь спектр профилактических мер, направленных на борьбу с молодежным экстремизмом, должен основываться на выявлении, минимизации и нейтрализации детерминирующих его причин и условий. Кроме этого, указанные меры должны основываться на таких особенностях профилируемой категории лиц, как склонность молодежи к фанатичности, зачастую беспрекословности и бездумности в своих действиях, в том числе связанных с реализацией целей экстремистского характера, обусловленных психологической уязвимостью и излишней внушаемостью представителей рассматриваемой социальной группы. Так или иначе распространение в обществе различных проявлений экстремизма является свидетельством низкого уровня социальной адаптации молодежи, развития у молодого поколения асоциальных установок и девиаций, вызывающих радикальные устремления и противоправные образцы поведения.

Тенденция втягивания молодежи в экстремистскую деятельность во многом обусловлена недостаточно эффективной реализацией государственной молодежной политики. В результате часть молодежи попадает под влияние чуждых нормальным людям идеологических установок, что приводит в ряде случаев к восприятию государственных органов как врага, а не партнера. Таким образом, можно заключить, что актуальность и необходимость реализации мер профилактики всех уровней, начиная с ранней, не вызывает сомнений и требует государственного участия для своего осуществления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Демидова-Петрова Е.В. Основные факторы проявления экстремизма в молодежной среде в Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2015. – № 1 (19). – С. 72–75.
2. Лядова А.С. Противодействие распространению криминальной субкультуры в молодежной среде как составляющая профилактики экстремизма // Вестник ПГГПУ. – 2018. – № 1. – С. 43–47.
3. Миронова М.Н. Интернет и субкультура смерти: война против подростков. – М.: Братство святого апостола Иоанна Богослова, 2018. – 184 с.
4. Тарасов А. Страна из трех букв. АУЕ: Кто стоит за криминализацией подростков, вводит их в преступное пространство, или хроники новой пионерии. URL: <https://www.novayagazeta.ru> (дата обращения 05.08.2019).

5. Шилишпанов Р.В., Зайцева Е.Г. Формы практической деятельности по профилактике экстремизма и терроризма в молодежной среде на региональном уровне // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2018. – № 4.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Demidova-Petrova E.V. The main factors in the manifestation of extremism in the youth environment in the Russian Federation // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2015. – № 1 (19). – P. 72–75.

2. Lyadova A.S. Countering the spread of criminal subculture in the youth environment as a component of extremism prevention // Bulletin of the Perm State Pedagogical University. – 2018. – № 1. – P. 43–47.

3. Mironova M.N. The Internet and the death subculture: the war against adolescents. – М.: Brotherhood of the Holy Apostle John the Theologian, 2018. – 184 p.

4. Tarasov A. Country of three letters. AUE: Who is behind the criminalization of adolescents, introduces them into the criminal space, or the Chronicles of the New Pioneer. URL: <https://www.novayagazeta.ru> (accessed: 08.05.2019).

5. Shilishpanov R.V., Zaitseva E.G. Forms of practical activities for the prevention of extremism and terrorism in the youth environment at the regional level // Problems of law enforcement. – 2018. – № 4.

УДК 343.352.4
DOI 10.24411/2312-3184-2020-10010

Можина Ольга Юрьевна
адъюнкт Академии управления
МВД России
E-mail: olga.olina2016@yandex.ru

Mozhina Olga Yuryevna
postgraduate student of the Academy of
management of the Ministry of Internal
Affairs of Russia
E-mail: olga.olina2016@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ МЕЛКОГО ВЗЯТОЧНИКА В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Введение: в статье рассматриваются основные характеристики личности мелкого взяточника в социальной сфере. Без изучения особенностей лиц, участвующих в мелком взяточничестве, невозможно описать и объяснить их поведение.

Материалы и методы: при написании статьи использованы общенаучные и частнонаучные методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, системный, логический и др. Было изучено 170 приговоров судов различных субъектов Российской Федерации (с 2016 по 2018 г.), осужденными по которым признавались работники таких социальных сфер, как здравоохранение и образование.

Результаты исследования: в криминологической науке выделяются следующие основные характеристики, на которых базируется изучение личности преступника: социально-демографические, нравственно-психологические, уголовно-правовые. Выделение любых признаков, присущих личности преступников, носит условный характер. Вместе с тем приведенная классификация социально-демографических, нравственно-психологических, уголовно-правовых характеристик мелких взяточников в сферах здравоохранения и образования показывает степень развития криминогенных свойств личности мелкого взяточника, их стойкости или возможности изменения в положительную сторону.

Выводы и заключения: изучение особенностей личности мелкого взяточника в социальной сфере позволило выявить криминологические черты личности осужденных за мелкое взяточничество в сферах здравоохранения и образования, объединить получение и дачу мелкой взятки в социальной сфере в самостоятельный объект профилактического воздействия.

Ключевые слова: мелкая взятка, личность преступника, личность мелкого взяточника, социально-демографические характеристики мелкого взяточника в соци-

альной сфере, нравственно-психологические характеристики мелкого взяточника в социальной сфере, уголовно-правовые характеристики мелкого взяточника в социальной сфере.

PERSONALITY FEATURES OF THE PETTY BRIBE-TAKER IN THE SOCIAL SPHERE

Introduction: the article discusses the main characteristics of the personality of a petty bribe-taker in the social sphere. Without studying the characteristics of persons involved in bribery in small quantities, it is impossible to describe and explain their behavior.

Materials and methods: general scientific and private-scientific methods were used: analysis, synthesis, induction, deduction, abstraction, systemic, logical, etc. 170 court sentences of various constituent entities of the Russian Federation (from 2016 to 2018) were studied, convicted in accordance with which participants in such social areas as health care and education were recognized.

Results of the research: in criminological science the following main characteristics are distinguished, on which the study of the personality of the criminal is based: socio-demographic, moral-psychological, criminal law. The selection of any signs inherent in the identity of criminals is conditional. At the same time, the above classification of socio-demographic, moral-psychological, criminal and legal characteristics of small bribe takers in the areas of health care and education shows the degree of development of the criminogenic personality traits of a small bribe taker, their persistence or the possibility of a change in the positive direction.

Summary and Conclusion: studying the characteristics of the personality of a petty bribe-taker in the social sphere revealed criminological personality traits of those convicted of petty bribery in the areas of health and education, making it possible to combine the receipt and giving of petty bribe in the social sphere into an independent object of preventive action.

Keywords: petty bribe; personality of the criminal, personality of the petty bribe-taker, social and demographic characteristics of the petty bribe-taker in the social sphere, moral and psychological characteristics of the petty bribe-taker in the social sphere.

Изменение уголовного законодательства, заключающееся во введении статьи 291² УК РФ, предусматривающей ответственность за мелкое взяточничество, привлекло внимание исследователей. Предметом исследований стали признаки состава мелкого взяточничества, проблемы квалификации, вопросы судебного усмотрения при квалификации мелкого взяточничества [1]. Вне сферы интересов научного сообщества осталась криминологическая характеристика личности мелкого взяточника. Личность мелкого взяточника – неотъемлемый элемент криминологической характеристики взяточничества. Индивидуальные свойства лиц как получающих, так и даю-

щих взятку, необходимо исследовать и систематизировать в целях разработки системы мер противодействия коррупции.

В науке сложилась точка зрения, что личность и ее особенности – основное звено в механизме преступного поведения, на которое должны быть направлены все силы предупредительного воздействия [2, с. 202; 3, с. 327]. При этом предметом исследования становятся социально-демографические, нравственно-психологические и уголовно-правовые характеристики, которые традиционно используются в криминологической науке для отражения особенности личности преступника [4, с. 84–89], личности коррупционного преступника [5]. Названные исследования позволят определить основные признаки, присущие мелкому взяточнику в социальной сфере (здравоохранение и образование) и выделить объект профилактического воздействия. Для этого изучено 170 приговоров судов различных субъектов Российской Федерации, осужденными по которым признавались участники таких социальных сфер, как здравоохранение и образование (сотрудники и пациенты медицинских организаций, сотрудники и обучающиеся в образовательных организациях). Анализу подверглись социально-демографические признаки личности, включающие пол, возраст, образование, материальные условия, род занятий, семейное положение, специальность, социальные роли и статусы, наличие постоянного места жительства, гражданство. В число признаков вошла и возрастная характеристика, которая необходима для изучения криминальной активности различных возрастных групп. Исследование возрастного состава преступников вызывает интерес, поскольку в зависимости от возраста меняются социальные роли и статусы, характер и привычки людей [6, с. 86].

Доля осужденных определенной возрастной категории по всем составам УК РФ и доля осужденных за мелкое взяточничество за период действия ст. 291² УК РФ¹ в целом сопоставима с долей осужденных за мелкое взяточничество в социальной сфере. Большое количество осужденных имеют возраст от 30 до 40 лет. Доля осужденных по всем составам УК РФ в возрасте 25–29 лет выше, чем доля осужденных за мелкое взяточничество на 2,35 %, и чем доля осужденных за мелкое взяточничество в социальной сфере – на 4,35 %. Сопоставимая разница в долях осужденных лиц по всем составам УК РФ в возрасте 18–24 лет. Обратная тенденция просматривается в отношении доли осужденных лиц в возрасте 50 лет и старше: доля осужденных по всем составам УК РФ в этом возрасте составляет 9,2 %, в то время как мелкое взяточничество в социальной сфере в этом возрасте было совершено 16 % осужденных (табл. 1).

¹ Отчет о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений (Отчет за 12 месяцев 2016 г. не содержит данных о количестве осужденных по ст. 291² УК РФ, что может быть связано с тем, что статья была введена в действие только в июле 2016 г.): данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/i№dex.php?id=79&item=4759> (дата обращения 01.11.2018).

Таблица 1

Доля осужденных лиц разных возрастных категорий
(за период действия ст. 291² УК РФ¹)

	14–17 лет	18–24 лет	25–29 лет	30–49 лет	50 лет и старше
Доля лиц, совершивших преступления, %	3	17	19	52	9
Доля лиц, совершивших мелкое взяточничество, %	0,05	9,92	14,77	52,98	22,28
Доля лиц, совершивших мелкое взяточничество в сфере здравоохранения и образования, %	0	8	12	64	16

Обращают на себя внимание гендерные особенности. Преступления, совершенные мужчинами, преобладают. Их доля составляет не менее 80–90 %². Доля женщин среди осужденных за мелкое взяточничество – 6,83 %. Однако доля женщин среди осужденных за мелкое взяточничество в сферах здравоохранения и образования составляет 64 %. Такое положение дел можно объяснить тем, что большую часть должностей в медицинских и образовательных организациях в процентном соотношении занимают женщины³. Кроме того, темпы роста женской преступности в современном мире весьма велики и сами по себе вызывают огромный научный интерес.

Важным с исследовательской точки зрения является вопрос об образовании лиц, совершивших мелкое взяточничество, а также социально-профессиональные характеристики, которые имеют особое значение. Если обратиться к статистическим данным (табл. 2), можно сделать вывод, что среди лиц, осужденных за мелкое взяточничество в социальной сфере, преобладает количество осужденных с высшим и средним профессиональным образованием. Эти показатели объяснимы квалификационными требованиями, предъявляемыми к соискателям на замещение должностей в образовательных организациях и организациях здравоохранения. Так, в соответствии с требованиями ст. 46 федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании»⁴ право на занятие педагогической деятельностью имеют лица, имеющие среднее профессиональное или высшее образование, а согласно требованиям ст. 69 федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской

¹ Данные за 2018 год.

² Отчёт о составе осужденных, месте совершения преступления: данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/i№dex.php?id=79&item=4759> (дата обращения 01.11.2018).

³ Женщины и мужчины России. 2016: статистический сборник. М.: Росстат, 2016. С. 74.

⁴ Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

Федерации»¹ право на осуществление медицинской деятельности в Российской Федерации имеют лица, получившие медицинское или иное образование в Российской Федерации в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами и имеющие свидетельство об аккредитации специалиста.

Таблица 2

Доля осужденных лиц по уровню образования
(за период действия ст. 291² УК РФ)

	Высшее профессиональное	Среднее профессиональное	Среднее общее	Основное общее, начальное или нет образования
Доля лиц, совершивших преступления, %	8,02	35,18	36,55	20,25
Доля лиц, совершивших мелкое взяточничество, %	18,66	28,31	44,03	9
Доля лиц, совершивших мелкое взяточничество в сфере здравоохранения и образования, %	71	16	8	5

При изучении вопросов детерминации преступного поведения, определения факторов, влияющих на появление криминальных мотивов у конкретного лица, важное значение имеют данные о семейном положении. При изучении приговоров, осужденными по которым признавались мелкие взяточники в социальной сфере, было установлено, что 78 % осужденных замужем/женаты, 12 % – разведены, 10 % – холосты; 78 % – имеют одного и более детей, 18 % – детей не имеют, 10 % – нет информации о наличии или отсутствии детей. Все осужденные имеют постоянное место жительства, характеризуются по месту жительства и по месту работы положительно, все граждане РФ.

Изученные материалы позволили сделать вывод о том, что среди выявленных лиц-взятополучателей в социальной сфере преобладают женщины в возрасте 30–49 лет, имеющие высшее или среднее профессиональное образование, являющиеся сотрудниками медицинского учреждения или образовательной организации, имеющие постоянное место жительства и характеризующиеся положительно как по месту работы, так и по месту жительства, замужем и имеющие одного и более несовершеннолетних детей, гражданки РФ.

Среди выявленных лиц-взятодателей в социальной сфере преобладают женщины в возрасте 18–29 лет, имеющие среднее или основное общее образование, являющиеся студентами государственных образовательных учреждений или сотрудниками частных компаний, имеющие постоянное место жительства и характеризующиеся

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 672.

ся положительно как по месту учёбы/работы, так и по месту жительства, не замужем и не имеющие детей, гражданки РФ.

Не отличаясь в основном по социально-демографическим признакам, мелкие взяточники (взякополучатель – в случае вымогательства, взятокодатель – в случае инициативного подкупа) имеют определенные особенности в нравственно-психологических характеристиках:

- в случае обоюдодовыгодной сделки – мелкие взякополучатели и взятокодатели имеют схожие социально-демографические и нравственно-психологические характеристики;

- в случае вымогательства взятки – имеют схожие социально-демографические характеристики и различные нравственно-психологические характеристики с негативным перекосом в сторону взякополучателя;

- в случае инициативного подкупа – имеют схожие социально-демографические характеристики и различные нравственно-психологические характеристики с негативным перекосом в сторону взятокодателя.

Нравственно-психологическими особенностями лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 291² УК РФ, являются объективные личностные характеристики:

- социально-ролевая ситуация, при которой виновный занимает одни социальные позиции, но ориентируется на другие. Сотрудники государственных учреждений здравоохранения и образования в основном получают меньшую заработную плату, чем сотрудники частных медицинских клиник и образовательных учреждений, в связи с чем им необходимы дополнительные доходы, которые и обеспечиваются совершением незаконных действий в виде получения мелких взяток. Так, доцент «КГУ им. Циолковского» Ш. получал взятки (11 эпизодов) в размере 2000 рублей от студентов за беспрепятственную сдачу экзамена по дисциплине «Патофизиология, клиническая патофизиология»¹;

- резкий переход от нормы (непреступного поведения) к преступлению (студент, имеющий хорошую успеваемость, по одному из предметов предпочитает получить зачет незаконно – с помощью взятки преподавателю в силу нехватки времени на подготовку). Так, из приговора Центрального районного суда г. Чита следует, что студентка Читинского техникума железнодорожного транспорта с целью проставления в её зачётной книжке и экзаменационной ведомости группы оценки «отлично» за квалификационный экзамен по дисциплине «Документирование хозяйственной операций и ведение бухгалтерского учёта имущества организации» без фактической сдачи данного экзамена дала преподавателю взятку в размере не превышающем десяти тысяч рублей².

Представляется, что ситуация, в которой законопослушный гражданин становится мелким взяточником, является ключевым моментом при изучении механизма

¹ Приговор № 1-32/2018 от 06 июня 2018 г. Мировой суд судебного участка № 1 Калужского судебного района. URL: http://1.klg.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=cs&case_id=12202307&delo_id=1540006 (дата обращения 24.10.2019).

² Приговор № 1-1008/2016 от 10 ноября 2016 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/sm№0t5G8sH5D/> (дата обращения 24.10.2019).

преступного поведения мелких взяточников в социальной сфере. Однако следует согласиться с Ю.М. Антоняном, что «никакая жизненная ситуация не приводит фатально, минуя волю и сознание субъекта, к совершению преступления. Основное внимание акцентируется на взаимодействии, взаимовлиянии конкретной жизненной ситуации и личности, ее социальных, социально-психологических и индивидуально-психологических особенностей» [7, с. 4]. Хотя изучение ситуаций при совершении мелкого взяточничества так же важно, как и изучение личности мелкого взяточника, который в этой ситуации действует.

Составными элементами нравственно-психологического портрета мелкого взяточника также являются субъективные личностные характеристики: социально-экономические или легкомысленно-безответственные мотивы. В первом случае мотивом, который лежит в основе преступного поведения, служит необходимость удовлетворения «абсолютных» или «относительных» потребностей, а также желание достичь некоего идеала своего существования (например, в случае, когда многократное получение мелкой взятки является постоянным дополнительным доходом). Во втором случае следует говорить об отсутствии потребности или избирательности в сопоставлении своего поведения с существующими в данном обществе нормами поведения, законами.

Следующим компонентом субъективной личностной характеристики является ценностно-нормативные свойства сознания личности. С одной стороны, категория мелких взяточников (если рассматривать всю совокупность преступников) наиболее близка к категории законопослушных граждан, поскольку в основном иерархия ценностных ориентаций у таких лиц не нарушена; нет существенных пробелов в нравственном сознании и правосознании; отсутствует ярко выраженное искажение, которое ведёт к нравственному конфликту с общепринятыми нормами морали и права. Но, с другой стороны, мелкие взяточники отдают предпочтение материальной составляющей, а не личным позитивным качествам; придерживаются принципа достижения цели любыми средствами. Кроме того, имея знания о созидательной роли закона и его функции как социального регулятора, будучи осведомлены о правовых нормах и принципах устройства общества, они нарушают данные нормы и принципы, оправдывая себя сложным материальным положением, низкими заработными платами, давлением руководства, вымогательством со стороны взяткополучателя или инициативностью со стороны взяткодателя.

Важной в понимании специфики личности преступника является уголовно-правовая характеристика. Среди уголовно-правовых признаков мелких взяточников, на наш взгляд, наибольший криминологический интерес представляют такие, как наличие судимости, совершение преступления в группе и мотив преступного поведения.

Согласно данным исследования приговоров судов различных субъектов Российской Федерации, осужденными по которым признавались мелкие взяточники в социальной сфере, доля лиц, осужденных за мелкое взяточничество и ранее не имевших судимости, составляет 100 %, доля лиц, осужденных за мелкое взяточничество в социальной сфере, которые совершили преступление в составе группы по предварительному сговору, составляет 6 %.

Изучение особенностей личности мелкого взяточника в социальной сфере яв-

ляется актуальным и требует дальнейшей разработки. На наш взгляд, данные лица имеют определенную схожесть между собой по многим социально-демографическим, нравственно-психологическим и уголовно-правовым признакам. Следует отметить, что в настоящее время наблюдается рост числа людей, у которых нарушены нравственные установки и ориентации и преступные взгляды перерастают в готовность к действию.

Итак, мы выявили, что криминологические черты личности осужденных за мелкое взяточничество в сферах здравоохранения и образования имеют определенные особенности, позволяющие объединить получение и дачу мелкой взятки в социальной сфере в самостоятельный объект профилактического воздействия. Изучение личности мелкого взяточника в социальной сфере может служить основанием для предложений и рекомендаций, используемых при осуществлении общесоциального и специально-криминологического предупреждения мелкого взяточничества в социальной сфере, а также может дать наибольший материал для разработки мер индивидуальной профилактики преступного поведения мелких взяточников в исследуемой сфере.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Борков В.Н. Новый способ получения взятки и реабилитации мелких взяточников // Современное право. – 2017. – № 1. – С. 81–86; Сидоренко Э.Л. Проблемы квалификации мелкого взяточничества // Мировой судья. – 2017. – № 10. – С. 24–29; Бельский А.И., Ягодин Р.С., Лыков Э.Н. Уголовная ответственность за мелкое взяточничество // Рос. следователь. – 2018. – № 3. – С. 59–61; Колоколов Н.А. Применение ст. 291.2 УК РФ мировыми судьями // Мировой судья. – 2018. – № 2. – С. 18–24.

2. Антонян Ю.М. Личность преступника. Криминологическое исследование: монография / Ю.М. Антонян, В.Е. Эминов. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. – 368 с.

3. Долгова А.И. Криминология / А.И. Долгова; – 4-е изд., перераб и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. – 368 с.

4. Глухова А.А. Основные черты криминологической характеристики личности преступника // Криминология: курс лекций. – Н. Новгород: Нижегород. академия МВД России, 2013. – 301 с.

5. Личность коррупционного преступника: монография / под общ. ред. Р.В. Жубрина; Университет прокуратуры Российской Федерации. – М.: Проспект, 2019. – 384 с.

6. Криминология: учебник для вузов / под ред. В.Д. Малкова. – М., 2008. – 524 с.

7. Антонян Ю.М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления. – М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1973.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Borkov V. N. A New Method of Bribery and Rehabilitation of "Small" Bribes. Modern law. – 2017. – № 1. – P. 81–86; Sidorenko E. L. Petty Bribery Qualification Issues. Magistrate. – 2017. – № 10. – P. 24–29; Belsky A. I., Yagodin R. S., Lykov E. N. Criminal

Liability for Petty Bribery. *The Russian Investigator*. – 2018. – № 3. – P. 59–61; Kolokolov N. A. Application of Article 291.2 of the Criminal Code of the Russian Federation by Justices of the Peace. *Justice of the Peace*. – 2018. – № 2. – P. 18–24.

2. Antonyan Y. M. (2017) The identity of the offender. Criminological and psychological research: monograph / Y. M. Antonyan, V. E. Eminov. – Moscow, Norm: INFRA-M, 2017. – 368 p.

3. Dolgova A. I. *Criminology*. – Moscow, Norm: INFRA-M, 2016. – 368 p.

4. Gluhova A.A. The main features of the criminological characteristics of the offender // *Criminology: a course of lectures*. – N. Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. – 301 p.

5. The identity of the corruption criminal: monograph / under the general ed. of R.V. Zhubrina; University of the Prosecutor of the Russian Federation. – M.: Prospect, 2019. – 384 p.

6. *Criminology: the textbook for high schools / under the editorship of Professor V. D. Malkov*. – M., 2008. – 524 p.

7. Antonyan Y. M. The role of a specific life situation in the commission of a crime. – Moscow, Academy of the Ministry of Internal Affairs of USSR, 1973.

УДК 343.2/7

DOI 10.24411/2312-3184-2020-10011

Салыкова Алия Кайратовна
доцент кафедры уголовного права
и процесса
Центрально-Казахстанской академии
(Караганда)
кандидат юридических наук
E-mail: aliya-salykova@mail.ru

Salykova Alia Kairatovna
associate Professor, Department of Criminal
Law and Procedure
Central Kazakhstan Academy
(Karaganda)
Candidate of Law
E-mail: aliya-salykova@mail.ru

**ОСНОВАНИЯ НАЗНАЧЕНИЯ БОЛЕЕ МЯГКОГО НАКАЗАНИЯ
ПРИ ДОСУДЕБНОМ СОГЛАШЕНИИ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ
(СОГЛАШЕНИИ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ)
В УГОЛОВНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

Введение: в Российской Федерации нормы о назначении наказания при досудебном соглашении о сотрудничестве содержатся в чч. 2 и 4 ст. 62 УК РФ. В Республике Казахстан назначение наказания при выполнении условий процессуального соглашения регламентировано ч. 3 ст. 55 УК РК. Для правильного применения данных норм, а также выявления проблем законодательного и правоприменительного характера, предложения путей их решения важно рассмотреть основания смягчения (назначения более мягкого наказания).

Материалы и методы: нормативную основу исследования образует уголовное законодательство Российской Федерации и Республики Казахстан, регламентирующее назначение наказания при досудебном соглашении о сотрудничестве (процессуальном соглашении). Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, а также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: раскрыто содержание оснований назначения наказания при досудебном соглашении о сотрудничестве (чч. 2 и 4 ст. 62 УК РФ), а также основание назначения более мягкого наказания в соответствии с ч. 3 ст. 55 УК РК, выявлены и рассмотрены проблемы законодательной регламентации указанных оснований, обоснованы предложения по совершенствованию норм, предусмотренных чч. 2 и 4 ст. 62 УК РФ, и о необходимости изменения редакции основания назначения наказания при соглашении о сотрудничестве, предусмотренного ч. 3 ст. 55 УК РК.

Выводы и заключения: автор предлагает сместить акцент в основании смягчения наказания, предусмотренном ч. 2 ст. 62 УК РФ, с факта заключения указанного соглашения на факт выполнения обязательств по соглашению, исключив при этом из ука-

занной нормы такие условия, как наличие смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствие отягчающих обстоятельств. Относительно редакции ч. 3 ст. 55 УК РФ обосновывается вывод, что законодательное изменение рассматриваемого основания назначения наказания возможно только при дифференциации последнего в зависимости от формы процессуального соглашения.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, соглашение о сотрудничестве, формы процессуального соглашения, назначение наказания, основания смягчения наказания, назначение более мягкого наказания.

BASES OF PURPOSE MORE MILD PUNISHMENT AT PRE-JUDICIAL COOPERATION AGREEMENT (COOPERATION AGREEMENT) IN CRIMINAL LEGISLATIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Introduction: in the criminal law of the Russian Federation, the rules on sentencing in pre-trial cooperation agreements are contained in parts 2 and 4 of the art. 62 of the Criminal Code. In the criminal law of the Republic of Kazakhstan, the imposition of punishment when fulfilling the conditions of a procedural agreement is regulated by part 3 of the art. 55 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. For the correct application of these standards, as well as identifying problems of a legislative and enforcement nature, proposing ways to solve them, it is important to consider the grounds for mitigation (imposing a milder sentence).

Materials and methods: the criminal law of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan, which regulates the imposition of punishment in the pre-trial agreement on cooperation (procedural agreement), forms the normative basis of the study. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, as well as the methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of comparison, analysis, generalization and description.

Results of the study: the content of the grounds for sentencing under a pre-trial agreement on cooperation (parts 2 and 4 of the article 62 of the Criminal Code of the Russian Federation), as well as the basis for imposing a milder sentence in accordance with part 3 of the article 55 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, the problems of legislative regulation of the indicated grounds have been identified and considered, the proposals on improving the norms provided for by parts 2 and 4 of the 62 of the Criminal Code of the Russian Federation, the answer to the question of the need to amend the legislative edition of the grounds for sentencing with the cooperation agreement provided for in part 3 of the article. 55 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan.

Summary and Conclusion: the author proposes to shift the focus on the basis of mitigation of punishment provided for in part 2 of the article 62 of the Criminal Code of the Russian Federation, from the fact of the conclusion of the specified agreement on the fact of fulfillment of obligations under the agreement, while excluding from the said norm such conditions as the

presence of extenuating circumstances stipulated by clauses "and" part 1 of the art. 61 of the Criminal Code, and the absence of aggravating circumstances. Regarding the wording of Part 3 of the art. 55 of the Criminal Code of the Russian Federation, the conclusion is substantiated that a legislative change of the considered basis for sentencing is possible only if the latter is differentiated depending on the form of the procedural agreement.

Keywords: pre-trial agreement on cooperation, agreement on cooperation, forms of procedural agreement, sentencing, grounds for mitigating punishment, imposing a milder sentence.

Российский законодатель дифференцировал смягчение наказания при досудебном соглашении о сотрудничестве в связи с наказуемостью преступления (предусмотрены или нет пожизненное лишение свободы или смертная казнь в санкции нормы), кроме того, предусмотрел разные основания смягчения.

Так, исходя из положений ч. 2 ст. 62 УК РФ, для ее применения необходимы три условия, в совокупности образующие основание смягчения наказания:

- 1) заключение досудебного соглашения о сотрудничестве;
- 2) наличие смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ;
- 3) отсутствие отягчающих обстоятельств.

Для назначения наказания в соответствии с ч. 4 ст. 62 УК РФ (если соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса предусмотрены пожизненное лишение свободы или смертная казнь) основание одно – заключение досудебного соглашения о сотрудничестве.

Говоря о первом условии применения ч. 2 ст. 62 УК РФ, совпадающим с основанием применения ч. 4 ст. 62 УК РФ, отметим, что без наличия заключенного в установленном законом порядке досудебного соглашения о сотрудничестве применение чч. 2 и 4 ст. 62 УК РФ невозможно. Это прямо вытекает из норм уголовного и уголовно-процессуального законов и подтверждается судебной практикой¹.

Вторым условием назначения наказания в порядке ч. 2 ст. 62 УК РФ является наличие смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ. Данное условие в контексте нормы, предусмотренной ч. 2 ст. 62 УК РФ, вызывает ряд вопросов:

1. Все ли обстоятельства, перечисленные в п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, должны обязательно присутствовать для применения ч. 2 ст. 62 УК РФ? Если нет, то какие именно?

2. Как соотносятся указанные смягчающие обстоятельства с выполнением обязательств по досудебному соглашению о сотрудничестве?

Рассуждая над первым вопросом, отметим, что в п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ обстоятельства перечислены через запятую, что позволяет рассматривать их как аль-

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 10 нояб. 2010 г. № 49-О10-157 // Бюл. Верховного суда РФ. 2011. № 7.

тернативные друг другу, однако отсутствие разделительного союза «или» дает основание для мнения о том, что все эти обстоятельства должны быть в совокупности. Возможность двоякого толкования п. «и» ч. 2 ст. 62 УК РФ отмечается и в научной литературе [5, с. 14].

Есть мнение, что самостоятельное значение имеет каждое из обстоятельств, указанных в п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ: «1) явка с повинной; 2) активное способствование раскрытию преступления; 3) изобличение других соучастников преступления; 4) розыск имущества, добытого в результате преступления» [11, с. 272].

Е. Благов утверждает, что п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ содержит два смягчающих обстоятельства: первое – явка с повинной, второе – все остальное из вышеперечисленного. Аргумент к рассмотрению второго из указанных обстоятельств как единого ученый видит в неоднократном использовании при его описании соединительного союза "и" [4, с. 21–22]. Кроме того, по мнению Е. Благова, упоминание в ч. 2 ст. 62 УК РФ о смягчающих и отягчающих обстоятельствах во множественном числе приводит к выводу о том, что назначение наказания в порядке указанной нормы предполагает наличие одновременно не менее двух соответствующих обстоятельств (а их, как отмечено выше, по мнению автора, два) [4, с. 21]. В связи с тем, что явку с повинной в рамках досудебного соглашения автор не представляет, а второе обстоятельство практически не может встретиться в полном объеме, делается вывод о целесообразности изменения п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ путем введения разделительных союзов «или», «либо» усилить альтернативность указанных обстоятельств, а в ч. 2 ст. 62 УК РФ указать на наличие хотя бы одного из этих смягчающих обстоятельств [4, с. 22–23].

Что касается вопроса о количестве смягчающих обстоятельств, предусмотренных в п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, то, на наш взгляд, их два: 1) явка с повинной; 2) активное способствование раскрытию и расследованию преступления. Активное способствование изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления – это по сути возможные проявления второго обстоятельства. Такой вывод строится на положениях постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

В пп. 29 и 30 данного постановления раскрывается содержание соответственно явки с повинной и активного способствования раскрытию и расследованию преступления как самостоятельных обстоятельств, смягчающих наказание. Причем содержание второго из обстоятельств Верховный суд Российской Федерации характеризует через следующие действия: указание на лиц, участвовавших в совершении преступления, сообщение их данных и места нахождения, сведений, подтверждающих их участие в совершении преступления, указание места сокрытия похищенного и др.¹ Что это, если не способствование изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления?

Конечно, из-за особенностей конкретного преступления не все проявления указанного обстоятельства могут объективно иметь место. К примеру, не все преступления совершаются в соучастии, в результате совершения многих преступлений имущество не

¹ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 22 дек. 2015 г. № 58 (ред. от 29 нояб. 2016 № 56) п. 4 // СПС «КонсультантПлюс».

«добывается». Поэтому требовать проявления всех форм деятельного раскаяния, перечисленных п. «и» ч. 2 ст. 61 УК РФ, означает искусственно сужать сферу его применения.

В целом такой подход реализуется Верховным судом Российской Федерации в разъяснении о том, что освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием возможно при условии выполнения всех перечисленных в ней действий или тех из них, которые с учетом конкретных обстоятельств лицо имело объективную возможность совершить¹. Напомним, речь идет о явке с повинной, способствовании раскрытию и расследованию преступления, возмещении ущерба или ином заглаживании вреда.

В ч. 1 ст. 62 УК РФ так же, как и в ч. 2 ст. 62 УК РФ законодатель сформулировал условие смягчения наказания во множественном числе: «наличие смягчающих обстоятельств, предусмотренных...», при этом Пленум Верховного суда Российской Федерации разъясняет, что правила, изложенные в ч. 1 ст. 62 УК РФ, могут применяться судами при наличии хотя бы одного из перечисленных в пунктах "и" и (или) "к" ч. 1 ст. 61 УК РФ смягчающих обстоятельств...»².

Таким образом, на наш взгляд, законодательную формулировку исследуемого условия применения ч. 2 ст. 62 УК РФ не следует понимать буквально как наличие обязательно всех перечисленных в п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ обстоятельств, должны присутствовать те, которые объективно могли быть выполнены. Конечно, в идеале конструкция норм должна быть такой, чтобы исключать расширительное или ограничительное толкование, и возможно редакцию п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ нужно изменить. Однако, если «способствование изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления», «способствование розыску имущества, добытого в результате преступления» сделать самостоятельными обстоятельствами, альтернативными явке с повинной и активному способствованию раскрытию и расследованию преступления, то исказится суть деятельного раскаяния – лицо должно выполнить все действия, которые с учетом конкретных обстоятельств оно имело объективную возможность совершить.

Убеждены, что нет оснований для смягчения наказания в порядке чч. 1 и 2 ст. 62 УК РФ, если лицо, к примеру, способствовало розыску похищенного имущества, но не выдало соучастников преступления или не дало правдивую информацию о деталях совершенного преступления. Поэтому мы не поддерживаем указанные выше предложения Е. Благова по изменению редакции п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ и ч. 2 ст. 62 УК РФ.

Важным представляется вопрос о соотношении указанных смягчающих обстоятельств с выполнением обязательств по досудебному соглашению о сотрудничестве.

Одни авторы полагают, что обязательства по соглашению и деяния, перечисленные в п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, совпадают [4, с. 24]. Другие авторы отрицают обя-

¹ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 29 нояб. 2016) // СПС «КонсультантПлюс».

² О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 22 дек. 2015 г. № 58 п. 36 // Там же.

зательное совпадение указанных смягчающих обстоятельств с выполнением обязательств по досудебному соглашению о сотрудничестве. Так, Л.В. Лобанова не считает, «будто из закона вытекает, что появление смягчающих обстоятельств в рассматриваемом случае связано именно с реализацией досудебного соглашения о сотрудничестве» [9, с. 333–334]. В развитие данной мысли автор говорит о наличии оснований для предусмотренного ч. 2 ст. 62 смягчения наказания и в том случае, когда реализация досудебного соглашения о сотрудничестве сама по себе не может быть расценена как активное содействие раскрытию или расследованию преступления, ввиду того, что такая активность может быть проявлена ранее, чем было заключено соглашение, а ее отсутствие может быть компенсировано явкой с повинной [9, с. 333–334].

По нашему мнению, деяния по активному способствованию раскрытию и расследованию преступления являются и обязательствами по досудебному соглашению о сотрудничестве и признаются судом в качестве обстоятельства, смягчающего наказание. Мы не согласны с Л.В. Лобановой, что можно применить ч. 2 ст. 62 УК РФ и в том случае, когда реализация досудебного соглашения о сотрудничестве не расценивается как активное содействие раскрытию или расследованию преступления. Если, как пишет Л.В. Лобанова, активность проявлена ранее, чем заключено соглашение, то, на наш взгляд, необходимости в соглашении просто нет. Второй довод автора о «компенсации явкой с повинной» тоже несостоятелен, поскольку явка с повинной как смягчающее обстоятельство, исходя из анализа судебной практики, вообще не связана с обязательствами по досудебному соглашению о сотрудничестве. Возможна ситуация, когда лицо явилось с повинной, заключило досудебное соглашение о сотрудничестве и выполнило по нему обязательства¹. Это вполне объяснимо ввиду того, что явкой с повинной не может быть признано заявление о преступлении, сделанное лицом в связи с его задержанием по подозрению в совершении этого преступления², а досудебное соглашение заключается с подозреваемым и обвиняемым. Конечно, заявление лица, задержанного по подозрению в совершении конкретного преступления, об иных совершенных им преступлениях признается явкой с повинной³. И можно представить себе ситуацию, что лицо обязалось в соглашении сообщить об иных совершенных им преступлениях. Однако в таком случае явку с повинной следовало бы учитывать при назначении наказания при осуждении за эти преступления⁴, т. е. не за то преступление, в связи с которым заключено соглашение.

Если развить оспариваемое нами суждение Л.В. Лобановой, то можно прийти к умозаключению о том, что ч. 2 ст. 62 УК РФ применима в том случае, когда лицо явилось с повинной, заключило досудебное соглашение о сотрудничестве, но не реали-

¹ Приговор Костомукшского городского суда (Республика Карелия) от 30 июля 2015 г. по делу № 1-60/2015. URL: [//sudact.ru/regular/doc/lrsUQj1Y5wx8/](http://sudact.ru/regular/doc/lrsUQj1Y5wx8/) (дата обращения 15.11.2019).

² Пункт 29 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 22 дек. 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» в ред. от 29 нояб. 2016 № 56 (СПС «КонсультантПлюс»).

³ Там же.

⁴ Там же.

зовало его в каких-либо активных действиях по содействию следствию. На наш взгляд, это умозаключение демонстрирует несогласованность норм уголовного права (ч. 2 ст. 62 УК РФ) и норм уголовно-процессуального права (ст. ст. 317.6, 317.7 УПК РФ).

Действительно, формально ситуация, при которой лицо явилось с повинной, заключило досудебное соглашение о сотрудничестве, но не выполнило его по каким-либо объективным причинам, дает основания для смягчения наказания в порядке ч. 2 ст. 62 УК РФ, так как в ней говорится не о выполнении, а именно о заключении указанного соглашения и наличии обстоятельства, предусмотренного п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, – явки с повинной (в данном случае). Однако в соответствии с ч. 2 ст. 317.6 УПК РФ особый порядок проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, применяется, если суд удостоверится, что государственный обвинитель подтвердил активное содействие обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления. Причем положения главы 40.1 УПК РФ не применяются, если содействие подозреваемого или обвиняемого следствию заключалось лишь в сообщении сведений о его собственном участии в преступной деятельности (ч. 4 ст. 317.6 УПК РФ).

Из содержания ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ следует, что назначение наказания с учетом положений ч. 2 и 4 ст. 62 УК РФ связано с соблюдением подсудимым всех условий и выполнением всех обязательств, предусмотренных заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве.

Представляется, что указанные положения норм УПК РФ в большей степени соответствуют сути исследуемого института, чем нормы, предусмотренные ч. 2 ст. 62 УК РФ.

Решение проблемы нам видится в изменении редакции ч. 2 ст. 62 УК РФ, в соответствии с которым вместо первых двух условий смягчения наказания возможно предусмотреть одно – выполнение лицом, совершившим преступление, обязательств по досудебному соглашению о сотрудничестве, а также сформулировать основание применения ч. 4 ст. 62 УК РФ, одновременно ч. 1 ст. 61 УК РФ дополнить одноименным смягчающим обстоятельством. Такое изменение законодательства реализует единый подход к регламентации оснований назначения наказания и в ч. 2 и ч. 4 ст. 62 УК РФ, будет соответствовать и уголовно-правовой природе досудебного соглашения о сотрудничестве, и названию ст. 62 УК РФ. Необходимость смещения акцента с заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и наличия смягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, на выполнение такого соглашения можно подтвердить еще и тем, что обязательства по досудебному соглашению о сотрудничестве могут выходить за рамки активного способствования раскрытию и расследованию преступления, поскольку в правоприменительной практике нередко сотрудничество заключается еще и в изобличении иных лиц, не являющихся соучастниками данного преступления, в совершении ими других преступных деяний [1, с. 40–44].

Должна ли новая редакция ч. 2 ст. 62 УК РФ сохранить существующее в действующей редакции такое условие смягчения наказания, как отсутствие отягчающих обстоятельств? Данный вопрос неоднократно поднимался учеными и большинством из них решался отрицательно. Разделяя данную позицию, приведем аргументы, которые уже высказывались в научной литературе, а также собственные суждения.

Один из аргументов строится на сопоставлении положений ч. 2 и ч. 4 ст. 62 УК РФ и констатации нарушения принципа справедливости: для назначения наказания лицам, совершившим преступления, не предусматривающие наказания в виде пожизненно-го лишения свободы или смертной казни, требуется отсутствие отягчающих наказание обстоятельств (ч. 2 ст. 62 УК РФ), а для лиц, совершивших преступления, предусматривающие указанные виды наказаний, такого условия не предусмотрено (ч. 4 ст. 62 УК РФ) [7, с. 157].

Большинство авторов высказывается за исключение рассматриваемого условия из ч. 2 ст. 62 УК РФ в связи с тем, что совершение групповых, тяжких и особо тяжких преступлений, по которым заключается соглашение, как правило, связано с обстоятельствами, отягчающими наказание подсудимого [8]. На наш взгляд, проблема здесь еще и в том, что смягчение наказания в порядке ч. 2 ст. 62 УК РФ ставится в зависимость от формального признака – конструкции состава преступления: если какое-либо обстоятельство закреплено в качестве квалифицирующего признака конкретного состава преступления, то основания для применения ч. 2 ст. 62 УК РФ есть, если не закреплено, то – нет (поскольку оно будет рассматриваться как отягчающее обстоятельство).

Сказанное свидетельствует о невозможности применения досудебного соглашения о сотрудничестве в значительном количестве ситуаций при наличии таких обстоятельств [6, с. 79]. Кроме того, часто в действиях лиц, с которыми заключается досудебное соглашение о сотрудничестве, есть такое отягчающее обстоятельство, как рецидив преступления [10, с. 30–33]. Из числа лиц, которые могут претендовать на смягчение наказания на основании ч. 2 ст. 62 УК РФ, исключены сотрудники ОВД при совершении ими общеуголовных преступлений, так как совершение преступления сотрудником ОВД считается отягчающим обстоятельством [2, с. 30–31].

И еще один важный момент: при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве отягчающие обстоятельства могут быть не установлены, кроме того, о необходимости отсутствия отягчающих обстоятельств для смягчения наказания могут «забыть» разъяснить подозреваемым (обвиняемым) [3].

Комментируя данные высказывания, отметим, что нормы главы 40.1 УПК РФ не закрепляют в качестве условия заключения досудебного соглашения отсутствие отягчающих наказание обстоятельств. Более того, ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ связывает назначение наказания с учетом положений чч. 2 и 4 ст. 62 УК РФ только с соблюдением подсудимым всех условий и выполнением всех обязательств. В связи с этим на практике нередки ситуации заключения досудебных соглашений о сотрудничестве при рецидиве преступлений и других отягчающих обстоятельствах.

Несогласованность норм уголовно-процессуального и уголовного закона в вопросах назначения наказания обуславливает противоречивость судебной практики в данной сфере. В одних приговорах при наличии отягчающих обстоятельств наказание

назначается в пределах, предусмотренных не ч. 2 ст. 62, а ч. 4 ст. 62 УК РФ¹, в других – применяется ч. 5 ст. 62 УК РФ², в третьих – наказание назначается в порядке ст. 64 УК РФ³. Есть приговоры, в которых указано, что ввиду наличия отягчающего обстоятельства, оснований для применения положений ч. 2 ст. 62 УК РФ при назначении наказания за каждое преступление у суда не имеется⁴.

Первые два варианта не соответствуют букве закона, поскольку ч. 4 ст. 62 УК РФ может быть применена только в случае совершения преступлений, за которые в качестве наказаний предусмотрено пожизненное лишение свободы или смертная казнь, ч. 5 ст. 62 УК РФ вообще не имеет к институту досудебного соглашения о сотрудничестве никакого отношения.

Третий вариант формально не противоречит закону, но его применение порой обусловлено не столько наличием исключительных обстоятельств, сколько попыткой найти выход из ситуации, когда соглашение о сотрудничестве заключено, выполнено, но оснований для льготного порядка назначения наказания нет. Последний вариант по сути игнорирует факт выполнения лицом обязательств по досудебному соглашению о сотрудничестве.

Учитывая сказанное, наилучшим решением проблемы, на наш взгляд, станет исключение из ч. 2 ст. 62 УК РФ такого условия, как отсутствие отягчающих обстоятельств.

Таким образом, в ходе анализа оснований назначения наказания при досудебном соглашении о сотрудничестве (чч. 2 и 4 ст. 62 УК РФ) мы рассмотрели их содержание и проблемы законодательной регламентации, предложили пути их решения. В связи со сказанным анализ основания назначения более мягкого наказания при соглашении о сотрудничестве в соответствии с уголовным законодательством Республики Казахстан приобретает особую актуальность.

В ч. 3 ст. 55 УК РК (статья называется «Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное уголовное правонарушение»), объединяющей все случаи назначения наказания при особых производствах (по делам ускоренного досудебного расследования, при процессуальном соглашении, приказном производстве), содержится следующее положение, касающееся предмета нашего исследования: «...по делам, по которым выполнены все условия процессуального соглашения, срок или размер основного вида наказания за совершенное уголовное правонарушение не может превышать половину максимального срока или размера, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса...».

¹ Приговор Октябрьского районного суда г. Ставрополя от 30 мая 2019 г. по делу № 1-217/2019. URL: [//sudact.ru/regular/doc/QG0mzwLvKlbl/](https://sudact.ru/regular/doc/QG0mzwLvKlbl/) (дата обращения 3 дек. 2019 г.).

² Приговор Кунгурского городского суда Пермского края от 15 мая 2019 г. по делу № 1-207/2019. URL: [//sudact.ru/regular/doc/aitzQio6nfNo/](https://sudact.ru/regular/doc/aitzQio6nfNo/) (дата обращения 3 дек. 2019 г.).

³ Приговор Саровского городского суда Нижегородской области от 30 мая 2019 г. по делу № 1-93/2019. URL: [//sudact.ru/regular/doc/oGTluUyCqzNa/](https://sudact.ru/regular/doc/oGTluUyCqzNa/) (дата обращения 2 дек. 2019 г.).

⁴ Приговор Златоустовского городского суда Челябинской области от 23 мая 2019 г. по делу № 1-269/2019. URL: [//sudact.ru/regular/doc/wamCw5vtkClK/](https://sudact.ru/regular/doc/wamCw5vtkClK/) (дата обращения 2 декабря 2019 г.).

Таким образом, основанием назначения более мягкого наказания является выполнение всех условий процессуального соглашения. Важно в связи с этим понять, о каких условиях идет речь, когда условия считаются выполненными и следует ли изменить редакцию указанного основания, сформулировав таковое как «выполнение лицом всех обязательств соглашения», либо «при соблюдении всех условий и выполнении обязательств» или иным образом.

Рассуждая над первым моментом, отметим некоторую несогласованность уголовных и уголовно-процессуальных норм. Из положений ч. 3 ст. 55 УК РК следует, что назначение наказания в сниженных пределах назначается при выполнении всех условий процессуального соглашения (здесь и далее выделено нами. – А.С.). В самом соглашении о сотрудничестве в соответствии с ч. 6 ст. 619 и п. 6 ч. 1 ст. 616 УПК РК должны быть указаны нормы уголовного закона, которые могут быть применены в отношении подозреваемого, обвиняемого при соблюдении им условий и выполнении обязательств, указанных в процессуальном соглашении. При этом в УПК РК отсутствует описание как условий, которые должны соблюдаться (выполняться) сотрудничающим лицом, так и конкретных действий, которые оно обязуется выполнить. К тому же в ст. 621 УК РК речь идет о выполнении прокурором условий соглашения о сотрудничестве. Содержание этих условий также не раскрывается.

Согласно ч. 2 ст. 621 УПК РК, если по результатам проведенного расследования преступлений, относящихся к предмету процессуального соглашения о сотрудничестве, при способствовании подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного избличены лица, совершившие особо тяжкие преступления, преступления в составе преступной группы, а также экстремистские и террористические преступления, и в отношении виновных лиц постановлен обвинительный приговор, то прокурор принимает меры по выполнению условий процессуального соглашения о сотрудничестве.

Как мы видим, казахстанский законодатель требует также осуждения избличенных в результате сотрудничества лиц. Таким образом, выполнение соглашения сотрудничающим лицом зависит не только от его действий, но и от действий прокурора и органов предварительного расследования.

Такой подход справедливо критикуется. Так, А.А. Прокопова пишет: «В данном случае значительно ущемляются права лица, заключающего процессуальное соглашение о сотрудничестве, поскольку вынесение обвинительного приговора по делу, являющемуся предметом соглашения, не зависит от воли подозреваемого (обвиняемого), добросовестно выполняющего взятые обязательства. Так, в ходе расследования либо судебного разбирательства могут возникнуть обстоятельства, исключающие производство по делу. В таком случае согласно требованиям УПК дальнейшее уголовное преследование должно быть прекращено, что является препятствием для исполнения прокурором своих обязательств перед подозреваемым (обвиняемым, осужденным) [10, с. 53]. В связи с этим автор предлагает дополнить основания принятия прокурором мер к выполнению условий процессуального соглашения о сотрудничестве (ч. 2 ст. 621 УПК), включив в них некоторые случаи прекращения производства по делу по нереабилитирующим основаниям [10, с. 54].

Полагаем, что с этим предложением можно согласиться. Возможность заимствования подхода российского законодателя, связывающего смягчение наказания с выполнением обязательств сотрудничающего лица, без факта осуждения избличен-

ных в результате сотрудничества лиц (ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ), мы не беремся оценивать в рамках данной статьи, так как это требует серьезного анализа и кардинальных изменений действующих уголовно-процессуальных норм, что выходит за рамки предмета нашего исследования.

Кроме того, обращаем внимание, что в ч. 2 ст. 621 УПК РК речь идет об избличенных лицах и преступлениях во множественном лице. При буквальном толковании данной нормы для признания соглашения о сотрудничестве выполненным необходимо осуждение нескольких лиц, совершивших, как минимум, два преступления. Очевидно, что это чрезмерное требование, требующее ограничительного толкования или соответствующей законодательной корректировки.

Учитывая сказанное, выполнение всех условий процессуального соглашения (имеется в виду соглашение о сотрудничестве) как основание назначения более мягкого наказания в пределах, предусмотренных ч. 3 ст. 55 УК РК, в соответствии с действующим УПК РК будет иметь место, если:

- соглашение о сотрудничестве заключено и утверждено в установленном законом порядке;
- подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный, заключивший соглашение о сотрудничестве, выполнил закрепленные в соглашении обязательства;
- сотрудничество способствовало избличению лиц, совершивших особо тяжкие преступления, преступления в составе преступной группы, а также экстремистские и террористические преступления;
- в отношении виновных лиц постановлен обвинительный приговор.

Поскольку УПК РК связывает выполнение соглашения не только с действиями сотрудничающего лица, то изменение редакции рассматриваемого основания в ч. 3 ст. 55 УК РК путем акцентирования внимания, во-первых, на выполнение именно *лицом*, во-вторых, не условий, а *обязательств*, без соответствующих изменений норм УПК РК было бы неверным. Кроме того, в ч. 3 ст. 55 УК РК идет речь о процессуальном соглашении как родовом понятии – процессуальном соглашении, включающем не только соглашение о сотрудничестве, но и сделку о признании вины. В нормах УПК РК последствия сделки о признании вины связаны именно с условиями сделки, определенными в ст. 613 УПК РФ. Понятие «обязательство» применительно к сделке о признании вины вообще не используется.

Таким образом, формулировка рассматриваемого основания назначения более мягкого наказания является оптимальной, хотя и требует толкования, а в идеале – изменения норм УПК РК по конкретизации условий соглашения о сотрудничестве и возможности считать соглашение выполненным и в тех случаях, когда дело в отношении избличенных в результате сотрудничества лиц прекращено по нереабилитирующим основаниям, указанным выше.

Обобщая изложенное, можно сделать некоторые выводы:

1. Сравнивая основания назначения наказания при досудебном соглашении о сотрудничестве (соглашении о сотрудничестве) по уголовному законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан, можно констатировать существенные различия в их законодательной регламентации. Так, согласно нормам УК РФ основания смягчения наказания различаются в зависимости от наказуемости преступления (содержится ли в санкции пожизненное лишение свободы или смертная казнь). Если

да, то таковым является заключение досудебного соглашения о сотрудничестве. Если нет, то основание имеет место при трех условиях: заключение досудебного соглашения о сотрудничестве; наличие смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ; отсутствие отягчающих обстоятельств. В норме УК РК такой дифференциации нет. Основание для назначения более мягкого наказания – выполнение всех условий соглашения о сотрудничестве.

По рассмотренным в ходе исследования причинам более правильным является подход, связывающий назначение наказания не с фактом заключения, а с фактом выполнения соглашения.

2. В целях преодоления несогласованности Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РФ предлагаем сформулировать основание смягчения наказания в ч. 2 и ч. 4 ст. 62 УК РФ как выполнение лицом, совершившим преступление, обязательств по досудебному соглашению о сотрудничестве.

3. Выполнение всех условий соглашения о сотрудничестве как основание назначения более мягкого наказания (ч. 3 ст. 55 УК РК) в соответствии с действующим УПК РК будет иметь место, если: соглашение о сотрудничестве заключено и утверждено в установленном законом порядке; подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный, заключивший соглашение о сотрудничестве, выполнил закрепленные в соглашении обязательства; сотрудничество способствовало изобличению лиц, совершивших особо тяжкие преступления, преступления в составе преступной группы, а также экстремистские и террористические преступления; в отношении виновных лиц постановлен обвинительный приговор.

4. При дифференциации назначения наказания по ч. 3 ст. 55 УК РК в зависимости от формы процессуального соглашения применительно к соглашению о сотрудничестве была бы уместной следующая формулировка основания – «при соблюдении всех условий и выполнении обязательств».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Багаутдинов К.Ф. Некоторые вопросы процессуального статуса лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, при допросе в суде по уголовному делу в отношении его соучастников // Рос. юстиция. – 2019. – № 1. – С. 40–44.

2. Багаутдинов К.Ф. Роль и полномочия государственного обвинителя в судебном заседании, проводимом в особом порядке в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве // Мировой судья. – 2019. – № 4. – С. 24–32.

3. Баев М.О., Баев О.Я. Досудебное соглашение о сотрудничестве: среди мифов и рифов // СПС «КонсультантПлюс». 2010.

4. Благоев Е. Назначение наказания в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовное право. – 2010. – № 3. – С. 21–26.

5. Брусницын Л.В. Сотрудничество со следствием: какие трудности в реализации новых норм УПК РФ ожидают правоприменителя // Уголовный процесс. – 2009. – № 12 (60). – С. 13–18.

6. Гранкин К., Мильтова Е. Проблемы применения норм УПК РФ, регулирующих досудебное соглашение о сотрудничестве // Уголовное право. – 2010. – № 3. – С. 76–79.

7. Килина И.В. Поворот к худшему при пересмотре приговора, вынесенного в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве // *Актуальные проблемы российского права*. – 2018. – № 8. – С. 155–163.
8. Ключников С.С. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве и его уголовно-правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2013. – 27 с.
9. Лобанова Л.В. Учет смягчающих обстоятельств при назначении наказания лицу, заключившему досудебное соглашение о сотрудничестве // *Lex russica*. – 2014. – № 3. – С. 331–340.
10. Прокопова А.А. Процессуальное соглашение в досудебном производстве по уголовным делам: учебно-практическое пособие. – Караганда, 2017.
11. Становский М.Н. Назначение наказания. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 1999. – 480 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Bagautdinov K.F. Some issues of the procedural status of a person who has entered into a pre-trial agreement on cooperation during interrogation in court in a criminal case against his accomplices // *Russian Justice*. – 2019. – № 1. – P. 40–44.
2. Bagautdinov K.F. The role and powers of the public prosecutor in a court hearing held in a special manner against a person who has entered into a pre-judicial cooperation agreement // *Magistrate*. – 2019. – № 4. – P. 24–32.
3. Baev M.O., Baev O.Ya. Pre-trial cooperation agreement: among myths and reefs // *ATP ConsultantPlus*. 2010.
4. Blagov E. Appointment of punishment in the event of a pre-trial agreement on cooperation // *Criminal Law*. – 2010. – № 3. – P. 21–26.
5. Brusnitsyn L.V. Cooperation with the investigation: what difficulties in the implementation of new norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation await the law enforcement // *Criminal Process*. – 2009. – № 12 (60). – P. 13–18.
6. Grankin K., Miltova E. Problems of applying the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation governing the pre-trial agreement on cooperation // *Criminal Law*. – 2010. – № 3. – P. 76–79.
7. Kilina I.V. A turn for the worse when reviewing a sentence imposed on a defendant with whom a pre-trial agreement on cooperation has been concluded // *Actual Problems of Russian Law*. – 2018. – № 8. – P. 155–163.
8. Klyushnikov S.S. Institute of pre-trial agreement on cooperation and its criminal legal significance: abstract of the thesis of Candidate of Law. – Krasnodar, 2013. – P. 27
9. Lobanova L.V. Consideration of extenuating circumstances when sentencing a person who has entered into a pre-trial agreement on cooperation // *Lex Russica*. – 2014. – No. 3. – P. 331–340.
10. Prokopova A.A. Procedural agreement in pre-trial criminal proceedings: a training manual. – Karaganda, 2017.
11. Stanovsky M.N. Sentencing. – SPb., 1999. – 480 p.

УДК 343.24

DOI 10.24411/2312-3184-2020-10012

Федотова Евгения Николаевна

преподаватель кафедры криминологии
и организации профилактики
преступлений Академии ФСИН России
кандидат юридических наук
Email: evgenija_kaz@mail.ru

Fedotova Evgenia Nikolaevna

lecturer of the Department of Criminology
and Crime Prevention Organization, Academy
of the Federal Penitentiary Service of Russia
Candidate of Law
Email: evgenija_kaz@mail.ru

**СОВОКУПНОСТЬ НАКАЗАНИЙ, УСТАНОВЛЕННЫХ
СТАТЬЕЙ 88 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,
КАК СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ**

Введение: в статье проводится теоретический анализ совокупности уголовных наказаний, назначаемых несовершеннолетним. Автор изучает данную группу наказаний сквозь призму признаков системы уголовных наказаний, выделяет ее специфические черты, анализирует принцип построения, особенности отдельных видов наказаний.

Материалы и методы: в основу методологии исследования положен диалектический метод научного познания. Кроме того, в работе применялись: метод сравнительно-правового анализа (при сопоставлении совокупности наказаний, закрепленных в ст. ст. 44, 88 УК РФ); системно-структурный и формально-юридические методы познания (при изучении юридической природы наказаний, установленных ст. 88 УК РФ, их сущности и содержания); статистический метод (при анализе практики применения изучаемой группы наказаний), метод историко-правового анализа (при изучении положений ранее действовавшего законодательства), а также методы анализа и синтеза, дедукции и индукции.

Теоретическую основу исследования составляют основные концепции и идеи юридической науки, касающиеся системы уголовных наказаний, содержащиеся в научных трудах по уголовному, уголовно-исполнительному праву, а также в работах по общей теории права.

Нормативная база представленной статьи включает в себя нормы ранее действовавшего и современного российского уголовного, уголовно-исполнительного права, регулирующих порядок применения к несовершеннолетним уголовных наказаний.

Результаты исследования: позволят расширить знания о системе уголовных наказаний в целом и о системе наказаний, применяемых в отношении несовершеннолетних в частности; о принципах построения указанных систем, содержании входящих в них видов наказаний.

Выводы и заключения: через теоретический анализ совокупности уголовных наказаний, применяемых в отношении несовершеннолетних, автор приходит к выводу, что указанная группа наказаний образует самостоятельную систему, подтверждая вывод выделенными признаками, характерными только для указанной системы.

Ключевые слова: несовершеннолетний, уголовная ответственность несовер-

шеннолетних, уголовные наказания, система уголовных наказаний, виды наказаний.

SET OF PUNISHMENTS ESTABLISHED BY ARTICLE 88 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AS SYSTEM OF PUNISHMENTS

Introduction: The article provides a theoretical analysis of the set of criminal penalties imposed on minors. The author studies this group of punishments through the prism of signs of the system of criminal penalties allocated by the doctrine of criminal law, allocates its specific features, analyzes the principle of construction, features of the entering types of punishments.

Materials and methods: the research methodology is based on the dialectical method of scientific cognition. In addition, the paper used: the method of comparative legal analysis (when comparing the set of penalties enshrined in Art. 44 and 88 of the Criminal Code); system-structural and formal legal methods of knowledge (in the study of the legal nature of the penalties established by article 88 of the Criminal Code, their nature and content); statistical methods (in the analysis of the practice of the studied group of punishments), the method of historical and legal analysis (in the study of the provisions of the previous legislation), as well as methods of analysis and synthesis, deduction and induction.

The theoretical basis of the study is the basic concepts and ideas of legal science concerning the system of criminal penalties contained in scientific works on Criminal, Penal Law, as well as in works on the general theory of law.

The normative base of the presented article includes the norms of the previously existing and modern Russian criminal, penal, law regulating the procedure for the application of criminal penalties to minors.

Results of the study: will expand knowledge about the system of criminal penalties in general and the system of penalties applied to minors in particular; the principles of construction of these systems, the content of their constituent types of punishment.

Summary and Conclusion: having carried out a theoretical analysis of the totality of criminal penalties applied to minors, the author comes to the conclusion that the specified group of punishment forms an independent system, confirming this conclusion with the selected and formulated features specific only to this system.

Keywords: minor, criminal responsibility of juveniles, criminal penalties, criminal penalties, penalties.

Уголовное наказание – важнейший институт российского уголовного права, многие проблемы которого получили достаточно широкое освещение в трудах отечественных исследователей как прошлого, так и современности. Несмотря на это, совокупность наказаний, применяемых в отношении несовершеннолетних, в настоящее время заслуживает обособленного исследования, которое необходимо проводить с учетом массива изменений, внесенных в уголовное законодательство в последние годы, накопившихся научных знаний и наработанной правоприменительной практики.

В ст. 88 УК РФ закреплена исчерпывающая совокупность наказаний, назначаемых несовершеннолетним, состоящая из штрафа, лишения права заниматься опреде-

ленной деятельностью, обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, лишения свободы на определенный срок.

Таким образом, действующим Уголовным кодексом в настоящее время предусмотрен довольно обширный перечень наказаний, позволяющий достигать цели уголовного наказания, минимизировав применение лишения свободы, что согласовывается с положениями международных стандартов, регулирующих общественные отношения в анализируемой сфере¹.

Уместно отметить, что первоначальная редакция ст. 88 УК РФ, определяющая виды наказания назначаемые несовершеннолетним, включала в себя следующие виды: штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью; обязательные работы; исправительные работы; арест; лишение свободы на определенный срок. Таким образом, новое для российской уголовной юстиции наказание в виде ограничения свободы в системе уголовных наказаний для несовершеннолетних заняло место, ранее принадлежавшее аресту, который из данной системы был исключен. Такое решение следует признать положительным, поскольку оно свидетельствует о серьезной гуманизации уголовного законодательства в отношении несовершеннолетних, о том, что уголовных наказаний, которые теперь действительно могут быть назначены подросткам, стало больше [4, с. 300].

Разнообразие охраняемых уголовным законом общественных отношений и посягающих на них общественно опасных деяний, особенности личности несовершеннолетних преступников обуславливают необходимость индивидуализации наказаний. В этой связи Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает совокупность мер, которые включают в себя различные по карательным и воспитательным возможностям виды наказаний, расположенные в определенном порядке. На наш взгляд, установленный в ст. 88 УК РФ перечень наказаний образует самостоятельную систему.

Так, философский энциклопедический словарь под системой понимает объединение некоторого разнообразия в единое и четко расчлененное целое, элементы которого по отношению к целому и другим частям занимают соответствующие им места [12, с. 415].

Наука российского уголовного права под системой наказаний понимает исчерпывающий их перечень, включающий все виды наказаний в определенном порядке [8, с. 21]. Или более полно: система уголовных наказаний представляет собой логично целостную и нормативно упорядоченную совокупность видов наказаний, построенную на единых принципах и подчиненную задачам УК РФ по охране личности, общества, государства от преступных посягательств, их предупреждению, а так же целям наказания [9, с. 10].

¹ См., напр.: Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): [приняты 29 нояб. 1985 г. резолюцией 40/33 на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН] // Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Нью-Йорк: ООН, 2007. С. 49–76.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что совокупность наказаний, установленная ст. 88 УК РФ, образует систему, так как она имеет необходимые признаки, выделенные наукой. Самостоятельность системы подтверждается рядом характерных признаков. Исходя из вышеизложенного сформулируем общие и специальные признаки системы наказаний, применяемых в отношении несовершеннолетних, разделив их на три группы.

К первой группе признаков отнесем те, что характерны для любой системы в целом:

- точно определенная совокупность структурных элементов (6 видов наказаний установленных ст. 88 УК РФ);
- элементы имеют четкую внутреннюю (системообразующую) связь (иерархическую, генетическую).

Вторая группа признаков – признаки характерные для системы уголовных наказаний:

- стабильность видов наказания, образующих систему;
- система наказаний имеет особый принцип построения, заключающийся в расположении наказаний в порядке увеличения карательного воздействия;
- система имеет единые цели и задачи, закрепленные в ст. 2, ст. 43 УК РФ;
- функционирует во взаимосвязи с другими институтами уголовного права;
- обеспечивает выполнение принципов дифференциации и индивидуализации при привлечении лиц к уголовной ответственности.

Третья группа признаков характерная только для системы наказаний, применяемых в отношении несовершеннолетних:

- обособленность в рамках более общей системы уголовных наказаний, закрепленная в специально предусмотренной главе уголовного закона;
- наличие специального адресата (объекта), на которого направлено наказание (а именно лицо, которому ко времени совершения преступления исполнилось 14, но не исполнилось 18 лет);
- иные правила назначения и исполнения входящих в систему видов наказаний;
- иной (меньший) объем карательного воздействия входящих в рассматриваемый перечень наказаний (размеры и сроки наказаний, закрепленных в ст. 88 УК РФ, сокращены по сравнению с наказаниями, закрепленными в ст. 44 УК РФ).

Характеристика системы наказаний, применяемых в отношении несовершеннолетних, будет не полной, если не рассмотреть принцип ее построения, так как он является ее важнейшим признаком. В УК РСФСР 1960 г. система наказаний строилась по принципу от более строгого к менее строгому наказанию. Действующий уголовный закон пошел по иному пути и расположил наказания в порядке возрастания карательной силы.

Построение лестницы наказаний от менее строгого к более строгому имеет важное практическое значение. Психологическими исследованиями доказано, что при прочих равных условиях человек выбирает из предложенного перечня вариант, помещенный ближе к началу. Избранная законодателем последовательность в расположении наказаний применена и в санкциях статей Особенной части УК РФ. Таким об-

разом, действующее законодательство нацеливает суды на преимущественное назначение менее строгих наказаний [8, с. 24].

Взаимосвязь наказаний, выраженная в постепенном нарастании объема и интенсивности ограничения прав и свобод осужденного, позволяет индивидуализировать воздействие на несовершеннолетнего, сочетая стеснение личных и имущественных прав с психологическим воздействием на личность [2, с. 23].

Однако распределение наказаний внутри рассматриваемой системы неоднозначно оценивается наукой уголовного права. Постановка штрафа на первое место в лестнице наказаний, следовательно, наделение его статусом «самого мягкого» вызывает споры. Ряд авторов, аргументируя несложными математическими подсчетами, утверждают, что штраф является более строгим видом наказания в сравнении с обязательными или исправительными работами [6, с. 45; 11, с. 47].

В части материальных последствий, безусловно, данное наказание тяжелее для осужденного. Однако не будем забывать, что штраф не ограничивает конституционных прав и свобод, которые в демократическом государстве в соответствии со ст. 2 Конституции являются «высшей ценностью». Право свободно распоряжаться своими способностями к труду является конституционным правом, закрепленным ст. 37 Конституции РФ, которое ограничивается при применении обязательных, исправительных работ. Штраф лишь причиняет временные материальные трудности, посильные осужденному, так как ч. 3 ст. 46, УК РФ установлено, что при назначении данного наказания суд должен учитывать имущественное положение осужденного и его семьи. Возможность взимать штраф с родителей (законных представителей) несовершеннолетних, установленная ч. 2 ст. 88 УК РФ, также существенно смягчает рассматриваемое наказание. Таким образом, мнение о том, что штраф более строгое наказание, чем обязательные и исправительные работы, основано только на материальном содержании рассматриваемых наказаний.

После изменений, внесенных в уголовное законодательство федеральным законом от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы», сложилось мнение о том, что ограничение свободы по своему карательному содержанию значительно мягче обязательных и исправительных работ, и его место в лестнице наказаний нарушает важнейший ее признак – расположение по карательной силе. Данное мнение обосновывается тем, что содержание наказания в виде ограничения свободы составляют обязанности, которые суд устанавливает осужденному в соответствии с исчерпывающим перечнем, предусмотренным ст. 53 УК РФ, которые по своей силе менее репрессивны, чем карательное содержание штрафа, обязательных или исправительных работ [7, с. 82].

Отметим, что возможность применения технических средств контроля и надзора в отношении осужденного к ограничению свободы оказывает психологическое давление на него и является важным карательным элементом данного наказания, который отсутствует в обязательных и исправительных работах. Кроме того, ограничение свободы назначается несовершеннолетним осужденным на срок до двух лет, то-

гда как исправительные работы – до года, а обязательные работы можно отбыть за срок, не превышающий четырех месяцев. Таким образом, налицо большее карательное содержание наказания в виде ограничения свободы, а значит его обоснованное нахождение в лестнице наказаний ниже обязательных и исправительных работ.

Проведенный анализ свидетельствует о соблюдении принципа построения системы наказаний, установленной ст. 88 УК РФ, по возрастанию карательной силы.

При определении системы наказаний для несовершеннолетних законодатель пошел по пути исключения не подходящих для применения к указанным лицам видов наказания. В связи с этим некоторые авторы называют рассматриваемую систему наказаний «усеченной». Построение системы по «остаточному принципу», по их мнению, не отражает социально-правовой специфики несовершеннолетних как субъектов уголовно-правовых отношений [5, с. 104; 3, с. 74]. А многочисленные отступления от общих правил применения данных видов наказаний снижают эффективность уголовного закона по делам о преступлениях несовершеннолетних [1, с. 4].

На наш взгляд, построение по остаточному принципу, не есть необдуманное приспособление имеющейся системы наказаний под несовершеннолетних. Так как, с одной стороны, такая конструкция является выражением принципа равенства граждан перед законом и принципа гуманизма, с другой – обусловлена нецелесообразностью применения к несовершеннолетним некоторых наказаний по юридическим и этическим причинам. Кроме того, законодателем установлен ряд отличий в размерах и сроках наказаний, в порядке их назначения и исполнения, что позволяет в полной мере адаптировать их под особенности личности подростка.

Анализ показывает, что в настоящее время в российском уголовном праве сформировалась достаточно обширная система наказаний, применяемых в отношении несовершеннолетних. Рассматриваемая система наказаний во многом совершеннее системы наказаний, применяемой в отношении совершеннолетних, которая содержит малоприменяемые на сегодняшний день наказания и ряд наказаний для специального субъекта преступлений. Многолетнее присутствие «фантомных» наказаний в перечне, установленном ст. 44 УК РФ, дезориентирует общество и суды, создавая иллюзию присутствия альтернативных реальному лишению свободы наказаний [10, с. 76].

В настоящее время систему наказания для несовершеннолетних нельзя назвать окончательно сформированной и полностью соответствующей современным потребностям. Обозначим наиболее острые проблемы в правовом регулировании и практике применения к несовершеннолетним уголовных наказаний, свидетельствующие о необходимости оптимизации системы наказаний, закрепленной в ст. 88 УК РФ.

Судебная практика складывается таким образом, что штраф применяется к несовершеннолетним в нарушение принципа вины, установленного ст. 5 УК РФ, путем его взыскания с родителей или законных представителей несовершеннолетнего. Известно, что «Лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина». Поэтому в данном виде штраф не должен использоваться в судебной практике.

Не способствует широкому применению указанного наказания к несовершеннолетним то, что число работающих несовершеннолетних осужденных (а значит, имеющих собственный доход) с 2015 по 2018 г. в среднем составило чуть более 2 %. Например, в 1986 г. из общего числа осужденных несовершеннолетних доля работающих составляла 25,6 %¹, т. е. в современной рыночной системе экономики данный вид наказания не может широко применяться к подросткам. Применение штрафа к работающим подросткам коренным образом не решит проблему. В силу отсутствия необходимого образования и опыта работы несовершеннолетние, как правило, имеют небольшой заработок. В связи с этим взимать крупные размеры штрафа с них нецелесообразно и негуманно, а маленькие суммы штрафа – не будут иметь должного превентивного потенциала.

Применение данного наказания нелогично в том отношении, что уголовным законом допускается взыскание с родителей несовершеннолетнего штрафа, назначенного в качестве наказания за совершенное их ребенком преступление, но такая возможность отсутствует при применении к несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия в виде возложения обязанности загладить причиненный вред. Принудительные меры воспитательного воздействия применяются лишь за преступления небольшой либо средней тяжести, а штраф содержится также в санкциях статей, устанавливающих ответственность за тяжкие преступления.

Зависимость назначения штрафа от согласия родителей (законных представителей) не соответствует принципу демократизма, финансовые возможности третьих лиц не должны влиять на выбор наказания несовершеннолетним.

Установленная возможность взыскания штрафа с родителей или законных представителей несовершеннолетних делает невозможной замену штрафа на другое наказание при злостном уклонении от его уплаты.

Таким образом, положение ч. 2 ст. 88 УК РФ, регулирующее порядок назначения штрафа несовершеннолетним, входит в противоречие с рядом норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Обобщив сказанное, можно резюмировать, что сложившаяся ситуация в правовом регулировании применения к несовершеннолетним уголовного наказания в виде штрафа и особенности современного социального статуса лиц, не достигших восемнадцати лет, достаточно убедительно доказывают необоснованность его нахождения в системе наказаний, установленной ст. 88 УК РФ.

Лишение права заниматься определенной деятельностью – единственный вид наказания не адаптированный к несовершеннолетним ни сроками, ни порядком применения. Назначать указанное наказание можно только в отношении лиц, занимающихся какой-либо деятельностью, с целью предупреждения совершения ими новых преступлений. Согласно данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации с 2008 г. лишение права заниматься определенной деятельностью несовершеннолетним в качестве основного наказания назначалось всего два раза².

¹ См.: Преступность и правонарушения: статист. сб. Л., 1991. С. 65.

² См.: Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2018 годы. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3490> (дата обращения 01.07.2019).

Минимальное использование свидетельствует о неостребованности этого наказания применительно к рассматриваемой категории лиц.

Характер совершаемых преступлений, незначительный процент несовершеннолетних, занятых какой-либо деятельностью, позволяют сделать вывод о том, что существование наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью как основного вида наказания для несовершеннолетних не может быть признано целесообразным. В настоящее время имеется практическая целесообразность в применении к несовершеннолетним указанного наказания только в качестве дополнительного.

Анализ позволяет сформулировать вывод о том, что совокупность наказаний, установленная ст. 88 УК РФ, образует самостоятельную систему, что подтверждается наличием характерных признаков. Сегодня имеется необходимость в оптимизации системы наказаний, применяемых в отношении несовершеннолетних, путем исключения штрафа и лишения права заниматься определенной деятельностью. Указанное обусловлено проблемами правового регулирования назначения и исполнения данных наказаний в отношении лиц, не достигших восемнадцати лет, а также особенностями их социально-правового статуса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ашин А. А. Наказание несовершеннолетних за хищение чужого имущества: закон, теория и практика : монография / А. А. Ашин ; отв. ред. А. И. Чучаев. – Владимир : Владимир. юрид. ин-т Минюста России, 2004. – 156 с.
2. Кашуба Ю. А. Уголовные наказания в отношении несовершеннолетних / Ю. А. Кашуба, Ю. В. Бакаева. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2009. – 125 с.
3. Кузакина И. А. Наказание несовершеннолетних (уголовно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук / И.А. Кузакина. – СПб., 2006. – 196 с.
4. Правовое регулирование исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества : курс лекций / А. В. Бойко [и др.] ; под общ. ред. Е. Л. Зарембинской. – Рязань : Академия ФСИН России, 2014. – 372 с.
5. Рахмаев Э. С. Исправительные работы как вид уголовного наказания : дис. ... канд. юрид. наук / Э.С. Рахмаев. – Рязань, 2005. – 185 с.
6. Рахмаев Э. С. Уголовно-правовые и иные особенности применения мер, альтернативных лишению свободы, в российской уголовной юстиции / Э. С. Рахмаев. – Рязань : Академия ФСИН России, 2010. – 137 с.
7. Рыжов Р. С. Ограничение свободы и его место в системе наказаний // Человек: преступление и наказание. – 2010. – № 1. – С. 8–10.
8. Словарь по уголовному праву / отв. ред. проф. А.В. Наумов. – М.: БЕК, 1997. – 686 с.
9. Стромов В. Ю. Система уголовных наказаний: реализация и эффективность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.Ю. Стромов. – Волгоград, 2009. – 27 с.
10. Тарбагаев А. Н. Проблемы эффективности системы наказаний в российском уголовном праве // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 4. – С. 75–82.

11. Трахов А. Бессистемная система наказаний в УК РФ // Рос. юстиция. – 2000. – № 9. – С. 48–49.
12. Философский энциклопедический словарь. – М., 1997. – 840 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Ashin, A. A. Punishment of minors for plunder of someone else's property: law, theory and practice: monograph / A.A. Ashin; edition A.I. Chuchayev. – Vladimir: Vladimir, 2004. – 156 p.
2. Kashuba, Yu. A. Criminal penalties concerning minors / Yu.A. Kashuba, Yu.V. Bakayeva. – SPb.: Yurid. Press center, 2009. – 125 p.
3. Kuzakina, I. A. Punishment of minors (criminal research): yew. ... edging. law sciences / Kuzakina Irina Aleksandrovna. – SPb., 2006. – 196 p.
4. Legal regulation of execution of the punishments which are not connected with isolation of the convict from society: course of lectures / A.V. Boyko [etc.]; under a general edition of E.L. Zarembinskaya. – Ryazan: FSIN of Russia academy, 2014. – 372 p.
5. Rakhmayev, E. S. Corrective works as type of criminal penalty: yew. ... edging. law sciences / Rakhmayev Eduard Saidovich. – Ryazan, 2005. – 185 p.
6. Rakhmayev, E. S. Criminal and other features of application of the measures alternative to imprisonment, in the Russian criminal justice / E.S. Rakhmayev. – Ryazan: FSIN of Russia academy, 2010. – 137 p.
7. Ryzhov, R. S. Restriction of freedom and its place in the system of punishments / R.S. Ryzhov // the Person: crime and punishment. – 2010. – № 1. – P. 8–10.
8. The dictionary on criminal law / edition prof. A.V. Naumov. – M.: BEK publishing house, 1997. – 686 p.
9. Stromov, V.Yu. Sistema of criminal penalties realization and efficiency: abstract yew. ... edging. law sciences: 12.00.08 / Stromov Vladimir Yuryevich. – Volgograd, 2009. – 27 p.
10. Tarbagayev, A. N. Problems of system effectiveness of punishments in the Russian criminal law / A.N. Tarbagayev // the Criminological magazine of the Baikal state university of economy and the right. – 2014. – № 4. – P. 75–82.
11. Bangs, And. The unsystematic system of punishments in the Criminal Code of the Russian Federation / A. Trakhov // Grew. justice. – 2000. – № 9. – P. 48–49.
12. Philosophical encyclopedic dictionary. – M., 1997. – 840 p.

УДК 343.132

DOI 10.24411/2312-3184-2020-10013

Кузнецов Анатолий Николаевич

доцент кафедры уголовного процесса

Воронежского государственного университета

кандидат юридических наук

E-mail: mempad@mail.ru

Kuznetsov Anatoly Nikolaevich

associate Professor of the Criminal

Procedure Department, Voronezh State

University

Candidate (PhD) in Law

E-mail: mempad@mail.ru

О СООТНОШЕНИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ НАЧАЛЬНИКА ОРГАНА ДОЗНАНИЯ И НАЧАЛЬНИКА ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ДОЗНАНИЯ НА СТАДИИ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ФОРМЕ ДОЗНАНИЯ

Аннотация: реализация процессуального статуса начальника органа дознания и начальника подразделения дознания имеет важное значение в процессуальной деятельности органов дознания и прямо отражается на ее результативности. В статье рассмотрено соотношение полномочий указанных должностных лиц, определены основные проблемы реализации их процессуального статуса.

Материалы и методы: материалом исследования являются непосредственно нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие процессуальное положение начальника органа дознания и начальника подразделения дознания. Методологическую основу исследования составили общепринятые методы научного исследования явлений и общественных отношений в их взаимосвязи и взаимообусловленности, диалектический метод, позволивший всесторонне и объективно рассмотреть проблемы регламентации процессуальных полномочий начальника органа дознания и начальника подразделения дознания, а также иные частнонаучные методы.

Результаты исследования: определены основные проблемы реализации процессуального положения начальника подразделения дознания и начальника органа дознания.

Выводы и заключения: предлагаются пути оптимизации реализации процессуального положения начальника органа дознания и начальника подразделения дознания.

Ключевые слова: начальник органа дознания, начальник подразделения дознания, производство расследования, дознание, полномочия, процессуальное положение.

ABOUT THE RELATIONSHIP BETWEEN THE PROCEDURAL AUTHORITIES OF THE CHIEF OF THE INQUIRY BODY AND THE CHIEF OF THE DEPARTMENT OF THE INQUIRY AT THE STAGE OF THE CRIMINAL INVESTIGATION IN THE FORM OF INQUEST

Introduction: the implementation of the procedural status of the head of the inquiry body and the head of the inquiry unit is important in the procedural activity of the inquiry bodies and directly affects its effectiveness. The article considers the correlation of the powers of these officials, identifies the main problems of implementing their procedural status.

Materials and Methods: the material of the study is directly the norms of criminal procedure legislation regulating the procedural position of the head of the inquiry body and of the head of the inquiry unit. The methodological basis of the research is based on generally accepted methods of scientific research of phenomena and social relations in their interrelation and interdependence. The methodological basis is formed by the dialectical method, which allowed us to comprehensively and objectively consider the problems of regulating the procedural powers of the head of the inquiry body and the head of the inquiry unit, as well as other private scientific methods.

Result of the Study: the main problems of implementing the procedural position of the head of the inquiry division and of the head of the inquiry body are identified.

Summary and Conclusion: the ways to optimize the implementation of the procedural position of the head of the inquiry body and of the head of the inquiry unit are proposed.

Keywords: head of the inquiry body, head of the inquiry division, investigation, inquiry, powers, procedural position.

Анализ статистических данных органов дознания системы МВД России с 2016 по 2019 г. показывает, что законодательные изменения, касающиеся полномочий начальника органа дознания, в том числе их закрепление федеральным законом от 30.12.2015 г. № 440-ФЗ¹ в ст. 40² УПК РФ не позволили в должной мере повысить качество расследования в форме дознания.

Так, несмотря на достаточно большой объем расследованных органами дознания системы МВД России уголовных дел (около 60 % от общего числа расследованных в МВД России), основные показатели их работы не в полной мере отвечают предъявленным требованиям.

Так, на 23,9 % сократилось количество окончанных уголовных дел (с 517 729 дел в 2016 г. до 393 879 дел в 2019 г.), в том числе направленных в указанный период уголовных дел прокурору с обвинительным актом, обвинительным постановлением – на 20,2% (с 430 507 – до 343 841 дел). При этом количество уголовных дел, возвращенных прокурором для пересоставления обвинительного акта (обвинительного по-

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя: федеральный закон от 30.12.2015 № 440-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. I). Ст. 60.

становления), увеличилось с 3 391 дела в 2016 г. до 4 168 дел в 2019 г. или на 22,9 %, при этом нагрузка по числу находившихся в производстве уголовных дел на одного дознавателя сократилась с 24 до 21¹.

Также следует отметить, что в 2017 и 2018 гг. тенденций значительного роста количественных показателей деятельности органов дознания по расследованию уголовных дел не наблюдалось, наоборот, с 2016 г., когда основные показатели по оконченным уголовным делам по сравнению с 2015 г. несколько возросли, вновь стало наблюдаться их снижение.

В целях установления основных причин, послуживших такому развитию событий, следует обратиться к анализу уголовно-процессуальных полномочий начальника органа дознания, предусмотренных ст. 40² УПК РФ. Так, начальнику органа дознания, как субъекту управления [6, с. 18], по уголовному делу предписывается его изучение, поручение расследования дознавателю, дача письменных указаний о ходе его расследования, рассмотрение письменных возражений дознавателя на указания начальника подразделения, возвращение уголовного дела дознавателю с письменными указаниями о производстве дополнительного дознания, пересоставлении обвинительного акта или обвинительного постановления, а также утверждение обвинительного акта (обвинительного постановления) по уголовному делу и иные полномочия, предусмотренные УПК РФ.

Однако анализ фактической реализации начальником органа дознания указанных полномочий свидетельствует о том, что этот перечень по осуществлению процессуального контроля за расследованием уголовных дел в форме дознания начальником фактически не реализуется, в том числе по причине несовершенства данной законодательной нормы. Подобное утверждение основано на том, что, например, начальник органа дознания вправе поручать расследование по уголовному делу, но ему не предоставлено право изымать уголовное дело у дознавателя и передавать его другому дознавателю. Он вправе давать дознавателю письменные указания, но фактически не имеет никаких процессуальных рычагов воздействия по отношению к дознавателю, чтобы тот выполнил их качественно и в полном объеме, так как не вправе ни изъять уголовное дело, ни отменить какое-либо необоснованное и (или) незаконное постановление дознавателя [7, с. 47].

Несомненно, начальник органа дознания, реализуя ведомственный контроль, вправе применить к дознавателю меры дисциплинарного воздействия, что не относится к уголовно-процессуальному законодательству, но отсутствие действенных полномочий, которые позволяли бы начальнику органа дознания своевременно пресекать и не допускать со стороны дознавателя нарушений уголовно-процессуального законодательства, не способствует соблюдению нормы-принципа, предусмотренной ст. 6¹ УПК РФ (разумный срок уголовного судопроизводства).

В то же время, как отмечает Г.П. Химичева, непосредственная близость руководителя к объекту контроля способствует осуществлению непрерывного контроля за

¹ Статистические данные о следственной работе и дознании органов внутренних дел: сводный отчет по России (с КФО) по форме отчета «1-ЕМ» за 2015–2019 гг. М.: ГИАЦ МВД России, 2020.

соблюдением требований закона и быстрому реагированию на имеющиеся нарушения и просчеты [9, с. 301], а также соблюдению прав и законных интересов граждан и разумных сроков уголовного судопроизводства. Указанное не вызывает сомнения, так как, например, процессуальная деятельность дознавателя, контроль за которой возложен на начальника органа дознания, по своевременному, полному и объективному установлению всех обстоятельств совершенного преступления обеспечивает правильность принятия промежуточных и законность вынесения итоговых процессуальных решений [3, с. 9].

Однако этого, как отмечено выше, не произошло, в том числе по причине неудачного с точки зрения формулирования положений уголовно-процессуального закона, регламентирующего соотношение процессуальных полномочий начальника органа дознания (ст. 40² УПК РФ) и начальника подразделения дознания (ст. 40¹ УПК РФ).

В данном случае представляется более правильным предоставить должностным лицам органов дознания, осуществляющим процессуальный контроль за расследованием уголовных дел в форме дознания, более широкий объем процессуальных полномочий по недопущению и своевременному пресечению нарушений уголовно-процессуального законодательства на этапе досудебного уголовного судопроизводства.

В этой связи следует обратить внимание, что начальнику подразделения дознания, например, представлены полномочия по отмене необоснованных постановлений дознавателя о приостановлении дознания (п. 3 ч. 1 ст. 40¹ УПК РФ), а другие полномочия, например, по отмене незаконных, необоснованных постановлений о прекращении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела и ряда других процессуальных решений ему не предоставлены.

Кроме того, не вполне понятно, из каких принципов исходил законодатель, когда, фактически, наделяя начальника органа дознания меньшим в сравнении с начальником подразделения дознания объемом властных процессуальных полномочий по отношению к дознавателю, предоставил ему полномочие по утверждению итогового процессуального документа (обвинительного акта или обвинительного постановления) по уголовному делу, подлежащему направлению прокурору, тем самым определив его главной процессуальной фигурой органов дознания.

Более того, некоторые процессуальные полномочия начальника органа дознания и начальника подразделения дознания по отношению к дознавателям дублируются (поручение расследования, проверка материалов уголовного дела, дача письменных указаний) и не вполне ясно, что должен делать дознаватель, если, например, указания начальника подразделения дознания будут противоречить указаниям начальника органа дознания, так как в УПК РФ подобные ситуации не предусмотрены.

Учитывая приведенные статистические данные, а также полномочия начальника органа дознания и начальника подразделения дознания возникает вопрос, а действительно ли начальнику органа дознания следует осуществлять ежедневный процессуальный контроль за расследованием в форме дознания при наличии начальника подразделения дознания? В случае положительного ответа на данный вопрос вызывает сомнение одновременное существование указанных руководителей органов дознания. Об этом высказываются С.В. Заводнова и Е.Ф. Филиппова [4, с. 98, 100; 8, с. 34], обращая внимание на то, что начальник подразделения дознания выполняет

наибольшую часть полномочий по контролю за расследованием дознавателями уголовных дел, в связи с чем они ставят под сомнение эффективность двойного контроля. И действительно, двойной контроль за процессуальной деятельностью дознавателей приводит как к снижению уровня самостоятельности дознавателей, так и к снижению качества процессуального контроля с обеих сторон.

Следует также учитывать, что начальник органа дознания призван обеспечить законность [5, с. 91] при принятии процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела иными, кроме дознавателя, должностными лицами органов дознания, которыми ежегодно (с 2015 по 2019 г.) принимается от 5,5 до 6,8 млн таких решений и около 2,5 млн из них прокурорами признаются незаконными или необоснованными и на этом основании отменяются¹. Официальные статистические данные свидетельствуют о том, что в этой части начальниками органов дознания полномочия по осуществлению процессуального контроля реализуются далеко не в полной мере. А с другой стороны, процессуальный контроль за качеством расследования уголовных дел фактически осуществляют не начальники органов дознания (более 50 % которых не имеет соответствующей уголовно-процессуальной подготовки), а начальники специализированных подразделений дознания.

Учитывая изложенное, представляется, что назрела острая необходимость пересмотра законодателем процессуальных полномочий начальника органа дознания и начальника подразделения дознания, их более четкая регламентация с предоставлением последнему процессуального контроля за дознавателями в полном объеме и с возможным расширением их полномочий по аналогии с руководителями следственных органов [1], с усилением роли начальника органа дознания по отношению к иным должностным лицам органа дознания (кроме дознавателя) [2, с. 141].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гаврилов Б.Я. Идеология формирования современного досудебного производства // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 1 (45). – С. 22–28.
2. Гаврилов Б.Я. Реализация отдельных положений Устава уголовного судопроизводства в современном досудебном производстве России // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 5 (42). – С. 141–149.
3. Гаврилов Б.Я., Кузнецов А.Н. Уголовный процесс: дознание в сокращенной форме: учебное пособие для бакалавриата и специалитета. – 2-е изд. – М., 2019. – 247 с.
4. Заводнова С.В. Обязанности начальника органа дознания в уголовном процессе // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2012. – № 1 (19). – С. 97–104.
5. Макаренко М.А. Правовые связи надзорного типа в уголовно-процессуальных правоотношениях с участием прокурора // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 1 (73). – С. 90–97.

¹ Статистические данные об основных результатах прокурорской деятельности за 2014–2018 гг. URL: <http://genproc.gov.ru/stat/> (дата обращения 14.02.2019).

6. Мичурина О.В. Концепция дознания в уголовном процессе Российской Федерации и проблемы ее реализации в органах внутренних дел: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2008. – 61 с.

7. Супрун В.С. Прокурорский надзор и ведомственный контроль: соотношение и перспективы развития // Рос. юстиция. – 2011. – № 1. – С. 46–48.

8. Филиппова Е.В. О правовой регламентации процессуальных полномочий начальника органа дознания и начальника подразделения дознания при выявлении и расследовании экономических преступлений // Рос. следователь. – 2012. – № 1. – С. 33–35.

9. Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2003. – 399 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Gavrilov B.Ya. The ideology of the formation of modern pre-trial production // Transactions of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – № 1 (45). – P. 22–28.

2. Gavrilov B.Ya. Implementation of certain provisions of the Charter of criminal proceedings in modern pre-trial proceedings in Russia // Actual Problems of Russian Law. – 2014. – № 5 (42). – P. 141–149.

3. Gavrilov B.Ya., Kuznetsov A.N. Criminal process: inquiry in abbreviated form: textbook for bachelor and specialty degree course. – 2nd ed. – М., 2019. – 247 p.

4. Zavodnova S.V. Duties of the head of the body of inquiry in the criminal process // Jurisprudence and Law Enforcement Practice. – 2012. – № 1 (19). – P. 97–104.

5. Makarenko M.A. Legal relations of the supervisory type in criminal procedural relations with the participation of the prosecutor // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – № 1 (73). – P. 90–97.

6. Michurina OV The concept of inquiry in the criminal process of the Russian Federation and the problems of its implementation in the internal affairs bodies: author. dis. ... Dr. jur. sciences. – М., 2008. – 61 p.

7. Suprun V.S. Prosecutorial supervision and departmental control: correlation and development prospects // Russian Justice. – 2011. – № 1. – P. 46–48.

8. Filippova E.V. On the legal regulation of the procedural powers of the head of the body of inquiry and the head of the unit of inquiry in the identification and investigation of economic crimes // Russian Investigator. – 2012. – № 1. – P. 33–35.

9. Khimicheva G.P. Pre-trial criminal proceedings: the concept of improving criminal procedure: thesis of the Doctor of Law. – М., 2003. – P. 399.

УДК 343.13

DOI 10.24411/2312-3184-2020-10014

Попова Ирина Павловнадоцент кафедры уголовного процесса
Восточно-Сибирского института

МВД России

кандидат юридических наук,

председатель Усть-Илимского

городского суда Иркутской области

в почетной отставке

E-mail: irinabaikal@mail.ru

Popova Irina P.associate Professor Department of Criminal
Proceedings East-Siberian Institute

Ministry of Internal Affairs of Russia

Candidate of Law,

Chairman of Ust-Ilim

City Court of Irkutsk Region

Honorary Retirement

E-mail: irinabaikal@mail.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Введение: в статье исследовано обвинительное заключение как итоговый акт предварительного следствия, рассматриваются актуальные проблемы уголовно-процессуальной деятельности, связанные с составлением данного документа на завершающем этапе досудебного производства по уголовному делу. Изучение различных аспектов процессуального значения обвинительного заключения демонстрирует их взаимосвязь с обеспечением состязательности и равноправия сторон в уголовном судопроизводстве, доступ к правосудию и защите своих прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Материалы и методы: основу исследования составляют положения Уголовно-процессуального кодекса РФ, постановления Конституционного суда Российской Федерации, постановления Пленума Верховного суда РФ, научные работы в области уголовного судопроизводства по изучаемой проблематике. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, а также методы логической дедукции, индукции, познавательные, статистические методы, приемы сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: позволили охарактеризовать отдельные элементы процессуального значения обвинительного заключения, особенности процессуальных действий участников уголовного судопроизводства, осуществляющих производство по уголовному делу на этапе окончания предварительного следствия в целях повышения качества итоговых документов, что выступает базисом для постановления правосудного решения судом.

Выводы и заключения: проанализированные правовые позиции Конституционного суда РФ, Верховного суда РФ, следственно-судебная практика и различные точки зрения ученых на исследуемые проблемы позволили сделать выводы о чрезвычайно важной роли обвинительного заключения, выступающего основой для исследования в судебном разбирательстве установленных в ходе предварительного следствия обстоятельств, и принятия соответствующего законного и обоснованного судебного решения. Обоснован вывод о том, что эффективность уголовно-процессуальной деятельности может оцениваться по качеству составленных итоговых процессуальных документов, в частности, обвинительного заключения. Отмечается, что содержание обвинительного заключения и правовые последствия его составления оказывают прямое воздействие на реализацию прав и защиту законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: досудебное производство, окончание предварительного следствия, обвинительное заключение, правосудность приговора, состязательность сторон, предмет доказывания, возвращение уголовного дела прокурору, усмотрение следователя, законные интересы участников уголовного судопроизводства.

PROCEDURAL SIGNIFICANCE OF THE INDICTMENT

Introduction: In the article examines the indictment as the final act of the preliminary investigation, discusses the current problems of criminal procedure related to the preparation of this important document at the final stage of pre-trial criminal proceedings. The study of various aspects of the procedural value of the indictment, demonstrates their relationship with ensuring the adversarial and equal rights of the parties in criminal proceedings, access to justice and the protection of their rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings.

Materials and methods: the basis of the study is the provisions of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, scientific research in the field of criminal proceedings on the issues being studied. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive, statistical methods, methods of comparison, analysis, generalization and description.

Results of the study: allowed us to characterize certain elements of the procedural significance of the indictment, the features of the procedural actions of the participants in criminal proceedings carrying out the criminal case at the stage of completion of the preliminary investigation in order to improve the quality of the final documents, which serves as the basis for the court to make a judicial decision.

Conclusions and conclusions: the analyzed legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, investigative and judicial practice and the different points of view of scientists on the problems investigated allowed us to draw conclusions about the extremely important role of the indictment,

which serves as the basis for the investigation of the circumstances established during the preliminary investigation in the trial, and the adoption of an appropriate legal and informed court decision. The conclusion is substantiated that the effectiveness of criminal procedural activity can be assessed by the quality of the final procedural documents drawn up, in particular, the indictment. It is noted that the content of the indictment and the legal consequences of its preparation have a direct impact on the exercise of rights and the protection of the legitimate interests of participants in criminal proceedings.

Keywords: pre-trial proceedings, completion of the preliminary investigation, indictment, justice of the verdict, adversarial process of the parties, subject of proof, return of the criminal case to the prosecutor, discretion of the investigator, legitimate interests of the participants in criminal proceedings.

Вопросы, возникающие при окончании досудебного производства и составлении обвинительного заключения, всегда являются предметом актуальной научной дискуссии [2; 4; 7; 9]. Обоснованно отдельными авторами подчеркивается, что процедура окончания предварительного следствия с обвинительным заключением является важнейшим механизмом обеспечения законности предварительного следствия, направленным на защиту прав и законных интересов обвиняемого, и позволяющим обеспечить состязательные начала последующего судебного разбирательства, процессуальные гарантии лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве [11, с. 149].

Примечательно, что по данным исследований, основная часть опрошенных отмечает: обвинительное заключение более необходимо обвиняемому и его защитнику (80 %) нежели государственному обвинителю (55 %), а все 100 % опрошенных респондентов отмечали, что отказ от составления обвинительного заключения и вручения его копии обвиняемому и его защитнику приведет к нарушению права обвиняемого на защиту [4, с. 105, 106].

Процессуальное значение обвинительного заключения, как итогового акта предварительного следствия, предопределяется правовыми последствиями, возникающими с его составлением. Вместе с тем до возникновения таких последствий и непосредственно составлению обвинительного заключения предшествует не урегулированный уголовно-процессуальным законом момент, когда следователь на основе внутреннего убеждения приходит к выводу, что следственные действия необходимые и достаточные по данному уголовному делу произведены, а собранных доказательств достаточно для завершения расследования (ч. 1 ст. 215 УПК РФ). Представляется, что такое убеждение базируется у следователя в пределах сроков предварительного следствия, которые в случае необходимости могут быть продлены для реализации необходимых процессуальных гарантий участниками уголовного судопроизводства при завершении досудебного производства. Момент возникновения такого убеждения следователя никоим образом не фиксируется в процессуальных актах, однако его наличие можно констатировать с фактического уведомления следователем обвиняемого, его защитника и иных участников уголовного судопроизводства, указанных в ч. 2 ст. 215 УПК РФ, что отражается в соответствующих протоколах.

Отсутствие оснований к прекращению уголовного дела в таком случае презюмируется, как и внутреннее убеждение следователя о достаточности собранных дока-

зательств для направления уголовного дела с обвинительным заключением прокурору, и в итоге это обязывает следователя выполнить ряд процессуальных действий, направленных на окончание предварительного следствия с обвинительным заключением в соответствии с гл. 30 УПК РФ.

Действия следователя, руководителя следственного органа и прокурора на завершающих этапах досудебного производства четко регламентированы и влекут соответствующие правовые последствия:

- разрешение ходатайств по ознакомлению с материалами уголовного дела может повлечь производство дополнительных следственных действий, что, в свою очередь, обязывает следователя уведомить об этом заинтересованных лиц, указанных в уголовно-процессуальном законе, и предоставить им возможность ознакомиться с дополнительными материалами;

- составление обвинительного заключения прекращает процессуальную деятельность по доказыванию обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ;

- обвинительное заключение, подписанное следователем, в рамках ведомственного контроля согласовывается руководителем следственного органа и уголовное дело немедленно направляется прокурору;

- существенные нарушения норм УПК РФ как предшествующие составлению обвинительного заключения, так и допущенные при его составлении, по сути нивелируют его значение и влекут возвращение уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия прокурором в рамках его полномочий (ст. 221 УПК РФ), либо возвращение уголовного дела прокурору судом на основании ст. 237 УПК РФ;

- содержание обвинения, изложенного в обвинительном заключении, предопределяет пределы судебного разбирательства на основании ст. 252 УПК РФ и позволяет на основе состязательности и равноправия сторон реализовать им свои права по осуществлению уголовного преследования, защите от него и, соответственно, по защите своих прав и законных интересов в уголовном судопроизводстве в целом;

- поступление уголовного дела с обвинительным заключением является основанием для соответствующих процессуальных действий судьи на судебных стадиях производства по уголовному делу.

Одним из критериев оценки качества составления обвинительных заключений могут выступать данные официальной статистики о числе возвращенных судами уголовных дел прокурору от 75 до 85 %¹ [12, с. 23]. Причина – обвинительное заключение (обвинительный акт или обвинительное постановление) составлены с нарушением требований УПК РФ, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения на его основе иного решения (ч. 1 ст. 237 УПК РФ).

Согласно официальным сведениям за 2016 г. 9 534 уголовных дела на 12 492 лиц возвращено судами первой инстанции в порядке ст. 237 УПК РФ из 963 930 всего

¹ Справка по результатам анализа возвращения судами Иркутской области уголовных дел прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ за 2016 г. – первое полугодие 2017 г. URL: http://oblsud.irk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=597 (дата обращения 19.02.2020).

оконченных в 2016 г., что составляет – 1 %, из них было обжаловано 4 083 решения (43 % от числа всех вынесенных судами постановлений (определений))¹.

В среднем такая же тенденция сохраняется на протяжении 2017–2018 гг.:

- в 2017 г. судами первой инстанции было возвращено на основании ст. 237 УПК РФ 9 689 уголовных дел на 12 621 лицо из 914 965 уголовных дел, всего оконченных производством (1,06 %), из них было обжаловано 4 286 судебных решений (44 %)²;

- в 2018 г. было возвращено на основании ст. 237 УПК РФ 10 881 уголовных дел на 13 870 лиц из оконченных судами первой инстанции 885 242 уголовных дел (1,22 %), из них было обжаловано 4 428 судебных решений (41 %)³.

Таким образом, на протяжении трех лет сложилась тенденция снижения общего количества оконченных судами первой инстанции уголовных дел, но при этом не сокращается число дел, возвращенных прокурору по основаниям, изложенным в ст. 237 УПК РФ, с сохранением тенденции лишь частичного их обжалования. Можно констатировать, что более чем в 50 % случаев постановления (определения) судов не были оспорены сторонами.

Изучение судебной практики свидетельствует, что сохраняются такие основания к возвращению уголовного дела, наличие которых лишает итоговые документы досудебного производства юридической силы, к примеру, если обвинительное заключение не было согласовано руководителем следственного органа или не было утверждено прокурором⁴. В каждом из указанных случаев это лишало суд возможности постановить законное решение по уголовному делу, при этом в отдельных случаях такие основания были установлены лишь судами вышестоящих судебных инстанций при проверке состоявшего приговора.

Так, в решении суда апелляционной инстанции подчеркивается, что рассмотрение и последующее утверждение обвинительного заключения прокурором является обязательным процессуальным действием по уголовному делу, без которого материалы предварительного следствия не могут служить основанием для рассмотрения дела в суде. Вынесение приговора по уголовному делу с не утвержденным прокурором обвинительным заключением является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, что повлекло отмену приговора в отношении С., а уголовное дело было возвращено прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом⁵.

¹ Статистика Судебного департамента при Верховном суде РФ. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2016 г. // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3832> (дата обращения 19.02.2020).

² Статистика Судебного департамента при Верховном суде РФ. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2017 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476> (дата обращения 19.02.2020).

³ Статистика Судебного департамента при Верховном суде РФ. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения 19.02.2020).

⁴ См.: Апелляционное постановление Московского городского суда от 04.03.2019 г. по делу № 10-4059/2019 // СПС Консультант плюс.

⁵ Апелляционное определение Кемеровского областного суда от 02.04.2019 г. № 22-1124/2019 // Справка о причинах отмены и изменения приговоров и других судебных решений по уголовным делам районных (городских) судов Кемеровской области в первом полу-

В решении суда апелляционной инстанции по уголовному делу в отношении Э. отмечено, что обвинительное заключение, составленное следователем З., с руководителем следственного органа согласовано не было, чем были нарушены конституционные права осужденного, поскольку согласование обвинительного заключения с руководителем следственного органа представляет собой дополнительную ведомственную гарантию соблюдения законности при вынесении следователем обвинительного заключения и процессуальных прав лица, в отношении которого вынесено обвинение, и служит исполнению государством своей обязанности по обеспечению функции правосудия¹.

Согласно правовым позициям, сформулированным Конституционным судом РФ, основанием для возвращения уголовного дела прокурору являются существенные нарушения уголовно-процессуального закона, совершенные дознавателем, следователем или прокурором, в силу которых исключается возможность постановления судом приговора или иного решения; подобные нарушения требований УПК РФ в досудебном производстве, которые не могут быть устранены в судебном заседании и исключают принятие по делу судебного решения, отвечающего требованиям справедливости, всегда свидетельствуют о несоответствии обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления требованиям УПК РФ².

Так, уголовное дело в отношении А. поступило в суд 18.01.2018 г., приговор постановлен 30.05.2019 г.³, а отменен 29.08.2019 г.⁴ В числе оснований отмены приговора указано, что вопреки требованиям закона в обвинительном заключении и в приговоре суда первой инстанции в большом числе случаев вместо доказательств делается ссылка лишь на источники доказательств без указания содержащихся в них сведений об обстоятельствах, имеющих существенное значение для дела, при составлении приговора суд использовал копирование и перенесение в него обширных частей об-

годии 2019 г. URL: http://oblsud.kmr.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=476 (дата обращения 19.02.2020).

¹ Апелляционное постановление Свердловского областного суда от 08.09.2017 г. № 22-6654/2017. URL: https://oblsud--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=4668191&delo (дата обращения 19.02.2020).

² По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: постановление Конституционного суда РФ от 08.12.2003 г. №18-П // СЗ РФ. 2003. № 51. Ст. 5026; По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда: постановление Конституционного суда РФ от 02.07.2013 г. № 16-П // СЗ РФ. 2013. № 28. Ст. 3881.

³ Ленинский районный суд г. Краснодара. Уголовное дело № 1-26/2019. URL: https://krasnodar-leninsky--krd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=25427884&case (дата обращения 19.02.2020).

⁴ Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 29.08.2019 г. № 22-5118/2019. URL: https://kraevoi--krd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_uid=ddb81a90-1d01-4db9-8e21-5a7553649655& (дата обращения 19.02.2020).

винительного заключения, не отвечающего требованиям закона. По мнению Краснодарского краевого суда, обвинительное заключение по делу не может считаться составленным в соответствии с требованиями УПК РФ, поскольку заявления о нарушениях норм уголовно-процессуального закона органами расследования, об оставлении доводов стороны защиты без внимания, подлежали рассмотрению и оценке на досудебной стадии производства по уголовному делу. В связи с чем, по мнению суда апелляционной инстанции, нельзя полагать, что сформулированное по делу обвинение, приведенный в обвинительном заключении и в приговоре суда первой инстанции анализ доказательств опровергает доводы осужденной в свою защиту и убеждает в ее виновности в инкриминированном преступлении, а отдельные нарушения закона, допущенные в досудебном производстве, невозможно устранить в апелляционном заседании без отмены приговора и возвращения дела прокурору.

Верховный суд РФ разъясняет, что при решении вопроса о возвращении уголовного дела прокурору по основаниям, указанным в ст. 237 УПК РФ, под допущенными при составлении обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления нарушениями требований уголовно-процессуального закона следует понимать такие нарушения изложенных в ст. ст. 220, 225, ч.ч.1,2 ст. 226.7 УПК РФ положений, которые служат препятствием для рассмотрения судом уголовного дела по существу и принятия законного, обоснованного и справедливого решения. В частности, исключается возможность вынесения судебного решения в случаях, когда обвинение, изложенное в обвинительном заключении или обвинительном акте, не соответствует обвинению, изложенному в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого; обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление не подписаны следователем (дознавателем), обвинительное заключение не согласовано с руководителем следственного органа либо не утверждено прокурором, обвинительный акт или обвинительное постановление не утверждены начальником органа дознания или прокурором; в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении отсутствуют указания на прошлые неснятые и непогашенные судимости обвиняемого, данные о месте нахождения обвиняемого, данные о потерпевшем, если он был установлен по делу¹.

Среди оснований принятия решений о возвращении уголовного дела прокурору наиболее частыми причинами возникновения препятствий к рассмотрению уголовных дел судами Иркутской области являлись недостатки обвинительного заключения и его несоответствие требованиям ст. 220 УПК РФ как по форме так и по содержанию. Например, к таким недостаткам относятся:

- неполное или неточное изложение существа обвинения, не определено место совершения преступления, отсутствовали данные о времени совершения преступления в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого, в обвинительном заключении;

¹ О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству: постановление Пленума Верховного суда РФ от 22.12.2009 г. № 28 (ред. от 15.05.2018) // Бюл. Верховного суда Российской Федерации. 2010. № 2; 2018. № 7; О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного суда РФ от 05.03.2004 № 1 (ред. от 01.06.2017) // Там же. 2004. № 5; 2017. № 7.

- наличие противоречий в данных о личности обвиняемого (например, обвинение предъявлено не тому лицу, так как личность не была установлена надлежащим образом);
- в обвинительном заключении не конкретизированы действия подсудимого, характеризующие объективную сторону преступления;
- органами предварительного расследования не в полной мере указаны обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу;
- отсутствовала диспозиция части статьи или не дано определение преступлению с указанием его признаков;
- предъявленное обвинение не соответствовало выводам заключения проведенной в ходе судебного следствия комиссионной судебно-медицинской экспертизы;
- в обвинительном заключении отсутствовали сведения об ущербе, причиненном потерпевшим;
- органами предварительного расследования не установлен круг потерпевших по уголовному делу¹.

Следует согласиться с Т.А. Владыкиной, что нарушение права обвиняемого на защиту в виде лишения его возможности определить объем обвинения, от которого он вправе защищаться, может выражаться в избирательном и неточном указании следователем в обвинительном заключении обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [6]. Взаимосвязь права обвиняемого на защиту с качеством обвинительного заключения в указанном аспекте всегда обуславливает, что подобные нарушения выступают основанием для возвращения судом уголовного дела прокурору.

Причинами возвращения уголовных дел прокурору являются такие дефекты в обвинительном заключении, которые относятся:

- к описанию самого преступного деяния, например, по уголовному делу при описании существа обвинения не раскрыт способ совершения преступления, поскольку не приведены фактические данные о том, какие действия совершали подсудимые; обвинительное заключение не содержит условий предварительного сговора, а также конкретных действий одного из обвиняемых при совершении преступления группой лиц по предварительному сговору, следовательно, допущенное органом предварительного следствия существенное нарушение уголовно-процессуального закона не может быть устранено в ходе судебного разбирательства по уголовному делу²;
- к доказыванию места совершения преступления. Например, судебным решением было признано, что отсутствие в обвинении указания органами предварительного следствия места совершения преступления является существенным нарушением, которое восполнить в судебном заседании не представляется возможным, в связи с

¹ Справка по результатам анализа возвращения судами Иркутской области уголовных дел прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ за период 2016 год – первое полугодие 2017 года. URL: http://oblsud.irk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=597 (дата обращения 19.02.2020).

² Апелляционное постановление Верховного суда Республики Карелия от 29.08.2019 г. № 22-1248/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qfrUSRRzR15V> (дата обращения 19.02.2020).

чем были установлены нарушения требований ст. ст. 73, 220 УПК РФ, повлекшие возвращение уголовного дела прокурору судом¹.

Отсутствие места совершения преступления в обвинительном заключении также обоснованно рассматривается как нарушение права на защиту, поскольку ущемляет гарантированное обвиняемому право знать, в чем он конкретно обвиняется, а также осуществлять защиту от предъявленного ему обвинения. Эти же нарушения препятствуют определению точных пределов судебного разбирательства применительно к ст. 252 УПК РФ, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе обвинительного заключения по этому делу²;

- к содержанию обвинительного заключения в части сведений о личности обвиняемого. Например, было признано, что исключается возможность вынесения решения в случаях отсутствия в обвинительном заключении данных о личности обвиняемого, в том числе отсутствие указаний на прошлые неснятые и непогашенные судимости, которые на момент составления обвинительного заключения по делу были известны, что следует из материалов уголовного дела, следовательно, должны быть указаны в обвинительном заключении³.

Законодатель Республики Беларусь, как полагают отдельные авторы, в стремлении уравнивать перед судом права сторон отказался от составления обвинительного заключения, заменив его справкой о результатах предварительного расследования как итоговым документом. Справка, содержащая выводы органов расследования по обстоятельствам совершенного преступления, не приобщается к делу при направлении его в суд, а предназначена оказать помощь прокурору на этапе принятия решения о направлении дела в суд и поддержании государственного обвинения в судебном разбирательстве. По мнению В.Ю. Вечорко, практика подтвердила преждевременность такого шага белорусского законодателя, и он предлагает по аналогии с положениями п. 6 ч. 1 ст. 220 УПК РФ дополнить содержание справки перечнем доказательств, на которые ссылается сторона защиты [5].

В научной литературе имеются различные предложения, направленные на совершенствование содержания обвинительного заключения, например, о выделении в структуре обвинительного заключения наряду с доказательствами, подтверждающими обвинение, сведений, представленных стороной защиты. В случаях опровержения таких сведений следователь должен излагать их в самостоятельном подразделе в структуре обвинительного заключения, для чего необходимо внести в его форму соответствующие изменения [1, с. 14].

¹ Апелляционное постановление Иркутского областного суда от 12.02.2020 г. № 22-405/2020. URL: https://oblsud--irk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=34376600&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения 19.02.2020).

² Апелляционное постановление Московского городского суда от 22.01.2019 по делу № 10-1941/2019 // СПС Консультант плюс.

³ Апелляционное постановление Иркутского областного суда от 04.09.2017 № 22-2960/2017. URL: https://oblsud--irk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=18737222&delo (дата обращения 19.02.2020).

Отдельные авторы предлагают передать от прокурора полномочия по утверждению обвинительного заключения и направлению уголовного дела в суд руководителю следственного органа, что, по их мнению, обеспечит процессуальную самостоятельность следственных органов и реализацию обвинительной функции в целом [3], другие – опасаются, что в таком случае существует риск того, что это приведет к «соединению, сращиванию предварительного следствия (дознания) и государственного обвинения в единое, взаимосвязанное целое» [8]. Н.Г. Муратова предлагает единственным субъектом обвинительного заключения рассматривать прокурора, по ее мнению, в новой процессуальной модели следователь передает материалы уголовного дела, объявив стороне защиты о том, что предварительное следствие закончено и дело передается с согласия руководителя следственного органа прокурору. Как полагает Н.Г. Муратова, требуется расширение полномочий прокурора на составление обвинительного заключения, прекращение уголовного дела или уголовного преследования, возвращения уголовного дела для производства дополнительного расследования [10].

Рассматривая данные предложения, представляется, что сущность обвинительного заключения составляет совокупность элементов, характеризующих его значение как итогового документа предварительного следствия. Совершение уголовно-процессуального закона, регламентирующего деятельность при завершении предварительного следствия составлением обвинительного заключения, должно базироваться не на передаче отдельных полномочий от одного участника уголовного судопроизводства другому, а на концептуальных положениях разграничения их функционального предназначения. При этом разумно предоставить государственному обвинителю, олицетворяющему сторону обвинения перед судом, более широкие полномочия по формулированию обвинения, что позволило бы исключить возвращение уголовного дела судом прокурору в случаях таких нарушений, которые возможно устранить в судебном разбирательстве без ущерба прав и законных интересов участников процесса, в первую очередь с соблюдением права на защиту обвиняемого и разумного срока уголовного судопроизводства.

Ярким примером, свидетельствующим об актуальности внесения изменений в полномочия государственного обвинителя, и, соответственно в ст. 237 УПК РФ, является следующее уголовное дело в отношении Д.В.С., М.П.Д. и других по обвинению в совершении совокупности преступлений, предусмотренных ст. ст. 158, 162 УК РФ. Уголовное дело поступило в Октябрьский районный суд г. Улан-Удэ 12.03.2015 г., 18.08.2016 г. возвращено прокурору, то есть спустя 1 год 5 месяцев. Как отмечается в справке Верховного суда Бурятии, суду потребовалось провести 98 судебных заседаний, чтобы установить наличие в обвинительном заключении очевидного еще на стадии оглашения обвинения прокурором нарушения ст. 220 УПК РФ, заключающегося в том, что в обвинительном заключении, в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого по эпизоду кражи имущества от 28.11.2013 г. у Д.А. С. описываются действия М.П.Д., однако обвинение по данному эпизоду предъявлено Д.В.С.¹

¹ Справка по результатам обобщения практики применения норм ст. 237 УПК РФ районными судами Республики Бурятия за 2017 г. – 1 квартал 2018 г. URL: http://vs.bur.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=159 (дата обращения 19.02.2020).

Устранить дефекты обвинительного заключения возможно и в случае ошибки в дате совершения преступления, не точного указания места совершения преступления и иных, влекущих в соответствии с действующими положениями закона возвращение прокурору уголовного дела случаях, указанных в ч. 1 ст. 237 УПК РФ. Представляется, что это возможно путем вынесения государственным обвинителем соответствующего постановления об изменении обвинения, вручения этого постановления сторонам и предоставлении им времени для подготовки к защите своих прав и законных интересов по вновь сформулированному (уточненному) обвинению. В таких случаях необходимость предоставления перерыва, к примеру, сроком не менее 7 дней, будет существенно отличаться от тех временных затрат, которые возникают в настоящее время: в связи с обжалованием вынесенного судом решения сторонами, направления уголовного дела в вышестоящие инстанции, вновь в суд первой инстанции, затем прокурору и следователю, выполнению всего объема процессуальных действий, направленных на устранение допущенных нарушений и вновь направление дела в суд с новым исследованием доказательств.

В отдельных случаях, когда действительно будут допущены существенные нарушения в ходе досудебного производства, которые способны повлиять на защиту прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а устранить их предложенным способом будет затруднительно в силу объективных причин, логично сохранить действующий механизм устранения ошибок, допущенных в ходе предварительного следствия.

Постановить правосудное решение возможно только если в ходе производства по делу созданы процессуальные механизмы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства, в связи с чем процессуальное значение такого важного итогового документа, как обвинительное заключение, трудно переоценить. Оценка и структурирование собранных следствием доказательств при составлении обвинительного заключения входят в исключительные полномочия следователя, самостоятельно осуществляющего ход расследования при наличии ведомственного и судебного контроля, прокурорского надзора, допустимых только в той степени, когда это обусловлено необходимостью обеспечения процессуальных гарантий реализации сторонами своих прав и защиты законных интересов.

Подведение итогов доказывания обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, формулирование обвинения не только выступают предпосылкой их исследования в судебном разбирательстве и создают основу законного и обоснованного решения суда, но позволяют в полной мере реализоваться принципу состязательности сторон. Реализация внутреннего убеждения следователя, сформировавшегося в ходе расследования, достигается через мотивирование им своих выводов в итоговом процессуальном документе. В связи с чем законность и обоснованность обвинительного заключения находятся в прямой зависимости от реализации усмотрения следователя в выборе формы окончания предварительного следствия, убедительном изложении им установленных обстоятельств с логической последовательностью в соответствии со структурой обвинительного заключения, предусмотренной в ст. 220 УПК РФ. Качество составления обвинительного заключения свидетельствует об эффективности уголовно-процессуальной деятельности в досудебном производстве и служит залогом

эффективности механизма уголовного судопроизводства в целом. В этой связи требуется дальнейший мониторинг затронутых в настоящем исследовании проблем в целях их разрешения, а, следовательно, и достижения целей и задач, стоящих перед уголовным правосудием.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Алимамедов Э.Н. Деятельность следователя на этапе окончания предварительного следствия составлением обвинительного заключения: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. – 236 с.
2. Андриенко Ю.А. Значение и пути оптимизации института составления обвинительного заключения // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2019. – № 1 (36). – С. 108–111.
3. Багмет А.М., Цветков Ю.А. Утверждение обвинительного заключения прокурором: рудимент или необходимость? // Рос. юстиция. – 2018. – № 4. – С. 53–55.
4. Белицкий В.Ю. К вопросу о назначении и содержании обвинительного заключения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2018. – № 3 (86). – С. 100–108.
5. Вечорко В.Ю. Справка о результатах расследования или обвинительное заключение // Электронная библиотека Белорусского государственного университета. Научные публикации юридического факультета. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/54402> (дата обращения 19.02.2020).
6. Владыкина Т.А. Нарушение права обвиняемого на защиту при составлении обвинительного заключения // Уголовное право. – 2015. – № 6. – С. 80–85.
7. Гумеров Т.А. Особенности правовой природы обвинительного заключения, обвинительного акта // Пробелы в российском законодательстве. – 2009. – № 45. – С. 250–253.
8. Желтобрюхов С.П. Кто должен утверждать обвинительное заключение? // Рос. юстиция. – 2017. – № 3. – С. 41–43.
9. Ефремова Н.П. Изложение доказательств в обвинительном заключении // Законодательство и практика. – 2018. – № 1 (40). – С. 26–31.
10. Муратова Н.Г. Процессуальная модель субъекта обвинительного заключения (история и современность) // Рос. следователь. – 2011. – № 14. – С. 20–23.
11. Россинский С.Б., Шумская А.П. Обвинительное заключение как правоприменительный акт, завершающий предварительное следствие по уголовному делу // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2018. – № 2 (42). – С. 148–155.
12. Урняева Г.Ю., Лапатников М.В. Возвращение дела прокурору: анализ судебной практики // Уголовный процесс. – 2018. – № 8. – С. 22–33.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Alimamedov E. N. Activities of the investigator at the end of the preliminary investigation by drawing up an indictment: dis. Cand. the faculty of law. sciences'. – Moscow, 2018. – 236 p.

2. Andrienko Yu. A. The Significance and ways to optimize the Institute of drawing up an indictment // Bulletin of the Barnaul law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. – 2019. – № 1 (36). – P. 108–111.
3. Bagmet A. M., Tsvetkov Yu. a. Approval of the indictment by the Prosecutor: a vestige or a necessity? // The Russian justice. – 2018. – № 4. – P. 53–55.
4. Belitsky V. Yu. On the issue of the purpose and content of the indictment // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. – 2018. – № 3 (86). – P. 100–108.
5. Vechorko V. Yu. Information about the results of the investigation or the indictment // Electronic library of the Belarusian state University. Scientific publications of the faculty of law. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/54402>. (date of the application 19.02.2020).
6. Vladykina T. A. Violation of the right of the accused to defense when drawing up an indictment // Criminal law. – 2015. – № 6. – P. 80–85.
7. Gumerov T. A. Features of the legal nature of the indictment, indictment // Gaps in Russian legislation. – 2009. – № 45. – pp. 250–253.
8. Zheltobryukhov S. P. Who should approve the indictment? // The Russian justice. – 2017. – № 3. – P. 41–43.
9. Efremova N. P. Presentation of evidence in the indictment // Legislation and practice. – 2018. – № 1 (40). – P. 26–31.
10. Muratova N. G. Procedural model of the subject of the indictment (history and modernity) // Russian investigator. – 2011. – № 14. – P. 20–23.
11. Rossinsky S. B., Shumskaya A. P. Indictment as a law enforcement act that completes the preliminary investigation in a criminal case // Bulletin Of the Kutafin University. – 2018. – № 2 (42). – P. 148–155.
12. Uraeva G. Y., M. V. Lopatnikov. Return the case to the Prosecutor: analysis of judicial practice // criminal trial. – 2018. – № 8. – P. 22–33.

УДК 343.1

DOI 10.24411/2312-3184-2020-10015

Супрун Сергей Владимирович

доцент кафедры уголовного процесса
Омской академии МВД России
кандидат юридических наук,
доцент
E-mail: s.suprun65@mail.ru

Suprun Sergey Vladimirovich

associate Professor of Criminal Procedure Omsk
Academy of the Ministry of Internal Affairs of
the Russian Federation, Candidate of Law,
Associate Professor
E-mail: s.suprun65@mail.ru

ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ И МОНГОЛИИ, ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ОБВИНЯЕМОГО В МОНГОЛИИ

Введение: в статье рассматривается проблема формирования понятия прекращения уголовного дела как формы окончания досудебного производства в России и Монголии, обозначается правовая проблема отсутствия у детектива и прокурора права на прекращение уголовного преследования обвиняемого при производстве предварительного следствия в Монголии.

Материалы и методы: материалами исследования послужили нормы уголовно-процессуального права России и Монголии, регулирующие окончание досудебного производства прекращением уголовного дела; статистические данные о прекращении уголовных дел в досудебном производстве России и Монголии; труды ученых процессуалистов о прекращении уголовных дел и уголовного преследования в досудебном производстве России и Монголии.

Основой мировоззренческой позиции выступил диалектический метод. Системно-структурный метод исследования позволил изучить внутреннюю структуру окончания досудебного производства прекращением уголовного дела, выявить связи между его составными частями внутри самого явления. Общие методы исследования анализ и синтез, представляющие собой процессы мысленного и фактического разложения окончания досудебного производства на составные части, помогли воссоздать целостную многогранную правовую картину прекращения уголовного дела в России и Монголии. Из числа частнонаучных методов исследования применялись сравнительно-правовой, статистический и формально-логический.

Результаты исследования: содержание понятия прекращения уголовного дела как формы окончания досудебного производства может и должно рассматриваться в науке уголовного процесса России и Монголии как единое правовое явление с научных позиций: а) правового института, регламентирующего деятельность органов предварительного расследования, прокурора и суда по прекращению уголовного дела; б) деятельности органов предварительного расследования, прокурора и суда по завершению досудебного производства итоговым процессуальным решением о пре-

крашении уголовного дела; в) процессуального акта о прекращении уголовного дела, завершающего досудебное производство. При производстве предварительного следствия в Монголии представляется целесообразным предоставить право прокурору прекращения уголовного преследования обвиняемого.

Выводы и заключения: сформулировано три взаимосвязанных, не противоречащих друг другу понятия о прекращении уголовного дела. Содержание авторских понятий в совокупности отражает сущность исследуемой формы окончания уголовного досудебного производства в России и Монголии.

Понятие прекращение уголовного дела имеет существенное значение для уголовного судопроизводства, поэтому оно может быть признано основным и включено в УПК России и УПК Монголии.

В УПК Монголии не содержится норм права, регулирующих основания и порядок прекращения уголовного преследования обвиняемого в досудебном производстве. Практическая потребность прекращения уголовного преследования при производстве предварительного следствия фактически возникает. В связи с этим автор предлагает дополнить УПК Монголии нормами права, регулирующими порядок прекращения уголовного преследования обвиняемого.

Понятие прекращение уголовного преследования обвиняемого представляется целесообразным разработать в науке уголовного процесса и включить его в число основных в УПК Монголии, как это сделано в УПК России.

Ключевые слова: Россия, Монголия, предварительное расследование, дознание, следствие, прекращение уголовного преследования, прекращение уголовного дела.

TERMINATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS IN RUSSIA AND MONGOLIA, LEGAL CHALLENGES TO ENDING CRIMINAL PROSECUTION OF THE ACCUSED IN MONGOLIA

Introduction: The article considers the scientific problem of forming the concept of termination of criminal proceedings as a form of termination of pre-trial proceedings in Russia and Mongolia, indicates the legal problem of the lack of the right of a detective and a prosecutor to terminate the criminal prosecution of the accused during the preliminary investigation in Mongolia.

Materials and methods: the materials of the study were the norms of criminal procedure law of Russia and Mongolia, which regulate the end of pre-trial proceedings by the termination of criminal proceedings; Statistics on the termination of criminal cases in pre-trial proceedings in Russia and Mongolia; works of procedural scientists on termination of criminal cases and criminal prosecution in pre-trial proceedings of Russia and Mongolia.

The basis of the worldview position was the dialectical method. The system-structural method of the study allowed to study the internal structure of the end of pre-trial proceedings by the termination of criminal proceedings, to identify the connections between its constituent parts within the phenomenon itself. General methods of research analysis and

synthesis, which are processes of thought and actual decomposition of the end of pre-trial proceedings into constituent parts during the study, helped to recreate a holistic multifaceted legal picture of the termination of criminal proceedings in Russia and Mongolia. Among the private scientific methods, comparative legal, statistical and formal-logical methods were used.

Results of the study: the content of the concept of termination of criminal proceedings as a form of termination of pre-trial proceedings can and should be considered in the science of criminal proceedings of Russia and Mongolia as a single legal phenomenon from the scientific position: (a) the legal institution regulating the activities of preliminary investigation bodies, the prosecutor and the court on termination of criminal proceedings; B) the activities of the preliminary investigation bodies, the prosecutor and the court on the completion of pre-trial proceedings by the final procedural decision on the termination of the criminal case; C) a procedural act on the termination of a criminal case concluding pre-trial proceedings. During the preliminary investigation in Mongolia, it seems appropriate to grant the prosecutor the right to terminate the criminal prosecution of the accused.

Summary and conclusion: three interrelated, non-conflicting concepts of termination of criminal proceedings have been formulated. The content of the author's concepts together reflects the essence of the investigated form of completion of criminal pre-trial proceedings in Russia and Mongolia.

The concept of termination of a criminal case is essential for criminal proceedings, so it can be recognized as basic and included among the basic concepts of the Code of Criminal Procedure of Russia and the Code of Criminal Procedure of Mongolia.

Mongolia's Code of Criminal Procedure does not contain rules of law governing the grounds and procedure for the termination of criminal proceedings against an accused in pre-trial proceedings. The practical need to discontinue criminal proceedings during the preliminary investigation actually arises. In this connection, the author proposes to supplement the Code of Criminal Procedure of Mongolia with the rules of law governing the procedure for the termination of criminal proceedings against the accused.

The concept of termination of criminal prosecution of the accused seems appropriate to develop criminal proceedings in science and to include it among the main concepts of the Code of Criminal Procedure of Mongolia, as it has done in the Code of Criminal Procedure of Russia.

Keywords: Russia, Mongolia, preliminary investigation, inquiry, investigation, termination of criminal prosecution, termination of criminal case.

Прекращение уголовного дела в уголовном судопроизводстве законодатель России и Монголии называет окончанием предварительного расследования. В России производство дознания прекращается органом дознания или дознавателем, а производство следствия – следователем. В отдельных случаях уголовное дело прекращается (ст. ст. 25, 25.1, 28–28.1 УПК России) с согласия прокурора, если по делу проводится дознание, или с согласия руководителя следственного органа, если по делу проводится предварительное следствие. Согласно ст. 32.5 УПК Монголии уголовное дело в досудебном производстве прекращается прокурором, если расследование преступ-

ления проводится в форме предварительного следствия. При производстве дознания дело закрывается, а не прекращается прокурором (ч. 4 ст. 30.14 УПК Монголии).

В российском и монгольском уголовном процессе прекращение уголовного дела для обвиняемого означает освобождение его от уголовной ответственности, отмену мер процессуального принуждения, возвращение изъятого имущества. Ему разъясняется право на обжалование принятого итогового решения по уголовному делу и обеспечивается возможность реализации этого права в уголовном досудебном производстве. Право на обжалование решения о прекращении уголовного дела по УПК России и УПК Монголии также получает потерпевший, его законный представитель и представитель.

По статистике в России на региональном уровне, например, в Омской области (где, по данным Омскстата, на 1 января 2019 г. проживали 1944,5 тыс. человек)¹ органами предварительного следствия в 2017 г. было прекращено 67 уголовных дел, а в 2018 г. – 69. Органами дознания УМВД России по Омской области в 2017 г. было прекращено 323 уголовных дела, а в 2018 г. – 374.

Согласно статистическим данным, имеющимся в распоряжении правоохранительных органов Монголии², население которой составляет 3,2 млн человек³ (по сравнению с Омской областью больше на 1225,5 тыс. чел.), за 2014–2017 гг. прокурором было прекращено 149 311 уголовных дел, из которых 71 221 составили уголовные дела, прекращенные по инициативе органов дознания и предварительного следствия, а по инициативе прокурора за этот же учётный период было прекращено 6 869 уголовных дел.

В 2017 г. с принятием нового УПК Монголии статистическая картина прекращения уголовных дел, расследованных детективом в форме предварительного следствия, существенно изменилась. С июля 2017 по июль 2018 г. надзирающим прокурором в уголовном досудебном производстве было прекращено 896 уголовных дел, расследованных в форме предварительного следствия. От общего количества 17 980 возбуждённых уголовных дел прекращение их прокурором составило 4,9 %⁴.

С.А. Шейфер называет прекращение уголовных дел процессуальной гарантией против необоснованного привлечения лица к уголовной ответственности [1, с. 5].

¹ Население Омской области сократилось на 15600 человек за год // Сайт «Без формата». URL: <http://omsk.bezformata.com/listnews/naselenie-omskoj-oblasti-sokratilos/73094080/> (дата обращения 10.09.2019).

² Монгол улсын цагдаагийн ерөнхий газрын гэмт хэргийн тоо бүртгэл (Статистический сборник о состоянии преступности Главного управления полиции Монголии). Улан-Батор: ЦЕГ Хэвлэх цех (Типография Главного управления полиции), 2017. С. 10–12.

³ Монгол улсын ундэсний статистикийн хороо. (Национальное статистическое управление Монголии) // Сайт «Ундэсний статистикийн хороо». URL: <https://www.nso.mn>. (дата обращения 12.09.2019).

⁴ Монгол улсын цагдаагийн ерөнхий газрын гэмт хэргийн тоо бүртгэл (Статистический сборник о состоянии преступности Главного управления полиции Монголии). Улан-Батор: ЦЕГ Хэвлэх цех (Типография Главного управления полиции), 2018. С. 7–8.

Уголовно-процессуальное законодательство России и Монголии не содержит разъяснения понятия «прекращение уголовного дела», что в теории и практике уголовного процесса порождает проблемы понимания его сущности и значения. В науке уголовного процесса России и Монголии понятие «прекращение уголовного дела» в досудебном производстве рассматривается с нескольких сторон:

- как часть отрасли уголовно-процессуального права (уголовно-процессуальный институт);
- как этап деятельности органов предварительного расследования, прокурора и суда по прекращению уголовного дела на стадии предварительного расследования;
- как итоговое процессуальное решение по уголовному делу в досудебном производстве.

Рассмотрим подход к выяснению сущности прекращения уголовного дела в досудебном производстве.

1. Прекращение уголовного дела как часть отрасли российского уголовно-процессуального права [2, с. 26] образует правовой институт, содержащий совокупность норм права, регулирующих отношения по прекращению предварительного расследования.

Правовую основу института прекращения уголовного дела составляют глава 29, а также ст. ст. 24, 25, 25.1, 27, 28, 28.1, 42, 44, 45, 47, 48, 53, 54, 55 и т. д. УПК РФ, определяющие основания и процессуальный порядок прекращения уголовного дела, права и обязанности его участников.

Правовой институт прекращения уголовного дела прошёл длительный и достаточно непростой путь исторического развития. Существенные изменения он претерпел с принятием УПК РФ. Законодатель провел в новом УПК разграничения между прекращением уголовного дела и уголовным преследованием, установил новые основания прекращения уголовного дела, предусмотрел частичное прекращение уголовного преследования, сформулировал правила обжалования и рассмотрения судьёй жалобы на постановления о прекращении уголовного дела, внёс принципиальные новшества в процессуальный порядок прекращения уголовного дела и уголовного преследования [3, с. 25].

Правовой институт прекращения уголовного дела Монголии образуют нормы права, содержащиеся в главе 32, а также ст. ст. 32.5, 32.6, 32.7, 8.1, 8.5, 8.6 и т. д. УПК Монголии. Институт прекращения уголовного дела в законодательстве Монголии возник в 1927 г. с принятием закона «О различных уголовных делах, проведении расследования и определении наказания в судах Монгольской Народной Республики». В нём впервые законодатель использовал термин «не подлежащее расследованию (судебному разбирательству) уголовное дело», содержание которого равнозначно термину «прекращение уголовного дела». Содержащиеся в ст. 25.11 нормы права указанного закона, регулирующие основания и порядок прекращения производства по уголовному делу, в своей совокупности образовали первые контуры правового института прекращения уголовного дела в Народной Республике Монголия.

Проблемы реализации института прекращения уголовного дела в уголовном досудебном производстве, связанные с применением его оснований органами предварительного расследования по УПК Монголии 2002 г., неоднократно поднимались в

теории уголовного процесса монгольскими учёными-процессуалистами. Изучением проблем правового института прекращения уголовного дела занимались такие известные учёные-процессуалисты, как Ж. Бямбаа, Г. Баясгалан, Б. Бат-Эрдэнэ, Д. Зумбэрэлхам, Б. Ганболд, Т. Оюунчимэг.

С принятием в 2017 г. нового УПК Монголии из его глав исчезли нормы права, регулирующие основания и порядок прекращения уголовного преследования лица, совершившего преступление, что послужило причиной возникновения отдельных проблем на практике, связанных с завершением производства по уголовному делу.

2. Прекращение уголовного дела как этап деятельности органов предварительного расследования, прокурора и суда, направленный на окончательное завершение производства по делу в досудебном производстве. Г. М. Миньковский выделяет его основные элементы: а) анализ и оценку собранных по делу доказательств в их совокупности; б) систематизацию и надлежащее оформление материалов уголовного дела; в) составление постановления о прекращении уголовного дела; г) разрешение всех вопросов, вытекающих из решения о прекращении дела (отмена меры пресечения в отношении обвиняемого или подозреваемого, снятие ареста с имущества и т.д.); д) сообщение о прекращении дела заинтересованным лицам [4, с. 18–19].

А.Я. Дубинский отмечает, что прекращение уголовного дела «представляет собой заключительный этап расследования, на котором уполномоченный государством орган... подводит итог произведённой по делу работе, анализирует и оценивает совокупность собранных доказательств и на их основе в постановлении формулирует вывод о невозможности дальнейшего производства в связи с наличием предусмотренных законом обстоятельств, а также разрешает все вопросы, вытекающие из принятого решения по существу дела» [5, с. 8].

Аналогичной точки зрения придерживаются и другие российские учёные-процессуалисты, выделяющие разные правовые срезы производства как этапа окончания предварительного расследования. Так, Б. Т. Безлепкин под прекращением уголовного дела в стадии предварительного расследования предлагает понимать окончание следственного производства в целом, которое осуществляется в силу наличия обстоятельств, исключающих дальнейшее производство по уголовному делу, либо оснований для освобождения лица от уголовной ответственности [6].

О. В. Волынская понятие «прекращение уголовного дела» рассматривает как вид окончания уголовно-процессуального производства (т. е. производства по делу), завершение исследования с помощью уголовно-процессуальных средств конкретного жизненного случая (созвучно с окончанием производства по делу, но не тождественно ему), выполнение технических условий делопроизводства (надлежащее оформление материалов дела и т. п.) [7, с. 16].

С. А. Касаткина рассматривает понятие «прекращение уголовного дела (уголовного преследования)» как форму окончания предварительного расследования, завершающую окончание процессуальной деятельности по уголовному делу в целом или в отношении конкретного лица по решению уполномоченного должностного лица в связи с отсутствием требуемых для продолжения уголовного преследования правовых предпосылок [8].

Б.Х. Толеубекова, раскрывая сущность прекращения уголовного дела по УПК Республики Казахстан как формы окончания предварительного расследования, предлагает следующее понятие: прекращение уголовного дела – это заключительный этап предварительного расследования, содержащий в себе комплекс процессуальных действий по анализу и оценке собранных по делу доказательств, систематизации материалов уголовного дела, ознакомлению с законченным производством заинтересованных в исходе дела участников уголовного судопроизводства, разрешению поступивших от них ходатайств, формулированию вывода по существу дела, вытекающих из него решений и их реализации¹.

Один из известных процессуалистов Монголии, доктор Б. Бат-Эрдэнэ, полагает, что прекращение уголовного дела – это деятельность органов предварительного расследования, начинающаяся с окончания сбора доказательств и завершающаяся принятием решения об отказе от дальнейшего ведения производства по делу [9, с. 29].

Б. Амарбаясгалан и Ж. Эрхэсхулан рассматривают прекращение уголовного дела как процессуальную деятельность, направленную на полное завершение производства по делу, если в ходе дознания или следствия уполномоченным должностным лицом органа предварительного расследования установлена непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления, либо выявлены обстоятельства, исключающие дальнейшее уголовное преследование [10, с. 121].

В русско-монгольском словаре юридических терминов понятия «прекращение уголовного дела» и «прекращение производства по делу» даны в одной словарной статье и не имеют значимых различий в толковании: прекращение производства по делу «хэргийн ажиллагааг хэрэгсэхгүй болгох»; прекращение уголовного дела «эруугийн хэргийн хэрэгсэхгүй болгох» [11, с. 206].

3. Прекращение уголовного дела как итоговое процессуальное решение по делу принимается при наличии оснований, исключающих целесообразность продолжения дальнейшего расследования или указывающих на нецелесообразность направления его в суд для рассмотрения и разрешения по существу. Н.В. Жогин и Ф.Н. Фаткуллин рассматривают прекращение уголовного дела как процессуальный акт, выражающий решение уполномоченного на то должностного лица об отсутствии требуемых для уголовного судопроизводства предпосылок и об отказе от дальнейшего его ведения [12, с. 304].

Более краткое определение прекращения уголовного дела как итогового процессуального решения даёт А.А. Давлетов. По его мнению, прекращение уголовного дела – это решение об окончании расследования и завершении всех процессуальных действий [13, с. 93].

Прекращение уголовного дела как решение о его завершении, вынесенное компетентным должностным лицом (прокурором, судьёй или составом суда), также можно найти в работах учёных-процессуалистов Монголии [14, с. 135].

¹ Уголовно-процессуальное право Республики Казахстан. Часть общая: учебник / под ред. Б.Х. Толеубековой. Алматы, 2004. Кн. 2. С. 29–30.

Так, Т. Оюунчимэг определяет прекращение уголовного дела в досудебном производстве как решение полномочного лица о завершении расследования в связи с установлением обстоятельств, исключающих производство по делу [15, с. 27].

Профессор Д. Зумбэрэллхам отмечает, что прекращение уголовного дела – это итоговое процессуальное решение, вынесенное компетентным должностным лицом по уголовному делу в связи с установлением обстоятельств, исключающих целесообразность продолжения уголовно-процессуальной деятельности [16, с. 150].

Из содержания обзора приведённых выше точек зрения учёных-процессуалистов России и Монголии о понятии «прекращение уголовного дела» становится очевидным, что исследуемое понятие имеет несколько правовых граней и рассматривается в науке уголовного процесса с разных сторон. Обобщая сказанное и подводя итог изложенному, можно сформулировать несколько рабочих определений понятия «прекращение уголовного дела». Учитывая специфику досудебного производства России и Монголии, научные подходы к формулированию понятия «прекращение уголовного дела», его содержание, на наш взгляд, может быть следующим:

1. Прекращение уголовного дела как уголовно-процессуальный институт – это совокупность норм права, регулирующих деятельность должностных лиц органов предварительного расследования, прокурора и суда (по УПК Монголии – деятельность детектива и прокурора) по окончанию производства расследования, оценке собранных по делу доказательств, прекращению следственных действий, вынесению постановления о прекращении уголовного дела, обеспечению прав и законных интересов лиц, затронутых постановлением о прекращении уголовного дела.

2. Прекращение уголовного дела как этап процессуальной деятельности на стадии предварительного расследования – это урегулированная законом деятельность должностных лиц органов предварительного расследования, прокурора и суда (по УПК Монголии – деятельность детектива и прокурора) по окончании предварительного расследования, направленная на достижение назначения уголовного судопроизводства, состоящая из оценки собранных по делу доказательств, систематизации и нумерации уголовно-процессуальных документов, прекращения следственных действий, вынесения постановления о прекращении уголовного дела, обеспечения прав и законных интересов лиц, на которых распространяется принятое решение.

3. Прекращение уголовного дела как итоговое уголовно-процессуальное решение по УПК России – это вид процессуального решения досудебного производства, принятого в соответствии с требованиями УПК, разрешающее уголовное дело по существу, за исключением решений, принимаемых судом о применении принудительных мер воспитательного воздействия и назначения судебного штрафа.

4. Прекращение уголовного дела как итоговое уголовно-процессуальное решение по УПК Монголии – это итоговое процессуальное решение о завершении предварительного следствия, принятое прокурором в соответствии с требованиями УПК, разрешающее уголовное дело по существу.

Термином «прекращение уголовного дела», полагает С. Ю. Солонина, правильнее обозначать не только прекращение производства по уголовному делу в целом, но и прекращение судом уголовного дела в отношении конкретного лица, которое влечёт и прекращение уголовного преследования этого лица [17].

Наряду с понятием «прекращение уголовного дела» УПК России содержит понятие «прекращение уголовного преследования», которое необходимо отличать от понятия «прекращение уголовного дела». Понятие «уголовное преследование» появилось с принятием УПК РФ. До этого соответствующие нормы УПК РСФСР «связывались с ведением и прекращением уголовного дела в отношении обвиняемого или подозреваемого» [18, с. 90].

Согласно ч. 5 ст. 5 УПК России «уголовное преследование – это процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления». В деятельности органов предварительного следствия и дознания эти понятия часто используются как синонимы. Прекращая уголовное дело, «следователь вручает либо направляет копию постановления о прекращении уголовного дела лицу, в отношении которого прекращено уголовное преследование...» (ч. 4 ст. 213 УПК РФ). Критерием разграничения прекращения уголовного дела от уголовного преследования является ч. 5 ст. 213 УПК РФ. В этой норме говорится, что «если основания прекращения уголовного преследования относятся не ко всем подозреваемым или обвиняемым по уголовному делу, то следователь в соответствии со статьей 27 настоящего Кодекса выносит постановление о прекращении уголовного преследования в отношении конкретного лица. При этом производство по уголовному делу продолжается». Смысл в том, что «прекращение уголовного преследования является прекращением производства *in personam*, что во все не обязательно означает прекращение производства *in rem*» [19, с. 292].

Прекращение уголовного преследования по УПК России возможно без прекращения уголовного дела в случаях, когда:

- 1) основания прекращения уголовного преследования относятся не ко всем, а только к одному или нескольким подозреваемым (обвиняемым), совершившим преступление в соучастии;
- 2) уголовное преследование прекращается в части предъявленного обвинения, по отдельным эпизодам (преступлениям), если они не нашли подтверждения;
- 3) уголовное преследование прекращается в отношении всех подозреваемых или обвиняемых по уголовному делу в связи с их непричастностью к совершению преступления. В последнем случае необходимо установить лиц, совершивших преступление.

Уголовно-процессуальный кодекс Монголии 2017 г. не содержит понятия «уголовное преследование», оснований и порядка прекращения уголовного преследования обвиняемого при производстве предварительного следствия. Понятие «прекращение уголовного преследования» не содержится и в русско-монгольском словаре юридических терминов. Термин «уголовное преследование» даётся отдельно – эругийн мушгулт [20, с. 207]. В науке уголовного процесса Монголии Ж. Бямбаа, Ж. Эрхэсхулан под уголовным преследованием понимают уголовно-процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения с целью установления признаков

преступления, обнаружения физического или юридического лица, совершившего преступление, привлечения его к уголовной ответственности [21, с. 215].

Прекращение уголовного дела влечёт за собой прекращение уголовного преследования. Если участие обвиняемого в совершении преступления не было доказано, а процессуальные возможности собирания дополнительных доказательств в ходе производства предварительного следствия были исчерпаны, то вышестоящий прокурор отменяет постановление о возбуждении уголовного дела и привлечении лица в качестве обвиняемого, возвращает материалы производства по делу в подразделение дознания для продолжения расследования, установления и изобличения лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 32.5 УПК Монголии).

По нашему мнению, при отсутствии возможности у органа предварительного следствия (детектива) Монголии по объективным причинам продолжать сбор доказательств, изобличающих обвиняемого в совершении преступления, прокурор должен иметь право прекратить уголовное преследование обвиняемого по реабилитирующему основанию. В связи с этим предлагаем ввести в УПК Монголии нормы права, регулирующие деятельность прокурора о прекращении уголовного преследования обвиняемого в досудебном производстве, если его причастность к совершённом преступлению не подтверждается совокупностью собранных по делу доказательств, а их сбор по объективным причинам не представляется возможным.

Уголовное преследование в отношении обвиняемого по УПК Монголии, на наш взгляд, может быть прекращено при производстве предварительного следствия в случаях, когда:

- 1) отсутствуют признаки преступления;
- 2) не доказана причастность обвиняемого к совершенному преступлению;
- 3) истекли сроки давности уголовного преследования;
- 4) наступила смерть обвиняемого, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего;
- 5) издан акт об амнистии;
- 6) в отношении обвиняемого действует вступивший в законную силу приговор по этому обвинению;
- 7) в отношении обвиняемого действует вступившее в законную силу постановление о прекращении уголовного дела по этому обвинению;
- 8) в отношении обвиняемого действует вступившее в законную силу постановление об отказе открытия дознания в связи с отсутствием признаков преступления по этому обвинению.

Считаем целесообразным понятие «прекращение уголовного преследования» включить в число основных понятий УПК Монголии и изложить его в следующей редакции:

«Прекращение уголовного преследования – это частичное прекращение прокурором производства предварительного следствия по уголовному делу, завершающее процессуальную деятельность детектива по изобличению лица, обвиняемого в совершении преступления».

Предлагаем дополнить УПК Монголии нормами права, регулируемыми основания и порядок прекращения уголовного преследования лица, обвиняемого в совершении преступления, при производстве предварительного следствия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Шейфер С.А. Прекращение уголовного дела в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1963. – 22 с.
2. Лавнов М.А. Институт прекращения уголовного дела в системе уголовно-процессуального права и правоприменительной практике: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. – Саратов, 2015. – 26 с.
3. Петрухин И. Л. Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России // Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России: материалы научн. конф. 22–23 янв. 2002 г. – М.: Проспект, 2002. – С. 6–17.
4. Миньковский Г. М. Окончание предварительного расследования и осуществление права обвиняемого на защиту. – М.: Госюриздат, 1957. – 211 с.
5. Дубинский А. Я. Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования. – Киев: КВШ МВД СССР, 1975. – 132 с.
6. Безлепкин Б.Т. Краткое пособие для следователя и дознавателя // «Consultant.ru». URL: <http://www.consultant.ru/popular> (дата обращения: 03.09.2019).
7. Волынская О. В. Некоторые подходы к формулированию понятия «прекращение уголовного дела» // Рос. следователь. – 2006. – № 3. – С. 13–16.
8. Касаткина С. А. Признание обвиняемого: монография // «Consultant.ru». URL: <http://www.consultant.ru/popular> (дата обращения 03.09.2019).
9. Бат-Эрдэнэ Б. Монгол улсын Эрүүгийн байцаан шийтгэх эрх зүйн ундсэн асуудлууд: сурах бичиг (Основные вопросы уголовно-процессуального права Монголии: учебное пособие). – Улан-Батор: Цагдаагийн дээд сургуулийн хэвлэх цех (Типография высшей школы полиции), 1988. – 154 с.
10. Амарбаясгалан Б., Эрхэсхулан Ж. Монгол улсын Эрүүгийн байцаан шийтгэх эрх зүй : сурах бичиг (Уголовный процесс Монголии : учебное пособие). – Улан-Батор: МУИС Хэвлэх цех (Типография МГУ), 2007. – 216 с.
11. Нарангэрэл С. Орчин үеийн орос-монгол хууль зүйн толь. (Современный русско-монгольский юридический толковый словарь). – Улан-Батор: “Од” принтинг” ХХК (Типография компании “Солнце” принтинг), 2017. – 420 с.
12. Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. – М.: Юрид. лит., 1965. – 367 с.
13. Давлетов А.А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации. Особенная часть: курс лекций. – Екатеринбург: ООО «ИРА УТК», 2011. – 264 с.
14. Бямбаа Ж., Баясгалан Г. Монгол улсын Эрүүгийн байцаан шийтгэх эрх зүйн ундсэн асуудлууд: сурах бичиг (Основные вопросы уголовно-процессуального права Монголии: учебное пособие). – Улан-Батор: МУИС Хэвлэх цех (Типография МГУ), 1988. – 301 с.
15. Оюунчимэг Т. Эрүүгийн хэргийг хэрэгсэхгүй болгох, онол ба практик. Лекцууд (Прекращение уголовного дела: теория и практика: лекции). – Улан-Батор: Цагдаагийн академиин хэвлэх цех (Типография полицейской академии), 2012. – 128 с.

16. Зумбэрэлхам Д. Монгол улсын эруугийн байцаан эрх зүй дэх гэм буруугуйн зарчим: нэг сэдэвт бүтээл (Принцип презумпции невиновности в уголовном процессе Монголии : монография). – Улан-Батор: “Наран” ХХК хэвлэх уйлдвэр (Типография компании “Солнце” принтинг), 2005. – 275 с.
17. Солонина С. Ю. Прекращение уголовного дела и прекращение уголовного преследования: соотношение понятий // Молодой учёный. – 2015. – № 9. – С. 881–883.
18. Селина Е.В. Уголовное преследование в уголовно-процессуальных решениях // Современное право. – 2015. – № 7. – С. 89–93.
19. Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 542 с.
20. Нарангэрэл С. Орчин үеийн орос-монгол хууль зүйн толь. (Современный русско-монгольский юридический толковый словарь). – Улан-Батор: “Од принтинг” ХХК (Типография компании “Стар” принтинг), 2017. – 420 с.
21. Бямбаа Ж., Эрхэсхулан Ж. Эруугийн процессийн ундсэн асуудал : сурах бичиг (Основные вопросы уголовного процесса : учебное пособие). – Улан-Батор: “Соёмбо принтинг” ХХК (Типография компании “Soyombo” принтинг), 2018. – 328 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Scheifer S.A. Termination of criminal case in Soviet criminal trial: abstract of the thesis of the Candidate of Law. – Moscow, 1963. – 22 p.
2. Lavnov M.A. Institute of Termination of Criminal Case in the System of Criminal Procedure Law and Law Enforcement Practice / Lavnov Mikhail Alexandrovitch. – Saratov, 2015. – 26 p.
3. Minkovsky G.M. Completion of preliminary investigation and exercise of the right of the accused to a defence. – Moscow: Gosyurizdat, 1957. – 211 p.
4. Petrukhin I.L. The conceptual framework for criminal justice reform in Russia / The conceptual framework for criminal justice reform in Russia: proceedings of a scientific conference January 22–23, 2002 - Moscow: Prospect, 2002. – P. 6–17.
5. Dubinskiy A.Ya. The termination of the criminal case is at the preliminary investigation stage. – Kiev: KVSh MVD USSR, 1975. – 132 p.
6. Bezlepkin B.T. A short guide for the investigator and the investigator // «Consultant.ru». – URL: <http://www.consultant.ru/popular> (date of the address: 03.09.2019).
7. Volynskaya O. V. Some approaches to the formulation of the concept of “termination of a criminal case” // Russian Investigator: Lawyer. – 2006. – № 3. – P. 13–16.
8. Kasatkina S. A. The recognition of the accused: monograph // «Consultant.ru». URL: <http://www.consultant.ru/popular> (date of the address 03.09.2019 g.).
9. Bath-Erdene B. Mongol улсын Еруугийн байцаан shiytgekherkh зүйн ундсэн асуудлууд: suras бичиг (Main questions of law of criminal procedure of Mongolia: studies. grant). – Ulaanbaatar: Tsagdaagiin дээд сургуулийн hevlekh shop (Printing house of the higher school of police), 1988. – 154 p.
10. Amarbayasgalan B., Erkheshkulan Zh. Mongol улсын Еруугийн байцаан shiytgekherkh зүй: suras бичиг (Criminal proceedings of Mongolia: studies. grant). – Ulaanbaatar: MUIS Hevlekh shop (MSU Printing house), 2007. – 216 p.

11. Narangerel S. Orchin ueyin oros-mongol huul zuyn tol. (Modern Russian-Mongolian Legal Interpretation Dictionary). – Ulaanbaatar: «Od» printing» КHK (Printing Press of the Company «Sun» Printing), 2017. – 420 p.
12. Zhogin, N. V., Fatkullin F. N. Preliminary investigation in the Soviet criminal trial. - Moscow: Jurid. lit., 1965. – 367 p.
13. Davletov A.A. Criminal procedure of the Russian Federation. Special part: lecture course. – Yekaterinburg: IRA UTK LLC, 2011. – 264 p.
14. Вyамбаа, Вayасгалан G. Mongol улсын Eруугийн байцаан shiytgekh erkх зүйн ундсэн асуудлууд: suras бичиг (Main questions of law of criminal procedure of Mongolia: studies. grant). – Uhlан-Батор: MUIS Hevlekh shop (MSU Printing house), 1988. – 301 p.
15. Оуунчимег Т. Erughiyn hergiig heregsehgui болгох, onol ба practices. Leczuud (Termination of Criminal Case: Theory and Practice. Lectures). – Ulaanbaatar: Tsagdaagiin Academine hawleh Shop (Printing House of Police Academy), 2012. – 128 p.
16. Zumberellkham D. Mongol улсын eruugiyn baytsaan erkх зуй dekh gem буруугуын zarchim: neg sedevt buteel (Printsip prezumptsii nevinovnosti v ugovnom protsesse Mongolii: monografiya). – UB.,”Naran” КHKHK khevlekh uyldver (Tipografiya kompanii “Solntse” printing), 2005. – 275 p.
17. Solonina S. YU. The termination of the criminal case and the termination of the criminal prosecution: the ratio of concepts // Young Scientist. – 2015. – № 9. – P. 881–883.
18. Selina E. V. Criminal Prosecution in Criminal Procedure Decisions//Modern Law. – 2015. – № 7. – P. 89–93.
19. Golovko L.V. Alternatives to prosecution in modern law. – St. Petersburg: Legal Center Press, 2002. – 542 p.
20. Narangerel S. Orchin ueyin oros-mongol huul zuyn tol. (Modern Russian-Mongolian Legal Interpretation Dictionary). – Ulaanbaatar: «Od Printing» КHK (Printing House of «Star» Printing Company), 2017. – 420 p.
21. Biambaa J., Erheshulan J. Erugugiin processiin undsen asuudal: surh bihig (Main issues of criminal process: study manual). – Ulaanbaatar: «Soembo printing» КHK (Printing press of «Soyombo» Printing), 2018. – 328 p.

**КРИМИНАЛИСТИКА;
СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ;
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 343.985.1

DOI 10.24411/2312-3184-2020-10016

Айвазова Ольга Владиславовна
профессор кафедры криминалистики и
оперативно-розыскной деятельности
Ростовского юридического института
МВД России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: olgavladislavovna72@rambler.ru

Ayvazova Olga Vladislavovna
professor of the Department of criminology
and Operational Investigative Activities of the
Rostov law Institute of the Ministry of In-
ternal Affairs of Russia, Candidate of Law,
Associate professor
E-mail: olgavladislavovna72@rambler.ru

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ
ИНТЕРЕСОВ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Введение: в статье рассматриваются актуальные проблемы участия юридических лиц в уголовном судопроизводстве в связи с причинением вреда их имуществу и деловой репутации. Формирование правового государства и гражданского общества в России оказалось в закономерной связи не только с количественным ростом различных по организационно-правовой форме организаций, но и с усилением их роли в экономике и деловой жизни страны. Однако данная тенденция не осталась без внимания криминалитета, использовавшего обновленные социально-экономические условия для достижения собственных противоправных интересов, что требует эволюции научных подходов к криминалистическому изучению современной преступности.

Материалы и методы: эмпирическую базу исследования составили результаты анализа 156 уголовных дел о преступлениях, совершенных против имущества и/или деловой репутации юридических лиц, расследованных в различных регионах Российской Федерации.

Методологическую основу исследования составил общий диалектический метод познания, способствующий полному и разноаспектному рассмотрению актуальных проблем вовлечения юридических лиц в уголовное судопроизводство. Кроме того, в процессе исследования применялись методы наблюдения, описания, обобщения, сравнения, моделирования, анализа и синтеза.

Результаты исследования: рассмотрев в содержательном аспекте отдельные вопросы участия юридических лиц в уголовном судопроизводстве вследствие причинения в результате совершения преступлений вреда их имуществу или деловой репутации, осуществлена криминалистическая классификация преступлений, совершенных в отношении юридических лиц, изложены отдельные приемы по сокрытию данных деяний, среди которых наиболее специфичными, по мнению автора, являются приемы, связанные с фиктивным перераспределением управленческих полномочий (включая использование подставных лиц и фиктивных организаций).

Выводы и заключения: расследование преступлений, совершенных в отношении юридических лиц, сопровождается различными трудностями, обусловленными как наличием специфических криминалистически значимых качеств у субъектов данных деяний, имманентным осуществлением ими характерных приемов по сокрытию преступлений, так и незавершенностью формирования одноименной комплексной методики, включающей универсальные криминалистические рекомендации с учетом познания специфики механизма соответствующих посягательств. В рекомендациях по совершенствованию криминалистического обеспечения данной группы деяний, автор обращает внимание на перспективность более полного и разноаспектного использования такого когнитивного ресурса постиндустриального общества, как информационные следы.

Ключевые слова: юридические лица, организации, преступления, уголовное судопроизводство, потерпевшие, криминалистика, криминалистическая классификация, фальсификация, управленческие полномочия, сокрытие преступления, механизм преступления, следы.

FORENSIC ASPECTS OF PROTECTING THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF LEGAL ENTITIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Introduction: the article deals with actual problems of participation of legal entities in criminal proceedings in connection with damage to their property and business reputation. The formation of the rule of law and civil society in Russia was in a natural connection not only with the quantitative growth of various organizations in their organizational and legal form, but also to the strengthening of their role in the economy and business life of the country. However, this trend has not been ignored by the criminal community, which has used updated socio-economic conditions to achieve its own illegal interests, which requires the evolution of scientific approaches to the forensic study of modern crime

Materials and methods: The empirical base of the study is based on the results of an empirical analysis of 156 criminal cases of crimes committed against the property and / or business reputation of legal entities investigated in various regions of the Russian Federation.

The methodological basis of the study is a General dialectical method of cognition, which contributes to a complete and diverse consideration of topical issues of legal entities' involvement in criminal proceedings. In addition, the study used methods of observation, description, generalization, comparison, modeling, analysis and synthesis

Results: examined in substantial aspect on certain issues of participation of legal entities in criminal proceedings as a result of causing the result of the commission of the crime of damage to property or reputation, carried out forensic classification of crimes committed against legal entities set out specific methods to conceal these acts, among which the most specific, according to the author, are the tricks related to bogus redistribution of administrative powers (including the use of nominees and fictitious organizations).

Summary and Conclusion: investigation of crimes committed against legal entities is accompanied by various difficulties due to the presence of specific criminalistically significant qualities in the subjects of these acts, their immanent implementation of characteristic techniques for concealing crimes, and the incompleteness of forming a complex methodology of the same name, including universal forensic recommendations, taking into account the knowledge of the specifics of the mechanism of the corresponding attacks. Expressing recommendations for improving the forensic support of this group of acts, the author draws attention to the prospects for a more complete and diverse use of such a cognitive resource of post-industrial society as information traces

Keywords: legal entities, organizations, crimes, criminal proceedings, victims, criminalistics, forensic classification, falsification, administrative powers, concealment of a crime, mechanism of a crime, traces.

Конституция Российской Федерации, провозгласив свободу предпринимательской деятельности вплоть до возможности создания гражданами юридических лиц в различных предусмотренных законом организационно-правовых формах, стимулировала не только количественный рост коммерческих и иных организаций, но и постепенную вовлеченность их практически во все инфраструктуры социума. Закономерно, что данное явление обновленного постсоветского общества привлекло внимание и криминалитета, стремящегося использовать кардинально изменившиеся социально-экономические условия как новые возможности и средства совершения преступных деяний. Соответственно, все чаще в отношении имущества и/или деловой репутации юридических лиц стали совершаться преступные посягательства, относящиеся к деяниям в сфере экономики, что, наряду с иными взаимосвязанными тенденциями, обусловило признание на уровне процессуального закона в качестве потерпевших не только физических, но и юридических лиц, а также стимулировало запрос правоприменительной практики на исследование данного явления с позиций криминалистического научного инструментария.

В юридической науке имеется ряд интересных исследований, посвященных гражданско-правовым, уголовно-правовым, криминологическим аспектам совершения различных преступлений, потерпевшими по которым, наряду с гражданами, могут являться и юридические лица (Б.В. Волженкина, Н.А. Лопашенко и др.). Уголовно-процессуальные аспекты данной проблемы раскрыты в работах И.М. Комарова, С.И. Коновалова, М.Р. Сафаралеева, Т.И. Ширяевой, С.С. Шишкиной и др. С точки зрения криминалистики в работах Л.В. Бертовского, А.В. Варданяна, К.В. Гончарова, О.П. Грибунова, А.Л. Пермякова и других раскрыты те или иные аспекты расследования преступлений, совершенных в отношении юридических лиц.

Ни в коем случае не подвергая сомнению выводы, изложенные в трудах представленных исследователей, отметим, что криминалистические аспекты борьбы с преступлениями, совершенными в отношении юридических лиц, продолжают рассматриваться на уровне отдельных частных криминалистических методик расследования, это обуславливает элементы разобщенности, несогласованности, взаимной дискусионности представляемых криминалистических рекомендаций. В то же время

в криминалистике пока лишь нарабатывается теоретический инструментарий, позволяющий сформулировать концептуальные положения криминалистического исследования юридических лиц.

Нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, гражданское законодательство; законодательство, регулирующее процесс регистрации (перерегистрации) юридических лиц; акты официального толкования норм права; подзаконные нормативные акты, регулирующие деятельность юридических лиц, созданных в различных организационно-правовых формах, а также подзаконные нормативные акты, регулирующие деятельность сотрудников правоохранительных и иных государственных органов в сфере борьбы с преступлениями указанной категории.

Эмпирическую базу исследования составили результаты анализа 156 уголовных дел о преступлениях, совершенных против имущества и/или деловой репутации юридических лиц, расследованных в различных регионах Российской Федерации.

Методологическую основу исследования составил общий диалектический метод познания, способствующий полному и разноаспектному рассмотрению актуальных проблем вовлечения юридических лиц в уголовное судопроизводство. Кроме того, в процессе исследования применялись методы наблюдения, описания, обобщения, сравнения, моделирования, анализа и синтеза.

Преступления, совершенные в отношении юридических лиц, многолики и разнообразны [1; 2; 3; 4], но общим для них является наличие специфического потерпевшего – хозяйствующего субъекта, с одной стороны, реализующего единую и согласованную (по общему правилу) предпринимательскую, хозяйственную, финансовую деятельность, с другой стороны, управляемого конкретными людьми. Не случайно сам по себе термин «юридическое лицо» признается в качестве разновидности правовой фикции, некоторого условного обозначения определенного коллективного образования, выступающего самостоятельной единицей гражданского общества. В то же время интересы отдельных лиц, уполномоченных действовать от имени соответствующей организации, на деле не всегда направлены на обеспечение успешного функционирования самого юридического лица как субъекта экономических или иных общественных отношений. Об этом свидетельствует распространенность злоупотреблений полномочиями, хищений имущества юридических лиц, преднамеренных или фиктивных банкротств и других деяний.

Многообразие преступных посягательств, совершенных в отношении юридических лиц, актуализирует возможность разработки криминалистической классификации соответствующих деяний [5]. Как известно, несмотря на то, что криминалистическая методика как раздел криминалистики призвана обеспечивать правоприменительную практику эффективными и добротными рекомендациями для успешного и всестороннего расследования конкретных групп преступлений [6], т. е. неизбежно исходить из уголовно-правовых критериев, криминалистическая классификация дифференцирует различные группы деяний, исходя из криминалистически значимых признаков, проявляющихся в механизме соответствующих деяний [7]. При этом объединяемые по тем или иным криминалистически значимым критериям деяния (с точки зрения криминалистической классификации преступлений) могут располагаться в

различных главах и даже разделах УК РФ. Механизм преступлений как криминалистическая категория является сложной динамической системой, отражающей внутренние закономерности, присущие совершению тех или иных деяний. Поэтому классификация преступлений, совершенных в отношении юридических лиц, может предусматривать различные критерии. Разумеется, криминалистической классификацией преступлений несколько не умаляются уголовно-правовые признаки, в соответствии с которыми сконструированы составы преступлений в Особенной части УК РФ и, в свою очередь, входящие в определенные главы и разделы уголовного закона. Но с точки зрения УК РФ преступления, совершенные в отношении юридических лиц, не выделяются в какую-либо обособленную группу (в плане самостоятельной главы, раздела уголовного закона), поскольку основным критерием для уголовно-правовой классификации выступает общий, родовой, непосредственный объект преступного посягательства.

С точки зрения криминалистической классификации преступлений, совершенных в отношении юридических лиц, возможна дифференциация этих деяний на следующие группы:

1) по виду и особенностям причиненного вреда:

- преступления, связанные с хищением имущества юридических лиц;
- преступления, связанные с причинением имущественного вреда без признаков хищения имущества;
- преступления, связанные с причинением вреда деловой репутации юридических лиц;

2) по отношению субъектов преступлений к юридическому лицу, потерпевшему от преступления:

- преступления, совершенные лицами, выполняющими в данной организации управленческие функции:
- преступления, совершенные сотрудниками данной организации, не наделенными управленческими функциями;
- преступления, совершенные сотрудниками иных организаций (конкурентов или партнеров по бизнесу);
- преступления, совершенные сотрудниками иных организаций, не находящихся в отношениях сотрудничества или конкуренции с организацией, потерпевшей от преступления;
- преступления, совершенные сотрудниками данной организации в соучастии с иными лицами;
- преступления, совершенные сторонними физическими лицами: а) клиентами (в т. ч. лжеклиентами); б) лицами, не имеющими какого-либо отношения к организации, потерпевшей от преступления;

3) с точки зрения особенностей способа преступного деяния:

- с использованием фиктивных организаций;
- с обманом и/или введением в заблуждение руководителей, учредителей, участников данной организации;

- с фиктивным перераспределением управленческих полномочий сотрудников организации, сохраняя реальное управление за формально выбывшими из руководящего состава лицами;

- с совершением формально предусмотренных законом действий по переходу прав на недвижимость и иное имущество организации;

4) в зависимости от сферы деятельности организации, потерпевшей от преступлений: производство и/или обращение, оптовая или розничная торговля (продуктами питания, промышленными товарами, стратегически ценным сырьем, медикаментами и т.п.), строительно-монтажные работы; оказание различных услуг (посреднических, информационных, образовательных, медицинских, финансово-кредитных и пр.); осуществление инновационной деятельности; оборот объектов ограниченного распространения и т. д.

Разумеется, данная классификация, как и всякое подобное теоретическое построение, не лишено некоторой степени условности, поскольку реально преступные деяния, совершенные в отношении юридических лиц, в силу своей сложности и комплексности могут сочетать в себе несколько из обозначенных критериев. Но в любом случае в структуре различных преступных посягательств, совершенных в отношении юридических лиц, все же те или иные факторы будут приобретать ведущее (доминирующее) значение. Центральный, ключевой, характер обусловлен наличием устойчивых закономерностей с иными криминалистически значимыми признаками деяния.

Анализ эмпирических материалов в виде уголовных дел о преступлениях, совершенных в отношении юридических лиц, показал, что значительную сложность представляют посягательства лиц, выполняющих в данной организации руководящие либо иные административные функции, которые реализуются вопреки интересам возглавляемой ими организации. Обладая специфическими криминалистически значимыми качествами [8; 9; 10], обширными властными ресурсами, позволяющими воздействовать на подчиненных, как склоняя их к соучастию, так и оставляя вне ведения относительно искренних намерений, существа и содержания преступного умысла, они реализуют комплекс действий, направленных на создание видимости внешнего отсутствия криминальной подоплеки. Как и применительно к иным деяниям экономической, служебной, либо коррупционной направленности, большинство из них сопровождается фальсификацией документов, отражающих организационную, кадровую, хозяйственную, бухгалтерскую и иные сферы деятельности. Помимо искажения фактов и сведений, фиксирующих гражданско-правовые сделки (включая оформление фиктивных операций с участием подставных лиц [11]), представляет интерес группа приемов, связанных с фиктивным перераспределением управленческих функций.

Например, П. с целью сокрытия фактов совершения им злоупотребления полномочиями как генеральным директором ООО, т. е. лицом, выполняющим управленческие функции совместно с субъектом, так и оставшимся неизвестным, совершил серию согласованных юридически значимых действий, сутью которых явилось исключение его самого и иного соучредителя из состава ООО, с предварительным негласным введением в состав ООО нового участника (подставного лица), которому затем были переданы полномочия генерального директора. Понимая, что второй соучредитель по своей воле не согласится на выход из коллективного органа управле-

ния, более того, напротив, доверяя обвиняемому руководство деятельностью организацией, она рассчитывает на систематическое получение прибыли, П. оставляя ее в неведении, оформил от ее имени ряд документов, якобы отражающих добровольное желание выйти из состава соучредителей. Когда незаконно выведенная соучредитель по итогам года не получила прогнозируемую прибыль от участия в деятельности ООО, она безрезультатно пыталась выйти на контакт с П., в тайне от нее сменившем контактный телефон. Обратившись к электронной базе Единого государственного реестра юридических лиц, она обнаружила, что учредителем и генеральным директором данного ООО является совсем иное, незнакомое ей лицо [12].

Вопреки отрицанию обвиняемым своей вины и тщательно выстроенной линии защиты, следствию удалось сформировать необходимую совокупность доказательственной информации по уголовному делу, в связи с чем П. был осужден. Так, одним из положенных в основу обвинения доказательств явились результаты анализа телекоммуникационных контактов, состоявшихся в различное время между обвиняемым, сотрудниками данной организации, вторым соучредителем, иными лицами, представляющими интерес для следствия. Проведенный следствием и судом анализ указанных телекоммуникационных контактов позволил прийти к обоснованному выводу о сознательности действий обвиняемого как по расхищению имущества организации, так и по исчезновению из делового оборота путем смены контактного телефонного номера и прекращению взаимоотношений со вторым соучредителем и иными лицами, действующими в интересах соучредителя. Однако, несмотря на вынесение приговора, в деле осталось немало неустановленных обстоятельств, касающихся характера вреда, причиненного преступным деянием, как имуществу и деловой репутации самой организации, так и иным хозяйствующим субъектам, находившимся в гражданско-правовых отношениях. Неизвестна судьба похищенных денежных средств, исчисляемых миллионами рублей, поступивших на расчетный счет организации с целью реализации социально значимых программ. Да и само по себе осуждение П. явилось лишь отправной точкой для неоднократных пересмотров материалов данного дела в последующих инстанциях на основании обращений обеих сторон по разным основаниям неудовлетворенных итогами расследования.

Полагаем, что приведенный пример еще раз обращает внимание на необходимость тщательного исследования криминалистических особенностей совершения деяний в отношении юридических лиц с целью выработки действенных рекомендаций по формированию системы исчерпывающе избобличающих доказательств, о чем мы ранее уже неоднократно отмечали. Одним из ценных, но до сих пор используемых не в полной мере познавательных ресурсов выступает всесторонний анализ различных информационных следов [13; 14], имманентно присущих современному постиндустриальному обществу, неизбежно отражающих специфику не только гражданско-правовых и иных общественных отношений хозяйствующих субъектов, но и реальные намерения и действия лиц, действующих от их имени. Кроме того, полагаем, что нуждается в развитии на новом этапе и уровне криминалистического научного знания криминалистическое учение о потерпевшем [15], в котором до сих пор уделяется внимание криминалистически значимым качествам личности, но не придается существенного значения ис-

следованию типичных качеств юридических лиц как единых хозяйствующих субъектов, в их взаимовлиянии с механизмом соответствующего деяния.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Грибунов О.П. Расследование мошенничества, связанного с осуществлением инвестиционных проектов на предприятиях железнодорожного транспорта / А.В. Варданян, О.П. Грибунов, П.А. Капустюк, А.Л. Пермяков, С.В. Унжакова. – Иркутск: ВСИ МВД России, 2018. – 92 с.

2. Варданян А.В. Злоупотребление управленческими полномочиями в коммерческой или иной организации: опыт правоприменительной практики и некоторые проблемы возбуждения уголовного дела и предварительного расследования / А.В. Варданян, К.В. Гончаров // Юристъ-Правоведъ. – 2015. – № 2 (69). – С. 49–52.

3. Варданян А.В. Общие положения допроса свидетелей и потерпевших по делам о злоупотреблениях полномочиями лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях / А.В. Варданян, К.В. Гончаров // Общество и право. – 2017. – № 3 (61). – С. 130–134.

4. Грибунов О.П. Уголовно-правовые аспекты квалификации причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при осуществлении железнодорожных грузоперевозок / О.П. Грибунов, А.С. Князьков, Е.С. Качурова // Юристъ-Правоведъ. – 2019. – № 2 (89). – С. 121–124.

5. Варданян А.В. Криминалистические классификации преступлений и их системообразующая роль в формировании частных криминалистических методик расследования преступлений как научно обоснованных комплексов криминалистических рекомендаций / А.В. Варданян, Р.В. Кулешов // Рос. следователь. – 2015. – № 21. – С. 5–10.

6. Варданян А.В., Грибунов О.П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений / А.В. Варданян, О.П. Грибунов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2017. – № 2 (81). – С. 23–35.

7. Варданян А.В. Механизм злоупотребления полномочиями субъектами управленческих функций в коммерческих и иных организациях как методологическая основа для формирования частной криминалистической методики расследования преступлений / А.В. Варданян, К.В. Гончаров // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2015. – № 4–2. – С. 3–9.

8. Варданян А.В. Субъект преступления и личность преступника как междисциплинарные категории уголовно-правовых наук: вопросы соотношения и интеграции / А.В. Варданян // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10. – № 2. – С. 244–251.

9. Варданян А.В. Криминалистический анализ субъектов преступлений, связанных с воспрепятствованием законной предпринимательской или иной деятельности, как фактор повышения результативности расследования / А.В. Варданян, В.В. Казаков // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 9. – № 4. – С. 745–754.

10. Варданян А.В. Общие положения допроса подозреваемых, обвиняемых по делам о нецелевом расходовании бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов / А.В. Варданян, А.А. Говоров // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 1 (88). – С. 127–136.

11. Варданян А.В. Фиктивные организации как специфические криминальные средства совершения преступлений в сфере экономики: правовые и криминалистические аспекты / А.В. Варданян // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2019. – № 3 (85). – С. 56–62.

12. Приговор Гагаринского районного суда г. Москвы в отношении Пачина В.Н. от 31.01.2014 // Архив Гагаринского районного суда г. Москвы.

13. Варданян А.В. Влияние научно-технического прогресса на модернизацию общетеоретических положений криминалистики / А.В. Варданян // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сб. материалов междунар. науч.-практич. конф. – Ростов н/Д.: РЮИ МВД России, 2019. – С. 3–8.

14. Варданян А.В. Беспилотные летательные аппараты как сегмент цифровых технологий в преступной и посткриминальной действительности / А.В. Варданян, А.С. Андреев // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12. – № 6. – С. 785–794.

15. Шиканов В.И. Теоретические основы тактических операций в предварительном расследовании. – Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 1983. – С. 51–65.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Gribunov P.A. Investigation of fraud related to the implementation of investment projects at railway transport enterprises / A.V. Vardanyan, O. P. Gribunov, P.A. Kapustyuk, A.L. Permyakov, S. V. Unzhakova. Irkutsk: VSI MVD of Russia, 2018. – 92 p.

2. Vardanyan A.V. Abuse of managerial authority in a commercial or other organization: experience in law enforcement practice and some problems of initiating a criminal case and preliminary investigation / A.V. Vardanyan, K. V. Goncharov // Yurist-Pravoved. – 2015. – №. 2 (69). – P. 49–52.

3. Vardanyan A.V. General provisions of interrogation of witnesses and victims in cases of abuse of authority by persons performing managerial functions in commercial and other organizations / A.V. Vardanyan, K. V. Goncharov // Society and Law. – 2017. – №. 3 (61). – P. 130–134.

4. Gribunov O. P. Criminal-legal aspects of qualification of causing property damage by deception or abuse of trust in the implementation of railway cargo transportation / O. P. Gribunov, A. S. Knyazkov, E. S. Kachurova // Yurist-Pravoved. – 2019. – №. 2 (89). – P. 121–124.

5. Vardanyan A.V. Criminalistic classifications of crimes and their system-forming role in the formation of private forensic methods of crime investigation as scientifically based complexes of forensic recommendations / A.V. Vardanyan, R. V. Kuleshov // Russian Investigator. – 2015. – №. 21. – P. 5–10.

6. Vardanyan A.V., Gribunov, O. P. Modern doctrine of methodological and forensic support for the investigation of certain types of crimes / A.V. Vardanyan, O.P. Gribunov //

Bulletin of the East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – №. 2 (81). P. 23–35.

7. Vardanyan A.V. The Mechanism of abuse of authority by subjects of managerial functions in commercial and other organizations as a methodological basis for the formation of private forensic methods of crime investigation / A.V. Vardanyan, K. V. Goncharov // Izvestiya Tula State University. Economic and Legal Sciences. – 2015. – №. 4-2. – P. 3–9.

8. Vardanyan A.V. The Subject of crime and the identity of the criminal as an interdisciplinary category of criminal law Sciences: issues of correlation and integration / A.V. Vardanyan // All-Russian Journal of Criminology. – 2016. – Vol. 10. – №. 2. – P. 244–251.

9. Vardanyan A.V. Criminalistic analysis of subjects of crimes related to obstruction of legitimate business or other activities as a factor in improving the effectiveness of the investigation / A.V. Vardanyan, V. V. Kazakov // Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. – 2015. – Vol. 9. – №. 4. – P. 745–754.

10. Vardanyan A.V. General provisions of interrogation of suspects accused in cases of misuse of budget funds and funds of state extra-budgetary funds / A.V. Vardanyan, A. A. Govorov // Bulletin of the East -Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – №. 1 (88). – P. 127–136.

11. Vardanyan A.V. Fictitious organizations as specific criminal means of committing crimes in the sphere of economy: legal and forensic aspects // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – №. 3 (85). – P. 56–62.

12. Verdict of the Gagarinsky district court of Moscow against Pachin V. N. from 31.01.2014 // Archive of the Gagarinsky district court of Moscow. 2014.

13. Vardanyan A.V. The Impact of scientific and technical progress on the modernization of general theoretical provisions of criminology / A.V. Vardanyan // Criminalistics: actual issues of theory and practice collection of materials of the International scientific and practical conference. Rostov-on-don: RUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. P. 3–8.

14. Vardanyan A.V. Unmanned aerial vehicles as a segment of digital technologies in criminal and post-criminal reality / A.V. Vardanyan, A. S. Andreev // All-Russian Journal of Criminology. – 2018. Vol. 12. – №. 6. – P. 785–794.

15. Shikanov V. I. Theoretical bases of tactical operations in preliminary investigation. – Irkutsk: Publishing House of the Irkutsk State University, 1983. – P. 51–65.

УДК 343.985.1

DOI 10.24411/2312-3184-2020-10017

Варданын Акоп Вараздатович

начальник кафедры криминалистики
и оперативно-розыскной деятельности
Ростовского юридического
института МВД России
доктор юридических наук,
профессор, заслуженный деятель науки
Российской Федерации
E-mail: avardanyan@yandex.ru

Vardanyan Akop Varazdatovich

head of the Department of Criminalistics and
Operational Investigative Activities of the
Rostov Law Institute of the Ministry of In-
ternal Affairs of Russia Doctor of Law, Pro-
fessor, Honored Worker of Science of the
Russian Federation
E-mail: avardanyan@yandex.ru

Варданын Галина Акоповна

старший преподаватель кафедры
процессуального права Южно-
Российского института управления
Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
кандидат юридических наук
E-mail: avardanyan@yandex.ru

Vardanyan Galina Akopovna

Senior Lecturer of the Department
of Procedural Law of the South Russian
Institute of management of the Russian
Academy of National Economy and Public
Administration under the President of the
Russian Federation
Candidate of Law
E-mail: avardanyan@yandex.ru

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ ОСОБЕННОСТИ
НЕЗАКОННОГО ПРОИЗВОДСТВА ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ
И МЕДИЦИНСКИХ ИЗДЕЛИЙ**

Введение: на основе научного инструментария учения о криминалистической характеристике преступлений представлена структура и содержание данной научной абстракции применительно к незаконному производству лекарственных средств и медицинских изделий (ст. 235.1 УК РФ). Незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий входит в группу деяний, получивших в юридической литературе условное наименование «преступления в сфере теневого фармацевтического рынка», которые были введены в Уголовный кодекс РФ федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 532-ФЗ и призваны реализовать уголовно-правовые средства защиты правоотношений в сфере оборота лекарственных средств, медицинских изделий, биодобавок. Несмотря на наличие между названными деяниями ряда сходных черт, незаконному производству лекарственных средств и медицинских изделий присущи достаточно выраженные криминалистически значимые особенности, которые авторы также проанализировали.

Материалы и методы: эмпирическую базу исследования составили результаты анализа 102 уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 235.1, 238.1,

327.2 УК РФ, и других смежных деяниях, по которым предметом посягательства выступали изготовленные незаконно либо с нарушением действующего порядка или технологий лекарственные средства и медицинские изделия, а также опубликованная следственно-судебная практика и официальная статистика.

Методологическую основу исследования составил общий диалектический метод познания, а также системно-структурный, сравнительно-правовой, формально-логический, в процессе исследования авторы также применяли методы наблюдения, описания, обобщения, сравнения, моделирования, анализа и синтеза, индукции и дедукции.

Результаты исследования: исследование позволило выявить комплекс криминалистически значимых особенностей, образующих информационную модель незаконного производства лекарственных средств и медицинских изделий, выступающую эффективным подспорьем для организации расследования данных деяний.

Выводы и заключения: всесторонний учет криминалистически значимых особенностей незаконного производства лекарственных средств и медицинских изделий способствует тщательному планированию расследования, в том числе посредством осуществления тактических операций, а также их безупречной реализации, что актуализирует перспективы выявления реального масштаба противоправной деятельности, установления ее организованного и серийного характера, всех эпизодов и соучастников, действительного размера причиненного вреда, который отнюдь не исчерпывается установленным в рамках разовой контрольной закупки, однако зачастую так и остается вне правового реагирования.

Ключевые слова: лекарственные средства, медицинские изделия, незаконный оборот, лицензия, препарат, продукция, производство, организация, юридическое лицо, фармацевтическая деятельность.

CRIMINALLY SIGNIFICANT FEATURES OF ILLEGAL PRODUCTION OF MEDICINES AND MEDICAL DEVICES

Introduction: the structure and content of this scientific abstraction in relation to the illegal production of medicines and medical devices (article 235.1 of the criminal code of the Russian Federation) is presented on the basis of the scientific tools of the doctrine of criminalistic characteristics of crimes. Illegal production of medicines and medical devices is included in the group of acts that received the conditional name "crimes in the sphere of the shadow pharmaceutical market" in the legal literature, which were introduced into the criminal code of the Russian Federation by the Federal law of December 31, 2014. No. 532-FZ and are intended to implement criminal legal remedies for legal relations in the sphere of turnover of medicines, medical devices, and dietary supplements. Despite the presence of a number of similarities between these acts, the illegal production of medicines

and medical devices is characterized by sufficiently pronounced criminally significant features, which the authors analyzed in this paper.

Materials and methods: The empirical base of the research constituted the results of the empirical analysis 102 criminal cases about the crimes provided by articles 235.1, 238.1, 327.2 criminal code and other related acts, which encroached upon were made illegally or in violation of the existing procedure or technology medicinal products and medical devices, investigated in various regions of the Russian Federation.

The methodological basis of the study was the General dialectical method of cognition, as well as system-structural, comparative-legal, formal-logical methods. In the course of the study, the authors also used methods of observation, description, generalization, comparison, modeling, analysis and synthesis, induction and deduction.

Results: the study revealed a complex of criminally significant features that form an information model of illegal production of medicines and medical devices, which is an effective tool for organizing the investigation of these acts.

Conclusion: comprehensive consideration of criminally significant features of illegal production of medicines and medical devices contributes to careful planning of the investigation, including through the implementation of tactical operations, as well as their flawless implementation, which actualizes the prospects for identifying the real scale of illegal activity, establishing its organized and serial nature, all episodes and accomplices, the actual amount of damage caused, which is not limited to the established one-time control purchase, but it often remains outside the legal response.

Keywords: medicines, medical devices, illegal circulation, license, drug, products, production, organization, legal entity, pharmaceutical activity.

Постреформенный период нашей страны ознаменовался множеством проблем и противоречий, ошибок и нерешенных вопросов, как побочных неблагоприятных явлений в целом позитивных экономических, социальных и прочих реформ. Признание многообразия форм собственности, демонополизация экономики, гарантированная возможность заниматься предпринимательской деятельностью и другие подобные, безусловно, важные ценности демократического общества и правового государства в результате незавершенности регламентации механизма их реализации, отсутствия должных и эффективных мер контрольно-надзорного характера закономерно способствовали росту не только общеуголовной, но и служебной, экономической, коррупционной преступности [1]. В литературе указанная разновидность криминалитета приобрела условное наименование «беловоротничковая преступность» в силу явной выраженности типичных криминалистически значимых качеств соответствующих субъектов преступлений [2], отнюдь не относящихся к маргинальным и асоциальным элементам, а, наоборот, представляющих собой высококомпетентных, уважаемых и хорошо интегрированных в различные общественные институты и инфраструктуры гражданского общества лиц. Данная разновидность преступлений обширна и многообразна, поскольку экономическая, служебная и коррупционная преступность пронизывает практически все сферы постреформенного общества.

Особое место в данной специфической структуре преступности, на наш взгляд, занимают деяния, опасные не только и не столько причинением имущественного вреда в результате осуществления тех или иных неправомерных гражданско-правовых сделок, пусть повлекших причинение особо крупного ущерба, сколько их проникновением в такие правоотношения, которые призваны обеспечить и гарантировать безопасность и здоровье неопределенно широкому кругу населения [3; 4]. Постсоветскому периоду нашего государства было присуще одно из таких неблагоприятных явлений, как перенасыщенность рынка различными контрафактными изделиями, в том числе низкокачественной медицинской продукцией, не отвечающей требованиям безопасности для жизни и здоровья, произведенной с нарушением технологий и при отсутствии необходимой разрешительной документации.

В юридической науке имеется ряд интересных исследований, посвященных квалификации, выявлению и расследованию преступлений, затрагивающих те или иные стороны производства и оборота лекарственных средств, медицинских изделий, биодобавок (С.В. Максимов, В.Т. Мазеин, А.Ю. Терехов, Е.И. Третьякова О.П. Грибунов и др.). Признавая вклад названных исследователей в развитие данной проблематики, отметим, что накопившаяся следственно-судебная практика применения нормы ст. 325.1 УК РФ (незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий) позволяет разработать более обновленные и уточненные криминалистически значимые признаки, образующие криминалистическую характеристику указанного деяния.

Нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, гражданское законодательство; законодательство, регулирующее оборот лекарственных средств, медицинских изделий, биологически активных добавок; акты официального толкования норм права; подзаконные нормативные акты, регулирующие деятельность фармацевтических и лечебных учреждений и организаций, а также подзаконные нормативные акты, регулирующие деятельность сотрудников правоохранительных и иных государственных органов в сфере борьбы с преступлениями указанной категории.

Эмпирическую базу исследования составили результаты анализа 102 уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 235.1, 238.1, 327.2 УК РФ, и других смежных деяниях, по которым предметом посягательства выступали изготовленные незаконно либо с нарушением действующего порядка или технологий лекарственные средства и медицинские изделия, расследованных в различных регионах Российской Федерации, а также опубликованная следственно-судебная практика и официальная статистика.

Методологическую основу исследования составил общий диалектический метод познания, а также системно-структурный, сравнительно-правовой, формально-логический методы; в процессе исследования авторы также применяли методы наблюдения, описания, обобщения, сравнения, моделирования, анализа и синтеза, индукции и дедукции.

Реализуя уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями в сфере оборота лекарственных средств, медицинских изделий, биодобавок, законодатель федераль-

ным законом от 31 декабря 2014 г. № 532-ФЗ ввел три новые нормы в Особенную часть УК РФ: ст. ст. 235.1, 238.1, 327.2. Таким образом, законодатель дифференцировал деяния, связанные с незаконным производством лекарственных средств и медицинских изделий, обращением фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий, биодобавок и подделкой документов на лекарственные средства или медицинские изделия либо упаковки лекарственных средств или медицинских изделий.

Наряду с фальсифицированными и/или недоброкачественными лекарственными средствами (в том числе имитирующими жизненно важные препараты), медицинскими изделиями, биодобавками на отечественном фармацевтическом рынке получило распространение также незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий (ст. 235.1 УК РФ). Законодатель понимает под незаконным производством лекарственных средств и медицинских изделий их производство без специального разрешения (лицензии), если соответствующее разрешение (лицензия) необходимо. Квалифицированный состав указанного посягательства предусматривает аналогичные действия, совершенные организованной группой либо в крупном размере. Непродолжительный период указанной нормы способствовал наработке определенной следственно-судебной практики ее реализации, что, во-первых, говорит о практической востребованности данной нормы правоприменителями, во-вторых, актуализирует возможность говорить об уточнении криминалистически значимых особенностей совершения незаконного производства лекарственных средств и медицинских изделий, отражающих механизм противоправной деятельности. Поскольку ранее (до вступления в силу ст. 235.1 УК РФ) можно было говорить о тех или иных проблемах расследования преступлений указанной категории, отчасти в прогностическом аспекте, опираясь на судебно-следственную практику, хотя и фактически отражающую аналогичные противоправные действия, однако тем не менее инкриминируемые по другим смежным статьям уголовного закона.

Представляется, что отчетливо выраженная специфическая инфраструктура общественных отношений, а именно здравоохранение, имманентным аспектом которого выступает деятельность по производству лекарственных средств и медицинских изделий, позволяет говорить об обстановке места преступления как об одном из ключевых элементов криминалистической характеристики данных деяний. Напомним, что под криминалистической характеристикой преступлений понимается совокупность криминалистически значимых сведений (элементов, признаков), отражающих внутренние закономерности механизма совершения соответствующей группы деяний [5]. Типичными структурными элементами данной информационной модели являются: обстановка совершения преступления (время, место и иные особенности, вытекающие из пространственно-временных факторов, например, особенности регламентации и осуществления мер контрольно-надзорного характера), способы совершения преступлений, отображающиеся в характерных следах преступных действий, личностные особенности субъектов преступлений, значимые для расследования, предмет преступного посягательства.

Итак, в отличие от производства фальсифицированных лекарственных средств и медицинских изделий, для которых характерно их воссоздание в кустарных условиях, с имитацией внешних признаков подлинных аналогов, типичным местом совершения деяния, предусмотренного ст. 235.1 УК РФ, является территория официально функционирующей организации. Данная организация своевременно прошла процедуру государственной регистрации, а потому имеет все необходимые регистрационные данные (официальное наименование, ИНН, КПП, ОГРН, расчетный счет и т.д.), в том числе доступные для ознакомления в открытых источниках информации. Также она состоит на учете как налогоплательщик, следовательно, регулярно взаимодействует с налоговыми органами при выполнении обязательств в сфере налогообложения. Юридическое лицо в целом осуществляет свою финансово-хозяйственную деятельность согласно принятому уставу, непосредственно предусматривающему производство различных лекарственных средств, медицинских изделий.

В то же время такие виды деятельности, как производство лекарственных средств, производство и техническое обслуживание медицинской техники (за исключением случаев, когда техническое обслуживание осуществляется для обеспечения собственных нужд организации либо индивидуального предпринимателя) и медицинских изделий в соответствии с федеральным законом «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 № 99-ФЗ подлежат лицензированию. Именно за игнорирование этого требования предусмотрена уголовная ответственность по ст. 235.1 УК РФ. При этом, как показывают результаты осмотра, в уставе организации, незаконно произведшей медицинскую продукцию, нередко прямо предусмотрено производство тех или иных предметов лишь при наличии лицензии.

Анализ уголовных дел позволил констатировать, что чаще всего незаконность производства проявляется в форме отсутствия именно лицензии (а не разрешения) на производство соответствующих изделий. Что касается предмета преступного посяательства, то в большинстве случаев к таковому относятся различные виды медицинской техники (медицинских изделий): инструменты, аппараты, приборы, оборудование, реализуемые для диагностики и обследования организма, выполнения различных медицинских исследований, профилактики и лечения заболеваний, реабилитационного периода, изменения анатомических или физиологических особенностей организма и т.п. При этом в отличие от лекарственных средств медицинские изделия не предназначены оказывать на организм человека фармакологическое, иммунологическое, генетическое, метаболическое воздействие.

Типичными примерами произведенной без лицензии медицинской техники (медицинских изделий) явились предметы, применяемые в сфере стоматологии (различные разновидности и модификации наконечников, напильники корневые для обработки корневых каналов зубов, каналонаполнители для пломбирования, каналорасширители стоматологические и т.п.), травматологии (винты: бедренные, компрессирующие, кортикальные; спонгиозные, канюлированные; пластины: для ключицы, реконструктивные; спицы: Киршнера, резьбовые; сверла и пр.).

Типичными субъектами преступлений выступали руководители (генеральные директора, директора) организаций (созданных чаще всего в форме ООО), непосред-

ственно занимающиеся производством медицинской техники, включая хирургическое оборудование, ортопедические приспособления и т.п. При этом эти лица зачастую одновременно выступали соучредителями либо даже единственными учредителями данного юридического лица. Соответственно, субъекты анализируемых деяний имеют вполне определенный социальный статус (являясь руководителями, они активно и систематически взаимодействуют с деловыми партнерами, в частности с представителями медицинских и фармацевтических учреждений, выступающими покупателями производимой продукции), постоянное место жительства, в большинстве случаев состоят в брачных отношениях, обладают высшим либо средне-специальным образованием по профилю деятельности, положительно характеризуются на работе и в быту, компетентны касательно законодательства о лицензировании.

Реализация субъектами преступлений из корыстных мотивов была связана не с личным обогащением вопреки интересам и финансовому благополучию возглавляемой ими организации, а, напротив, обуславливалась стремлением поддержать хороший уровень производственно-хозяйственной деятельности юридического лица, обеспечивающий прибыльность такой деятельности и успешность осуществления руководства.

Наличие у субъектов управленческих полномочий, отраженное в уставе и иных официальных документах организации (охватывающих собой возложение полной ответственности за все направления деятельности юридического лица, представление интересов организации и т.п.), сочеталось с реальным их участием в совершении анализируемого деяния путем дачи сотрудникам указания о производстве соответствующей медицинской техники вопреки отсутствию лицензии. Именно принятие решения о серийном производстве изделий, пользующихся спросом в сфере медицины и фармакологии, в нарушение установленного порядка лицензирования, в сочетании с дальнейшим сбытом данной продукции заинтересованным лицам – партнерам по бизнесу, составляет сущность типичных способов совершения указанных посягательств.

Соответственно, следы преступной деятельности, обладая определенной спецификой, могут быть разделены на три большие группы: следы-предметы (произведенная без лицензии продукция, как правило, предназначенная для сбыта деловым партнерам; оборудование, задействованное для выпуска этой продукции; помещение для хранения произведенной продукции либо комплектующих изделий; оптовая и розничная упаковка); следы-документы (учредительные, лицензионные, разрешительные, кадровые, гражданско-правовые, финансовые, налоговые); информационные следы, указывающие на взаимоотношения субъектов преступлений с иными участниками фармацевтического рынка: переписка и вербальные контакты с помощью средств связи [6] (их содержание, использованные средства связи, период активности); подтверждающие наличие договорных обязательств: черновики договоров и иных документов; свидетельствующие об осуществлении мер по сокрытию преступлений [7]: фальсификация лицензий для создания у потенциальных деловых партнеров видимости законной деятельности, неправомерное внесение корректив в официальные документы).

В то же время незаконность производства медицинских изделий обуславливается, помимо отсутствия лицензии, также тем, что изделия не были предусмотрены для обеспечения собственных нужд организации. Это обстоятельство необходимо доказывать в процессе расследования путем реализации тактических операций [8], охватывающих своим содержанием совокупность следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, подчиненных решению единой тактической задачи. В данном случае рациональна реализация тактической операции по задержанию с поличным, сочетающей в себе оперативное обследование, зданий, сооружений, участков местности, транспортных средств (для установления факта производства конкретного ассортимента продукции, на которую у предприятия отсутствует лицензия, цели производства этой продукции и ее объемов), мониторинг компьютерных сетей с последующим планированием проверочной закупки и дальнейшим проведением неотложных следственных действий [1] по обнаружению, фиксации и изъятию доказательственной информации.

Тщательное планирование данных тактических операций и их безупречная реализация обеспечивает выявление реального масштаба противоправной деятельности, установление ее организованного и серийного характера, всех ее эпизодов и соучастников, действительный размер причиненного вреда, который зачастую далеко не исчерпывается суммой продукции, явившейся предметом разовой контрольной закупки. Нередко он остается в полном объеме не установленным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Айвазова О.В. Криминалистические аспекты изучения юридических лиц как адекватное реагирование на современные тенденции преступности служебно-экономической направленности / О.В. Айвазова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2017. – № 4 (83). – С. 9–15.
2. Айвазова О.В. Криминалистические аспекты изучения субъектов преступления на современном этапе развития юридического научного знания / О.В. Айвазова // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сб. науч. трудов участников междунар. науч.-практич. конф. – Ростов н/Д., 2018. – С. 14–21.
3. Грибунов О.П. Виктимологические факторы оборота фальсифицированных лекарственных средств / О.П. Грибунов, А.Г. Заблочкая, Е.И. Третьякова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2015. – № 3-2. – С. 67–73.
4. Грибунов О.П. Лекарственные средства как предмет преступления / О.П. Грибунов, Е.И. Третьякова // Рос. следователь. – 2013. – № 18. – С. 2–4.
5. Айвазова О.В. Криминалистическая характеристика преступлений как систематизированное отражение механизма преступной деятельности: результаты научной полемики / О.В. Айвазова // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 389. – С. 153–157.
6. Грибунов О.П. Средства сотовой связи как источник криминалистически значимой информации / О.П. Грибунов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2017. – № 4 (83). – С. 137–142.

7. Айвазова О.В. Особенности сокрытия преступлений корыстной направленности, связанных с нарушением земельного законодательства / О.В. Айвазова, М.И. Максимов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 1 (88). – С. 115–126.

8. Шиканов В.И. Теоретические основы тактических операций в предварительном расследовании / В.И. Шиканов. – Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 1983. – 65 с.

9. Айвазова О.В. Неотложные следственные действия: теоретико-прикладной подход / О.В. Айвазова // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 432. – С. 205–209.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Aivazova O. V. Criminalistic aspects of studying legal entities as an adequate response to modern trends in crime of service and economic orientation / O. V. Aivazova // Bulletin of the East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – №. 4 (83). P. 9–15.

2. Aivazova O. V. Criminalistic aspects of studying the subjects of crime at the present stage of development of legal scientific knowledge / O. V. Aivazova // Criminalistics: actual issues of theory and practice: Collection of scientific papers of participants of the International scientific and practical conference. – Rostov-on-Don, 2018. – P. 14–21.

3. Gribunov O. P. Victimological factors in the trafficking of counterfeit medicines / O. P. Gribunov, A. G. Zablockya, E. I. Tretjakova // Izvestia of the Tula State University. Economic and Legal Sciences. – 2015. – №. 3-2. – P. 67–73.

4. Gribunov O. P. Medicinal product as subject of crime / P. O. Gribunov, Tretyakova E. I. // Russian Investigator. – 2013. – №. 18. – P. 2–4.

5. Aivazova O. V. Criminalistic characteristics of crimes as a systematic reflection of the mechanism of criminal activity: results of scientific polemics / O. V. Aivazova // Bulletin of Tomsk State University. – 2014. – №. 389. – P. 153–157.

6. Gribunov O. P. Cellular as a source of forensically relevant information / Gribunov O. P. // Bulletin of East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – №. 4 (83). – P. 137–142.

7. Aivazova O. V. Features of concealment of crimes of a mercenary orientation connected with violation of the land legislation / O. V. Aivazova, M. I. Maksimov // Bulletin of the East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – №. 1 (88). – P. 115–126.

8. Shikanov V. I. Theoretical bases of tactical operations in preliminary investigation / V. I. Shikanov. – Irkutsk: Publishing House of the Irkutsk State University, 1983. – 65 p.

9. Aivazova O. V. Urgent investigative actions: a theoretical and applied approach / O. V. Aivazova // Bulletin of the Tomsk State University. – 2018. – № 432. – P. 205–209.

УДК 355.405.1

DOI 10.24411/2312-3184-2020-10018

Корнаухова Наталья Геннадьевна
заместитель начальника кафедры
оперативно-розыскной деятельности
и специальной техники Волгоградской
академии МВД России
E-mail: pongo_07@mail.ru

Kornaukhova Natalia Gennadievna
deputy Head of the Department of Operational
and Investigative Activities and Special
Equipment of the Volgograd Academy of the
Ministry of Internal Affairs of Russia.
E-mail: pongo_07@mail.ru

Катков Сергей Владимирович
доцент кафедры оперативно-розыскной
деятельности и специальной техники
Волгоградской академии МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: sv.katkov@yandex.ru

Katkov Sergey Vladimirovich
Senior Lecturer of the Department of Opera-
tional and Investigative Activities and Special
Equipment of the Volgograd Academy of the
Ministry of Internal Affairs of Russia, Candi-
date of Law
E-mail: sv.katkov@yandex.ru

ПОЛУЧЕНИЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Введение: в статье исследуются изменения, внесенные в федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (далее – ФЗ «Об ОРД»), в частности введение нового оперативно-розыскного мероприятия «Получение компьютерной информации». Авторами исследуются понятие и виды оперативно-розыскных мероприятий, раскрывается сущность, определяются условия и способы получения компьютерной информации, проводится сравнительный анализ оперативно-розыскного мероприятия с другими, предусмотренными в ст. 6 ФЗ «Об ОРД», выявляются сходства и различия, определяются наиболее проблемные вопросы, возникшие в оперативно-розыскной теории и практике после введения нового мероприятия в качестве самостоятельного.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, федеральные законы, имеющие непосредственное отношение к правовой основе осуществления оперативно-розыскной деятельности, а также подзаконные нормативные правовые акты федеральных органов государственной власти, нормативные правовые акты органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, регламентирующие организацию и тактику проведения оперативно-розыскных мероприятий. Методологическую основу исследования составили исторический, формально-юридический, логический методы, а также метод сравнения и анализа.

Результаты исследования: позволили уточнить отдельные положения, касающиеся сущности введенного оперативно-розыскного мероприятия. На основе этого предлагается авторское определение получения компьютерной информации как самостоятельного оперативно-розыскного мероприятия.

Выводы и заключения: авторы, рассмотрев понятие, объекты, способы получения компьютерной информации, изучив опыт практических сотрудников, проанализировав мнения ученых в области оперативно-розыскной деятельности, пришли к выводу о том, что рассматриваемое оперативно-розыскное мероприятие не является самостоятельным, а может выступать лишь в качестве дополнения к иным оперативно-розыскным мероприятиям, приведённым в ст. 6 ФЗ «Об ОРД».

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, сотрудники оперативных подразделений, получение компьютерной информации.

OBTAINING COMPUTER INFORMATION: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Introduction: the article examines the changes made to the Federal law «On operational search activity» dated August 12, 1995 № 144-FZ, in particular the introduction of a new operational search activity «Obtaining computer information». The authors examine in detail the concept and types of operational-search activities, reveals the essence, determines the conditions and methods of obtaining computer information, a comparative analysis of the considered operational-search activities with others provided for in art. 6 of the Federal law «On operational search activity», the similarities and differences are identified, the most problematic issues that arose in the operational-search theory and practice after the introduction of this operational-search event as an independent one are determined.

Materials and Methods: the normative basis of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, other Federal laws that are directly related to the legal basis for the implementation of operational-search activities, as well as by-laws regulatory legal acts of Federal bodies of state power, regulatory legal acts of bodies engaged in operational-search activities, regulating the organization and tactics of operational-search activities. The methodological basis of the study was historical, formal-legal, logical methods, as well as the method of comparison and analysis.

Results: allowed to clarify certain provisions relating to the essence of the introduced operational search activities. On the basis of this, the author proposes the definition of obtaining computer information as an independent operational and investigative measure.

Summary and Conclusion: having considered the concept of objects, methods of obtaining computer data, examining the practical experience of the staff, after analyzing the views of scholars in the field of investigative activities concluded that the operatively-search event is not independent, but can act only as a Supplement to other investigative activities listed in article 6 of the Federal law «On the OSA».

Key words: operational-search activity, operational-search activities, employees of operational divisions, getting computer information.

В июле 2016 г. вступили в силу федеральный закон «О внесении изменений в федеральный закон "О противодействии терроризму" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» № 374-ФЗ и федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» N 375-ФЗ.

Проекты данных законов были внесены депутатом Государственной Думы ФС РФ И.А. Яровой и членом Совета Федерации ФС РФ В.А. Озеровым. Оба закона направлены на установление дополнительных мер противодействия терроризму, обеспечение общественной безопасности и вызвали повышенное общественное внимание. В СМИ законы называли «пакет Яровой» или «закон Яровой» [1].

Одним из положений этого законодательного акта стало внесение изменений в ФЗ «Об ОРД», расширивших перечень оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) еще одним – «Получение компьютерной информации» (далее – ПКИ), позволяющим решать весь перечень задач, стоящих перед субъектами оперативно-розыскной деятельности в России.

Решение тех или иных задач ОРД, закрепленных в ст. 2 ФЗ «Об ОРД», априори предполагает получение в процессе проведения любого оперативно-розыскного мероприятия или их совокупности различного спектра оперативно значимой информации. Для достижения максимального эффекта от проводимых ОРМ в большинстве случаев неважно в какой форме будут зафиксированы их результаты: в устной или письменной, на видео- или аудионосителях, на фотоизображениях и т. д.

В то же время, учитывая постоянно возрастающее число пользователей и количество различной оперативно значимой информации, в том числе криминального характера, распространяемой в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», весьма актуально получение тех или иных компьютерных файлов, хранящихся в долговременной (внешней) памяти. Соответственно такая информация может быть получена в результате проведения различных ОРМ: снятие информации с технических каналов связи, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и др. Как следствие, возникает вопрос: «Почему же законодатель выделил получение компьютерной информации в качестве самостоятельного ОРМ?».

На наш взгляд, это связано с тем, что компьютерный способ хранения и передачи различной информации, в том числе имеющей значение для решения задач ОРД, достаточно широко распространен и имеет свои особенности. С практической точки зрения ПКИ, как самостоятельное ОРМ, представляет собой особую совокупность сложных, преимущественно технических действий. Это обусловлено тем, что при

проведении данного ОРМ сотрудник оперативного подразделения фактически должен обладать определенным объемом специальных знаний в области современных информационных технологий, позволяющих выявить, изъять (скопировать), обеспечить сохранность и последующее использование компьютерной информации о лицах и фактах, представляющих оперативный интерес, в целях решения конкретных оперативно-розыскных задач.

Проведение данного ОРМ затруднительно, а порой и невозможно без использования соответствующих специальных технических средств, включая и предназначенных для негласного получения информации, и (или) без участия специалиста в этой области.

В контексте обозначенного необходимо отметить положения ст. 6 ФЗ «Об ОРД», позволяющие должностным лицам органов, осуществляющих ОРД, не только использовать в ходе проведения ОРМ информационные системы, видео- и аудиозапись, но и другие технические средства, не наносящие ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющие вреда окружающей среде. Также законодательно предусмотрена возможность при проведении рассматриваемого вида ОРМ использования оперативно-технических сил и средств органов федеральной службы безопасности, органов внутренних дел в порядке, определяемом межведомственными нормативными актами или соглашениями между органами, осуществляющими ОРД, а также помощи должностных лиц и специалистов, обладающих научными, техническими и иными специальными знаниями.

В то же время необходимо отметить, что после появления ПККИ как самостоятельного ОРМ в оперативно-розыскной науке и практике возникли проблемы, касающиеся тактики и методики его проведения. Более того, несмотря на то, что это ОРМ уже существует относительно продолжительное время, фактически отсутствует нормативно-правовая регламентация, позволяющая четко определить варианты его документального оформления, обеспечивающих максимально эффективное использование полученных результатов, например, в рамках уголовного судопроизводства.

Разрешению обозначенной проблематики, на наш взгляд, будет способствовать уяснение сущности ПККИ с позиции оперативно-розыскной терминологии.

Понятие «компьютерная информация» впервые было раскрыто в положениях ст. 1 Соглашения о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации, заключенном 1 июня 2001 г. в г. Минске и ратифицированном федеральным законом РФ от 1 октября 2008 г. № 164-ФЗ. Согласно этому международному акту компьютерная информация – это «информация, находящаяся в памяти компьютера, на машинных или иных носителях в форме, доступной восприятию ЭВМ, или передающаяся по каналам связи».

Несколько позже федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» к ст. 272 УК РФ, предусматривающей ответственность за соответствующий вид уголовно наказуемых деяний, было добавлено примеч. 1. В нем законодателем было разъяснено, что «под компьютерной информа-

цией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи».

Однако, как отмечают О.Я. Баев, В.А. Мещеряков, М.В. Старичков и другие отечественные ученые, данное определение вряд ли можно считать корректным [2; 3].

В оперативно-розыскной теории также отсутствует единое мнение относительно трактовки понятия такого ОРМ, как ПКИ. Так, по мнению А.Л. Осипенко, получение компьютерной информации представляет собой «специфическую форму представления информации, приспособленную для обработки в компьютерных устройствах, передачи по каналам связи и хранения на специализированных носителях» [4, с. 85].

Е.С. Дубонос же считает, что получение компьютерной информации – это оперативно-техническое мероприятие, направленное на сбор сведений, циркулирующих в компьютере или сети компьютеров, а также содержащихся на различных носителях машинной информации с последующей их фиксацией (или без неё) для решения оперативно-розыскных задач [5].

Отличается относительной новизной также мнение Р.Р. Мамлеева, понимающего получение компьютерной информации как совокупность средств и способов исследования компьютерной системы с целью обнаружения и документирования материальных следов, сопутствующих подготовке или совершению преступлений, которые могут содержаться в компьютерной системе в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи [6, с. 37].

Считаем, что с позиции оперативно-розыскной теории объединяет обозначенные выше точки зрения конечная цель такого оперативно-розыскного мероприятия, как ПКИ. Безусловно, это защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств. В свою очередь эта цель может быть достигнута решением отдельных частных задач ОРД, например, выявлением, предупреждением, пресечением и раскрытием преступлений, а также выявлением и установлением лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших. Отличительной особенностью ПКИ от иных ОРМ, на наш взгляд, будут являться именно места обнаружения компьютерной информации, способы её изъятия (копирования), хранения и последующего использования в решении тех или иных оперативно-розыскных задач.

Принимая во внимание представленные точки зрения, с учетом понятийного аппарата, закрепленного в ст. 2 федерального закона от 27 июля 2006 г. №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», предлагаем под «получением компьютерной информации» понимать оперативно-розыскное мероприятие, направленное на получение сведений (сообщений, данных), существующих на различных электронных носителях информации, в том числе в информационных сетях (независимо от формы представления), путем поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления информации для решения задач ОРД. Перечисленные данные могут быть отражены в форме текста, графика, аудио- и видеодокументов, всевозможных баз данных.

В рамках изучаемого вопроса нельзя не отметить и тот факт, что в соответствии с положениями ч. 2 ст. 19 федерального закона «О внесении изменений в федераль-

ный закон "О противодействии терроризму" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» № 374-ФЗ с 1 июля 2018 г. вступили в силу отдельные положения «пакета Яровой» – в соответствии с положениями новой редакции ст. 64 федерального закона «О связи» № 126-ФЗ от 7 июля 2013 г. операторы связи обязаны хранить на территории Российской Федерации:

1) информацию о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, текстовых сообщений, изображений, звуков, видео- или иных сообщений пользователей услугами связи в течение трех лет с момента окончания осуществления таких действий;

2) текстовые сообщения пользователей услугами связи, голосовую информацию, изображения, звуки, видео-, иные сообщения пользователей услугами связи до шести месяцев с момента окончания их приема, передачи, доставки и (или) обработки.

Необходимо также отметить, что порядок, сроки и объем хранения этой информации должен быть установлен Правительством Российской Федерации. Однако в настоящее время разработан только проект такого подзаконного нормативного правового акта¹.

Разумеется, что эти законодательные изменения вызвали серьезную критику со стороны научного и экспертного сообщества, а также со стороны крупных IT-компаний и операторов связи, так как это не только тесно связано с ограничением конституционных прав и свобод граждан, но требует расходования только по примерным подсчетам порядка 70 миллиардов долларов на их практическую реализацию и около 200 миллиардов долларов на последующее обслуживание такой системы контроля [7, с. 33].

Статистические данные ФКУ «ГИАЦ МВД России» свидетельствуют о том, что за последнее время количество преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, значительно увеличилось. Так в 2011 г. было зарегистрировано таких преступлений 7 974, в 2012 – 10 227, в 2013 – 11 104, в 2014 – 10 956, 2015 – 43 657, в 2016 – 53 473, в 2017 – 62 404, в 2018 г. – 121 247 преступлений. Обозначенная тенденция сохраняется и в настоящее время, т. е. можно констатировать, что уровень так называемой бесконтактной преступности в киберпространстве значительно возрос. Используя возможности информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», приобретаются, продаются предметы, вещества и иные объекты, свободная реализация которых запрещена, или оборот которых ограничен на территории России. Кроме того, происходит обнародование данных, составляющих государственную и иную охраняемую тайну, совершаются терро-

¹ О внесении изменений в Правила взаимодействия организаторов распространения информации в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 31 июля 2014 г. N 743: проект постановления Правительства РФ (подготовлен Минкомсвязью России по состоянию на 05.04.2017) // Консультант-Плюс.

ристические акты, развратные действия в отношении несовершеннолетних и другие преступные деяния. Безусловно, это в первую очередь связано с низким уровнем правового регулирования получения доступа к компьютерной информации, отсутствием соответствующих технологий, которые способствовали бы выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, связанных с компьютерной информацией. Таким образом, очевидна необходимость совершенствования правового регулирования оперативно-розыскной деятельности, фактически представляющей собой наиболее эффективный инструмент борьбы с различными проявлениями преступности, имеющийся в распоряжении законодательно определенного перечня федеральных органов исполнительной власти.

В то же время, учитывая концепцию статьи, отметим, что получение компьютерной информации возможно в рамках проведения такого ОРМ, как «снятие информации с технических каналов связи» (далее – СИТКС), которое проводится только после получения судебного решения. С точки зрения конкретных действий основу этого самостоятельного ОРМ составляет использование специальных технических средств, позволяющих обеспечить целенаправленный негласный контроль и фиксацию открытой информации, передаваемой по техническим каналам связи лицами, представляющими оперативный интерес в связи с их причастностью к преступной деятельности или их связями. Существуют мнения о том, что задачи, решаемые путем проведения ОРМ ПКИ, могут быть достигнуты путем реализации комплекса ОРМ. Например, проведение такого ОРМ, как «опрос» позволит из различных источников получить информацию о лице, занимающемся преступной деятельностью, IP-адреса его технического устройства. В случае, если удастся установить лицо, далее целесообразно провести ОРМ «наблюдение». Это необходимо, в первую очередь, для того, чтобы проверить полученную информацию, во-вторых, установить интернет-активность, цели посещения запрещённых сайтов проверяемым (разрабатываемым) лицом и др. В рамках этого ОРМ при помощи IP-адреса возможно также установить последнее место нахождения ЭВМ и т. д. [8, с. 41].

При наличии достоверных данных возможно проведение еще одного ОРМ «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» в целях обнаружения, а при необходимости и изъятия технического устройства, содержащего компьютерную информацию. Как вариант, допустимо проведение ОРМ «Сбор образцов для сравнительного исследования». Затем при обнаружении (изъятии) устройства с привлечением специалиста исследовать данный предмет, тем самым осуществить ОРМ «Исследование предметов и документов». Это позволит получить непосредственный доступ к информации, зафиксированной на устройстве, либо передаваемой по сети, которая содержит сведения о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении.

С учетом обозначенного следует отметить, что до введения ОРМ ПКИ снятие информации с технических каналов связи было основным ОРМ, посредством проведения которого сотрудники оперативных подразделений добывали информацию с различных технических устройств, в том числе зашифрованную, которая содержалась в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. В рамках данного ОРМ

контроль и фиксация сообщений пользователей сети Интернет осуществлялась с использованием двух методов: пассивного контроля и активного перехвата.

В первом случае сотрудники оперативных подразделений осуществляют лишь отслеживание и копирование сообщений, имеющихся в памяти компьютера пользователей серверов системных администраторов. Во втором случае – предпринимаются действия по немедленному перехвату информации, передаваемой пользователями в сети Интернет, т. е. непосредственно в момент ее передачи, а также осуществляется изменение содержания указанной информации, либо просто её уничтожение, в результате чего она не доходит до адресата.

В связи с появлением специального ОРМ, направленного на извлечение компьютерной информации с технического устройства, законодатель вынужден искать критерии разграничения ПКИ и СИТКС. По этому поводу А.Л. Осипенко предлагает провести различие между указанными ОРМ по двум вышеописанным методам добытия информации [4, с. 86]. Безусловно, по своему содержанию рассматриваемые мероприятия имеют больше сходства, чем отличий: оба они являются техническими мероприятиями, требуют судебного разрешения на проведение (в случаях, если при их проведении ограничиваются конституционные права граждан) и проводятся сотрудниками специализированных оперативных подразделений.

Однако есть и отличия между этими ОРМ. Во-первых, по объекту. При ПКИ можно получить данные как о конкретном лице, так и о неустановленном лице. В рамках проведения СИТКС возможно получить только данные о проверяемом (разрабатываемом) лице, представляющем интерес для решения той или иной задачи ОРД. Во-вторых, в случаях, когда компьютерная информация будет негласно извлекаться прямо из компьютерной памяти (имеются в виду различные жесткие диски, флеш-карты и др.), при условии, если она на них была помещена после ее передачи – это ОРМ «ПКИ». Если же информация будет перехватываться в момент её передачи по сети с одного на другое компьютерное устройство (средство связи), возможно проведение компьютерно-технической экспертизы. Данный вид судебной экспертизы производится по возбужденному уголовному делу путём исследования компьютерных средств, электронных носителей информации, систем, обеспечивающих реализацию информационных процессов, что в свою очередь обеспечивает возможность построения системы доказательств.

Важно также отметить, что проведение ОРМ ПКИ связано с рядом проблем объективного и субъективного характера. Это не только слабый уровень оснащения специальной техникой, в том числе предназначенной для негласного получения компьютерной информации, большинства оперативных подразделений, но и кадровое обеспечение специалистами в области информационных технологий. Безусловно, эффективность любого ОРМ во многом зависит от грамотных и профессиональных действий субъектов их проведения. Дефицит высококвалифицированных специалистов в сфере информационных технологий оказывает негативное влияние на процесс осуществления оперативно-розыскной деятельности в целом.

Значимым в контексте обозначенной проблематики является также факт, что развитие информационных технологий обеспечивает не только постоянное совершен-

ствование способов создания, обработки, передачи и хранения компьютерной информации. Параллельно происходит развитие системы защиты такой информации на каждом этапе её существования, включая криптографические средства, в рамках которых используются различные методы шифрования и кодирования [9, с. 124–127]. Очевидно, что данная проблема может быть разрешена посредством применения специальных технических знаний и оборудования.

В совокупности изложенное позволяет поставить под сомнение необходимость законодательного закрепления ПКИ как самостоятельного ОРМ, так как отсутствие законодательной регламентации его содержания, равно как и основ его подготовки и проведения, а также каких-либо практических рекомендаций по организации, тактике и методике проведения в настоящее время способствуют подмене одного ОРМ другим. Таким образом, полагаем, что ОРМ ПКИ нельзя рассматривать как самостоятельное, оно является дополнением к иным ОРМ, закрепленным в ст. 6 ФЗ «Об ОРД».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Богодаева О.Е. Обзор изменений, внесенных в законы по инициативе И. Яровой и В. Озерова // КонсультантПлюс.
2. Баев О.Я. Проблемы уголовно-правовой квалификации преступлений в сфере компьютерной информации // Конфидент. – 1998. – № 7. – С. 8–9.
3. Старичков М.В. Понятие "компьютерная информация" в российском уголовном праве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2014. – № 1 (68). – С. 16–20.
4. Осипенко А.Л. Новое оперативно-розыскное мероприятие «получение компьютерной информации»: содержание и основы осуществления // Вестник Воронежского института МВД России. – 2016. – № 3. – С. 83–90.
5. Дубоносов Е.С. Оперативно-розыскное мероприятие «получение компьютерной информации»: содержание и проблемы проведения // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2017. – № 2-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/operativno-rozysknoe-meropriyatie-poluchenie-kompyuternoy-informatsii-soderzhanie-i-problemy-provedeniya>. (дата обращения 21.12.2019).
6. Мамлеев Р.Р. Средства и методы осуществления оперативно-розыскного мероприятия получение компьютерной информации // Полицейская и следственная деятельность. – 2016. – № 4. – С. 37–45.
7. Гасанов Ю.А. Актуальные тенденции ограничения конституционных прав граждан в России: вызовы информационного общества // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 9. – С. 30–35.
8. Федюнин А.Е. О содержании оперативно-розыскных мероприятий с учетом развития современных технологий в области передачи информации // Рос. следователь. – 2005. – № 1. – С. 40–42.
9. Криптографическая защита информации: учебное пособие / А.Я. Яковлев, А.А. Безбогов, В.В. Родин, В.Н. Шамкин. – Тамбов, 2006. – 140 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Bogadaeva O. E. An overview of the changes made to the laws on the initiative of I. Yarovaya and V. I. Ozerov (prepared for RLS «ConsultantPlus») [Electronic resource] // Access from the Internet. – legal system "ConsultantPlus».
2. Problems of criminal and legal qualification of crimes in the field of computer information / O. J. Baev, V. A. Meshcheryakov // Confidential. – 1998. – № 7. – P. 8–9.
3. Starichkov M. V. The Concept of "Computer information" in Russian criminal law // Bulletin of the East–Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Irkutsk. – 2014. – № 1 (68). P. 16–20.
4. Osipenko A. L. New operational–search event "obtaining computer information": content and basics of implementation // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2016. – №. 3. – P. 83–90.
5. Dubonosov E.S. Operational–search event "Obtaining computer information": content and problems of search realization // Izvestiya Tulgu. Economic and legal Sciences. – 2017. – №. 2-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/operativno-rozysknoe-meropriyatie-poluchenie-kompyuternoy-informatsii-soderzhanie-i-problemy-provedeniya> (date of the application (21.12.2019)).
6. Mamleev R. R. Means and methods of implementation of operational and investigative measures obtaining computer information // Police and investigative activities. – 2016. – №. 4. – P. 37–45.
7. Hasanov J. A. Current trends in the restriction of citizens' constitutional rights in Russia: challenges of the information society // Constitutional and municipal law. – 2019. – N 9. – P. 30–35.
8. Fedyunin A. E. On the content of operational search measures taking into account the development of modern technologies in the field of information transfer // Russian investigator. – 2005. – № 1. – P. 40–42.
9. Cryptographic protection of information: Textbook / A. I. Yakovlev, A. A. Bezrogov, V. V. Rodin, V. N. Samkin. – Tambov, 2006. – 140 p.

УДК 343.9

DOI 10.24411/2312-3184-2020-10019

Тимофеев Сергей Владимирович
старший преподаватель кафедры
оперативно-розыскной деятельности
и специальной техники в ОВД Во-
сточно-Сибирского института
МВД России
E-mail: tsv.1981@mail.ru

Timofeev Sergey Vladimirovich,
Lecturer of the Department of Operational and
Investigative Activities and Special Equipment
East -Siberian Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia
E-mail: tsv.1981@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ СБЫТА НАРКОТИКОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Введение: в статье рассмотрены вопросы деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел по предупреждению сбыта наркотических средств и психотропных веществ, осуществляемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в сети Интернет. Обусловлена актуальность данного направления деятельности. Определено содержание понятия «предупреждение сбыта наркотических средств и психотропных веществ, осуществляемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий», предложены меры по совершенствованию оперативно-розыскного противодействия незаконному сбыту наркотиков в сети Интернет, дан их краткий анализ.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовное, уголовно-процессуальное и оперативно-розыскное законодательство, локальные нормативные акты, регламентирующие вопросы взаимодействия между участниками уголовного судопроизводства. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, а также познавательные методы обобщения и описания, приемы наблюдения, сравнения и анализа.

Результаты исследования: позволили уточнить отдельные положения относительно содержания понятия «предупреждение сбыта наркотических средств и психотропных веществ, осуществляемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий», а также дали возможность сформулировать меры по совершенствованию оперативно-розыскного противодействия незаконному сбыту наркотиков в сети Интернет.

Выводы и заключения: необходимость регламентации в оперативно-розыском законодательстве формирования оперативными подразделениями органов

внутренних дел легендированных объектов в виде информационно-телекоммуникационных ресурсов в сети Интернет обусловлено неуклонным ростом незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Создание данных ресурсов способствует предупреждению на ранних стадиях преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Под предупреждением сбыта наркотических средств и психотропных веществ, осуществляемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, понимается предусмотренная законодательством целенаправленная деятельность уполномоченных оперативных подразделений по созданию легендированных объектов в сети Интернет в виде информационно-телекоммуникационных ресурсов.

Ключевые слова: предупреждение преступлений, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, наркотические средства, психотропные вещества, сеть Интернет, использование результатов оперативно-розыскной деятельности, законодательство.

FEATURES OF PREVENTING THE SALE OF DRUGS USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES

Introduction: the article considers the activities of operational units of the internal affairs agencies to prevent the drugs sale through the Internet. The relevance of the study in this field is indicated. The concept of the term «prevention of the drugs sale through the Internet» is considered. Measures to improve operational and search activities are proposed.

Materials and methods: the standard basis of a research is formed by the Constitution of the Russian Federation, the Criminal Law, criminal procedure and operational search legislation, local regulations regulating issues of maintaining the interaction between participants of criminal proceedings. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal, as well as cognitive methods of generalization and description, techniques of observation, comparison and analysis.

The results of the study made it possible to clarify certain provisions concerning the concept and content of the term "prevention of the sale of narcotic drugs and psychotropic substances using information and telecommunication technologies," as well as to formulate measures to improve the operational and search against the illegal sale of drugs on the Internet.

Summary and Conclusion: the need to regulate in operational and search legislation the formation of legendized facilities in the form of information and telecommunication resources on the Internet by operational units of internal affairs agencies is due to the steady increase in illegal traffic of narcotic drugs and psychotropic substances. The creation of these resources contributes to the prevention of drug trafficking offences in the early stages. Prevention of the sale of narcotic drugs and psychotropic substances, carried out using infor-

mation and telecommunication technologies, means the targeted activities of authorized operational units under the legislation to create legendized facilities on the Internet in the form of information and telecommunication resources, by reasonable combination and optimal use of knowledge (information) and capabilities in order to solve the tasks of operational and search activities.

Keywords: prevention of crimes, operational search activity, investigation and search operations, drugs, psychotropic substances, Internet, use of results of operational search activity, change, legislation.

Преступления в сфере информационных технологий достаточно многообразны, среди них отмечаются такие противоправные деяния, как сбыт наркотиков, кража номеров банковских карт и иных реквизитов, распространение вирусов, взлом паролей, фишинг, распространение противоправной информации, вредоносное вмешательство в работу различных систем и т. д.

В настоящее время противоправные действия, сопряженные с информационными технологиями, набирают стремительные обороты. Так, только за 2019 г. в Российской Федерации зарегистрировано 294 409 преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, при этом раскрыто из них всего лишь 65 238¹. Показатели статистической отчетности свидетельствуют о необходимости повышения уровня раскрываемости этих преступлений сотрудниками правоохранительных органов.

Противоправные деяния в сфере информационных технологий представляют собой серьезную техническую, социальную и правовую проблему, эффективное решение которой требует, прежде всего, системного подхода к разработке основ обеспечения безопасности жизненно важных интересов гражданина, общества и государства. Поиск наиболее оптимальных и эффективных форм и методов выявления и раскрытия таких преступлений становится одной из приоритетных задач для органов внутренних дел [1, с. 110].

Рассматриваемые преступления характеризуются особой спецификой, уникальными механизмами и способами совершения. Среди всего многообразия таких деяний наибольшую общественную опасность представляют сопряженные с распространением наркотических средств и психотропных веществ через сеть Интернет (анализ правоприменительной практики показал, что эти преступления почти в 90 % случаев остаются нераскрытыми, при этом все установленные факты практически всегда носят случайный характер).

Изложенное свидетельствует о том, что преступники обладают высоким уровнем специфических знаний в сфере компьютерных технологий, умеют эффективно подбирать способы совершения таких деяний, осведомлены о действенных способах сокрытия следов своей преступной деятельности. В свою очередь сотрудники право-

¹ Официальный сайт ФКУ ГИАЦ МВД России. URL: <http://10.5.0.18/csi/modules> (дата обращения 10.03.2020).

охранительных органов действуют стихийно, не располагая определенным алгоритмом действий, иными словами, они зачастую просто не понимают как осуществлять раскрытие, расследование и предупреждение таких противоправных деяний.

Современный уровень внедрения цифровых технологий и использование наркопреступностью информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ) во многом определяет тактику противодействия оперативными подразделениями органов внутренних дел (далее – ОВД) незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и новых потенциально опасных психоактивных веществ. Указанная деятельность постоянно сталкивается с рядом неразрешенных проблем, а ведь она является важнейшим инструментом сбора доказательств для органов дознания и следствия.

Для большинства людей сеть Интернет стала повседневным явлением, которая дает возможность получить разнообразную информацию и услуги. С Интернетом доступны не только мгновенный обмен данными, но и успешное развитие бизнеса, получение самообразования, осуществление денежных операций, организация досуга и многое другое. Помимо положительных функций, Интернет является детерминантом внедрения в преступную деятельность организованных преступных групп возможностей ИТТ, одной из которых является возможность совершать сделки купли-продажи наркотиков, сохраняя анонимность и полную конспирацию при осуществлении преступной деятельности, а также исключить контроль государства за финансовыми операциями с использованием криптовалюты [2, с. 9]. Сбыт наркотиков в глубинах сети Интернет осуществляется посредством распространения информации в «теневого интернете» (DarkNet).

Сеть DarkNet используется участниками различных криминальных групп для общения, сделок купли-продажи, запрещенных в гражданском обороте предметов и веществ (наркотические средства, психотропные вещества, оружие, базы данных, сведения, составляющие государственную и иную охраняемую тайну и т. д.).

С учетом того, что данная сеть использует неиндексируемые в поисковых системах протоколы, она приобрела статус надежной площадки для совершения противоправной деятельности в условиях анонимности пользователей. Этому способствует использование обезличенных платежных систем и расчетов, таких как Bitcoin, Ethereum и др. [3].

Развитие современных информационно-телекоммуникационных технологий позволило создать сеть, которая обеспечивает абсолютную анонимность пользователей в обход слежения серверов провайдеров, исключая возможность определить, какой информацией обмениваются пользователи. Указанный способ передачи информации называется «луковая маршрутизация».

На территории DarkNet находятся коммерческие веб-сайты, где торгуют запрещенными в гражданском обороте оружием, наркотиками, фальшивыми документами. Такой невидимый Интернет насчитывает более 8000 терабайт информации (600 млрд отдельных документов), это огромный объем по сравнению с 20 млрд «поверхностного» Интернета.

В настоящее время существует ряд исследований, предметом изучения которых являются особенности преступной деятельности, связанной с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и определение наиболее эффективных средств и методов получения оперативной информации [4, 5, 6, 7].

На наш взгляд, проблема обнаружения виртуальных следов преступления в сети Интернет в целях предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия наркопреступлений в настоящее время имеет особую актуальность, в связи с чем назрела острая необходимость изменения тактики и методов работы оперативных подразделений по их обнаружению.

Анализ деятельности оперативных подразделений ОВД по предупреждению преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков, предполагает выделение двух его видов – общекриминалогического и оперативно-розыскного противодействия [8, с. 96].

Отличие между общекриминалогическим и оперативно-розыскным противодействием предупреждением наркопреступлений может быть осуществлено на основании сравнения таких элементов, как объект воздействия, меры предупреждения, субъекты деятельности. Если общекриминалогический вид предупреждения наркопреступности можно охарактеризовать как механизм профилактического воздействия на негативные явления и процессы, происходящие между конкретными группами и лицами, вовлеченными в незаконный оборот наркотиков, то оперативно-розыскной вид противодействия наркопреступности подразумевает целенаправленную, регламентированную законом деятельность уполномоченных оперативных подразделений, направленную на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие наркопреступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, путем осуществления оперативно-розыскных мероприятий.

Изучение практики свидетельствует о наличии серьезных упущений в организации деятельности оперативных подразделений ОВД по предупреждению, выявлению, пресечению и раскрытию преступлений, совершаемых с использованием ресурсов сети Интернет. Это обусловлено низкой эффективностью ОРМ, закрепленных оперативно-розыскным законодательством Российской Федерации (далее – РФ). Осуществление таких ОРМ, как наведение справок, опрос не приводит к положительным результатам ввиду особенностей функционирования сети DarkNet.

Помимо этого, существующие трудности как с теоретической, так и с практической стороны связаны с тем, что действующее нормативное регулирование оперативно-розыскного противодействия незаконному обороту наркотиков в сети Интернет не отвечает современным вызовам и уровню технологической оснащенности киберпреступности.

В соответствии с ч. 1 ст. 15 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) органы, уполномоченные на осуществление оперативно-розыскной деятельности, имеют определенные права при решении ее задач посредством проведения гласных и негласных ОРМ, перечень которых регламентирован ст. 6 ФЗ об ОРД. Сотрудники оперативных подразделений ОВД имеют право не только изымать документы, предметы, материалы и сообщения, прерывать предоставление

услуг связи в случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью лица, а также угрозы государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности РФ, но и устанавливать на безвозмездной либо возмездной основе отношения сотрудничества с лицами, изъявившими согласие оказывать содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность; использовать в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий по договору или устному соглашению служебные помещения, имущество предприятий, учреждений, организаций, воинских частей, а также жилые и нежилые помещения, транспортные средства и иное имущество частных лиц; использовать в целях конспирации документы, зашифровывающие личность должностных лиц, ведомственную принадлежность предприятий, учреждений, организаций, подразделений, помещений и транспортных средств органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также личность граждан, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе¹.

Анализ литературы и правоприменительной практики показал, что необходимо законодательное закрепление права оперативных подразделений ОВД создавать информационно-телекоммуникационные ресурсы, по нашему мнению, это обеспечит наибольшую эффективность борьбы с преступностью в сети Интернет.

Для решения задачи ОРД, связанной с выявлением, предупреждением, пресечением и раскрытием наркопреступлений, а также выявлением и установлением лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших в сети Интернет, необходимо проведение не только поисковых мероприятий, в частности, в социальных сетях для установления информационных сегментов (сайт, место), в которых можно получить оперативно значимую информацию о продаже наркотиков, но и создание легендированных объектов в виде информационно-телекоммуникационных ресурсов.

Сочетание оперативно-поисковых мероприятий в плоскости сетевого информационного пространства сети Интернет и создание информационно-телекоммуникационных ресурсов, например, путем открытия так называемых магазинов сопутствующих товаров, позволит оперативным подразделениям обеспечить получение информации, избобличающей личность преступников. В этой связи трудно не согласиться с высказыванием О.П. Грибунова, который отметил, что в настоящее время без современных технологий процесс раскрытия и расследования преступлений уже практически невозможен [9, с. 11].

Наркопреступность в настоящее время активно освоила и использует (в том числе для подготовки и совершения преступлений) различные медийные устройства, социальные сети, как часть общей интернет-паутины в целом. В этой связи важное значение имеет взаимодействие оперативных подразделений ОВД с подразделениями специальных технических мероприятий для обмена опытом работы. Кроме того, назрела реальная потребность в корректировке действующего оперативно-розыскного закона в целях усиления роли оперативных подразделений органов внутренних дел в вопросах предупреждения на ранних стадиях преступлений в сфере незаконного обо-

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ // Рос. газ. – 1995. – 18 авг.

рота наркотиков путем создания легендированных объектов в сети Интернет в виде информационно-телекоммуникационных ресурсов. Полагаем, что для данных преступлений целесообразно ввести понятие «предупреждение преступлений в сфере незаконного оборота опасных психоактивных веществ, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий», под которым следует понимать целенаправленную, предусмотренную законодательством деятельность уполномоченных оперативных подразделений по созданию легендированных объектов в сети Интернет в виде информационно-телекоммуникационных ресурсов путем разумного сочетания и оптимального использования знаний (информации) и возможностей в целях решения задач оперативно-розыскной деятельности.

Предложение требует дальнейшего научного осмысления, однако, полагаем, что даже частичная реализация положительно отразится на деятельности правоохранительных органов в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Павличенко Н.В., Иванов П.И. Современное состояние методик расследования преступлений в сфере экономической деятельности // Вестник Нижегородской Академии МВД России. – 2017. – № 3 (39). – С. 110–114.
2. Батоев В.Б., Семенчук В.В. Использование криптовалюты в преступной деятельности: проблемы противодействия // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 2 (42). – С. 9–15.
3. Дремлюга Р.И. Незаконный оборот наркотиков и крипторынки: угрозы и вызовы правоохранителю // Наркоконтроль. – 2018. – № 2. – С. 33–38.
4. Середнев В.А. Интернет как эффективное сетевое пространство для проведения оперативно-розыскных мероприятий // Вопросы современной юриспруденции: сб. статей по матер. LX междунар. науч.-практич. конф. № 4 (55). – Новосибирск: СибАК, 2016. – С. 67–80.
5. Дусева Н.Ю. Техничко-криминалистические основы использования глобальной навигационной системы в расследовании и предупреждении преступлений: дис. ... канд. юрид. наук / Н.Ю. Дусева. – Волгоград, 2015. – 190 с.
6. Колычева А.Н. Фиксация доказательственной информации хранящейся на ресурсах сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук / А.Н. Колычева. – М., 2018. – 199 с.
7. Кравец Е.Г. Информационно-коммуникационные технологии как элемент технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений: дис. ... канд. юрид. наук / Е.Г. Кравец. – Волгоград, 2016. – 208 с.
8. Шаповалов Г.М. Возможность использования информационных следов в криминалистике: дис. ... канд. юрид. наук. – Владивосток, 2005. – 210 с.
9. Грибунов О. П. К вопросу о противодействии экстремизму на объектах транспорта // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2013. – № 3 (66). – С. 9–16.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Pavlichenko N.V., Ivanov P.I. Modern state of methods of investigation of crimes in the sphere of economic activity // Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – 2017. – № 3 (39). – P. 110–114.
2. Batoyev V.B., Semenchuk V.V. Use of crypto in criminal activity: problems of counteraction//Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – 2017. – № 2 (42). – P. 9–15.
3. Dremluga R.I. Drug Trafficking and Crypto Markets: Threats and Challenges to Law Enforcement. Drug enforcement. – 2018. – № 2. – P. 33–38.
4. Serodnev V.A. Internet, as an effective network space for carrying out operational and search activities // Issues of modern jurisprudence: see the article on a mater. LX International Scientific and Practical Conference. № 4 (55). – Novosibirsk: SibAK, 2016. – P. 67–80.
5. Duseva N.Y. Technical and forensic basis of use of glo–ball navigation system in investigation and prevention of crimes: dis. ... kand. law. Sciences / N.Y. Duseva. – Volgograd, 2015. – 190 p.
6. Kolycheva A.N. Recording of evidentiary information stored on Internet resources: dis. ... kand. Jurid of Sciences / A.N. Kolycheva. – M., 2018. – 199 p.
7. Kravets E.G. Information and communication technologies as an element of technical and forensic support of crime investigation:... edging. law. Sciences / E.G. Kravets. – Volgograd, 2016. – 208 p.
8. Shapovalov G.M. Possibility of using information traces in forensic science. yew. ... edging. law. sciences. – Vladivostok, 2005. – 210 p.
9. Gribunov O. P. To the issue of combating extremism at transport facilities // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – 2013. – № 3 (66). – P. 9–16.

УДК 343.85

DOI 10.24411/2312-3184-2020-10020

Шаматульский Игорь Александрович
старший преподаватель кафедры
оперативно-розыскной деятельности
факультета милиции Академии МВД
Республики Беларусь
кандидат юридических наук
E-mail: shamatulsky@bk.ru

Shamatulski Igar Aleksandrovich
Senior Lecturer of the Department of Opera-
tional Search Activity of the Faculty of Mili-
tia of the Academy of the Interior Ministry of
the Republic of Belarus
Candidate of Law
E-mail: shamatulsky@bk.ru

О ЕДИНОМ ПОДХОДЕ К ЦЕЛЯМ И ЗАДАЧАМ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Введение: в статье рассматриваются вопросы соотношения целей и задач уголовного права и оперативно-розыскной деятельности, анализируются такие понятия, как «предупреждение», «предотвращение», «пресечение», «выявление» и «раскрытие», их видение различными учеными, авторский взгляд на проблематику, исследуются взаимосвязи при закреплении данных понятий в уголовно-правовом и оперативно-розыском законодательстве Республики Беларусь.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Республики Беларусь, уголовное и оперативно-розыскное законодательство, иные нормативные акты, регламентирующие предупредительную деятельность органов внутренних дел. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: позволили раскрыть содержание исследуемых понятий, а также установить взаимосвязь между ними в уголовном и оперативно-розыском законодательстве Республики Беларусь.

Выводы и заключения: проанализированные категории раскрыли взаимосвязь между оперативно-розыскной деятельностью и уголовным правом, при этом наибольшее значение имеет межотраслевой институт целей и задач.

Ключевые слова: уголовное право, оперативно-розыскная деятельность, стадии совершения преступлений, соотношение уголовно-правовых и оперативно-розыскных понятий.

ON A UNIFIED APPROACH TO THE PURPOSES AND TASKS OF CRIMINAL LAW AND OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY

Introduction: the article discusses issues of the relationship between the goals and objectives of criminal law and operational-search activity, analyzes such terms as «prevention», «obviation», «suppression», «detection» and «investigation», provides a vision of various scholars on their relationship and the author's view on this issue, examines the relationship with the consolidation of these concepts in the criminal law and operational-search legislation of the Republic of Belarus.

Materials and Methods: the regulatory framework of the study is formed by the Constitution of the Republic of Belarus, the criminal and operational-search legislation of the Republic of Belarus, and other regulatory acts governing the preventive activities of the internal affairs bodies. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and methods of observation, comparison, analysis, synthesis and description.

Results: allowed to reveal the content of the studied terms, as well as to establish the relationship between them in the criminal and operational-search legislation of the Republic of Belarus.

Summary and Conclusion: the analyzed categories revealed the relationship between operational investigative activities and criminal law, with the interdisciplinary institute of goals and objectives of the greatest importance.

Keywords: criminal law, operational-search activity, stages of commission of crimes, correlation of criminal law and operational-search terms.

Оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД) обусловлена нормами уголовного права, так как общим объектом изучения указанных наук выступает преступление. Объективной предпосылкой для таких выводов является позиция А.М. Шматова о том, что уголовным правом регулируется совокупность юридических норм, которые определяют преступность и наказуемость деяний, представляющих общественную опасность, а нарушение указанных норм может являться одним из оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) [1, с. 32]. Так, абзац 3 ст. 16 закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – закон «Об ОРД») к таковым относит «сведения о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении, а также о гражданине, его подготавливающем, совершающем или совершившем либо осведомленном о нем»¹. При этом автором обращается внимание на то, что при рас-

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2015. № 2/2305.

крытии латентных преступлений невозможно применить нормы уголовного права без проведения определенных ОРМ. В связи с этим в научной литературе оправданно встречается утверждение о том, что в отдельных случаях нормы уголовного права не могут быть реализованы без комплекса ОРМ [1, с. 32].

Для ОРД особое значение имеют не отдельно взятые нормы уголовного права, а правовые институты, образующиеся в результате объединения между собой уголовно-правовых норм. С.С. Овчинский объединяет их в единый межотраслевой институт целей и задач, которые достигаются и решаются путем применения норм уголовного права [2, с. 26].

Анализ ст. 2 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) позволяет формально выделить две задачи:

- 1) охрана мира и безопасности человечества, социальных объектов от преступных посягательств;
- 2) предупреждение преступных посягательств¹.

В словаре русского языка С.И. Ожегова «охранять» означает «оберегать, стеречь» [3, с. 418], т. е. как и предупреждение выражается в создании условий для недопущения негативных изменений в защищаемом объекте. В обоих случаях речь идет о деятельности, которая предшествует преступному посягательству.

В теории уголовного права относительно предупредительной задачи выделяют общую и частную превенции [4, с. 25]. Это, с одной стороны, предупреждение под воздействием уголовно-правового запрета совершения преступлений всеми гражданами страны, с другой стороны, лицами, которые ранее уже совершили преступление. Частная превенция прямо указана в ч. 2 ст. 44 УК «Уголовная ответственность и ее цели» и заключается в предупреждении (недопущении) совершения новых преступлений осужденным лицом.

Однако предупредительная задача находит свою реализацию и в других положениях уголовного закона. Это хорошо видно из анализа статей УК, в которых встречается данный термин.

Употребление понятия «предупреждение» в уголовном законе в основном связано с доведением до сведения виновных, иных лиц, правоохранительных органов информации о возможности наступления вредных последствий. Предупредить и означает «заблаговременно уведомить, предостеречь от чего-либо» [3, с. 462]. Например, такие действия осуществляются при:

- осуждении с отсрочкой исполнения наказания (ч. 6 ст. 77 УК);
- осуждении с условным неприменением наказания (ч. 7 ст. 78 УК);
- условно-досрочном освобождении от наказания (п. 1 ч. 6 ст. 90 УК);
- отсрочке отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет (ч. 3 ст. 93 УК);
- применении принудительных мер безопасности и лечения (ст. 100 УК);

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь (в ред. закона от 17 июля 2018 г. № 131-3) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 1999. № 76. 2/50.

- освобождении от уголовной ответственности за участие в приготовлении к акту терроризма в отношении представителя иностранного государства или международной организации (примечание к ст. 124 УК);

- освобождении от уголовной ответственности за участие в приготовлении к акту терроризма (примечание к ст. 289 УК) и др.

Предупреждение преступлений относится и к числу основных задач ОРД (ст. 3 закона «Об ОРД»). Однако следует остановиться на некоторых особенностях. Цели ОРД по объему значительно меньше задач уголовного законодательства. Исходя из смысла ОРД к ним относится защита (в УК – охрана) жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов граждан Республики Беларусь, иностранных граждан, лиц без гражданства, прав и законных интересов организаций, собственности от преступных посягательств, обеспечение безопасности общества и государства (ст. 1 закона «Об ОРД»). Однако по своему социальному смыслу цели ОРД и задачи уголовного закона совпадают, а термин «предупреждение» соотносится как общее и частное, к тому же оперативно-розыскное предупреждение (в отличие от уголовно-правового) может осуществляться только органами, перечисленными в ст. 12 закона «Об ОРД».

Вместе с тем необходимо указать и о соподчиненности целей и задач в законе «Об ОРД». Указанные понятия можно представить в виде иерархической системы. Ведь цель – то, что необходимо достигнуть, а задача – то, что требует исполнения или решения для достижения данной цели [3, с. 206]. Из сказанного следует, что достижение целей ОРД является средством решения ее задач. Следовательно, указанные категории взаимосвязаны между собой и то, что в стратегическом плане является целью, может стать задачей в тактическом плане. В любом случае субъект ОРД должен стремиться к недопущению вреда общественным отношениям, предотвращению преступного результата и т. д.

В законе «Об ОРД» цели и задачи конкретных ОРМ не выделяются. Однако указывается, что они проводятся в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач ОРД, т. е. они в полном объеме совпадают с общими положениями оперативно-розыскного законодательства. Следовательно, целью всех ОРМ и каждого в отдельности является защита правоохраняемых интересов от преступных посягательств, а одной из задач – их предупреждение. При этом необходимо отметить, что чаще всего решить предупредительную задачу субъекты правоотношений могут и без проведения ОРМ.

В оперативно-розыском и уголовном законодательстве содержатся и другие близкие по этимологическому смыслу слова: «предотвращение», «пресечение», «выявление», «раскрытие». Существуют различные подходы к взаимосвязи между понятиями «предупреждение», «предотвращение» и «пресечение». Так, по мнению О.Г. Карповича, они несут взаимодополняющую функцию и означают следующее:

- 1) предупреждение преступности и преступления;
- 2) предотвращение преступления на стадии обнаружения умысла;
- 3) пресечение преступной деятельности на стадии приготовления, покушения

[5, с. 93].

Н.Н. Лазуткин определяет предотвращение преступлений как «совместную деятельность государственных учреждений, правоохранительных органов, общественных объединений и отдельных граждан по выявлению лиц, приступивших к реализации преступного замысла, на совершение преступления, и оказанию на них корректирующего воздействия и недопущения вовлечения в подготовку к совершению преступлений новых лиц» [6, с. 9].

В криминологии о предотвращении преступления говорят, когда идет речь об этапе возникновения замысла у лица совершить преступление и формировании соответствующего решения. С уголовно-правовой точки зрения на указанном этапе преступления как такового еще нет, так как мысль лица о его совершении не облечена в форму приготовления, покушения либо непосредственно исполнения преступного деяния. Однако обнаружение такого замысла, конечно же, должно стать объектом пристального внимания за данным лицом и принятия предупредительных мер. В этом, по мнению криминологов, и заключается предотвращение [7, с. 335–336].

Мы согласны с мнением А.Г. Лекаря о том, что такие понятия, как «предупреждение» и «пресечение», соотносятся с понятием «предотвращение», выступающего в качестве базового, как частное с общим. При этом под предупреждением он понимает выявление лиц, обнаруживающих преступные намерения, и принятие в отношении их необходимых мер по недопущению перерастания намерений в преступные действия [8, с. 17].

Самым ранним этапом предупредительной деятельности по недопущению совершения преступления со стороны конкретного лица является профилактика. При этом профилактика преступлений рассматривается как деятельность по выявлению и устранению причин, порождающих преступления, и условий, способствующих их совершению (общая профилактика), а также лиц, склонных к совершению преступлений, воздействию на них в целях недопущения с их стороны преступлений (индивидуальная профилактика). Когда профилактические мероприятия оказываются неэффективными, возникает необходимость предупредить, а затем и пресечь преступление.

В УК термин «предотвращение» встречается одиннадцать раз. Как правило, речь идет о предотвращении вреда правоохраняемым интересам. Однако употребляется и непосредственно словосочетание «предотвращение совершения преступлений». Так, например, согласно ч. 3 ст. 15 УК «Добровольный отказ организатора (руководителя) преступления или подстрекателя исключает уголовную ответственность, если эти лица предотвратили совершение преступления». В комментарии к УК говорится, что такими действиями могут быть «переубеждение исполнителя не совершать преступления, изъятие у других соучастников орудий или средств исполнения намечаемого преступления, сообщение о готовящемся преступлении в правоохранительные органы и т. д.» [9, с. 41]. Следовательно, с точки зрения уголовного права предотвращение заключается в недопущении выполнения объективной стороны состава преступления.

Также о предотвращении преступлений говорится в следующих случаях: при описании преступления, совершенного по легкомыслию (ч. 2 ст. 23 УК); при описании крайней необходимости (ст. 36 УК); деяния, связанного с риском (ч. 2 ст. 39 УК);

при описании условий освобождения от уголовной ответственности за финансирование террористической деятельности (примечание к ст. 290-1 УК), за содействие террористической деятельности (примечание к ст. 290-2 УК), за прохождение обучения или иной подготовки для участия в террористической деятельности (примечание к ст. 290-3 УК), за измену государству (примечание к ст. 356 УК), за создание экстремистского формирования (примечание к ст. 361-1 УК).

В законе «Об ОРД» термин используется дважды. В первом случае речь идет о том, что причиненный вред должен быть менее значительным, чем предотвращаемый в случае вынужденного причинения вреда правоохраняемым интересам должностным лицом органа, осуществляющего ОРД, либо конфиденнтом при проведении ОРМ (ст. 19). Во втором случае – о принятии мер по предотвращению преступного посягательства на жизнь, здоровье и имущество граждан, оказывающих или оказывавших содействие органам, осуществляющим ОРД, при возникновении реальной угрозы (ст. 53). Вместе с тем стоит отметить, что непосредственно такой задачи, как предотвращение преступлений в ст. 3 закона «Об ОРД» нет. Однако его смысл раскрывается через такую задачу, как «выявление граждан, подготавливающих преступления». И действительно, представляется невозможным предотвратить преступление, если перед этим не выявить лицо, которое готовится причинить неправомерный вред. Иными словами, усилия сотрудников оперативных подразделений направлены на установление преступных намерений лица и принятие мер по недопущению наступления вреда охраняемым законом интересам. А это не что иное, как предотвращение преступлений.

Кроме того, оперативно-розыскное предотвращение невозможно себе представить без получения оперативно значимой информации. Так, одной из задач ОРД является сбор сведений о событиях и действиях, создающих угрозу национальной безопасности Республики Беларусь. Определяющим здесь является такое понятие, как «угроза», которая заключается в возможной опасности, вероятности наступления социально значимого вреда. Так, согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь под угрозой национальной безопасности понимается потенциальная или реально существующая возможность нанесения ущерба национальным интересам Республики Беларусь, к которым относится совокупность потребностей государства по реализации сбалансированных интересов личности, общества и государства, позволяющих обеспечивать конституционные права, свободы, высокое качество жизни граждан, независимость, территориальную целостность, суверенитет и устойчивое развитие Республики Беларусь¹. Следовательно, ОРД в данном случае рассматривается как реальное средство безопасности, предотвращения появления конкретной, а зачастую даже скрытой угрозы национальной безопасности. И ОРМ будут направлены в первую очередь на получение информации, создающей угрозу нацио-

¹ Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: указ Президента Республики Беларусь от 9 нояб. 2010 г. № 575 (в ред. указа Президента Республики Беларусь от 24 янв. 2014 г. № 49) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2010. № 276. 1/12080.

нальной безопасности, т. е. будут иметь, прежде всего, разведывательно-поисковый характер.

Следующий термин, который мы рассмотрим – «пресечение». В Толковом словаре русского языка пресечь означает «прекратить сразу, остановить резким вмешательством» [3, с. 486]. Пресечение имеет место, когда преступное посягательство начало уже осуществляться в реальном времени. В УК термин употребляется восемь раз и, как правило, речь идет о специальных случаях освобождения от уголовной ответственности.

В теории оперативно-розыскной деятельности нет однозначного определения этого понятия. Так, некоторые ученые полагают, что пресечение может быть применено как на стадии неоконченного преступления (покушения), так и оконченного, либо длящегося преступления [10, с. 19]. Наиболее полно по данному вопросу высказался Г.С. Шкабин, который понимает под пресечением прерывание процесса непосредственного исполнения преступного посягательства, поскольку пресечь преступление после его совершения в принципе невозможно и такой подход является неверным [11, с. 59].

Задача ОРД по пресечению преступлений очень тесно связана с задачей по выявлению граждан, их совершающих, и заключается в оказании воздействия на определенное лицо (группу лиц) с целью недопущения возможности довести до конца начатое преступление и наступления вредных последствий.

Заслуживает внимания и такое понятие, как «раскрытие» преступлений. Толковый словарь С.И. Ожегова слово «раскрыть» определяет как «обнаружить, сделать известным, объяснить» [3, с. 572]. По мнению А.И. Михайлова и Л.А. Сергеева, преступление является раскрытым в случае установления факта совершения преступного деяния, а также лица, его совершившего [12, с. 113]. Н.В. Жогин и Ф.Н. Фаткуллин полагают, что преступление необходимо считать раскрытым в случае установления всех обстоятельств, которые подлежат доказыванию [13, с. 38]. К.К. Горяинов, В.С. Овчинский, О.А. Вагин под раскрытием преступлений понимают «длящийся процесс от выявления самого факта совершенного преступления либо действий по уже известному (зарегистрированному) преступлению, но совершенному в условиях неочевидности, когда предстоит установить лицо, его совершившее, и до момента судебного решения по делу» [14, с. 37]. В данном случае речь идет об оперативном сопровождении уголовного дела вплоть до вступления в законную силу приговора суда. Такое понимание соответствует ст. 26 Конституции Республики Беларусь, согласно которой никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Стоит отметить, что в УК «раскрытие» употребляется лишь единожды в ст. 88 и связано с возможностью освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. В действующем законе «Об ОРД» оно не используется, поэтому возникает вопрос, какие именно действия должно совершить лицо, направленные на раскрытие преступления. Вместе с тем стоит отметить, что одной из задач ОРД является выявление граждан, совершивших преступление. И хотя словосочетание «раскрытие преступлений» имеет собирательный характер и выражается как в установле-

нии фактических обстоятельств неоконченных преступлений, так и тех, которые уже завершены, процесс направлен в первую очередь на привлечение виновных лиц к уголовной ответственности и именно в этом заключается его особенность. Кроме того, «раскрытие» по смыслу сопрягается с такой задачей ОРД, как «розыск обвиняемых, скрывшихся от органа уголовного преследования или суда и (или) местонахождение которых этим органам неизвестно, граждан, без вести пропавших (безвестно исчезнувших), а также осужденных к наказанию». Поэтому, на наш взгляд, применительно к ст. 88 УК речь нужно вести о предоставлении такой информации, которая будет способствовать установлению причастности виновных лиц к совершенному противоправному деянию, а также установлению местонахождения вышеперечисленных лиц.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- должен соблюдаться единообразный подход в применении и понимании терминов и понятий, употребляемых в уголовно-правовом и оперативно-розыском законодательствах;
- используемая в законе «Об ОРД» терминология должна логически соотноситься с уголовно-правовыми положениями;
- понятие «предотвращение преступлений» является более широким по отношению к понятиям «предупреждение», «пресечение» и включает их в себя;
- в законе «Об ОРД» не употребляется «раскрытие» преступлений, но в теории ОРД понятию придается особая роль, включая деятельность сотрудников оперативных подразделений, начиная с выявления факта преступного деяния и заканчивая вступившим в законную силу приговором суда в отношении виновного лица.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Шматов М.А. Теория оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук (по материалам органов внутренних дел): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / М.А. Шматов. – Волгоград, 2000. – 50 с.
2. Овчинский С.С. Значение уголовно-правовых и уголовно-процессуальных институтов для оперативно-розыскной деятельности в борьбе с организованной преступностью / С.С. Овчинский // Следователь. – 1999. – № 9. – С. 26–31.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1987. – 797 с.
4. Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций: В 3 т. Т. 1: Общая часть / А.В. Наумов. – 4-е изд. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 736 с.
5. Карпович О.Г. Экономическая преступность в России. Теория и практика противодействия: монография / О.Г. Карпович. – М.: Закон и право: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 199 с.
6. Лазуткин Н.Н. Предупреждение преступлений на различных стадиях их совершения: дис. ... канд. юрид. наук / Н.Н. Лазуткин. – Ростов н/Д., 2001. – 182 с.
7. Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Г.А. Аванесов [и др.]; под ред. Г.А. Аванесова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 575 с.

8. Лекарь А.Г. Некоторые вопросы деятельности МООП по предупреждению преступлений / А.Г. Лекарь // Вопросы предупреждения преступности. – 1965. – Вып. 1. – С. 17–20.
9. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под общ. ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2007. – 1007 с.
10. Бодренков В.А. Проблемы оперативно-розыскного обеспечения предупреждения преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.А. Бодренков; Кемеровский гос. ун-т. – М., 2007. – 27 с.
11. Шкабин Г.С. Уголовно-правовое обеспечение оперативно-розыскной деятельности: теоретико-прикладные и законодательные аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук / Г.С. Шкабин. – М., 2018. – 409 с.
12. Михайлов А.И., Сергеев Л.А. Процессуальная сущность раскрытия преступлений / А.И. Михайлов, Л.А. Сергеев // Сов. гос-во и право. – 1971. – № 4. – С. 110–115.
13. Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе / Н.В. Жогин, Ф.Н. Фаткуллин. – М.: Юрид. лит., 1965. – 367 с.
14. Горяинов К.К., Овчинский В.С., Вагин О.А. [и др.]. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник. – М.: ИНФРА-М, 2018. – 762 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Shmatov M.A. Theory of operational investigative activities in the system of criminal law (based on materials of the internal affairs bodies): dis. ... dr. juridical sciences / M.A. Shmatov; Volgograd Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – Volgograd, 2000. – 50 p.
2. Ovchinsky S.S. The value of criminal law and criminal procedure institutions for operational investigative activities in the fight against organized crime / S.S. Ovchinsky // Investigator. – 1999. № 9. – P. 26–31.
3. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language / S.I. Burns; by ed. N.Y. Swedish. – М.: Russian, 1987. – 797 p.
4. Naumov A.V. Russian criminal law: a course of lectures: in 3 t. T. 1. General part / A.V. Naumov. – 4th ed. – М.: Walters Kluver, 2007. – 736 p.
5. Karpovich O.G. Economic crime in Russia. Theory and practice of counteraction: monograph / O.G. Karpovich. – М.: Law and Law: UNITY-DANA, 2015. – 199 p.
6. Lazutkin N.N. The prevention of crimes at various stages of their commission: dis. ... cand. juridical sciences / N.N. Lazutkin. – Rostov n/D., 2001. – 182 p.
7. Criminology: a textbook for university students enrolled in the specialty «Jurisprudence» / [G.A. Avanesov et al.]; by ed. G.A. Avanesova. – 5th ed., rec. and aug. – М.: UNITY-DANA, 2012. – 575 p.
8. Leka, A.G. Some issues of the activities of the MOOP on crime prevention / A.G. Lekar // Crime Prevention Issues. – 1965. – Vol. 1 – P. 17–20.

9. Scientific and practical commentary on the Criminal Code of the Republic of Belarus / N.F. Ahramenka [et al.]; under total ed. A.V. Barkova, V.M. Khomich. – Minsk: GIUST BSU, 2007. – 1007 p.

10. Bodrenkov V.A. Problems of operational-search support for crime prevention: dis. ... cand. juridical sciences: 12.00.09 / V.A. Bodrenkov; Kemerovo State un-ty. – M., 2007. – 27 p.

11. Shkabin G.S. Criminal legal support of operational investigative activities: theoretical and applied and legislative aspects: dis. ... dr. juridical sciences / G.S. Shabin. – M., 2018. – 409 p.

12. Mikhailov A.I., Sergeev L.A. The procedural nature of the disclosure of crimes / A.I. Mikhailov, L.A. Sergeev // Soviet state and law. – 1971. – № 4. – P. 110–115.

13. Zhogin N.V., Fatkullin F.N. Preliminary investigation in the Soviet criminal process / N.V. Zhogin, F.N. Fatkullin. – M.: Legal. lit., 1965. – 367 p.

14. Goryainov K.K., Ovchinsky V.S., Vagin O.A. et al. Theory of operational search activity: a textbook. – M.: INFRA-M, 2018. – 762 p.

УДК 343.985.1

DOI 10.24411/2312-3184-2020-10021

Яцкина Инна Александровна
адъюнкт Ростовского юридического
института МВД России
E-mail: inna.yatskina.91@mail.ru

Yatskina Inna Alexandrovna
postgraduate student of the Rostov Law Insti-
tute of the Ministry of Internal Affairs of
Russia
E-mail: inna.yatskina.91@mail.ru

РОЛЬ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В ДОКАЗЫВАНИИ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПОБУЖДЕНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ПРОПАГАНДЫ ЭКСТРЕМИЗМА

Введение: в статье рассматривается такой типичный пробел в доказательственной базе по уголовным делам о преступлениях в сфере пропаганды экстремизма, как установление в действиях обвиняемого экстремистской мотивации, а также ее конкретизация. Несмотря на то, что установление мотивов преступлений входит в содержание универсального перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию согласно ст. 73 УПК РФ, в следственно-судебной практике нередко реализуется формальный подход, без должного глубокого анализа преступной мотивации. Будучи неприемлемым по целому ряду деяний, подобный подход приобретает особую опасность применительно к расследованию экстремистских преступлений, поскольку способствует неверному разрешению основного вопроса расследования.

Материалы и методы: эмпирическую базу исследования составили результаты анализа 167 уголовных дел о преступлениях, связанных с пропагандой экстремизма (предусмотренных ст. ст. 280, 282 УК РФ), расследованных в различных регионах Российской Федерации.

Методологическую основу исследования составил общий диалектический метод познания, способствующий полному и разноаспектному рассмотрению актуальных проблем расследования указанной группы преступлений. Кроме того, в процессе исследования применялись методы наблюдения, описания, обобщения, сравнения, моделирования, анализа и синтеза.

Результаты исследования: исследовав эмпирические источники, а также специальную литературу, автор пришел к выводу о потребности в совершенствовании доказывания субъективной стороны указанного деяния, а именно в установлении наличия конкретных экстремистских побуждений, реализуемых обвиняемым при совершении преступления. Ценным тактико-криминалистическим ресурсом доказывания указанного обстоятельства выступают судебные экспертизы.

Выводы и заключения: при расследовании преступлений, связанных с пропагандой экстремизма, необходимым тактико-криминалистическим средством установ-

ления наличия, сущности и содержания экстремистских побуждений выступают судебно-психологические экспертизы в комплексе с иными экспертизами гуманитарного характера, выбор видов которых зависит от конкретизации направленности деструктивных посягательств подозреваемых или обвиняемых.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, обвиняемый, мотивы, побуждения, пропаганда экстремизма, политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть и вражда, социальная группа, экспертиза, комплексная экспертиза, специальные знания, эксперт.

ROLE OF FORENSIC EXAMINATIONS IN PROVING EXTREMIST MOTIVES IN THE INVESTIGATION OF CRIMES IN THE FIELD OF EXTREMIST PROPAGANDA

Introduction: the article considers such a typical gap in the evidence base in criminal cases of crimes in the sphere of extremist propaganda as the establishment of extremist motivation in the actions of the accused, as well as its specification. Despite the fact that the establishment of crimes included in the content of a generic list of circumstances to be proved in accordance with article 73 of the code of criminal procedure, the investigation and judicial practice often is implemented by a formal approach, without proper in-depth analysis of criminal motivation. Being unacceptable for a number of acts, such an approach is particularly dangerous in relation to the investigation of extremist crimes, since it contributes to the incorrect resolution of the main issue of the investigation.

Materials and methods: Empirical base of the study was the empirical analysis of the 167 criminal cases on crimes related to extremist propaganda (specified in articles 280, 282 of the criminal code), investigated in various regions of the Russian Federation.

The methodological basis of the study was a General dialectical method of cognition, which contributes to a complete and multi-aspect consideration of topical issues of investigation of this group of crimes. In addition, the study used methods of observation, description, generalization, comparison, modeling, analysis and synthesis.

Results: after examining empirical sources, as well as special literature devoted to this aspect, the author came to the conclusion that there is a need to improve the proof of the subjective side of the specified act, namely, to establish the presence of specific extremist motives implemented by the accused when committing a crime. Forensic examinations are a valuable tactical and forensic resource for proving this circumstance.

Summary and Conclusion: in the investigation of crimes related to the propaganda of extremism, the necessary tactical and criminalistic means of establishing the existence, nature and content of extremist motives are forensic psychological examinations in conjunction with other humanitarian examinations, the choice of the types of which depends on the specificity of the destructive encroachments of the suspects or accused.

Keywords: extremism, extremist activity, accused, motives, motives, propaganda of extremism, political, ideological, racial, national or religious hatred and enmity, social group, expertise, complex expertise, special knowledge, expert.

Современное общество столкнулось с разнообразными глобальными для человеческой цивилизации вызовами и угрозами, среди которых особое место занимает рост экстремистских и террористических проявлений [1]. Средства массовой информации практически ежедневно сообщают о совершении активистами тех или иных деструктивных объединений, либо преступниками-одиночками разнообразных экстремистских акций: физическое насилие, публичное оскорбление представителей определенной этнической, национальной, религиозной или иной группы, осквернение мест религиозного культа, разрушение или повреждение памятников и объектов культурного наследия и т. п. В обществе продолжает нагнетаться атмосфера страха, неуверенности в завтрашнем дне, национальной, религиозной, расовой, идеологической нетерпимости, усиливая взаимное отчуждение, ненависть и вражду. Именно такая обстановка, будучи проявлением диалектического закона перехода количества в качество, выступает благоприятной средой для террористических акций, совершенных путем взрыва, поджога, массового расстрела, иным общеопасным способом. Поэтому является абсолютно верной позиция о том, что явления экстремизма и терроризма, имея общее происхождение и единую природу, не только тесно взаимосвязаны друг с другом, но и взаимно подпитывают и усиливают друг друга [2; 3; 4; 5]. Несмотря на то, что правоохранными органами предпринимаются порой вполне успешные действия по выявлению и разоблачению экстремистских и террористических группировок, к сожалению, рано говорить о победе над столь одиозным и деструктивным явлением. Особенно тревожит тот факт, что подавляющее число экстремистов и террористов относится к лицам подростково-молодежной группы, той возрастной категории, которой в силу естественной смены поколений в ближайшее десятилетие надлежит стать движущей силой общества, приняв ответственность за происходящие в нем события, тенденции и процессы. Эти обстоятельства настоятельно указывают на потребность углубленного изучения преступлений экстремистской направленности.

Вопросы расследования преступлений экстремистской направленности освещались в различных по своему статусу работах ряда исследователей, среди которых: Ю.М. Антонян, Т.А. Аристархова, А.В. Варданян, В.Г. Выстропов, А.Ю. Головин, А.А. Григорян, В.О. Давыдов, А.И. Долгова, О.Н. Коршунова, М.А. Кочубей, Р.В. Кулешов, Е.П. Сергун, В.Д. Трофимов, А.Г. Хлебушкин, О.И. Цоколова и др. Высоко оценивая труды названных исследователей, позволим отметить, что выделенная нами разновидность преступлений экстремистской направленности (а именно преступлений, связанных с пропагандой экстремизма) зачастую рассматривалась лишь в общих чертах, что закономерно обуславливает дефицит специальной литературы и, как следствие, типичные пробелы в расследовании указанных деяний.

Нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, законодательство о противодействии экстремистской деятельности; акты официального толкования норм права; подзаконные нормативные акты, регулирующие деятельность сотрудников правоохранительных и иных государственных органов в сфере борьбы с преступлениями указанной категории.

Эмпирическую базу исследования составили результаты анализа 167 уголовных дел о преступлениях, связанных с пропагандой экстремизма (предусмотренных ст. ст. 280, 282 УК РФ), расследованных в различных регионах Российской Федерации.

Методологическую основу исследования составил общий диалектический метод познания, способствующий полному и разноаспектному рассмотрению актуальных проблем расследования указанной группы преступлений. Кроме того, в процессе исследования применялись методы наблюдения, описания, обобщения, сравнения, моделирования, анализа и синтеза.

Преступления, связанные с пропагандой экстремизма, по общему правилу не являют своей целью нападения на конкретных лиц (насилие может являться лишь одним из квалифицирующих признаков этих составов). С точки зрения уголовного права данные действия ограничены выражением публичных призывов к осуществлению экстремистских акций в отношении той или иной социальной группы (по национальному, религиозному, расовому или иному критерию), сопровождающихся «теоретическим обоснованием» идей либо даже «концепций» о ее «опасности», «вредности», «ущербности» и т. д. Как известно, пропаганда экстремизма – популяризация указанных деструктивных идей, их распространение, продвижение среди населения, нахождение новых сторонников и последователей.

Однако материалы уголовных дел зачастую позволяют констатировать тесную взаимосвязь пропаганды экстремизма и реальных агрессивных действий на почве экстремистских побуждений, содержанием которых выступают дерзкие нападения на представителей «враждебных», по мнению виновных, социальных групп, вплоть до физической расправы. Наиболее ощутимо такая взаимосвязь прослеживается при осуществлении групповых и организованных форм экстремистской деятельности, когда формированию психологической готовности к физическому насилию предшествует систематическое и тщательное психологическое и идеологическое воздействие (вербовщиков, наставников, идеологов и т. д.), «просветительская работа», включая проведение регулярных занятий. Но даже при отсутствии признаков, указывающих на совершение этих деяний по совокупности, очевидно, что именно деструктивное идеологическое воздействие, навязывание той или иной идеи о национальной, расовой, религиозной и другой исключительности, превосходстве, либо, напротив, ущербности является побудительным фактором для усиления социальной напряженности, возрастания насильственных экстремистских посягательств и в целом дестабилизации общественной безопасности.

Статья 282 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за совершенные публично действия по возбуждению ненависти либо вражды, унижению человеческого достоинства по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отно-

шения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе. Признаком публичности охватываются как непосредственные соответствующие вербальные либо демонстративно-эпатажные действия, осуществляемые в общественном месте в присутствии других лиц, так и действия с использованием информационных ресурсов: средств массовой информации и/или информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Следственно-судебная практика позволяет констатировать, что подавляющее число современных преступлений, связанных с пропагандой экстремизма, осуществляется именно с использованием интернет-ресурсов. Несмотря на то, что до сих пор встречаются такие разновидности популяризации экстремистских убеждений, как непосредственное распространение листовок, брошюр, буклетов соответствующего содержания, все же ведущим и наиболее результативным, направленным на неограниченно широкий круг лиц является воздействие на пользователей социальных сетей, склонных к постепенному становлению на путь сотрудничества с вербовщиками.

К сожалению, на фоне действительной и кропотливой борьбы с данным социальным злом наметилась неблагоприятная тенденция перегибов в трактовке и оценке действий пользователей социальных сетей как экстремистских, на деле ограниченных лишь «лайками» или репостами различной информации (высказываний, изображений, видеозаписей, песен и т.д.), указывающей на признаки инакомыслия, однако далеко не всегда свидетельствующей о наличии у пользователей экстремистских убеждений. Более того, такая разновидность деяний фактически стала применяться в качестве средства обеспечения показателей «высокой раскрываемости» экстремистских преступлений, что, конечно, не лишено признаков фикции.

Среднестатистический пользователь социальных сетей, не имеющий юридического, философского, политического либо религиозного образования, далеко не всегда способен верно оценить тот или иной находящийся на просторах Интернета материал как экстремистский, обращая на него внимание лишь как на нестандартную подачу информации.

Однако совершение преступлений, связанных с пропагандой экстремизма, может иметь место лишь при наличии прямого умысла, направленного на разжигание идеологического противостояния, ненависти и вражды в отношении презираемых социальных групп. Действия, осуществляемые в отсутствие умысла (спонтанный или случайный репост), не совместимы с природой экстремистских убеждений как сложившейся и аргументированной позиции в отношении агрессивного варианта решения политического, национального, религиозного или иного вопроса. Поэтому закономерно, что постепенно законодателем была осознана потребность в некотором смягчении (частичной декриминализации) положений ст. 282 УК РФ, реализованном федеральным законом РФ от 27.12.2018 № 519-ФЗ. Действующая редакция указанной нормы в качестве обязательного условия предусматривает предшествующее привлечение лица к административной ответственности за аналогичное деяние в течение года. Очевидно, что, введя административную преюдицию, законодатель стремился таким образом указать на то, что признаком наличия у лица экстремистских убеждений является их продолжительный и системный характер. Объективно, несмотря на наличие опыта привлечения к административной ответственности за аналогичный проступок, субъект так и не сделал должных выводов, не переосмыслил пагубность состояния крайней ненависти и вражды на идеологической почве и продолжил осуществ-

лять экстремистскую деятельность. Несомненно, такой жизненный сценарий может иметь место.

Но само по себе предыдущее привлечение к административной ответственности за административное правонарушение экстремистского характера еще не может однозначно предрешать виновность лица в возбуждении ненависти или вражды, унижении человеческого достоинства, предусмотренном ст. 282 УК РФ. Тем более, что производство по делам об административных правонарушениях в силу качественно иного правового режима и менее значимых последствий (в сравнении с осуждением по уголовному делу и фактическим объявлением лица преступником вступившим в законную силу приговором суда) далеко не всегда характеризуется тщательным и всесторонним исследованием обстоятельств деяния. Особенно это касается мотивации действий правонарушителей, зачастую устанавливаемой весьма поверхностно, на основании показаний и пояснений осведомленных лиц, без проведения глубоких исследований с привлечением лиц, владеющих специальными знаниями.

Если для целого ряда деяний (как преступлений, так и административных правонарушений) мотивы противоправной деятельности хотя и требуют доказывания, но, тем не менее, относятся к факультативным признакам соответствующих составов, то для посягательств экстремистской направленности они выступают системообразующим элементом механизма преступлений, лежащего в основе формирования криминалистической характеристики как информационной модели события. Те или иные действия приобретают статус экстремистских лишь при наличии у лица соответствующих деструктивных чувств и убеждений: ненависть к представителям определенной этнической, национальной, расовой, религиозной либо иной социальной группы. В качестве иной социальной группы, как показывает эмпирический анализ, могут выступать: сотрудники определенных правоохранительных органов (полиции, подразделений по борьбе с экстремизмом), представители сексуальных меньшинств, конфликтующих молодежных субкультур и т. д.). Причем наличие самого по себе психологического неприятия и отторжения к представителям той или иной общности еще не означает наличие экстремистских побуждений. О формировании таковых свидетельствует готовность лица либо лично участвовать в физической расправе над всякими представителями «презираемой» ими общности, либо, осуществляя психологическое воздействие, стимулировать к таким действиям других лиц.

Корни экстремизма глубоки и многогранны: здесь находят отражение и ошибки в реализации внутренней политики в отношении представителей определенного этноса, и не всегда корректные действия государственно-властных органов в сфере обеспечения общественной безопасности [6; 7], и характерные индивидуально-психологические особенности индивидуумов, в сочетании с переживанием ими определенных психотравмирующих ситуаций. Не являются редкостью ситуации, когда эти лица (либо их родственники, близкие лица) в свое время действительно пострадали от неправомерных (преднамеренных либо непреднамеренных) действий представителей того или иного этноса или иной социальной группы. Но при этом они осуществляют неверный психологический перенос присущих им внутренних страхов и нерешенных проблемных ситуаций на всех представителей соответствующей социальной группы, побуждая к уничтожению (либо к изгнанию из России) даже лично не знакомых им лиц.

Видится, что в ходе расследования преступлений, связанных с пропагандой экстремизма, высокоэффективным тактико-криминалистическим средством выступают экспертные исследования, имеющие своей целью (либо одной из своих целей) установление мотивов деяния (в том числе определение наличия либо отсутствия экстремистских побуждений). Посмотрим, в рамках каких именно экспертных исследований целесообразно установление (следовательно, доказывание) экстремистской мотивации, побудившей лица на осуществление тех или иных действий.

Сами по себе термины «мотив», «мотивация», «цель», «побуждение» и т. д. имеют психологические корни. Закономерно, что в рамках судебно-психологических экспертиз наработан достаточный инструментарий по установлению мотивов, которыми руководствовалось лицо при подготовке, совершении и сокрытии преступления. При этом с точки зрения психологии сущность и содержание мотивов действий лиц исследуется гораздо глубже и разностороннее в сравнении с уголовно-правовым пониманием, в данном случае ограниченным ненавистью и враждой на политической, расовой, религиозной, национальной, идеологической почве. Возможности психологии позволяют определить иерархию мотивов, т. е. выделить мотивы устойчивые, постепенно ставшие свойствами характера, а также возникшие ситуативно, выявить причины и этапы формирования у лица экстремистской мотивации, а также ее специфики. Причем определение иерархии мотивов, которыми руководствовалось лицо при совершении преступления, в рамках данного исследования, несомненно, осуществляется с учетом индивидуально-психологических особенностей обследуемого лица. Это весьма значимый аспект, поскольку при внешнем сходстве противоправных действий (по их объективной стороне), нередко у разных лиц (обладающих неодинаковым набором индивидуально-психологических качеств) они продиктованы различными внутренними побуждениями, степенью их выраженности. Определение иерархии мотивов, помимо установления наличия или отсутствия экстремистских побуждений, а также конкретизации последних, позволяет определить статус лица в данной криминальной общности, реальные, а не декларируемые взаимоотношения между соучастниками, степень его участия в совершении преступлений. Установление этих аспектов приобретает значимость в случаях, когда задержанные скрывают соучастников, а равно пытаются переложить в том или ином объеме ответственность на иных лиц.

Помимо психологических исследований, проведение которых мы считаем обязательным в рамках расследования преступлений, связанных с пропагандой экстремизма, при установлении специфики экстремистской мотивации приобретает также значимость исследование именно тех ее составляющих (направлений), которые явились объектом непримиримых разногласий. Как известно, данные разногласия могут быть предопределены соображениями политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненавистью или враждой, либо ненавистью или враждой в отношении какой-либо социальной группы. В этой связи наряду с психологической экспертизой также актуализируется назначение иных видов экспертиз, возможности которых позволяют исследовать наличие деструктивных побуждений непосредственно на политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной почве. В этих случаях в зависимости от направленности деструктивного посыла подозреваемых или обвиняемых требуется назначение исследований с участием специалистов,

компетентных, соответственно, в политологии, лингвистике, философии, религиоведении и т. д.

Поскольку один и тот же фрагмент экстремистских материалов (фразы, изображения, аудио- или видеоматериалы) либо одно и то же действие подозреваемого (обвиняемого) может иметь неодинаковый смысл, исходя из контекста всех подлежащих исследованию объектов, то приобретает целесообразность назначение комплексных судебных экспертиз с приглашением в качестве экспертов лиц, обладающих знаниями в каждой из значимых сфер.

О высоком потенциале комплексных судебных экспертиз, их преимуществах в сравнении с проводимыми однородными экспертизами писал еще ученый-криминалист В.И. Шиканов [8]. Патриарх отечественной криминалистики, несомненно, прав в том, что при комплексных экспертных исследованиях члены экспертной комиссии решают поставленные перед ними вопросы не «каждый сам за себя», а «совместно, на основе кооперации (симбиоза) знаний» [9], или, говоря современной терминологией, с помощью синергетического подхода. В результате полученные выводы приобретают черты взаимной интеграции, как естественной тенденции прогресса научного знания.

К сожалению, этот подход не всегда встречает должное понимание в следственно-судебной практике. Назначение комплексных экспертиз нередко сопровождается различными проблемами и недочетами [10; 11]. Даже если назначаемая экспертиза определяется как комплексная, следователи не всегда обеспечивают участие специалистов из всех областей, заявленных в наименовании экспертизы и/или поставленных перед экспертом вопросам. Например, проведение комплексной психолого-лингвистической религиоведческой экспертизы с целью исследования материалов религиозного содержания (на предмет наличия в них признаков возбуждения религиозной розни) было поручено авторитетным ученым кафедры стилистики и риторики, а также социальной психологии и психосоциальных технологий Кемеровского государственного университета (т. е. к исследованию были привлечены психологи и лингвисты). Однако в состав комиссии экспертов не вошел специалист в сфере религиоведения, что не могло не повлиять на выводы экспертов, впоследствии подвергнутые разноплановой критике.

Резюмируя вышеизложенное, констатируем, что расследование преступлений, связанных с пропагандой экстремизма, для установления наличия, сущности и содержания экстремистских побуждений требует обязательного назначения судебно-психологической экспертизы в комплексе с иными гуманитарными экспертизами, точный выбор видов которых зависит от направленности деструктивных действий подозреваемых или обвиняемых.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Грибунов О.П. Теоретические основы и практика реализации криминалистического предупреждения преступлений экстремистской направленности / О.П. Грибунов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2017. – № 3-2. – С. 14–21.

2. Варданян А.В. О классификации явлений экстремизма и терроризма: единство сущности и поливариантность отображения в социуме / А.В. Варданян, Р.В. Кулешов // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 4 (42). – С. 31–35.
3. Варданян А.В. Криминалистические классификации преступлений и их системообразующая роль в формировании частных криминалистических методик расследования преступлений как научно обоснованных комплексов криминалистических рекомендаций / А.В. Варданян, Р.В. Кулешов // Рос. следователь. – 2015. – № 21. – С. 5–10.
4. Варданян А.В. Диалектическое единство экстремизма и терроризма как философская предпосылка для совершенствования подходов к криминалистическому научному обеспечению антитеррористической и антиэкстремистской деятельности / А.В. Варданян, Р.В. Кулешов // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 8. – С. 115–118.
5. Варданян А.В. Соотношение понятий экстремистской и террористической деятельности: гносеологический и правовой аспекты / А.В. Варданян, Р.В. Кулешов // Черные дыры в российском законодательстве. – 2015. – № 4. – С. 94–97.
6. Варданян А.В. Генезис экстремизма и терроризма в России как ретроспективный аспект криминалистического научного познания / А.В. Варданян, Р.В. Кулешов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 3 (31). – С. 40–45.
7. Варданян А.В. Современные проблемы раскрытия и расследования тяжких насильственных преступлений против личности: учебное пособие: для курсантов и слушателей образовательных организаций высшего образования системы МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации / А.В. Варданян. – Ростов н/Д.: ФГКОУ ВПО "РЮИ МВД России", 2015. – 217 с.
8. Шиканов В.И. Шире использовать возможности комплексной судебно-медицинской и криминалистической экспертизы / В.И. Шиканов // сб. научн.-практич. работ судебных медиков и криминалистов. – Петрозаводск, 1962. – Вып. 1. – С. 8–21.
9. Шиканов В.И. Комплексная экспертиза в советском уголовном процессе (некоторые вопросы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1967. – 391 с.
10. Варданян А.В. Судебная экспертиза в структуре доказательств по уголовным делам: некоторые современные проблемы / А.В. Варданян // Философия права. – 2019. – № 2 (89). – С. 56–60.
11. Грибунов О.П. Экспертиза объектов железнодорожного транспорта как самостоятельное направление использования специальных знаний при расследовании преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте / О.П. Грибунов, Е.А. Малыгина // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 3 (47). – С. 107–112.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Gribunov O. P. Theoretical basis and practice of criminalistic prevention of crimes of an extremist nature / O. P. Gribunov // Izvestia of the Tula State University. Economic and legal Sciences. – 2017. – № 3-2. – P. 14–21.

2. Vardanyan A.V. On the classification of the phenomena of extremism and terrorism: unity of essence and polyvariance of representation in society / A.V. Vardanyan, R. V. Kuleshov // *Legal State: Theory and Practice*. – 2015. – № 4 (42). – P. 31–35.

3. Vardanyan A.V. Criminalistic classifications of crimes and their system-forming role in the formation of private forensic methods of crime investigation as scientifically based complexes of forensic recommendations / A.V. Vardanyan, R. V. Kuleshov // *Russian Investigator*. – 2015. – № 21. – P. 5–10.

4. Vardanyan A.V., Kuleshov R. V. Dialectical unity of extremism and terrorism as a philosophical prerequisite for improving approaches to forensic scientific support of anti-terrorist and anti-extremist activities / A.V. Vardanyan, R. V. Kuleshov // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2015. – № 8. – P. 115–118.

5. Vardanyan A.V., Kuleshov R. V. Correlation of concepts of extremist and terrorist activity: epistemological and legal aspects / A.V. Vardanyan, R. V. Kuleshov // *Black Holes in Russian Legislation*. – 2015. – № 4. – P. 94–97.

6. Vardanyan A.V. The Genesis of extremism and terrorism in Russia as a retrospective aspect of forensic scientific knowledge / A.V. Vardanyan, R. V. Kuleshov // *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2015. – № 3 (31). – P. 40–45.

7. Vardanyan A.V. Modern problems of disclosure and investigation of serious violent crimes against the person: textbook: for cadets and students of educational organizations of higher education of the Ministry of Internal Affairs of Russia, employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation / A.V. Vardanyan. – Rostov on/D.: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "RUI Ministry of Internal Affairs of Russia", 2015. – 217 p.

8. Shikanov V. I. Wider use of the possibilities of complex forensic and forensic examination / V. I. Shikanov // *Collection of scientific and practical works of forensic doctors and criminalists*. – Petrozavodsk, 1962. – Vol. 1. – P. 8–21.

9. Shikanov V. I. Complex expertise in the Soviet criminal process (some questions of theory and practice): thesis of the Candidate of Law. – L., 1967. – 391 p.

10. Vardanyan A.V. Forensic examination in the structure of evidence in criminal cases: some modern problems / A.V. Vardanyan // *Philosophy of Law*. – 2019. – № 2 (89). – P. 56–60.

11. Gribunov O. P. Expertise of railway transport objects as an independent direction of using special knowledge in the investigation of crimes committed on railway transport / O. P. Gribunov, E. A. Malykhina // *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2019. – № 3 (47). – P. 107–112.

УДК 342.9

DOI 10.24411/2312-3184-2020-10022

Кохан Рустам Юрьевич

заместитель начальника – начальник
отдела Управления по контролю за
оборотом наркотиков УМВД России
по Псковской области
E-mail: kru2060@mail.ru

Kokhan Rustam Yurievich

deputy head of drug control Department of
the Ministry of Internal Affairs of Russia in
the Pskov region
E-mail: kru2060@mail.ru

О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ МЕДИЦИНСКОГО ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ НА СОСТОЯНИЕ НАРКОТИЧЕСКОГО ОПЬЯНЕНИЯ

Введение: для решения вопроса о возможности использования результатов медицинских осмотров, тестирований и других видов медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения, не связанных с административно-юрисдикционной деятельностью полиции для привлечения лица к административной ответственности, необходимо уяснить содержание понятия медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения, установить его отличия от смежных юридических категорий.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составляют Конституция Российской Федерации, федеральный закон от 08.01.1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», а также законодательные акты, регулирующие ограничения на занятия отдельными видами деятельности для лиц больных наркоманией. Методической основой исследования послужил общенаучный диалектический метод научного познания социальных и правовых исследований.

Результаты исследования: предложена классификация правовых ситуаций, при которых проводятся медицинские осмотры и исследования, имеющие цель установить факт наркотического опьянения или потребления лицом наркотических средств, сформулировано понятие медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения, применяемого сотрудниками полиции, определено место данного вида медицинского освидетельствования в системе иных мер медицинского освидетельствования.

Выводы и заключения: предложенный подход позволяет разрешить практический вопрос о допустимости (недопустимости) использования результатов освидетельствования для привлечения лица к административной ответственности, когда факт потребления наркотиков был выявлен в ходе осмотров и тестирований, не связанных с административно-юрисдикционной деятельностью полиции.

Ключевые слова: медицинское освидетельствование на состояние опьянения, меры обеспечения по делам об административных правонарушениях, противодействие незаконному обороту наркотиков, профилактика немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ.

ON THE CONCEPT OF THE ENFORCEMENT MEDICAL EXAMINATION OF DRUG INTOXICATION

Introduction: it is necessary to understand the content of the concept of medical examination for drug intoxication, to establish its differences from related categories, to resolve the issue of the possibility of using the results of medical examinations, for drug intoxication, not related to the administrative and jurisdictional activities of the police, to bring a person to administrative responsibility.

Materials and methods: the base of the study are consist the Constitution of the Russian Federation, the Federal law of 08.01.1998 №3 "On narcotic drugs and psychotropic substances", as well as legislative acts regulating restrictions on certain activities for people with drug addiction. The methodological basis of the study was the general scientific dialectical method of scientific knowledge of social and legal research.

Results: the classification of situations in which medical examinations and studies are carried out to establish the fact of drug intoxication is discussed, the concept of medical examination for drug intoxication used by police officers is formulated, the place of this type of medical examination in the system of other measures of medical examination is determined.

Summary and Conclusion: the proposed approach allows to solve of the admissibility of using examination of drug intoxication to bring a person to administrative responsibility, while the test, is not related to the jurisdictional activities of the police.

Keywords: medical examination for intoxication, combating drugs trafficking, measures on affairs about administrative offences, prevention of illegal drugs use.

Важнейшим элементом существующей в Российской Федерации системы противодействия незаконному потреблению наркотиков служит медицинское освидетельствование на состояние наркотического опьянения. Оно играет ключевую роль при производстве по делам об административных правонарушениях, связанных с немедицинским потреблением наркотических средств и психотропных

веществ, а также по делам об административных правонарушениях в сфере безопасности дорожного движения. Вместе с тем в научной литературе не получили достаточного освещения существенные особенности медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения, а ряд проблем, с которыми сталкиваются сотрудники полиции в процессе его применения, до настоящего времени не являлись предметом научных исследований.

Одним из таких нерешенных вопросов является вопрос о возможности использования результатов освидетельствования для привлечения лица к административной ответственности, в случаях, когда факт потребления наркотиков был выявлен в ходе освидетельствования гражданина при получении лицензии на приобретение оружия¹, в ходе обязательных медицинских осмотров при поступлении на военную службу по контракту², при обязательном предсменном медицинском осмотре работников железнодорожного транспорта³ или в ходе иного осмотра или тестирования, не связанного с административно-юрисдикционной деятельностью полиции. Представляется, что для ответа на данный вопрос необходимо уяснить содержание понятия медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения и его место в системе мер медицинского освидетельствования, установить общие черты, а также отличия от смежных юридических категорий: медицинских осмотров и медицинских тестирований на наличие метаболитов наркотических средств, которым могут подвергаться лица по собственному волеизъявлению или во исполнение правовых предписаний.

Распространенное мнение о том, что медицинское освидетельствование на состояние наркотического опьянения ограничивается мерами, применяемыми органами полиции в соответствии со ст. ст. 27.12 и 27.12.1 КоАП РФ, ст. 44 федерального закона от 08.01.1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», требует уточнения. В настоящее время предусмотрено более чем 20 видов правовых ситуаций, регламентированных различными отраслями права, когда по направлению властного субъекта или во исполнение правовых предписаний проводятся медицинские осмотры и исследования, имеющие цель установить факт наркотического опьянения или факт потребления лицом наркотических средств, психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ. Все такие виды воздействия предусматривают совокупность медицинских осмотров и медицинских исследований и обладают общими правовыми характеристиками: ограничение права человека на личную неприкосновенность, наличие негативных юридических последствий. Это позволяет в соответствии с определением, данным ст. 65 федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», относить каждый из указанных «освидетельствований», «осмотров» и «обследований» к понятию медицинского освидетельствования, и рассматривать их в качестве частных случаев медицинского освидетельствования, предназначенного для установления наркотического опьянения, потребления наркотических средств.

¹ Об оружии: федеральный закон от 13 дек. 1996 г. №150-ФЗ. Ст. 13.

² О воинской обязанности и военной службе: федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ. Ст. 5.1.

³ О железнодорожном транспорте в Российской Федерации: федеральный закон от 10 янв. 2003. № 17. Ст. 25.

Все случаи медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения в соответствии с целями, объектами правового регулирования и юридическими последствиями могут быть отнесены к пяти группам [3, с. 19]. Первая группа – медицинское освидетельствование, имеющее целью объективный и всесторонний учет всех обстоятельств уже совершенного дисциплинарного проступка, правонарушения. Данные виды освидетельствования возникли в процессе совершенствования процессуального законодательства. Такое освидетельствование имеет процессуальный характер назначения и оформления его результатов: медицинское освидетельствование, проводимое в порядке ст. 27.12.1 и 27.12 КоАП РФ; освидетельствование военнослужащего, проводимое в порядке обеспечения производства по материалам о дисциплинарном проступке¹; освидетельствование работника, проводимое для документирования нахождения его на работе в состоянии опьянения²; а также медицинское освидетельствование на состояние опьянения безработного, явившегося на перерегистрацию с признаками опьянения в орган службы занятости³, и ряд других. Факт нахождения в состоянии наркотического опьянения является квалифицирующим обстоятельством правонарушения, дисциплинарного проступка, а также обстоятельством, отягчающим административную ответственность. Установление этих обстоятельств и является целью медицинского освидетельствования [10, с. 81]. Мера возможной ответственности зависит от результатов освидетельствования, однако в большей степени она определяется тяжестью дисциплинарного проступка или правонарушения, в рамках разбирательства по которому лицо направлено на освидетельствование.

Вторая группа – медицинское освидетельствование для выявления систематического или разового потребления наркотических средств, психотропных веществ без назначения врача, проводится на основании ст. 44 федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах». Оно возникло в процессе совершенствования законодательства в области противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. Целью данного вида освидетельствования является фиксация имевшего место факта систематического или разового потребления наркотических средств, психотропных веществ. Юридическим последствием медицинского освидетельствования является установление факта нарушения лицом запрета на немедицинское потребление наркотических средств, в том числе с целью последующего привлечения к административной ответственности по ст. 6.9 или ч. 2, 3 ст. 20.20 КоАП. Другими декларируемыми последствиями данного вида медицинского освидетельствования являются: возможность постановки по результатам освидетельствования лица диагноза «наркомания»; внесение вещества в Реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ.

Третья группа – медицинский профилактический осмотр, проводимый для раннего выявления немедицинского потребления наркотических средств в соответствии

¹ Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации: указ Президента РФ от 10 нояб. 2007 г. № 1495.

² Трудовой кодекс Российской Федерации. Статьи 76, 81.

³ О занятости населения в Российской Федерации: закон РФ от 19 апр. 1991 г. № 1032-1. Статья 35.

со ст. 53.4 федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах». Его юридическими последствиями являются выявление факта потребления учащимся наркотических средств или психотропных веществ для последующей профилактики и лечения.

Четвертая группа – медицинское освидетельствование лиц, профессиональная деятельность которых связана с источником повышенной опасности. В данную группу входят все виды медицинского освидетельствования, имеющие целью выявление среди работников, чья профессиональная деятельность связана с источниками повышенной опасности, лиц, находящихся в состоянии опьянения или являющихся больными наркоманией. В развитие ст. 45 федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» значительное число нормативных актов, регламентирующих деятельность в ряде отраслей, а также в некоторых видах государственной службы, предусматривают проведение периодических (ежедневных, ежегодных) медицинских осмотров, включающих химикотоксикологические исследования. Юридические последствия медицинского освидетельствования: отстранение от работы, факт нахождения в состоянии опьянения учитывается при определении категории профессиональной пригодности к конкретной специальности, вынесение ведомственной врачебной комиссией медицинского заключения о негодности к работе, расторжение контракта.

Пятая группа – медицинское освидетельствование, проводимое при предоставлении лицам специальных прав: для получения патента иностранного гражданина на трудовую деятельность¹; для получения лицензии на приобретение оружия²; обязательное медицинское освидетельствование водителей транспортных средств (кандидатов в водители транспортных средств)³ и ряд других. Целью такого вида освидетельствования является исключение возможности использования лицом своего специального права во вред регулируемым общественным отношениям. Юридическим последствием медицинского освидетельствования является возможность приобретения (или лишения) специального права.

Первые две группы медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения активно применяются в административно-юрисдикционной деятельности органов полиции, их правовая природа характеризуется специфической связью с мерами административного принуждения. В отличие от большинства иных мер административного принуждения действия освидетельствуемого являются условно добровольными, это не то обременение, от которого нельзя освободиться «иначе, как выполнив соответствующие обязанности либо подчиняясь правовым ограничениям до их прекращения» [2, с. 36]. Условная добровольность медицинского освидетельствования связана с медицинским характером данной меры, затрагивающим конституционное право граждан на охрану здоровья, важнейшим механизмом защиты которого является

¹ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ. Статья 13.3.

² Об оружии: федеральный закон от 13 дек. 1996 № 150-ФЗ. Статья 13.

³ О безопасности дорожного движения: федеральный закон от 10 дек. 1995 г. № 196-ФЗ. Статья 23.

институт добровольного информированного согласия на медицинское вмешательство [4, с. 190].

Связь с принудительным воздействием на физическое лицо свидетельствует о необходимости рассмотрения медицинского освидетельствования с целью объективного и всестороннего учета всех обстоятельств уже совершенного дисциплинарного проступка или правонарушения (первый вид); медицинского освидетельствования, проводимого в соответствии со ст. 44 федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (второй вид), в качестве специальных мер административного принуждения, относящихся соответственно к мерам обеспечения (по делу об административном правонарушении, по разбирательству о дисциплинарном проступке) и мерам административного предупреждения [7, с. 29]. Профилактические медицинские осмотры, проводимые для раннего выявления немедицинского потребления наркотических средств (группа третья); виды медицинского освидетельствования лиц, профессиональная деятельность которых связана с источником повышенной опасности (группа четвертая) и медицинское освидетельствование, проводимое при предоставлении лицам специальных прав (группа пятая) не обладают признаками государственного принуждения и являются общеобязательными правовыми предписаниями, они адресованы неопределенному кругу лиц, полагаются на добровольное исполнение, не могут отождествляться с принуждением, их применение не связано с непосредственным воздействием на поведение субъекта.

Помимо целевой принадлежности и отношения к мерам государственного принуждения, важной характеристикой выступает функциональное предназначение медицинского освидетельствования. Каждый из видов освидетельствования предназначен либо на установление факта наркотического опьянения, либо на установление факта потребления наркотических средств, психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ. В первом случае юридическое значение имеет состояние наркотического опьянения, и хотя само понятие «опьянение» не раскрывается в административном законодательстве, по аналогии с уголовным правом можно выявить три юридических критерия, свидетельствующие о том, что субъект находится в состоянии опьянения: 1) материальный (медицинский, патофизиологический) – наличие нарушений нормального функционирования организма человека, касающихся прежде всего центральной нервной системы и психики; 2) формальный – установление факта приёма психоактивных веществ; 3) причинный – существование причинной связи между употреблением психоактивных веществ и нарушением физиологических функций организма. Для установления состояния опьянения необходимо выявить все эти признаки в совокупности [1, с. 71]. Ввиду этого наличие состояния наркотического опьянения может устанавливаться только на основе освидетельствования, проводимого специалистом-наркологом, включающего не только лабораторные исследования количеств в биологических образцах, но и набор функциональных тестов, позволяющих установить характерные для опьянения изменения поведения и психики человека. Во втором случае юридическое значение имеет факт потребления наркотических средств, психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ. Он может устанавливаться в первую очередь на основе медицин-

ского осмотра лица и лабораторных исследований биологических образцов безотносительно детектирования характерных для опьянения изменений поведения и психики человека.

Предложенная классификация видов медицинского освидетельствования для установления состояния наркотического опьянения, потребления наркотических средств свидетельствует о том, что содержание этого понятия выходит за рамки предусмотренного п. 1 ч. 2 ст. 65 федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического). В частности, речь идет о медицинском освидетельствовании, предусмотренном ст. 44 федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», а также о ряде других видов освидетельствования, не связанных с установлением опьянения. В связи с этим методологически целесообразно все случаи медицинского освидетельствования для установления состояния наркотического опьянения, потребления наркотических средств рассматривать как собирательную категорию, самостоятельный предмет научного исследования. Общее наименование такой категории целесообразно ограничить обозначением только одной из целей – «медицинское освидетельствование на состояние наркотического опьянения», не перечисляя, но подразумевая множество остальных целей такого освидетельствования (установление факта потребления наркотических средств; постановка лицу диагноза «наркомания»; включение вещества в Реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ; раннее выявление потребителей наркотических средств; определение годности к определенным видам профессиональной деятельности; предоставление возможности приобретения лицами специальных прав и др.).

В свете предложенной собирательной категории может быть определено понятие медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения, применяемого сотрудниками органами внутренних дел. Объем такого понятия более узкий, он очерчен границами применения должностными лицами органов внутренних дел государственного принуждения. Оно включает: а) медицинское освидетельствование сотрудника или работника органов внутренних дел, находящегося на рабочем месте в состоянии опьянения, проводимое в соответствии со ст. 76 и 81 Трудового кодекса РФ (в порядке применения мер обеспечения производства о дисциплинарном проступке по трудовому праву); б) медицинское освидетельствование граждан, применяемое в порядке мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении (ст. 27.12 и 27.12.1 КоАП РФ); в) медицинское освидетельствование граждан, применяемое в порядке мер административного предупреждения (ст. 44 федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»).

С учетом особого значения и распространенности в деятельности полиции медицинское освидетельствование, не связанное с применением мер обеспечения производства о дисциплинарном проступке, а направленное на противодействие административной деликтности, целесообразно рассматривать отдельно как «медицинское освидетельствование на состояние наркотического опьянения, применяемое сотруд-

никами полиции». Таким образом, медицинское освидетельствование на состояние наркотического опьянения, применяемое сотрудниками полиции, – это совокупность методов медицинского осмотра и медицинских исследований, имеющая задачи установления состояния наркотического опьянения или потребления наркотических средств и психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ, и в отдельных случаях – постановку диагнозов «синдром зависимости от наркотических средств и психотропных веществ», «пагубное потребление наркотических средств и психотропных веществ». Оно характеризуется принудительным порядком направления должностными лицами полиции в ходе противодействия административной деликтности, его результаты влекут наступление для лица юридически значимых последствий.

Приведенная классификация случаев медицинского освидетельствования позволяет рассмотреть вопрос о возможности использования результатов медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения для привлечения лица к административной или дисциплинарной ответственности (по административному праву), если освидетельствование проводилось для целей, не связанных с пресечением, предупреждением и документированием дисциплинарных проступков, правонарушений в сфере незаконного оборота наркотиков.

Во-первых, указанный вопрос (без рассмотрения аспектов, связанных с соблюдением врачебной тайны) необходимо решать с учетом того, что порядок отбора, хранения и транспортировки биологических образцов для химико-токсикологических исследований в большинстве случаев медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения соответствует требованиям приказа Минздравсоцразвития РФ от 27 января 2006 г. № 40 «Об организации проведения химико-токсикологических исследований при аналитической диагностике наличия в организме человека алкоголя, наркотических средств, психотропных и других токсических веществ», а в качестве акта, отражающего результаты исследования, используется учетная форма № 454/у-06 «Справка о результатах химико-токсикологических исследований», утвержденная данным приказом. Такой порядок отбора, хранения и транспортировки биологических образцов предусматривает подписи освидетельствуемого лица на пломбирующих наклейках, хранение контрольных образцов, что обеспечивает невозможность подмены или фальсификации содержимого. Исключение составляют случаи: а) освидетельствования лиц, допущенных к работе на речном или морском судне, а также лоцманов, проводимого в виде ежегодного медицинского осмотра, включающего в себя химико-токсикологические исследования наличия в организме человека наркотических средств, психотропных веществ и их метаболитов¹; б) медицинских обследований работников, обслуживающих объекты электроэнергетики²; в) профилактических медицинских осмотров сотрудников органов внутренних дел,

¹ Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации. Пункт 2 ст. 27, п. 3.1 ст. 28, ст. 41; Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации. Статьи 55 и 87.

² Об утверждении порядка проведения медицинских осмотров (обследований) работников, непосредственно занятых на работах, связанных с обслуживанием объектов электроэнергетики : приказ Минэнерго РФ от 31.08.2011 № 390.

включающих в себя химико-токсикологические исследования наличия в организме человека наркотических средств, психотропных веществ и их метаболитов¹; г) обследований военнослужащих и гражданского персонала ФСБ России на предмет употребления наркотических средств и психотропных веществ². В этих случаях непосредственные результаты химико-токсикологического исследования заведомо не могут служить основанием для привлечения лица к административной или дисциплинарной ответственности (по административному праву), поскольку порядок отбора, транспортировки и хранения образцов, а также порядок проведения исследования не гарантирует их достоверность.

Во-вторых, факт, что тот или иной вид медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения предусматривает в качестве акта учетную форму № 454/у-06 «Справка о результатах химико-токсикологических исследований», а порядок отбора, хранения и транспортировки биологических образцов для проведения химико-токсикологических исследований соответствует приказу Минздрава РФ от 27 января 2006 г. № 40, является обязательным, но не достаточным условием для вывода о возможности привлечения лица к административной (дисциплинарной) ответственности. В большинстве случаев препятствием для признания результатов освидетельствования доказательствами по разбирательству о дисциплинарном проступке или по делу об административном правонарушении служит невозможность обеспечения процессуальных прав лица в ходе их проведения, в том числе права лица на отказ от медицинского освидетельствования [9, с. 28]. Механизм реализации права освидетельствуемого лица на юридическую помощь, на участие понятых, права на отказ от медицинского освидетельствования, на судебное обжалование предусмотрен только видами освидетельствования, связанными с мерами государственного, в частности административного принуждения. Только в случае применения таких видов освидетельствования, имеющих процессуальный порядок, может быть поставлен вопрос о возможности реализации лицом своих процессуальных прав на защиту, а следовательно, о возможности привлечения к юридической ответственности. Важнейшим условием привлечения к ответственности являются юридические гарантии законности, которыми служат процессуальные формы обеспечения законности, устанавливаемые в процессуальном законодательстве [8, с. 18]. Наличие процессуального порядка позволяет выбрать принуждаемому соответствующее средство защиты от незаконных действий принуждающих лиц [5, с. 35].

Справка о результатах химико-токсикологических исследований по форме 454/у-06 далеко не во всех случаях может являться основанием для привлечения лица к административной ответственности за потребление наркотических средств. Именно акт медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического) по форме № 307/у-05, утвержденной приказом Минздрава России от 18.12.2015 № 933н, не только свидетельствует о наличии в

¹ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30 нояб. 2011 г. № 342-ФЗ. Пункт 16 ст. 12.

² Об организации обязательного обследования на предмет употребления наркотических средств и психотропных веществ: приказ ФСБ России от 16.06.2012 № 356.

биологическом объекте метаболитов наркотических средств (сведения об этом изложены в прилагаемой к акту справке о результатах химико-токсикологических исследований по форме 454/у-06), но и характеризует основания и процессуальный порядок, при котором результат был получен, несет в себе сведения о статусе лица. В частности, акт означает, что: а) лицо прибыло на освидетельствование по направлению законодательно установленных властных субъектов или на основании собственного волеизъявления (субъекты указываются в п. 2 акта медицинского освидетельствования); б) лицо было направлено при наличии предусмотренных оснований (субъекты указываются в пункте 2 акта); в) процедура освидетельствования проходила в установленном порядке (в соответствии с прил. № 1 к приказу Минздрава России от 18 декабря 2015 г. № 933н); г) отбор образцов, их хранение и транспортировка проходили в порядке, предоставляющем гарантии невозможности подмены или фальсификации образца (предусмотрен приказом Минздравсоцразвития России от 27 января 2006 г. № 40). Одна лишь справка о результатах химико-токсикологических исследований по форме 454/у-06 перечисленными характеристиками не обладает, и поэтому без информации о правовом статусе освидетельствуемого лица и об обеспечении его процессуальных прав признание ее в качестве основания для привлечения лица к дисциплинарной или административной ответственности не соответствует критериям законности.

Таким образом, признание акта медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения или справки о результатах химико-токсикологических исследований в качестве оснований для привлечения лица к административной или дисциплинарной ответственности (по административному праву) не будет соответствовать критериям законности, если медицинское освидетельствование проводилось во исполнение собственного желания лица или общеобязательных правовых предписаний (группы медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения 3–5).

Признание акта медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения или справки о результатах химико-токсикологических исследований в качестве основания для привлечения лица к административной или дисциплинарной ответственности (по административному праву) в случае госпитализации при отравлении или дорожно-транспортном происшествии возможно лишь при условии, если биологический материал будет собран и исследован уже при наличии соответствующего протокола (направления, постановления) должностных лиц на медицинское освидетельствование и состояние лица позволяет выразить свою волю.

Представляется, что данный подход согласуется с положениями ст. 26.11 КоАП РФ, согласно которым никакие доказательства не могут иметь заранее установленную силу. Он нацеливает на всестороннее, полное и объективное исследование всех обстоятельств дела в совокупности и соответствует принципам оценки доказательств, демонстрируемым судебной практикой по делам об обжаловании результатов медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения¹.

¹ См.: Решение Домодедовского городского суда от 03.11.2016 по делу № 2-3261/2016-М-2398/2016; решение Заозерского гарнизонного военного суда от 10.01.2018 по делу № 2А-1/110/2018; решение Тамбовского гарнизонного военного суда от 25.06.2018 по делу 2А-69/2018-М-58/2018 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения 11.12.2019).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гребеньков А.А. Уголовная ответственность лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения: монография / А.А. Гребеньков. – М.: Высшая школа, 2009. – 168 с.
2. Каплунов А.И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2005. – 498 с.
3. Кохан Р.Ю. О классификации видов медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения, административно-правовой аспект // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2016. – № 4. – С. 19–25.
4. Кохан Р.Ю. О соотношении институтов медицинского освидетельствования на состояние опьянения и информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сб. статей по материалам ежегодной всерос. науч.-практич. конф. (Сорокинские чтения) / под ред. Ю.Е. Аврутина, А.И. Каплунова. – СПб.: Санкт-Петербург. ун-т МВД, 2017. – С. 190–193.
5. Макарейко Н.В. Пределы государственного принуждения // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 1. – С. 35–39.
6. Макарейко Н.В. Особенности применения полицией административно-предупредительных мер // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 4. – С. 322.
7. Применение сотрудниками органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ отдельных мер административного принуждения: учебное пособие / под ред. Н.Н. Цуканова. – Красноярск : СибЮИ ФСКН России, 2015. – 204 с.
8. Стариков Ю.Н. От правильного понимания и уважения законности к ее верховенству // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2017. – № 3. – С. 18–40.
9. Цуканов Н.Н. Наркотическое опьянение: особенности административно-правового значения / Н.С. Железняк, Н.Н. Цуканов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2018. – № 3. – С. 28–32.
10. Цуканов Н.Н. Статья 44 федерального закона от 8 января 1998 г. № 3–ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» и статья 27.12.1 КоАП РФ: к вопросу о соотношении оснований направления на медицинское освидетельствование на состояние наркотического опьянения // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XX междунар. науч.-практич. конф. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2017. – С. 81–84.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Grebenkov A. A. Criminal liability of persons who have committed a crime in a state of intoxication: monograph / A. A. Grebenkov. – M.: Higher School, 2009. – 168 p.
2. Kaplunov A. I. Administrative coercion used by the police: thesis of Doctor of Law. / A. I. Kaplunov. – M., 2005. – 498 p.
3. Kohan R. Yu. On the classification of types of medical examination for drug intoxication: administrative and legal aspect // Bulletin of the Siberian Law Institute of Federal Drug Control Service of Russia. – 2016. – № 4. – P. 19–25.

4. Kohan R. Yu. On the ratio of institutes of medical examination for drug intoxication and informed voluntary consent to medical intervention // Actual problems of administrative and procedural law: the materials of the annual all-Russian scientific and practical conference (Sorokin Readings) / ed. by Yu. E. Avrutin, A. I. Kaplunov. – SPb.: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. – P. 190–193.

5. Makareyko N. V. Limits of state coercion // Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2014. – № 1. – P. 35–39.

6. Makareyko N. V. Features of application by police of administrative and preventive measures // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – № 4. – P. 322.

7. The use of administrative coercion by the police: leadership / ed. N. N. Tsukanov. – Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Federal Drug Control Service of Russia, 2015. – 204 p.

8. Starilov Yu. N. From the correct understanding and respect to the rule of law to its supremacy // Bulletin of the Voronezh state University. – 2017. – № 3. – P. 18–40.

9. Tsukanov N. N. Drug intoxication: peculiarities Administrative and legal significance / N. S. Zheleznyak, N. N. Tsukanov // Bulletin of the Siberian law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. – 2018. – № 3. – P. 28–32.

10. Tsukanov N. N. Article 44 of the Federal law "On narcotic drugs and psychotropic substances" and article 27.12.1 of the administrative Code of the Russian Federation: to the question of the ratio of the bases of the direction on medical examination // materials of the XX International scientific and practical conference. – Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – P. 81–84.

УДК 342.9

DOI 10.24411/2312-3184-2020-10023

Новичкова Елена Евгеньевна

доцент кафедры административного
права и административной деятельности
органов внутренних дел

Восточно-Сибирского института

МВД России

E-mail: Enovichkova2@mvd.ru

Novichkova Elena Evgenievna

associate Professor of Administrative Law
and Administrative Activities of Internal
Affairs Bodies Department

East -Siberian Institute of the Ministry of
Internal Affairs of Russia

E-mail: Enovichkova2@mvd.ru

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ МЕР В ОБЛАСТИ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Введение: оборот наркотических средств, психотропных веществ, а также новых потенциально опасных психоактивных веществ подлежит постоянному контролю со стороны государства. Снижение контроля влечет за собой серьезное негативное воздействие на здоровье человека, общества в целом. Система предупреждения и пресечения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, выстроенная на уровне государства, представляет собой совокупность средств и методов, позволяющих не допустить, либо своевременно пресекать факты распространения опасных веществ. Однако в ходе правоприменения возникают отдельные проблемы, на которые автор обращает внимание в статье. Акцент направлен на анализ отраслевого законодательства и судебную практику по делам об административных правонарушениях в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и новых потенциально опасных психоактивных веществ.

Материалы и методы: нормативной основой исследования являются: административное законодательство, нормативные акты, направленные на профилактику и пресечение правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Методологическую основу составляют методы анализа, описания.

Результаты исследования: автор проводит анализ последовательности процедуры привлечения лиц, в отношении которых имеются основания полагать, что они находятся в состоянии наркотического опьянения, выделяет проблемы, связанные с назначением отдельных видов административных наказаний, а также применением дополнительных мер, предусмотренных административно-деликтным законодательством и направленных на своевременное выявление и пресечение фактов незаконного оборота, потребления наркотических средств, психотропных веществ и новых потенциально опасных веществ.

Выводы и заключения: автор приходит к выводу о недостаточном правовом воздействии на лиц, связанных с незаконным оборотом наркотиков, необходимости наиболее эффективного нормативно-правового и исполнительского механизма профилактики и пресечения противоправных деяний в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и новых потенциально опасных веществ.

Ключевые слова: наркотические вещества, незаконный оборот наркотиков, административная ответственность, лечение от наркомании, медицинское освидетельствование.

ON THE EFFICIENCY OF ADMINISTRATIVE LEGAL MEASURES IN THE FIELD OF ILLEGAL TRAFFICKING OF DRUGS

Introduction: the turnover of narcotic drugs, psychotropic substances, as well as new, potentially dangerous psychoactive substances, is subject to constant monitoring by the state. Reduced control entails a serious negative impact on human health, society as a whole. The system for the prevention and suppression of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances, built at the state level, is a combination of means and methods to prevent or timely prevent the spread of dangerous substances. However, in the course of law enforcement, certain problems arise that the author draws attention to in the article. The emphasis is on the analysis of industry legislation and judicial practice in cases of administrative offenses in the field of illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances, as well as new potentially dangerous psychoactive substances.

Materials and methods: the normative basis of the study is: administrative legislation, normative acts aimed at the prevention and suppression of offenses in the field of illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors. The methodological basis consists of analysis methods, descriptions.

Results of the study: the author analyzes the sequence of the procedure for attracting persons in relation to whom there is reason to believe that they are intoxicated, identifies problems associated with the imposition of certain types of administrative punishments, as well as the application of additional measures provided for by administrative-tort legislation and aimed for the timely detection and suppression of the facts of illicit trafficking, the use of narcotic drugs, psychotropic substances, as well as potentially hazardous substances.

Summary and Conclusion: as a result, the author comes to the conclusion that there is an insufficient legal impact on persons associated with drug trafficking, the need for more effective regulatory and enforcement mechanism for the prevention and suppression of illegal acts in the field of drug trafficking, psychotropic substances, as well as new potentially hazardous substances.

Keywords: narcotic substances, drug trafficking, administrative responsibility, treatment for drug addiction, medical examination.

Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров создает реальную угрозу безопасности страны. «Совершенствуются» в негативном смысле этого слова виды наркотических средств, появляются новые, более опасные с точки зрения зависимости и последствий. Угроза со стороны незаконных действий наркоторговцев любого масштаба растет. Под воздействие наркотических веществ попадают люди различного возраста и социального статуса.

«Наркомания и незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ представляют большую опасность. Наркомания вовлекает в свой круг десятки и сотни тысяч человек», – утверждает С.В. Габеев [1, с. 24]. В связи с этим борьба с незаконным оборотом наркотических средств, выявление начальной стадии потребления психотропных веществ является важной составляющей обеспечения общественной безопасности. Задача по выявлению, пресечению и профилактике фактов незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ возложена в большей степени на органы внутренних дел (полицию). «Профилактика наркомании и незаконного оборота наркотиков – это международная, межгосударственная, межнациональная проблема, требующая принятия адекватных и эффективных мер с учетом национальных и региональных особенностей», – обобщает мнение ученых О.В. Радченко [2, с. 24].

В Российской Федерации на государственном уровне создана система противодействия незаконному обороту наркотиков, которая выражается в совокупности правовых и организационных мер правоохранительных органов, иных органов исполнительной власти, социальных служб, задачами которых также является противодействие нелегальному распространению наркотиков, потреблению их без назначения врача.

Законодательством Российской Федерации предусмотрена уголовная и административная ответственность за незаконные действия в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ, а также новых психоактивных веществ, однако отдельные меры не достигают положительного результата в силу своего юридического несовершенства и слабого механизма исполнения некоторых видов наказаний. Например, в настоящее время недостаточно доработана процедура привлечения к административной ответственности лиц, в отношении которых имеются основания полагать, что они потребляют наркотические средства без назначения врача. При наличии комплекса норм, направленных на своевременное выявление, документирование, принятие правового решения, а также применение дополнительных мер медицинского характера, очевидны недоработки и отсутствие должного юридического эффекта правовых норм.

Так, федеральным законом от 25.11.2013 № 313-ФЗ введена в действие ч. 2.1 ст. 4.1, в соответствии с которой «при назначении административного наказания за совершение административных правонарушений в области законодательства о наркотических средствах, психотропных веществах и об их прекурсорах лицу, признанному больным наркоманией либо потребляющему наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача, суд может возложить на такое лицо обязанность пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или)

медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача»¹, т. е. Кодексом РФ об административных правонарушениях закреплена возможность применения меры, не являющейся видом административного наказания в указанных случаях, которая может быть реализована только судом.

В каких же случаях возможно применение данной меры? Обратимся к главе 6 КоАП РФ, где содержатся нормы, предусматривающие ответственность за незаконный оборот наркотических средств и иных веществ, их потребление, негативно воздействующих на здоровье человека, а значит – общества, и ч. 2 ст. 20.20². Статьей 6.9 КоАП РФ закреплена ответственность за потребление наркотических веществ без назначения врача, а равно иных запрещенных к обороту веществ, а также ответственность за отказ от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Таким образом, в данной статье содержится два самостоятельных состава, но если доказать нахождение лица в состоянии наркотического опьянения можно путем проведения медицинского освидетельствования, то отказ от прохождения такового исключает факт опьянения лица. Следовательно, отказавшись от прохождения медицинского освидетельствования, лицо, в отношении которого есть основания полагать, что оно находится в таком состоянии, полностью лишает дело доказательной основы, фундамента, на котором строится решение по делу об административном правонарушении.

Обратившись к судебной практике, можно увидеть, что судьи при вынесении решения по делам, связанным с потреблением наркотических средств без назначения врача, вменяют в обязанность лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, прохождения диагностики и лечение от наркомании. Всего на территории Российской Федерации за 2019 г. пресечено административных правонарушений по ст. ст. 6.8, 6.9 и ч. 2. ст. 20.20 КоАП РФ – 136 197, из которых судами возложена обязанность прохождения диагностики, медицинского лечения и иных, предусмотренных ч. 2.1. ст. 4.1 КоАП РФ мер медицинского характера, в 51 517 случаях, что составляет 38 % от общего числа пресеченных правонарушений. Однако часто нарушитель уклоняется от исполнения данных решений суда, вследствие чего образуется состав административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ст. 6.9.1. КоАП РФ. Объективная сторона правонарушения выражается в уклонении от прохождения диагностики, профилактических мероприятий, лечения от наркомании и (или) медицинской и (или) социальной реабилитации в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ. За указанный период зарегистрировано 27 040 фактов пресечения административных

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 25.11.2013 № 313-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 48. Ст. 6161.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // Там же. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

правонарушений по ст. 6.9.1 КоАП РФ, т. е. 52,5 % от общего количества решений суда, предусматривающих такую обязанность.

Разбирая последовательность процессуальных действий должностных лиц, осуществляющих производство по делам об административных правонарушениях в области незаконного оборота наркотических средств, опираясь на судебную практику, можно отметить, что судами возлагается обязанность о прохождении диагностики и лечения от наркомании на лиц, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении по ст. 6.9 КоАП РФ даже в случаях, когда лицо отказывается от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Примечательно, что Постановление Правительства РФ от 28.05.2014 № 484 утверждает «порядок контроля за исполнением лицом, признанным больным наркоманией либо потребляющим наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо новые потенциально опасные психоактивные вещества, возложенной на него судьей при назначении административного наказания...»¹, т. е. законодатель заложил в акт норму, смыслом которой является полное убеждение в том, что лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, действительно потребляет наркотические средства, либо болен наркоманией. Однако при отказе от освидетельствования в материалах дела отсутствуют доказательства о потреблении наркотических средств указанным лицом, что не дает оснований полагать о потреблении наркотических средств, тем более о соответствующем заболевании. По нашему мнению, в подобных случаях возможно обязать лицо в судебном порядке пройти лишь диагностику в целях подтверждения либо исключения фактов потребления наркотических средств, психотропных веществ.

Как было отмечено выше, лица, в отношении которых принято решение о медицинском воздействии, направленные на профилактику и лечение наркозависимости, отказываются от медицинской помощи путем неприбытия в медицинскую организацию (постановление от 10 июля 2019 г. по делу № 5-139/2019, постановление от 28 июня 2019 г. по делу № 4А-395/2019 и т.п.), либо непосредственно от такового (решение от 14 января 2015 № 12-1/2015 12-154/2014). Контроль за исполнением решения суда в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 28.05.2014 № 484 возлагается на органы, «должностными лицами которых составляются протоколы об административных правонарушениях, ответственность за которые предусмотрена ст. 6.9.1 КоАП РФ», а значит на полицию.

При установлении фактов уклонения лиц, на которых судом возложена обязанность по прохождению лечения от наркомании, сотрудники полиции возбуждают дела об административных правонарушениях по ст. 6.9.1 КоАП РФ, которые подлежат рассмотрению судом, и санкция предусматривает наложение штрафа в размере от че-

¹ Об утверждении Правил контроля за исполнением лицом возложенной на него судьей при назначении административного наказания обязанности пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ: постановление Правительства РФ от 28.05.2014 г. № 484 // СЗ РФ. 2014. № 22. Ст. 2889.

тырех до пяти тысяч рублей, либо административный арест сроком до 30 суток. Акцентируя внимание на видах и размерах наказания по данной статье, хочется обратить внимание на тот факт, что в отношении лица уже был установлен факт потребления наркотических средств, психотропных веществ, а значит было принято решение об административном наказании, лицо было направлено для применения к нему мер медицинского характера, но уклонившись от прохождения обследования и лечения, оно за неисполнение решения суда получает в качестве наказания штраф либо арест, а судьи повторно направляют таких нарушителей в порядке ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ для прохождения медицинского лечения от наркомании (постановление от 17 июля 2017 г. по делу № 5-341/2017).

Вопросы возникают по поводу неоднократного привлечения к административной ответственности за уклонение от лечения от наркомании и иных мер медицинского воздействия, возложенных судом на нарушителей. Верховный суд РФ констатирует: «противоправное деяние, ответственность за которое предусмотрена ст. 6.9.1 КоАП РФ, может являться длящимся в зависимости от объективной стороны соответствующего деяния ...лицо, привлеченное к административной ответственности за уклонение от прохождения диагностики, профилактических мероприятий, лечения от наркомании и (или) медицинской и (или) социальной реабилитации в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, может быть привлечено к административной ответственности неоднократно в течение всего периода исполнения возложенной судом обязанности»¹. Следовательно, Верховный суд РФ, выдвигая в качестве довода тот факт, что правонарушение является длящимся, считает возможным неоднократное привлечение к административной ответственности за данное правонарушение, что противоречит требованиям Кодекса РФ об административных правонарушениях, где в части обстоятельств, исключающих производство по делу об административном правонарушении, имеется такое, как «наличие по одному и тому же факту совершения противоправных действий (бездействий)... постановления о привлечении к ответственности, постановления о прекращении производства по делу...» (п. 7 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ). По нашему мнению, подобный подход в трактовании норм административного законодательства направлен на решение общей проблемы, связанной с распространением наркотических средств и психотропных веществ, при этом наркозависимый человек вытесняется за рамки правового поля. Проводя аналогию с иными длящимися правонарушениями, а также практикой их применения (например, незаконное нахождение иностранных граждан на территории Российской Федерации, проживание граждан без паспорта, либо по недействительному паспорту), очевидны двойные стандарты в применении норм административно-деликтного законодательства.

Статистика по привлечению нарушителей к административной ответственности за потребление наркотических средств, психотропных веществ показывает, что за

¹ Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 1 (2016). URL: <http://www.consultant.ru>.

2019 г. на территории Российской Федерации из числа пресеченных правонарушений по ст. ст. 6.8, 6.9, ч. 2. 20.20 КоАП РФ (136 197) привлечено к административной ответственности и принято решение о наказании в виде административного штрафа – 62 147 (45,6 %) на сумму 255 523 тыс. руб.; в виде административного ареста – 38 187 (28 %), из общего числа которых на срок до 5 суток принято решений – 27 556 (72 %).

По ст. 6.9.1 пресечено 27 040 административных правонарушений, из них судом принято решений о наказаниях в виде административного штрафа в отношении – 11 334 (42 %) на сумму 47 483 тыс. руб., из которых взыскано 16 429 тыс. руб. (35 % от суммы наложенного); в виде административного ареста – 10 410 (39 %) из них – 6 368 решений об аресте до 5 суток (61 % от всех решений об аресте)¹. Учитывая, что санкция ст. 6.9.1 КоАП РФ предусматривает административный арест сроком до 30 суток, размер наказания, определяемого судом, не соответствует уровню общественной опасности, следовательно, не достигает своей цели, особенно принимая во внимание достаточную размытость показателя. Анализ решений суда об аресте до 5 суток показывает, что значительное количество решений принимается об аресте до 2 суток [3]. Причины такого подхода ясны: отсутствие условий содержания лиц, подвергнутых административному аресту, расходы, связанные с содержанием их, нагрузка на подразделения органов исполнительной власти в сфере внутренних дел РФ нуждается применять административные наказания формально.

Статистические показатели свидетельствуют о недостаточном правовом воздействии на лиц, потребляющих наркотические средства, о слабом реагировании судебных органов на государственную проблему наркотизации общества. Считаем применение такого вида наказания, как административный штраф к лицам, длительное время потребляющим наркотические средства, большим наркоманией, нецелесообразно. Правонарушители штраф не оплачивают, дальнейшее привлечение их к ответственности по ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ положительного эффекта не дает. Проблемы, связанные с взысканием административных штрафов, в том числе с лиц, подвергнутых административным наказаниям по статьям, связанным с незаконным оборотом наркотиков, раскрыты автором ранее [4].

Нецелесообразность применения отдельных видов наказания очевидна. Лица, осознанно и регулярно потребляющие наркотики, не имеют, как правило, постоянного дохода, у них отсутствует имущество, на которое возможно было бы возложить исполнение имущественных обязательств. Административный арест также не содействует исправлению наркомана и отказу от потребления наркотиков, а содержание его в специальных помещениях полиции создает дополнительные проблемы, связанные с состоянием его здоровья. Аналогичное мнение высказано Н.Н. Цукановым [5, с. 102] и Е.А. Соломатиной [6, с. 105]: «Административные наказания в виде административного штрафа или административного ареста служат эффективным средством влияния на мотивационную сферу наркомана лишь на начальных этапах наркопотребления... Наконец, сами судьи не связывают эффективность применения нормы с ужесточением применяемых административных наказаний».

¹ Статистические документы / ГУ МВД России по Иркутской области. ИСОД.

Статистика не отражает количество дел, производство по которым прекращено по различным основаниям. Подробный анализ оснований прекращения производства по делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков, а также иные вопросы производства по делам об административных правонарушениях в данной сфере рассматривает А.В. Жильцов. Однако, как отмечает автор, при вынесении постановлений по делам об административных правонарушениях по ч. 1 ст. 6.9 судьи, освобождая от административной ответственности лиц, в отношении которых ведется производство по делам об административных правонарушениях, «в резолютивной части постановлений возлагают на лиц обязанность пройти диагностику, лечение и т. д.» [7, с. 31]. А.В. Жильцов подвергает сомнению законность таких решений, опираясь на нормы права и жесткое ограничение последними усмотрения субъектов административной юрисдикции.

В результате можно сделать следующие выводы: административное законодательство содержит ряд мер, позволяющих оказывать правовое воздействие на сферу незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, а также новых потенциально опасных психоактивных веществ, но данные меры недостаточны и в некоторых случаях малоэффективны. Необходимо предусмотреть комплекс мер, посредством которых возможно наиболее эффективно бороться с негативными факторами, связанными с потреблением наркотиков.

Во-первых, статьи Кодекса РФ об административных правонарушениях, предусматривающие ответственность за противоправные действия в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, а также новых потенциально опасных психоактивных веществ, дополнить иными видами наказаний, например обязательными работами.

Во-вторых, при неоднократном (более двух раз) уклонении от прохождения диагностики, профилактических мероприятий, лечения от наркомании предусмотреть уголовную ответственность. А для лиц, признанных больными наркоманией, применение медицинских мер принудительного характера.

В-третьих, создавать условия для полного, своевременного исполнения всех видов наказаний, применяемых в сфере незаконного оборота наркотиков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Габеев С.В. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией: новая редакция и старые проблемы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2017. – № 1 (80). – С. 24–37.
2. Радченко О.В. Наркомания и противодействие наркопреступности на территории Иркутской области // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2011. – № 4 (59). – С. 24–32.
3. Новичкова Е.Е. Исполнение полицией постановлений об административном аресте // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2019. – № 1 (12). – С. 56–61.
4. Емельянов В.М., Новичкова Е.Е. Проблемы взаимодействия полиции и службы судебных приставов при взыскании административных штрафов // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2019. – № 1 (47). – С. 33–39.

5. Цуканов Н.Н. Статья 6.9. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях как средство противодействия незаконному наркопотреблению // Вестник Омской юридической академии. – 2017. – Т. 14. – № 4. – С. 99–104.

6. Соломатина Е.А. К вопросу об эффективности и целесообразности применения административных наказаний за потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача // Вестник экономической безопасности. – 2017. – № 2. – С. 104–107.

7. Жильцов А.В. О некоторых вопросах применения административной ответственности за потребление наркотических средств, психотропных веществ без назначения врача (по результатам анализа постановлений о прекращении производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных частью 1 статьи 6.9 КоАП РФ) // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2018. – № 1 (30). – С. 28–34.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Gabeev S.V. Postponement of serving a sentence by a drug addict: a new edition and old problems // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – №1 (80). – P. 24–37.

2. Radchenko OV Addiction and the fight against drug crime in the territory of the Irkutsk region // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2011 – № 4 (59). – P. 24–32.

3. Novichkova E.E. Execution by police of administrative arrest orders. Bulletin of the Tyumen Institute for Advanced Studies of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – № 1 (12). – P. 56–61.

4. Emelyanov V.M., Novichkova E.E. Problems of interaction between the police and the bailiff service in collecting administrative fines // Jurisprudence and law enforcement practice. – 2019. – № 1 (47). – P. 33–39.

5. Tsukanov N.N. Article 6.9. The Code of the Russian Federation on administrative offenses as a means of counteracting illegal drug use // Bulletin of the Omsk Law Academy. – 2017. V.14 – № 4. – P. 99–104.

6. Solomatina EA On the issue of the effectiveness and expediency of applying administrative penalties for the use of narcotic drugs or psychotropic substances without a doctor's prescription // Bulletin of economic security. – 2017 – № 2. – P 10 –107.

7. Zhiltsov A.V. On some issues of the application of administrative responsibility for the consumption of narcotic drugs, psychotropic substances without a doctor's prescription (based on the analysis of decisions on termination of administrative offenses cases provided for in paragraph 1 of Article 6.9 of the Administrative Code of the Russian Federation) // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – № 1 (30). – P. 28–34.

УДК 342.7

DOI 10.24411/2312-3184-2020-10024

Сазин Сергей Тихонович
профессор кафедры государственно-
правовых дисциплин Санкт-
Петербургской академии Следственного
комитета Российской Федерации
кандидат юридических наук

Sazin Sergey Tikhonovich
Professor, Department of State Law
Disciplines, St. Petersburg Academy
of the Investigative Committee
of the Russian Federation
Candidate of law

**ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
ГИМС МЧС РОССИИ ПРИ АТТЕСТАЦИИ СУДОВОДИТЕЛЕЙ
КАК ПРОФИЛАКТИКА ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ
И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА**

Введение: В статье на примере следственной практики рассмотрены вопросы деятельности подразделений ГИМС МЧС России при аттестации судоводителей на право управления маломерными судами.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, локальные нормативные акты, регламентирующие осуществление деятельности предприятий, учреждений и организаций, федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих деятельность в сфере водного транспорта, в связи с исполнением ими служебных обязанностей. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: приведены возможные пути совершенствования действующего законодательства, регламентирующего работу должностных лиц подразделений ГИМС МЧС России в указанной сфере, которые снизив коррупционную составляющую в их действиях, защитят конституционные права и свободы человека и гражданина при осуществлении перевозок водным транспортом.

Выводы и заключения: ключевым направлением данной статьи явилось законодательное ужесточение требований к получению судоводителями прав на управление маломерными судами, как источниками повышенной опасности, что исключит коррупционную составляющую в действиях должностных лиц и повысит безопасность выполнения перевозок, от которой зависит сохранность здоровья и жизни людей, а значит, защитит их конституционные права.

Ключевые слова: Следственный комитет Российской Федерации, Государственная инспекция по маломерным судам Министерства чрезвычайных ситуаций Российской Федерации, управление маломерными судами, изменение законодательства, ужесточение аттестации на право управления маломерным судном, снижение коррупционных факторов.

THE ISSUES OF IMPROVING THE ACTIVITIES OF DEPARTMENT GIMS EMERCOM OF RUSSIA FOR CERTIFICATION OF SKIPPERS OF PREVENTION FOR THE PROTECTION OF CONSTITUTIONAL RIGHTS AND FREEDOMS OF CITIZEN AND MAN

Introduction: in the article on the example of investigative practice the questions of activity of divisions of GIMS of EMERCOM of Russia at certification of skippers on the right of management of small vessels are considered.

Materials and methods: the normative basis of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, criminal and criminal procedural legislation, local normative acts regulating the activities of enterprises, institutions and organizations, Federal Executive authorities engaged in activities in the field of water transport, in connection with the performance of their official duties. The methodological basis of the study was the General dialectical method of scientific knowledge, which has a universal character, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description.

Results: the possible ways of improving the current legislation regulating the work of the persons of the units of the GIMS of the EMERCOM of Russia in this area, reducing the corruption component in their actions, and protect the constitutional rights and freedoms of man and citizen in the implementation of water transport.

Summary and conclusions: the key direction of this article was the legislative tightening of the requirements for obtaining the rights of boat masters to manage small vessels as sources of increased danger, which will eliminate the corruption component in the actions of officials and increase the safety of transportation, which affects the safety of health and life of people, and thus protect their constitutional rights.

Keywords: Investigative Committee of the Russian Federation, State inspection on small size vessels of the Ministry of emergency situations of the Russian Federation, management of small boats, changing legislation, tightening of certification for operators of small size vessel, the reduction of corruption factors.

Следственный комитет Российской Федерации в лице Северо-Западного следственного управления на транспорте (далее – следственное управление) во исполнение федерального закона от 08.12.2010 № 403–ФЗ «О Следственном комитете Рос-

сийской Федерации»¹ и п. 4.1 приказа Следственного комитета Российской Федерации от 15.01.2011 № 4 «Об установлении юрисдикции специализированных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации»² осуществляет рассмотрение сообщений о преступлениях и предварительное расследование по уголовным делам о преступлениях против безопасности движения и эксплуатации водного транспорта, совершенных работниками предприятий, учреждений и организаций, федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих деятельность в сфере водного транспорта в связи с исполнением ими служебных обязанностей.

Одним из объектов, за которым осуществляют контроль следственные управления на транспорте является Государственная инспекция по маломерным судам Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (далее – ГИМС МЧС России).

Данный орган был образован постановлением Совета министров РСФСР от 15 июня 1984 г. № 259 и до февраля 2004 г. последовательно находился в ведении Минжилкомхоза РСФСР, Минархстроя России, Минэкологии России, Минприроды России, Госкомэкологии России и МПР России). ГИМС МЧС России был создан для упорядочения пользования маломерными судами, обеспечения безопасности плавания судов, укрепления правопорядка, охраны окружающей среды [1, с. 100].

Профессиональная деятельность специалистов ГИМС МЧС России заключается в применении различных технических средств и специальной техники с полифакторным стрессовым воздействием и т. д. [2, с. 294].

Основными документами, регламентирующими работу ГИМС МЧС России являются: постановление Правительства Российской Федерации от 23.12.2004 № 835 «Об утверждении Положения о Государственной инспекции по маломерным судам Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий»³ (далее – Положение), постановление Правительства Российской Федерации от 06.03.2012 № 193 «О лицензировании отдельных видов деятельности на морском и внутреннем водном транспорте», постановление Правительства Российской Федерации от 09.06.2014 № 532 «Об уполномоченных органах РФ по осуществлению государственного контроля (надзора) за соблюдением требований технического регламента Таможенного союза

¹ О Следственном комитете Российской Федерации: федер. закон РФ от 28.12.2010 № 403-ФЗ (в ред. от 29.07.2017) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об установлении юрисдикции специализированных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации: приказ Следственного комитета Российской Федерации от 15.01.2011 № 4 // Там же.

³ Об утверждении Положения о Государственной инспекции по маломерным судам Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий: постановление Правительства Российской Федерации от 23.12.2004 № 835 // Там же.

“О безопасности маломерных судов”¹, распоряжение Правительства Российской Федерации от 19.12.2002 № 1800–р «Об утверждении перечня внутренних водных путей Российской Федерации»² и др.

Указанный орган осуществляет свою деятельность в отношении принадлежащих юридическим и физическим лицам: маломерных судов, используемых в некоммерческих целях; баз (сооружений) для стоянок маломерных судов и иных плавучих объектов (средств), пляжей и других мест массового отдыха на водоемах (далее – пляжи), переправ (кроме паромных переправ), на которых используются маломерные суда, ледовых переправ, а также наплавных мостов на внутренних водах, не включенных в Перечень внутренних водных путей Российской Федерации (п. 3 Положения).

Маломерное судно представляет собой судно, длина которого не должна превышать двадцать метров, общее количество людей на котором не должно превышать двенадцать. Экипаж маломерного судна может состоять из одного лица, осуществляющего судовождение, т. е. деятельность, связанную с управлением судном³.

Органом, который разрабатывает типовые программы обучения и осуществляет прием экзаменов по судовождению, правилам пользования и навыкам практического управления маломерными судами, водными мотоциклами (гидроциклами), аттестацию судоводителей и выдачу им удостоверений на право управления маломерным судном, в том числе временных разрешений на право управления маломерным судном является ГИМС МЧС России (п. 5 ч. 5 Положения).

Для получения права на управление маломерным судном необходимо в наделенных соответствующими полномочиями отделах безопасности людей на водных объектах ГИМС МЧС России пройти соответствующую аттестацию.

Порядок и сроки проведения аттестации урегулированы приказом МЧС России от 27.05.2014 № 262 «Об утверждении Правил аттестации на право управления маломерными судами, поднадзорными Государственной инспекции по маломерным судам Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» (далее – Правила аттестации)⁴.

¹ Об уполномоченных органах РФ по осуществлению государственного контроля (надзора) за соблюдением требований технического регламента Таможенного союза «О безопасности маломерных судов»: постановление Правительства Российской Федерации от 09.06.2014 № 532 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении перечня внутренних водных путей Российской Федерации: распоряжение Правительства Российской Федерации от 19.12.2002 № 1800-р // Там же.

³ Статьи 3 и 6 Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 07.03.2001 № 24-ФЗ.

⁴ Об утверждении Правил аттестации на право управления маломерными судами, поднадзорными Государственной инспекции по маломерным судам Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий: приказ МЧС России от 27.05.2014 № 262 // Там же.

Издание данного приказа обусловлено необходимостью оптимизации (повышения качества) предоставления государственной услуги по аттестации на право управления маломерными судами, поднадзорными ГИМС МЧС России, приведения Правил аттестации в соответствие с требованиями Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации и Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации, а также утверждения новой формы бланка удостоверения на право управления маломерными судами, коррелирующего с международными аналогами¹.

Аттестация проводится на основании проверки теоретических знаний заявителя по заявленному типу маломерного судна и району плавания, проверки навыков практического управления маломерным судном заявленного типа в заявленном районе плавания (ст. 3.1 Правил аттестации).

По результатам такой аттестации лицу выдается документ, удостоверяющий право его владельца управлять в указанном районе плавания маломерным судном, используемом в некоммерческих целях (удостоверение на право управления маломерным судном – п. 1.5 Правил аттестации).

Однако, как показывают наработанные с 2018 г. по настоящее время материалы следственной практики следственного управления и анализ действующего законодательства, принятие инспекторами ГИМС МЧС России у граждан экзаменов для последующей выдачи удостоверений на право управления маломерными судами дают инспекторам лазейку в нормативных актах и организационно-распорядительных документах, посвященных вопросам прохождения аттестации, для злоупотребления служебными полномочиями в части их выдачи.

Так, в июле 2019 г. сотрудниками следственного управления задержан один из руководителей отделения «Центр ГИМС МЧС России по Ленинградской области», получивший взятку от гражданина за незаконную выдачу удостоверения на право управления маломерным судном без проведения аттестации по проверке его теоретических знаний и практических навыков судовождения.

В настоящее время в отношении данного сотрудника расследуется уголовное дело по ч. 3 ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации² – получение должностным лицом взятки за незаконные действия (бездействие).

В ходе расследования дела изучено и проанализировано действующее законодательство, определяющее порядок и условия проведения аттестации судоводителей. В результате установлено, что существующую систему проведения аттестации необходимо ужесточить, что будет способствовать предупреждению аварийности маломерных судов, повысит уровень транспортной безопасности при использовании людьми с целью защиты их конституционных прав и свобод, которые в соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации являются высшей ценностью.

¹ Официальный сайт МЧС России. 2017. URL: <http://www.mchs.gov.ru> (дата обращения 28.03.2019).

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Так, следствием установлено, что должностное лицо ГИМС МЧС России выдало удостоверение на право управления маломерными судами, минуя предусмотренные законом процедуры аттестации, а именно проверку теоретических знаний и навыков практического управления маломерным судном, т. е. без фактического определения способности судоводителя безопасно управлять маломерными судами.

Указанным преступным действиям способствовали существующие Правила аттестации, которые позволяют должностным лицам ГИМС МЧС России от начала и до конца выполнять экзаменационный процесс самолично, без применения средств автоматизированного контроля. В частности, допускается проведение проверки теоретических знаний судоводителя лишь с использованием экзаменационных листов, которые зачастую по окончании экзамена уничтожаются (оценка ставится на усмотрение экзаменатора из числа сотрудников ГИМС), а также проведение проверки навыков практического управления маломерным судном без фиксации ее хода и результатов средствами объективного контроля.

Используя это в преступных целях, сотрудник ГИМС МЧС России беспрепятственно фальсифицировал факты проведения аттестации, оформляя недостоверные протоколы и отметки в личных карточках заявителей о якобы проведении и успешной сдаче ими теоретического и практического экзаменов, на основании которых судоводителям незаконно выдавались удостоверения.

При этом основным методом проверки теоретических знаний заявителя является метод программированного контроля с использованием компьютерных технологий (п. 5.3 Правил аттестации).

При невозможности подразделением ГИМС МЧС России установить программное обеспечение автоматизированной системы, используемой для проведения проверки теоретических знаний методом программированного контроля, проверка знаний проводится с использованием экзаменационных билетов (п. 5.5 Правил аттестации).

На практике ситуация сводится к тому, что по настоящее время во всех подразделениях ГИМС МЧС России на территории Российской Федерации отсутствует программированный контроль с использованием компьютерных технологий для проверки теоретических знаний судоводителей, поскольку до сих пор не разработано и не установлено соответствующее программное обеспечение автоматизированной системы.

Помимо этого, следует учитывать, что в отличие от условий получения права на управление транспортными средствами, установленных федеральным законом от 10.12.1995 № 96-ФЗ «О безопасности дорожного движения»¹, когда для получения данного права необходимо пройти соответствующее обучение, положения Правил аттестации предоставляют заявителю право выбора – готовиться для управления маломерным судном самостоятельно или получить подготовку в соответствующей организации. В этой связи предоставление документа об обучении для управления маломерным судном перед прохождением аттестации является необязательным.

¹ О безопасности дорожного движения: федеральный закон Российской Федерации от 10.12.1995 № 96-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Таким образом, лицо, не прошедшее обучение управлению маломерным судном, а также не подвергнутое проверке на предмет уровня теоретических знаний и практических навыков, заведомо предрасположено к совершению грубых ошибок, создает не только угрозу безопасности самого плавания, но и угрозу жизни и охраны здоровья людей, закрепленные в ст. 20 и ст. 41 Конституции Российской Федерации.

Примеры расследования аналогичных уголовных дел свидетельствуют не только о территориальной распространенности подобных фактов, но и о злоупотреблениях со стороны должностных лиц ГИМС МЧС России.

Например, в Ярославской области в суд направлено уголовное дело в отношении государственного инспектора по маломерным судам, который, являясь членом аттестационной комиссии, из корыстной заинтересованности неоднократно вносил в личные карточки судоводителей и аттестационные протоколы ложные отметки о якобы успешной сдаче экзамена по практическим навыкам управления моторными судами и гидроциклами, без их фактической проверки, на основании чего незаконно выдано 28 удостоверений на право управления маломерным судном.

За последние несколько лет в некоторых регионах (г. Санкт-Петербург, Ленинградская и Архангельская области) судами вынесены неединичные обвинительные приговоры в отношении государственных инспекторов по маломерным судам ГИМС МЧС России, которые за взятки незаконно осуществляли регистрационные действия без проведения технического освидетельствования маломерных судов (т. е. без их проверки на пригодность к эксплуатации) в нарушение Правил технического надзора за маломерными судами, утвержденных приказом МЧС России от 29.06.2005 № 501¹, и Административного регламента предоставления государственной услуги по освидетельствованию маломерных судов, утвержденного приказом МЧС России от 18.10.2012 № 608².

Описанные ситуации свидетельствуют о несоблюдении основной задачи, определенной п. 4 Положения об обеспечении сотрудниками ГИМС МЧС России в пределах своей компетенции безопасности людей на водных объектах.

Приведенные данные доказывают необходимость внесения изменений в действующее законодательство, что не только упорядочит и ужесточит процедуру прохождения аттестации лицами, желающими получить права на управление маломерным судном, но и будут носить превентивный характер, способствуя профилактике возможных транспортных катастроф и аварий на объектах водного транспорта, подразумевающих возможные серьезные последствия для человека.

Данные предложения разработаны следственным управлением и направлены в Следственный комитет Российской Федерации. Предложения включают следующее:

¹ Об утверждении Правил технического надзора за маломерными судами: приказ МЧС России от 29.06.2005 № 501 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Административный регламент предоставления государственной услуги по освидетельствованию маломерных судов: приказ МЧС России от 18.10.2012 № 608 // Там же.

- дополнить условия получения права на управление маломерным судном требованием об обязательном прохождении кандидатами соответствующего профессионального обучения в установленном порядке;

- отнести подготовку (обучение) судоводителей маломерных судов к категории «профессиональное обучение», которое в соответствии с положениями федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹ должно осуществляться профессиональными образовательными организациями и завершаться итоговой аттестацией в форме квалификационного экзамена;

- предусмотреть лицензионное требование при осуществлении указанной образовательной деятельности в части наличия согласованных с уполномоченным подразделением МЧС России программ подготовки (переподготовки) судоводителей, а также его заключения о соответствии учебно-материальной базы установленным требованиям;

- определить единственным (а не альтернативным) методом проверки теоретических знаний метод программированного контроля с использованием компьютерных технологий, который будет обеспечивать наиболее объективные результаты проверки путем обработки результатов экзамена с выставлением оценки судоводителю и их оформление без участия экзаменатора;

- установить требования об обязательном применении средств аудио- и видеорегистрации процесса проведения практических экзаменов, которые будут обеспечивать в режиме реального времени видеозапись судовой обстановки, видеозапись воздействий судоводителя на органы управления маломерным судном, видеозапись показаний контрольно-измерительных приборов, аудиозапись команд и заданий экзаменатора, а также сохранение аудио- и видеоинформации при проведении экзамена на электронный носитель.

Водный транспорт России всегда был и остается максимально востребованным и привлекательным для людей. Сегодня множество организаций предлагают отправиться в различные путешествия, совместив интересную экскурсию с приятным отдыхом на природе. Вместе с тем, как показывает практика и результаты рейдов, проводимых правоохранительными органами, не все судоводители знают и соблюдают требования водного законодательства Российской Федерации и законодательства Российской Федерации в области транспортной безопасности при осуществлении этих прогулок. Стабильно у судоводителей отсутствуют удостоверения на право управления маломерными судами, нарушается пассажироместимость, требования пожарной безопасности, требования к конструкции судна. Указанные обстоятельства приводят к аварийным ситуациям, травматизму и иногда гибели людей, которым оказываются услуги по перевозке.

ГИМС МЧС России является органом, осуществляющим государственную функцию по надзору за водными объектами, за использование маломерных судов, баз (объектов) для их стоянки и другими объектами (пляжи, паромы и плавающие мосты)

¹ Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3, с. 179]. Причинами недобросовестного отношения к выполняемой работе является не только высокая конкуренция на рынке, связанная с оказанием данных услуг, когда организации в целях наживы забывают о безопасности людей, но и халатное отношение со стороны как самих судоводителей, так и должностных лиц ГИМС МЧС России к исполнению своих обязанностей.

В связи с этим ключевым направлением данной статьи явилось законодательное ужесточение требований к получению судоводителями прав на управление маломерными судами, как источниками повышенной опасности, что исключит коррупционную составляющую в действиях должностных лиц и повысит безопасность выполнения перевозок, от которой зависит сохранность здоровья и жизни людей, а значит, защитит их конституционные права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Обоскалова П.Ю., Титовская Т.Г. Проблемные вопросы осуществления государственного надзора за безопасностью эксплуатации маломерных судов, поднадзорных государственной инспекции по маломерным судам МЧС России // Чрезвычайные ситуации: промышленная и экологическая безопасность. – 2016. – № 4 (28). – С. 100–107.
2. Тарасова А.А. Профессионально важные качества специалистов государственной инспекции по маломерным судам МЧС России // От истоков к современности: сб. трудов конф. 2015. – С. 294–297.
3. Лисовая Н.А. О деятельности государственной инспекции по маломерным судам Министерства по чрезвычайным ситуациям России // Право и правопорядок: приоритетные направления развития: сб. статей. 2019. – С. 179–186.
4. Хромова Н.М. О криминализации нарушений при пользовании маломерными судами на водных объектах // Законодательство и экономика. – 2016. – № 11. – С. 28–40.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Oboskalova P. Yu., Titovskaya T. G. Problematic issues of state supervision over the safety of operation of small-size vessels supervised by the state Inspectorate for small-size vessels of the EMERCOM of Russia // Emergency situations: industrial and environmental safety. – 2016. – № 4 (28). – P. 100–107.
2. Tarasova A. A. Professionally important qualities of specialists of the state Inspectorate for small vessels of the Ministry of emergency situations of Russia // From sources to the present: collection of conference proceedings. 2015. – P. 294–297.
3. Lisovaya N. A. on the activities of the state Inspectorate for small vessels of the Ministry of emergency situations of Russia // Law and order: priority areas of development: collection of articles. 2019. – P. 179–186.
4. Khromova N. M. on criminalization of violations in the use of small vessels on water objects // Legislation and Economics. – 2016. – № 11. – P. 28–40.

УДК 343.101
DOI 10.24411/2312-3184-2020-10025

Зайцева Ольга Анатольевна
заместитель Псковского транспортного
прокурора советник юстиции
E-mail: olga.zayceva@icloud.com

Zayceva Olga Anatol'evna
deputy of the Pskovskogo transport
public prosecutor
E-mail: olga.zayceva@icloud.com

ИЗУЧЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ УГОЛОВНОГО ДЕЛА КАК ОСНОВА ПОДГОТОВКИ ПРОКУРОРА К ПОДДЕРЖАНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ

Введение: статья посвящена одной из наиболее значимых составляющих поддержания государственного обвинения – подготовке прокурора к участию в судебном разбирательстве. Основное внимание автором уделено вопросам теоретического и прикладного характера, связанным с изучением прокурором материалов уголовного дела. Рассмотрены позиции ученых относительно подготовки прокурора к судебному разбирательству.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовно-процессуальное законодательство, локальные нормативные акты, регламентирующие вопросы участия прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства. Методологической основой исследования является общий диалектический метод познания. Использованы логический, системный, структурно-функциональный методы, а также методы анализа, описания, обобщения.

Результаты исследования: обоснована важность подготовки государственного обвинителя к поддержанию государственного обвинения для защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения.

Выводы и заключения: автор приходит к заключению, что эффективность поддержания государственного обвинения зависит от качества подготовки прокурора к судебному процессу, основу которой составляет изучение материалов уголовного дела. В связи с этим деятельность прокурора направлена на формирование внутреннего убеждения и поддержания обвинения в суде.

Ключевые слова: поддержание государственного обвинения, прокурор, уголовное дело, судебное разбирательство, анализ доказательств.

THE STUDY OF THE MATERIALS OF THE CRIMINAL CASE AS THE BASIS FOR THE PREPARATION OF THE PROSECUTOR TO SUPPORT THE PUBLIC PROSECUTION

Introduction: the article is devoted to one of the most important components of supporting the state prosecution - the preparation of the prosecutor for participation in the trial. The author focuses on theoretical and applied issues related to the prosecutor studying criminal case materials. The positions of scientists regarding the preparation of the prosecutor for the trial are examined.

Materials and methods: the normative basis of the research is formed by the Constitution of the Russian Federation, criminal procedure legislation, local regulatory acts governing the participation of prosecutors in the judicial stages of criminal proceedings. The methodological basis of the study is the general dialectical method of cognition. The logical, system, structural and functional methods are used, as well as methods of analysis, description, generalization.

Results of the study: the importance of preparing the public prosecutor to support the public prosecution for protecting the rights and legitimate interests of persons and organizations who have suffered from crimes, as well as protecting the individual from illegal and unjustified charges, is substantiated.

Conclusions and conclusions: the author concludes that the effectiveness of maintaining a public prosecution depends on the quality of preparation of the prosecutor for the trial, the basis of which is the study of the materials of the criminal case. In this regard, the activities of the prosecutor are aimed at creating internal conviction and maintaining the charges in court.

Keywords: support of public prosecution, prosecutor, criminal case, trial, analysis of evidence.

Одним из важнейших факторов, оказывающих влияние на эффективность поддержания государственного обвинения, является подготовка прокуроров к судебному рассмотрению уголовного дела, на необходимость которой неоднократно указывал Генеральный прокурор Российской Федерации. Ю.Я. Чайка. Так, в частности, п. 4 приказа Генерального прокурора РФ от 25.12.2012 № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» руководителям прокуратур предписано заблаговременно назначать государственных обвинителей, чтобы они имели реальную возможность подготовиться к судебному разбирательству.

На важность подготовки прокурора к участию в рассмотрении уголовного дела по существу также указывают некоторые исследователи, по мнению которых подготовка самым непосредственным образом влияет на эффективность поддержания государственного обвинения [1, с. 48; 2, с. 74; 3, с. 182]. Вместе с тем нельзя не отметить, что до настоящего времени в юридической литературе не сформировался единый об-

щепризнанный подход к сущности подготовки прокурора к поддержанию государственного обвинения.

Так, Ю.В. Корневский считает, что при подготовке к судебному разбирательству прокурор должен «сделать все то, что позволит получить наиболее полную и достоверную информацию»: определить основные задачи доказывания по уголовному делу; наметить план исследования доказательств; выбрать наиболее целесообразные следственные действия, пригодные для отыскания истины с последующим определением последовательности и тактики их производства [4, с. 25].

На наш взгляд, позиция автора нуждается в дополнении и конкретизации. Полагаем, что действия прокурора, совокупность которых, по мнению Ю.В. Корневского, образует подготовку к поддержанию государственного обвинения, требуют уточнения, так как автором не указано, что следует понимать под «основными задачами доказывания по уголовному делу»; почему не рассматриваются вопросы о тщательном планировании исследования доказательств (в зависимости не только от полноты доказательственной базы, но и качества доказательств, их непротиворечивости); каковы критерии выбора следственных действий, «наиболее целесообразных и пригодных для отыскания истины»; о какой конкретно информации идет речь и в чем заключается ее полнота и достоверность.

Полагаем, что за рамками подготовки к поддержанию государственного обвинения автор оставил изучение прокурором материалов уголовного дела. Вместе с тем игнорирование этого этапа подготовки может самым негативным образом сказаться не только на результатах перечисленных действий, но и собственно на эффективности государственного обвинения. Только хорошо подготовленный государственный обвинитель, тщательно изучивший материалы уголовного дела, сможет решить проблемы, возникающие в ходе рассмотрения уголовного дела (вне зависимости от складывающихся судебных ситуаций) и повлиять на ход и результат судебного следствия.

Небесспорно по рассматриваемому вопросу мнение А.В. Трикса, согласно которому в ситуации, когда характер дела и качество его расследования не предполагают трудностей при судебном рассмотрении, возможен минимальный объем подготовки прокурора к судебному разбирательству, включающий: 1) определение очередности исследования доказательств; 2) изучение (при необходимости) судебной практики по данной категории дел; 3) составление предварительного списка вопросов, которые обвинитель будет задавать участникам судопроизводства; 4) определение позиции по тем ходатайствам, которые, скорее всего, будут заявлены стороной защиты [5, с. 95].

Думается, позиция А.В. Трикса является необоснованной, поскольку автор не раскрывает, что следует понимать под «характером дела и качеством его расследования», а также под «трудностями при судебном рассмотрении», которые определяют объем подготовки к поддержанию государственного обвинения. Представляется, что А.В. Трикс весьма избирательно подошел к возможным вариантам такой подготовки, необоснованно ограничив ее лишь минимальным объемом. Между тем наибольший интерес с позиций теории и практики, по нашему мнению, представляют ситуации, требующие от прокурора более досконального подхода к подготовке к поддержанию

государственного обвинения. В этой связи возникает вопрос о том, какой еще (помимо минимального) может быть объем такой подготовки? Данный вопрос имеет принципиальное значение, так как указывая на необходимость изучения прокурором материалов уголовного дела (которое «не должно ограничиваться лишь чтением обвинительного заключения» [5, с. 95]), автор не уточняет: существует ли зависимость между тщательностью изучения указанных материалов и объемом подготовки к поддержанию государственного обвинения; когда можно ограничиться минимальным объемом такой подготовки и, как следствие, необходимо ли изучение прокурором материалов уголовного дела в полном объеме или допустим иной подход. Если да, то какой? Кроме того, было бы целесообразно уточнить возможный объем подготовки к поддержанию государственного обвинения, помимо минимального, а также, в чем он должен заключаться.

Таким образом, следует признать, что отсутствие ответов на поставленные вопросы не позволяет оценить позицию А.В. Трикса относительно содержательной стороны подготовки прокурора к поддержанию государственного обвинения.

Сформулированные выше вопросы также могут быть адресованы Е.А. Ошлыковой, включившей в подготовку к поддержанию государственного обвинения по делам о незаконном сбыте наркотических средств следующие этапы: изучение материалов уголовного дела и надзорного производства; изучение решений Европейского суда по правам человека, вынесенных в связи с разрешением им жалоб граждан России на действия сотрудников правоохранительных органов, осуществлявших процессуальную и оперативно-розыскную деятельность по уголовным делам в отношении заявителей, по которым они обвинялись в незаконных действиях с наркотическими средствами, а также решений Конституционного суда РФ и постановлений Пленума Верховного суда РФ; ознакомление с научно-методической литературой и судебной практикой по делам рассматриваемой категории [6, с. 172].

З.И. Пименова к тактическим вопросам подготовки к поддержанию государственного обвинения относит следующие: особенности анализа и оценки имеющейся информации; анализ ситуаций, которые могут сложиться на том или ином этапе уголовного преследования; особенности тактики принятия решений; особенности участия прокурора в производстве отдельных следственных действий [2, с. 29].

Полагаем, что позиция З.И. Пименовой нуждается в уточнении и существенном дополнении. В первую очередь не ясно, что следует понимать под понятием «тактические вопросы подготовки к поддержанию государственного обвинения», поскольку приведенные элементы по сути не раскрывают его содержание. На наш взгляд, применительно к указанной подготовке необходимо исследовать, в чем конкретно она заключается, каким образом должна быть организована; как установить полноту и качество доказательственной базы, выявить пробелы и недостатки предварительного расследования; путем применения каких методов научного познания определить возможность (невозможность) нивелирования указанных пробелов и недостатков, а, в конечном итоге, составить план поддержания государственного обвинения. Во-вторых, автор не уточнил, о какой информации, подлежащей анализу и оценке, он

упоминает, где она находится, в чем заключаются особенности ее анализа и оценки. В-третьих, вызывает недоумение, почему З.И. Пименова указывает на необходимость анализа «ситуаций, которые могут сложиться на том или ином этапе уголовного преследования». Полагаем, что применительно к поддержанию государственного обвинения рассматривать следовало лишь судебные ситуации, которые, как нам представляется, должны быть сначала спрогнозированы с последующим определением действий прокурора в каждой из них. При этом автор не уточнил, в чем суть упомянутого им анализа судебных ситуаций и какова его цель. В-четвертых, не понятно, о каких решениях упоминает автор, в чем заключается тактика их принятия, а также особенности этой тактики. В-пятых, указывая на «особенности участия прокурора в производстве отдельных следственных действий», автор упустил такие важнейшие составляющие деятельности прокурора при поддержании государственного обвинения, как исследование доказательств и участие в прениях сторон, которые, на наш взгляд, также целесообразно запланировать в ходе подготовки к судебному следствию.

Серьезные возражения вызывает точка зрения Н.В. Булановой, по ее мнению, проверка и оценка прокурором выявленных в ходе расследования фактических данных является важнейшей отличительной криминалистической особенностью деятельности при осуществлении надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. Указанная проверка и оценка, считает Н.В. Буланова, используется прокурором в целях: «формирования собственной позиции по уголовному делу и оценки законности, обоснованности, мотивированности принятых по делу процессуальных решений и произведенных процессуальных действий; выработки криминалистической тактики своей последующей деятельности по поддержанию государственного обвинения в суде» [7, с. 166].

Подобный способ изложения материала представляется не совсем удачным, ввиду этого не в полной мере ясны вопросы относительно того, что следует понимать: а) под фактическими данными, выявленными в ходе расследования, и в чем заключается их проверка и оценка; б) под криминалистической тактикой последующей деятельности прокурора в суде. Трудно также согласиться с тем, что целью упомянутой автором проверки и оценки является лишь «выработка криминалистической тактики последующей деятельности прокурора по поддержанию государственного обвинения в суде».

Полагаем, что автор необоснованно обошел вниманием то обстоятельство, что определение (разработка) тактики поддержания государственного обвинения базируется на результатах, полученных в ходе изучения прокурором материалов уголовного дела и их последующей оценке. Именно оценка этих результатов, как отмечалось выше, позволит прокурору выявить все «плюсы и минусы» предварительного расследования, определить возможные пути не только нивелирования следственных ошибок, но также тактически грамотного использования достоверных и непротиворечивых доказательств при поддержании государственного обвинения.

Подводя итог анализу приведенных выше позиций, на первый взгляд значительно отличающихся друг от друга, полагаем, что их объединяет не только отмечае-

мая всеми авторами важность подготовки, самым непосредственным образом влияющая на качество и результативность поддержания государственного обвинения, но и ее нечеткая и несколько непоследовательная трактовка. Вследствие этого подготовка прокурора к судебному разбирательству, во-первых, не рассматривается как система действий, включающая несколько взаимосвязанных и взаимообусловленных этапов, во-вторых, в подавляющем большинстве случаев игнорируется ее сущность, а указываются лишь результаты качественно проведенной подготовки, т. е. те обстоятельства, которые окажут прокурору помощь при поддержании государственного обвинения (определение очередности исследования доказательств; составление предварительного списка вопросов участникам судопроизводства; определение позиции по ходатайствам, которые, вероятно, будут заявлены стороной защиты; особенности отдельных следственных действий и др.).

На наш взгляд, основу подготовки прокурора к судебному разбирательству составляет работа с материалами уголовного дела, которая, по мнению А.В. Трикса, не должна «ограничиваться лишь чтением обвинительного заключения» [5, с. 95]. Безусловно, чтение обвинительного заключения, как и материалов уголовного дела ни при каких условиях не позволит оценить качество и достаточность доказательственной базы, наличие в ней пробелов, надлежащим образом представить доказательства обвинения, участвовать в их исследовании, изложить суду свое мнение по существу обвинения, а также по другим вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства. Представляется сомнительным качество подготовки прокурора к поддержанию государственного обвинения и, как следствие, осуществление уголовного преследования на надлежащем уровне в результате подобного «чтения».

В этой связи неприемлемым, на наш взгляд, является следующий вопрос – что же представляет собой работа прокурора с материалами уголовного дела? Вследствие этого согласимся с Н.А. Даниловой и Т.Г. Николаевой, отмечающих ярко выраженный исследовательский характер деятельности прокурора, осуществляемой в порядке, предусмотренном ст. ст. 221, 226 и 226.8 УПК РФ [8]. Однако, думается, что суждение авторов нуждается в корректировке и дополнении. Наша позиция основывается на том, что исследование представляет собой один из видов познавательной деятельности, которая направлена на получение новых знаний (увеличение объема имеющейся информации), в том числе полученных в результате познавательной деятельности других субъектов. Исходя из этого, полагаем, что деятельность прокурора в уголовном судопроизводстве в целом, и при подготовке к поддержанию государственного обвинения в частности, имеет познавательную направленность. Применительно к рассматриваемому виду деятельности прокурора субъектом познания является государственный обвинитель, объектом познания – материалы уголовного дела, т. е. то, на что направлено познание, а результатом познания – получение практических знаний необходимых для осуществления государственным обвинителем своей профессиональной деятельности.

Таким образом, деятельность прокурора при подготовке к поддержанию государственного обвинения направлена на познание процесса и результатов познава-

тельной деятельности следователя (дознателя), отраженных в определенном порядке систематизированных процессуальных и иных документах, предметах, которые имеют отношение к расследованию конкретного преступления (материалов уголовного дела). Сопоставляя позицию лица, проводившего расследование, и позицию прокурора, изложенную в обвинительном заключении, с собственными выводами по делу, обвинитель формирует внутреннее убеждение, перспективную модель предстоящего поддержания обвинения в суде [9].

Целью осуществляемого государственным обвинителем познания является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения. Достижение этой цели требует решения ряда задач, наиболее существенными из которых являются следующие:

- оценка качества предварительного расследования конкретного преступления с точки зрения соблюдения уполномоченными законом лицами норм Уголовно-процессуального кодекса РФ и оперативно-розыскного законодательства, точной правовой оценки общественно опасного деяния, доказанности обстоятельств, сформулированных в ст. 73 УПК РФ, их доброкачественности и достаточности;

- определение наличия (отсутствия) возможности устранения выявленных пробелов доказательственной базы, следственных ошибок и упущений, допущенных в ходе предварительного расследования;

- оценка уголовно-процессуальных решений следователя, дознателя (принятых в ходе расследования конкретного преступления, а также итогового решения стадии предварительного расследования);

- прогнозирование судебных ситуаций, которые могут сложиться в ходе предварительного слушания и судебного следствия, а также разработка тактики действий государственного обвинителя в каждой из них;

- разработка плана участия в предварительном слушании и судебном следствии.

Исходя из характера сформулированных выше задач, можно выделить два основных этапа подготовки к поддержанию государственного обвинения: изучение и последующая оценка материалов уголовного дела; планирование участия в предварительном слушании и в рассмотрении уголовного дела по существу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Корсаков К.А. Криминалистические и процессуальные проблемы подготовки прокурора к судебному разбирательству уголовных дел: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2000. – 215 с.

2. Пименова З.И. Криминалистические аспекты участия государственного обвинителя в рассмотрении дел об убийствах по найму. – М.: Былина, 2005. – 128 с.

3. Кисленко И.Л., Кисленко С.Л. Криминалистические основы поддержания государственного обвинения. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 328 с.

4. Корневский Ю.В. Государственное обвинение в условиях судебной реформы. – М.: НИИ, 1994. – 85 с.

5. Трикс А.В. Справочник прокурора. – СПб.: Питер, 2007. – 237 с.
6. Ошлыкова Е.А. Методика расследования незаконного сбыта наркотических средств и поддержания государственного обвинения по делам данной категории: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013. – 243 с.
7. Буланова Н.В. Прокурор в досудебных стадиях уголовного судопроизводства Российской Федерации. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 504 с.
8. Данилова Н.А., Николаева Т.Г. Исследовательская деятельность прокурора в уголовном досудебном производстве // Криминалистъ. – 2018. – № 4. – С. 23–29.
9. Кисленко С.Л. Методология формирования государственным обвинителем предварительной позиции по делу // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2019. – № 3. – С. 182–188.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Korsakov K.A. Forensic and procedural problems of the preparation of the prosecutor for the trial of criminal cases: dis. ... cand. legal sciences. – SPb., 2000. – 215 p.
2. Pimenova Z.I. Forensic aspects of the involvement of the public prosecutor in hired killings. – М.: Bylina, 2005. – 128 p;
3. Kislenco I.L., Kislenco S.L. Forensic principles of maintaining state prosecution. – М.: Yurlitinform, 2013. – 328 p.
4. Korenevsky Yu.V. State prosecution in terms of judicial reform. – М.: Research Institute, 1994. – 85 p.
5. Trix A.V. Handbook of the prosecutor. – SPb.: – Piter, 2007. – 237 p.
6. Oshlykova EA Methods of investigating the illegal sale of narcotic drugs and maintaining state charges in this category of cases: dis. ... cand. legal sciences. – М., 2013. – 243 p.
7. Bulanova N.V. The prosecutor in the pre-trial stages of the criminal proceedings of the Russian Federation. – М.: Yurlitinform, 2015. – 504 p.
8. Danilova N.A., Nikolaeva T.G. The research activity of the prosecutor in criminal pre-trial proceedings // Criminalist. – 2018. – No. 4. – P. 23–29.
9. Kislenco S.L. The methodology of the formation by the public prosecutor of a preliminary position in the case // Bulletin of the Saratov State Law Academy. – 2019. – No. 3. – P. 182–188.

Информация для авторов

1. Журнал является научным периодическим изданием, выходит ежеквартально.
2. Все публикуемые материалы проходят научную экспертизу.
3. Журнал имеет раздел на официальном сайте Восточно-Сибирского института МВД России (далее — Институт) в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащем его полнотекстовую версию.
4. Общее руководство, определение политики формирования и издания научно-практического журнала осуществляет редакционный совет.
5. Регламентацию требований к представляемым материалам и условиям их опубликования в журнале, а также решение иных вопросов выхода издания в свет осуществляет редакционная коллегия.
6. Научный материал (статья, обзор, рецензия, отзыв и иное) должен быть оригинальным, ранее не опубликованным в предоставленной редакционной коллегии в других печатных и (или) электронных изданиях.
7. Научный материал должен сопровождаться необходимым инструментарием: ссылками на законодательство, актами официального толкования права, материалами правоприменительной практики, научной литературой, статистическими, информационно-аналитическими и иными данными, подтверждающими их научную обоснованность.
8. Для опубликования научных материалов в журнале необходимо представить в адрес редакционной коллегии надлежащим образом оформленные: рукопись научного материала (статьи, обзора, рецензии, отзыва и иное); заявку на опубликование; лицензионный договор; к статье адъюнкта, аспиранта должен быть приложен отзыв научного руководителя, рекомендующего данную статью к опубликованию. Подпись должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующей организации.
9. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) должны быть предоставлены в редакционную коллегию не позднее двух месяцев до опубликования очередного выпуска журнала.
10. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) предоставляются по электронной почте либо почтовой связью с приложением электронного варианта научного материала, рецензии и заявки на опубликование.
11. Ответственность за достоверность цифр, фактов, цитат и иной информации, приводимой в научном материале, возлагается на автора.
12. Автор научного материала заключает с Институтом лицензионный договор, по которому на безвозмездной основе предоставляет права на использование научного материала.
13. Требования к оформлению научного материала, заявки на опубликование и рецензии помещаются в каждом выпуске издания в разделе журнала и на официальном сайте Института в сети «Интернет».
14. Все публикуемые в журнале научные материалы подлежат внутреннему рецензированию.
15. Рецензии хранятся в редакции издательства в течение пяти лет.

16. При поступлении научного материала, заявки на опубликование, лицензионного договора, а также отзыва научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), редакционная коллегия определяет их соответствие предъявляемым требованиям и организует рецензирование научного материала.

17. В целях проведения экспертной оценки поступивших материалов определяется рецензент из состава редакционной коллегии и (или) редакционного совета, исходя из направления научной работы.

18. Члены редакционного совета и (или) редакционной коллегии осуществляют рецензирование представленного научного материала.

19. Заседание редакционного совета и редакционной коллегии журнала проводятся в соответствии с локальным правовым актом института (положением).

20. При определении рецензентов учитываются их научная квалификация, опыт проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, направления научной работы, количество публикаций по теме полученного научного материала за три года.

21. При подготовке рецензии на научную статью адъюнкта, аспиранта учитывается оценка научного материала, содержащаяся в прилагаемом отзыве научного руководителя.

22. Рецензия даёт всестороннюю и объективную оценку научному материалу и включает элементы описания рецензируемого труда.

23. В рецензии указываются место работы, должность, учёная степень, учёное звание, фамилия и инициалы рецензента. Рецензия распечатывается, подписывается, заверяется печатью и передаётся рецензентом для учёта и хранения (в течение пяти лет).

24. По результатам рецензирования принимается одно из следующих решений: об опубликовании научного материала в журнале; о направлении научного материала автору на доработку; об отклонении.

25. Принятое решение, копия рецензии доводится до сведения автора по электронной почте или факсимильной связью.

26. В случае принятия решения о направлении научного материала автору на доработку, к доработанному автором научному материалу предъявляются общие требования. На повторно направляемый автором для опубликования в журнале доработанный научный материал заново оформляется заявка на опубликование, рецензирование поступающих материалов осуществляется в установленном порядке.

27. При поступлении соответствующего запроса из Министерства образования и науки Российской Федерации направляются копии рецензий.

Требования, предъявляемые к материалам

Для опубликования научных статей, сообщений, обзоров, рецензий и иных материалов в журнале необходимо представить надлежащим образом оформленные материалы, заявку, отзыв научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), справку автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, а также подписанный автором лицензионный договор.

Заявка на опубликование представляется в распечатанном и электронном виде. Лицензионный договор представляется в распечатанном виде. Бланк договора размещён на сайте издания. Договор предусматривает безвозмездную передачу неис-

ключительных прав на произведение. Лицензионный договор является типовым, собственноручно заполняется и подписывается автором.

Требования к оформлению статей

Минимальный объем — 7 страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

Максимальный объем — 15 страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

1. Требования к оформлению печатного текста

Формат файла: doc.

Шрифт: Times New Roman (Сур).

Размер шрифта: 13 кегль.

Междустрочный интервал: 1.

Поля: все по 2 см.

Абзацный отступ: первая строка (отступ 1,25 мм).

Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «Пробел». Выравнивание устанавливать «По ширине». Сноски (если есть) — концевые, нумерация сквозная.

Фотографии, рисунки представлять отдельными файлами в формате jpg (без сжатия) в чёрно-белом или цветном изображении, с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

Графики, схемы, таблицы, диаграммы и другие графические иллюстрации не представлять как сканированное изображение (т. к. изображение уже невозможно отредактировать).

Список используемой литературы оформляется как «Библиографические ссылки». Ссылки на источники приводятся по тексту в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника в списке литературы и страниц, на которые ссылается автор (*например, [2, с. 46]*).

Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1—2003 или ГОСТ Р 7.0.5—2008 (обязательно с указанием издающей организации (издательства) и полным количеством страниц).

НАСТОЯТЕЛЬНО РЕКОМЕНДУЕМ ИСПОЛЬЗОВАТЬ: SNOSKA.INFO — онлайн-ресурс, с помощью которого можно быстро оформить основные типы источников. В тексте ссылки нумеруются в квадратных скобках, номер указывает на источник в списке литературы.

В конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

2. Обязательные реквизиты

В начале статьи, перед ее названием, автор должен указать: УДК, свою фамилию, имя, отчество, место работы, должность, учёное звание, учёную степень, контактные телефоны, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, института и т. п.), по которому с автором можно связаться).

Аннотацию (не менее 500 знаков, включая пробелы), ключевые слова (пять-семь основных слов статьи без расшифровки понятий, через запятую, характеризую-

щих проблематику статьи). Аннотация должна содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы и заключения (при этом данные разделы не должны дублировать слово в слово текст разделов научной статьи). Образец оформления статьи размещен на сайте журнала в сети Интернет: www.vestnikesiirk.ru

Фамилия, имя, отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, аннотация в научной статье приводится на русском и английском языках.

3. Требование к указанию научной отрасли

В статье должна быть указана научная специальность (специальности), которой соответствует тематика статьи. Научная специальность определяется в соответствии с утверждённым приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 23 октября 2017 г. № 1027 Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

4. Требования к отзывам на научную статью адъюнктов, аспирантов

В отзыве должны получить отражение следующие аспекты работы: актуальность и оригинальность статьи, теоретическая цельность и практическая значимость статьи, использование материалов, опубликованных по теме статьи, степень структурированности материала статьи, полнота и правильность прилагаемого списка использованной литературы, ясность и понятность стиля изложения текста статьи для читателя, наличие ошибок и технических погрешностей, соответствие выбранной методологии исследования поставленным целям работы, обоснованность выводов, представленных в статье. Отзыв не является рецензией на статью, а лишь помогает рецензенту всецело оценить научный материал.

5. Требование к соблюдению режима секретности

Журнал является открытым источником для опубликования научных материалов. Требования к соблюдению режима секретности регламентированы действующим законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России

К представленному научному материалу должна прилагаться **справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати**, заверенная личной подписью.

6. Порядок направления рукописей и издания журнала

Статья представляется в адрес института в виде принтерной распечатки с приложением электронной версии (на CD), соответствующей бумажному варианту.

При этом рукопись статьи должна быть пронумерована и подписана лично автором.

Рукопись, ее электронная копия, отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов), справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, может быть направлена по электронной почте в адрес: **esiirk-vestnik@mvd.gov.ru**. При этом оригиналы направленных по электронной почте документов должны быть предоставлены не позднее двух недель со дня направления их по электронной почте.

Гонорары за публикацию статей не выплачиваются. Электронные версии выпусков журнала размещаются в открытом доступе на странице сайта www.esiirk.mvd.ru.

ВЕСТНИК
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА
МВД РОССИИ

Научно-практический журнал
№ 1 (92) 2020

Редактор: Л.В. Югова
Технический редактор: Л.Е. Ким
Редактор-переводчик: С.С. Голубева
Дизайн обложки: М.А. Полянская

НИиРИО ФГКОУ ВО ВСИ МВД России,
ул. Лермонтова, 110